ИСТОРИЯ ПРОТЕСТАНТИЗМА

4

ШЕСТНАДЦАТОГО ВЕКА

Copyright © 2024. Издательская Компания «Свет мира».

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами без письменного разрешения автора, за исключением кратких цитат, воплощенных в критических статьях и обзорах. Пожалуйста, передайте все соответствующие вопросы издателю.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена или передана в любой форме или любыми средствами, электронными или механическими, включая фотокопирование, запись, или с помощью системы хранения и поиска информации - за исключением рецензента, который может цитировать краткие отрывки в обзоре, который будет напечатан в журнале или газете - без разрешения издателя в письменной форме.

ISBN: 277-2-85933-777-9

Каталог данных

Редактирование : Издательская Компания «Свет мира».

Воспроизведено в: Турин, Италия.

Опубликовано:

Light of the World Publications Company Ltd

P.O. Box 144, Piazza Statuto, Turin, Italy

Издательская Компания «Свет мира».

П.О. Box 144, Площадь Статуто, Турин, Италия

"Lux Lucet in Tenebris"

Свет сияет во Тьме

Light of the World Publication Company Limited

Свет Мира

P.O. Box 144 Piazza Statuto, Turin, Italy

Email: newnessoflife70@gmail.com

ИСТОРИЯ

ПРОТЕСТАНТИЗМ

ШЕСТНАДЦАТЫЙ ВЕК

ЧЕТВЕРТЫЙ ТОМ

EDINBURGH:

PUBLISHED BY OLIVER & BOYD

Эта страница была умышленно оставлена пустой.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данного издания позже было переиздано свет Мира издательская компания лимитед...Книга проливает свет на актуальные вопросы, отражающиеся в нестихающих спорах и многочисленных моральных дилеммах. Повествование и иллюстрации специально подобраны и представлены для ознакомления читателя с событиями, имеющими отношение к исторической, научной, философской, образовательной, религиозно-политической, социально-экономической, правовой и духовной аспектам. Кроме того прослеживаются ясные и неоспоримые закономерности и взаимосвязи, в которых можно усмотреть сплетение, взаимодействие и пересечение противоположных, однако гармоничных школ мысли.

Долгий путь обуздания, конфликтов и компромисов на земле подготовил почву для возникновения новой эры. Горячие вопросы сопутствуют пришествию приближающейся новой эры, сопровождаемой суперструктурами, системами правления, основанными на правах режимами и идеалами свободы и счастья. Отражающая периоды иллюзий, стратегических подавлений и задач нового миропорядка, эта электронная книга соединяет точки между современными реалиями, духовными таинствами и пророческими откровениями. Она прослеживает хронологический путь от упадка нации к мировому господству, от разрушения старой системы к становлению новой, кратко освещая любовь, человеческую природу, а также сверхчеловеческое вмешательство.

Снова и снова знаменательные события формировали жизненный путь и историю, предвосхищая будущее. Живя во времена волнений и неопределенности, будущее с трудом поддавалось осмыслению. Благодаря этой книге читателю раскрывается панорамное видение прошлого и будущего, выдвигая на первый план критические моменты времени, которые открылись в исполнении пророчеств.

Несмотря на рождение в неутешительных условиях и страдания от суровых испытаний, группа людей в твердой решимости и сохраняя добродетель, исповедывали свою веру, оставляя неизгладимый след. Их вклад сформировал современность и проложил путь к чудесной кульминации и грядущим переменам. Поэтому эта литература служит как вдохновлением, так и практическим пособием для проникновенного и глубокого понимания скрытого за завесой социальных вопросов, религии и политики. Каждая глава повествует о состоянии как общества, так и отдельного индивида, пребывающего во тьме, готового к острым конфликтам и побужденного зловещими и тайными замыслами и скрытыми мотивами. Здесь они бесстыдно выставлены на всеобщее обозрение. Однако, не смотря на это, каждая страница также излучает сверкающие лучи мужества, избавления и надежды.

В конце концов, наше горячее желание - заставить каждого читателя испытать и начать любить, а также принять правду. В мире, пропитанном ложью, двусмысленностью и манипуляциями, истина навечно останется квинтэссенционным стремлением души. Истина рождает жизнь, красоту, мудрость и благодать, приводя к возрожденной цели, энергии и искренней и личностной трансформации в будущее и жизни.

Оглавление

Книга девятая. История протестантизма от сейма в Вормсе в 1521 году до Аугсбургского исповедания в 1530 году. 4
Глава 1 - Новый Завет на немецком языке. 5
Глава 2 - Отмена мессы. 13
Глава 3 - Папа Адриан и его план реформы. 20
Глава 4 - Папа Климент и Нюрнберский сейм. 27
Глава 5 - Нюрнберг. 32
Глава 6 - Ратисбонская лига и реформация. 42
Глава 7 - Взгляды Лютера на Евхаристию и поклонение изображениям. 47
Глава 8 - Крестьянская война. 55
Глава 9 - Сражение при Павии и его влияние на протестантизм. 63
Глава 10 - Сейм в Шпейере в 1526 году и Лига против императора. 69
Глава 11 - Разграбление Рима. 75
Глава 12 - Создание лютеранской церкви. 81
Глава 13 - Устав Гессенской церкви. 87
Глава 14 - Политика и предзнаменования. 95
Глава 15 - Великий протест. 100
Глава 16 - Конференция в Марбурге. 107
Глава 17 - Марбургское вероисповедание. 118
Глава 18 - Император, турки и реформация. 122
Глава 19 - Встреча императора с папой в Болонье. 131
Глава 20 - Подготовка в Аугсбурскому сейму. 139
Глава 21 - Приезд императора в Аугсбург и открытие сейма. 146
Глава 22 - Лютер в Кобурге и Меланхтон на сейме. 153
Глава 23 - Чтение Аугсбургского исповедания. 158
Глава 24 - После сейма в Аугсбурге. 169
Глава 25 - Попытка опровержения Исповедания. 176
Глава 26 - Окончание Аугсбургского сейма. 184
Глава 27 - Взгляд назад – 1517 – 1530 – движение вперед. 189
Книга десятая. Возникновение и установление протестантизма в Швеции и Дании. 197
Глава 1 - Цвингли, его учение о Вечере Господней. 198
Глава 2 - Диспут в Бадене и его результаты 203

Глава 3 - Восстание анабаптистов в Швейцарии и его подавление. 208
Глава 4 - Установление протестантизма в Берне. 212
Глава 6 - Завершилась реформация в Базеле 219
Глава 6 - Союз пяти кантонов с Австрией – Швейцария разделилась. 225
Глава 7 - Оружие – переговоры – мир 231
Глава 8 - Предложение создать христианскую республику для защиты 235
Глава 9 - Собирается вторая буря 239
Глава 10 - Смерть Цвингли 243

Ольга Крубер-Федорова

Джеймс Уайли История протестантизма

Книга девятая. История протестантизма от сейма в Вормсе в 1521 году до Аугсбургского исповедания в 1530 году.

Глава 1 - Новый Завет на немецком языке.

Народ безмолвствовал. – Бог собирался говорить. – Политические осложнения – Правда среди бури – Лютер в Вартбурге – Уроки научили его. – Сулейман – Турки и реформация – Лев X умирает. – Адриан Утрехский – Что католики думают о новом Папе. – Реформы Адриана – Бездействие Лютера – Начинает перевод Нового Завета. – Красота перевода – Второе откровение – Призраки

История реформации в Германии еще раз требует нашего рассмотрения. Грандиозный выход человеческой души из рабства, который в значительной степени характеризовал шестнадцатый век, мы уже прослеживали в триумфальном марше от кельи августинского монаха до трона Карла V, от дверей замковой церкви в Виттенберге до великолепного зала в Вормсе со многими властями и правителями Западной Европы.

Это – один из самых напряженных моментов, так как он оставил нас на пороге новой великой драмы. Позиция, занятая обеими сторонами, не имела хода назад; и становилось неизбежным столкновение, в котором должна была погибнуть одна из сторон. Новые силы света и свободы, говоря устами избранного борца, сказали: «На этом стоим и не можем повернуть назад». Старые силы суеверий и деспотизма через своих представителей, Папу и императора высказали подобное решение: «Вы не пройдете».

Пришел час, и нельзя отложить решительную битву, которая должна определить, что ждет мир, свобода или рабство. Списки составлены, воины заняли свои места, сигнал дан; еще мгновение и мы услышим звуки ужасных ударов, эхом отдающиеся на поле сражения, где бойцы сошлись в смертельной схватке. Но вместо битвы внезапная глубокая тишина опустилась на место действия, и воины с обеих сторон стояли неподвижно. Тот, Кто наблюдает за солнцем, отдал приказание приостановить борьбу. Словно «облако» встало между двумя войсками, чтобы они не могли сойтись.

Но для чего эта остановка? Если бы битва началась в тот момент, то победа, учитывая человеческие возможности, была бы за старыми силами. Сторонники новой силы тогда не были готовы продолжать войну. Они были значительно меньше по численности. Однако основным недостатком было не это, а нехватка оружия. Оружие другой стороны было всегда наготове. Они опирались на меч, который уже был вынут из ножен. Оружием других был духовный меч, Слово Божие. И этот меч надо было подготовить, нужно было перевести Библию; при полном вооружении солдаты реформации смогут идти в бой, способные вынести все лишения этой кампании, и с победой выйти из «великой борьбы скорбей», которую они были призваны вести.

Если тогда, сильный голос, звучавший в Германии, который слышали короли, курфюрсты, герцоги, прелаты, города и университеты, и эхо которого

расходилось по дальним странам, молчал, то это для того, чтобы был слышан более сильный голос. Люди должны были подготовиться к слушанию этого голоса. Все более слабые звуки должны были утихнуть. После того, как люди проговорили, в этом молчании Бог Сам должен был проговорить из Своего Слова.

Давайте взглянем на политическую ситуацию в мире. Это был век великих монархов. Владыкой Испании и многих других королевств, как в Старом, так и в Новом Свете, а теперь и обладателем императорской короны, был неразговорчивый, честолюбивый, скучный и коварный Карл V. Франциск I, самый изысканный, благородный и воинственный рыцарь того времени, правил Францией. Своенравный, решительный и жестокий Генрих VIII владел скипетром Англии, и попеременно наносил удары то римской церкви, то реформации, в зависимости от того, что правило им – остроумие или политика. Мудрый Фридрих был правителем Саксонии, своей добродетельной жизнью завоевал прочную славу себе и заложил основание прочной власти для своего дома. Изящный, потакавший своим похотям и скептический Лев X возглавлял обряды римской церкви. Азия признавала скипетр Сулеймана Великого. Его орды часто нависали над границами христианского мира подобно тучам, заряженным молнией. Когда в делах реформации наступал кризис, короли, послушные римскому престолу, соединяли шпаги для такого решительного удара, чтобы не надо было ударять во второй раз. Турки, подчиняясь Тому, Кого они не знали, сразу же появлялись на восточных границах Европы и так угрожающе, что шпаги, обнаженные против бедных протестантов, поворачивались в другую сторону. Турки были громоотводом. Так Христос прикрывал Свое небольшое стадо исламским щитом.

В распоряжении этих правителей были огромные материальные ресурсы. Они управляли народами и армиями христианского мира. Именно среди этих политических амбиций Великий Распорядитель хотел, чтобы выросло тонкое деревце реформации. Удивительно, что в такой ситуации оно могло существовать даже один день. Истина укоренилась и зацвела, можно сказать, в разгар урагана. Как это было? В чем была ее защита? Страсти, которые бушевали вокруг нее подобно бурям, были ей защитой. Враги были вынуждены сдерживать и противодействовать друг другу. Их яростные удары попадали не по истине, против которой были направлены и которую хотели уничтожить, а по самим себе. Армия выступала против армии, монарх падал перед монархом, страшная буря из одного места встречалась с бурей из другого места, и, таким образом, интриги и атаки королей и государственных деятелей служили оплотом для истины, которую хотели расшатать и уничтожить сильные мира сего. Рука великого гонителя Карла V поднялась, чтобы уничтожить церковь, а она нашла убежище под сенью турка Сулеймана. Как очевидна рука Божия! Как чудесно Его провидение!

Лютер никогда не носил шпаги в своей жизни, кроме того случая, когда он играл роль рыцаря Георга в Вартбурге, и, однако, у него не было недостатка в защитниках, когда он был в опасности. Он был отпущен с сейма в Вормсе, когда два сильных меча были занесены над его головой – папское отлучение и императорский запрет. Одного из них было достаточно, но как ему удалось избежать гибели при двух обнаженных мечах? И среди армии врагов, когда они наступали на него со всех сторон и готовы были проглотить его, он вдруг оказался невидимым; он прошел сквозь них и незаметно вошел в двери своего убежища.

Это было его второе заключение. Оно было не менее важно для подготовки к великой работе, чем первое. В своей келье в Эрфурте он обнаружил основание, на котором грешник должен стоять. В заключении Ватрбурга ему было показано основание, на котором должна стоять церковь – Библия.

Здесь Лютеру были даны и другие уроки. Работа, предназначенная для него, требовала сильного, пылкого и бесстрашного характера, и именно таким характером он был наделен. Как он отличался от осторожного, терпеливого и осмотрительного Цвингли! Реформатор Цюриха никогда не делал шага, не подготовив пути, наставив людей и заручившись их пониманием и симпатиями к предложенным им переменам. Реформатор Виттенберга, с другой стороны, не только игнорировал сильных, но временами не считался и со слабыми, из-за недостатка симпатии и снисхождения к их слабостям. Он считал, что другие должны понимать дело также ясно, как понимал он. Поразительный успех, который до сих пор сопутствовал ему, – Папа не обращал на него внимания, император воевал, народы собирались вокруг него – формировал такие сильные качества в ущерб более тонким, но более действенным качествам, без которых нельзя было добиться успеха в той работе, которой он занимался. Слуга Господа не должен вступать в конфликт. Его речь должна очищать, как роса. Это – свет, который нужен миру. Этот вынужденный перерыв был больше полезен реформатору и всему движению, чем самый напряженный и успешный год труда, на который был способен богато одаренный Лютер. Он должен был сейчас изучать свое сердце и отличать, что было результатом страстей, а что от Духа Божьего. И прежде всего, он был приведен к Библии. Его познания в богословии расширились и созрели. Его природа освятилась и обогатилась, и, когда его горячность уменьшилась, то в той же пропорции увеличилась его сила. Изучение Слова Божьего открыло ему то, что он был склонен упустить в спорах, существовала система взглядов, которую надо было построить, и система взглядов, которую надо было разрушить, и эта работа была важнее.

Императорский меч был не единственной опасностью, от которой защищал его Вартбург. Победа в Вормсе вознесла его на вершину, где он стоял на виду всего христианского мира. У него могла закружиться голова, и он мог упасть в бездну, увлекая за собой всю дело. Поэтому он неожиданно погрузился в

молчание, где не мог слышать аплодисментов мира, где он был наедине с Богом, где он не мог не чувствовать свою ничтожность перед лицом Вечного Величия.

Пока Лютер исчез из вида в Вартбурге, рассмотрим, что происходит в мире. Все его процессы вращались вокруг одного центрального процесса, а именно протестантизма. Как только Лютер вошел в ворота Вартбурга, политическое небо затянулось облаками, тучи шли со всех сторон. Сначала Сулейман, «чьи тринадцать сражений вселили ужас в народы Германии», неожиданно вторгся в Европу. Он захватил много городов и замков, взял Белград, оплот Венгрии, расположенный на слиянии Дуная и Савы. Государства империи, охваченные ужасом, срочно собрались в Нюрнберге, чтобы принять меры по защите христианского мира и остановке победного марша чудовищного захватчика. Князьям предстояла большая работа. Исполнение приказа императора против Лютера нужно было отложить, пока они не найдут средства заставить Сулеймана с его ордами вернуться в свою страну. Они уже были готовы обнажить шпаги над головой Лютера, когда несколько сот тысяч турецких ятаганов были занесены над их головами.

В то время как одна опасность угрожала с востока, другая появилась на юге. Из Испании пришли новости, что в отсутствие императора разразился мятеж. Карл V, оставив Лютера в покое на некоторое время, был вынужден отправиться домой морем, чтобы уладить разногласия, раздиравшие его наследные владения. Он оставил Германию немало раздраженным, найдя князей непослушными его воле и ограничивавшими его в выполнении императорской прерогативы.

Дела еще более запутались из-за войны, начавшейся между Калом V и Франциском I. Первый театр военных действий был в Пиренеях, но потом кампания переместилась в Италию, и так как армия Папы была на стороне императора, французы потеряли герцогства Пармы, Пьяченцы и Милана, которыми они владели шесть лет; несчастье довершилось тем, что их выгнали из Ломбардии. А теперь пришло время огорчения для Папы! Велика была его радость, когда выгнали французов. Его армия победила, Парма и Пьяченцы были возвращены церковному государству. Хорошие новости застали его в загородной резиденции в Мальяне. Они сообщали об императорском указе против Лютера, что повергло его в неописуемый восторг. Тучи, которые нависали над его домом, казалось, рассеивались. «Он расхаживал взад и вперед между окном и горящим камином до глубокой ночи, был ноябрь месяц». Он видел, как народ праздновал победу. Он поспешил в Рим, и приехал туда, прежде чем торжества закончились. Как только он переступил порог дворца, как почувствовал недомогание. Он чувствовал руку смерти над собой. Обратившись к своим служителям, он сказал: «Молитесь обо мне, чтобы я вас всех осчастливил». Болезнь так быстро прогрессировала, что он умер без причастия. Час победы вдруг превратился в час смерти, и крики радости сменились похоронным звоном и траурными факелами.

Лев царствовал в роскоши, а умер в долгах, и был похоронен с явным презрением. «Римляне – пишет Ранке – никогда не простили ему того, что он умер без причастия. Они провожали покойника до могилы с оскорблениями и попреками. Они восклицали: «Ты вкрался как лиса, как лев правил нами, и как собака умер».

Племянник покойного Папы, кардинал Джулио де Медичи, стремился стать преемником своего дяди. Но более сильный род, чем Медичи, предъявлял права на обладание тиары. Монархи Испании были более действенной движущей силой в европейских делах, чем богатый купец Флоренции. Конклав заседал долго, и Джулио Медичи, отчаявшись в своем избрании, сделал благородный жест и предложил кардинала из Тортозы, учителя Карла, в понтифики. Названное лицо было незнакомо кардиналам. Он был родом из Утрехта. Он был абсолютно не честолюбивым, пожилым и аскетическим. Избегая любых возможностей проявить себя, он полностью сосредоточился на выполнении церковных обязанностей, и лишь легкая улыбка была признаком его хорошего настроения. Таков был человек, которого кардиналы под воздействием неожиданного и таинственного побуждения или под влиянием императорской руки, возвели на папский престол. Он был во всех отношениях прямой противоположностью величественному Льву.

Адриан VI, так как под таким именем он начал править, был простого происхождения, но обладал талантами и был примерного поведения. Он начал карьеру профессором в Лёвене. Затем он стал учителем Карла V, и благодаря ему и своим собственным заслугам, он стал кардиналом Тортозы. Он был в Испании по делам императора, когда услышал новость о своем избрании. Кардиналы, уже встревожившись о содеянном, надеялись, что скромный человек откажется от блестящего звания. Они были разочарованы. Адриан, выехав в Рим со своим старым экономом, поселился в роскошных апартаментах, неожиданно освобожденных Львом. Он смотрел с безразличием, даже с неприязнью на старинные шедевры, великолепные картины и роскошные статуи, которыми Лев со своим утонченным вкусом и безграничной расточительностью украсил Ватикан. «Лаокоон» был уже там, но Адриан отвернулся от этой чудесной группы, которую некоторые называли шедевром резца скульптора, и холодно заметил: «Это языческие идолы». Из всех необычных вещей огромного музея папского дворца Адриан VI был самым необычным для римлян. Они не знали, что им делать с новым господином, которого дали им кардиналы. Его приезд (в августе 1522 г.) был подобен сошествию облака на Рим, это было похоже на затмение солнца. Увеселениям и зрелищам Вечного Города пришел неожиданный конец. На смену песням и маскарадам пришли молитвы и четки. Он будет нашей гибелью, говорили римляне о новом Папе.

Смиренный, благочестивый и искренний Адриан стремился реставрировать, а не низложить папство. Его предшественник думал уничтожить движение Лютера

с помощью меча, голландец считал, что он нашел лучший путь. Он предложил задавить одну реформацию другой. Он начал с ошеломляющего признания: «Вероятно, Папа может ошибаться в вопросах веры, оправдывая ереси своими взглядами и декреталиями». Это признание, которое должно было стать отправным пунктом умеренной реформы, является более неудобным в наши дни, чем когда оно впервые было сделано. Мир с тех пор получил «Энциклику» Пия IX и «Закон о непогрешимости» 18 июля 1870 года, которые учат прямо противоположной доктрине, что Папа не может ошибаться в вопросах веры и нравственности. Если Адриан говорил правду, то Папа может ошибаться; если он говорил неправду, то это в равной степени значило, что Папа может ошибаться; и что тогда делать с законом Ватиканского собора 1870 года, который заглядывая назад и вперед, заявляет о том, что Папа не может ошибаться?

Адриан хотел реформировать суд римской церкви, как и всю систему папства. Он начал очищать город от некоторых пользовавшихся дурной славой сословий, искореняя пороки и наполняя его добродетелями. Увы! Вскоре он понял, что оставит в Риме всего несколько человек кроме себя. Его реформы не имели успеха, о чем свидетельствует результат. Когда он коснулся злоупотреблений, все, кто был заинтересован в их сохранении, а их был легион, поднялись с оружием на их защиту. Когда он хотел вынуть только один камень, все здание начинало шататься. Спасли бы эти реформы Германию, трудно сказать, но одно точно, они ослабили Италию. Адриан, вздыхая о трудностях, окружавших его со всех сторон, должен был признать, что средний путь оказался непрактичным, и что его единственный выбор лежал между реформой Лютера с одной стороны и политикой Карла V с другой. Он бросился в объятья Карла.

Необходимо снова обратить наше внимание на Вартбург. Пока турки гремят на восточной границе христианского мира, Карл и Франциск сражаются друг с другом в Италии, а Адриан пробует ввести невозможные реформы, Лютер напряженно работает в уединении. Его первые дни прошли в удивительном покое; расположившись на бастионе замка, он вспоминал бурю, от которой он убежал, смотрел на тихие лесные поляны и возделанные долины, простиравшиеся под ним. Постепенно он занемог и стал беспокойным, вероятно, из-за внезапного перехода от бурной деятельности к полному бездействию. Он осуждал себя за праздность. Посмотрим, что Лютер называл праздностью. «Я опубликовал – пишет он 1 ноября – небольшую книгу Катарсис Антихриста, трактат на немецком языке об исповеди, комментарий на немецком языке на 67 псалом и утешение церкви Виттенберга. Кроме того, у меня в печати находится комментарий на немецком язке к посланиям и Евангелию на этот год; я только что отослал общественное порицание епископу Майнца об идоле индульгенций, которого он опять поднял в Галле; и закончил комментарий на евангельскую притчу о десяти прокаженных. Все эти сочинения на немецком языке». Такова была праздность, в которой он жил. Из воздушного пространства, из края птиц, с

горы, с острова Патмос, так он писал в письмах, реформатор видел все, что происходило в мире под ним. Он рассылал со своей горы по всей отчизне послания, комментарии, трактаты, советы и замечания. Доказательством того, что он осознавал потребность того времени, является то, что почти все книги в Вартбурге он писал по-немецки.

Но постепенно в своем уединении Лютер приступил к более важной работе. Существовала одна Книга, Книга книг, необходимая на этом этапе движения, и Лютер хотел, чтобы эту Книгу его соотечественники имели на родном языке. Он начал переводить Новый Завет с греческого на немецкий язык. Кроме других огромных трудов, он выполнял эту задачу с почти нечеловеческой энергией, и закончил ее до выхода из Вартбурга. В 1477, 1490 и 1518 годах делались попытки перевести Библию с Вульгаты, но перевод был такой непонятный, печать никудышная, а цена такая высокая, что мало кто приобретал эти переводы. Среди волнений Виттенберга Лютер не мог выполнять эту работу, а здесь он мог. Он также намеревался перевести Ветхий Завет с иврита, но задача была выше его сил. Он ждал сведущего помощника, и как он был благодарен, что в тот день, когда для него открылись ворота Вартбурга, перевод Нового Завета был закончен.

Но этот труд требовал редактирования, и после того как Лютер вернулся в Виттенберг, он просмотрел его стих за стихом вместе с Меланхтоном. К 21 сентября 1522 года был отпечатан весь Новый Завет на немецком языке, и его можно было купить недорого за полтора флорината. Теперь предстояла более сложная задача по переводу Ветхого Завета. Не пренебрегали ни одним источником информации, чтобы сделать по возможности совершенный перевод. Несколько лет прошло, прежде чем вышло на немецком языке полное издание Священного Писания. Труды Лютера, связанные с Писанием, не закончились на этом. До конца своих дней он постоянно занимался корректированием и улучшением перевода. Для этого он организовал синод или синедрион из образованных людей, состоявший из Иоганна Бугенхагена, Юстуса Йонаса, Меланхтона, Круцигера, Аурогалуса и Георга Ровера, включая любого ученого, оказавшегося в Виттенберге. Эта группа собиралась в августинском монастыре перед ужином, обменивалась предложениями и выносила решения о внесении изменений. Когда определялось точное значение слова на языке оригинала, тогда облечение его в немецкий язык переходило к Лютеру.

Самые компетентные судьи дали высшую оценку переводу Лютера. Он был выполнен в стиле совершенной чистоты, силы и красоты. Он установил языковой стандарт. В этом переводе немецкий язык достиг своего совершенства, как будто высшего предела. Но это было наименьшей пользой, полученной нацией от перевода Нового Завета Лютером на немецкий язык. Подобно Моисею, Лютер был возведен на гору, чтобы получить Закон и дать его людям. Плен Лютера был свободой для Германии. Народы сидели в темноте, когда с горы забрезжил новый

день. Какая бы была реформация без Библии, метеор, промелькнувший на короткое время, и потом исчезнувший в темноте?

«Из многочисленных свидетельств красоты перевода Лютером Библии – пишет Закендорф – я выберу одно, князя Ангальтского Георга, данное на открытом съезде страны. «Какие слова – говорил князь – могут вполне передать то огромное благословение, которое мы получили в Библии, переведенной д-ром Мартином Лютером с языков оригинала? Благодаря особой благодати и действию Святого Духа перевод как слов, так и содержания, чист, красив и ясен, что как будто Давид или другой пророк живет в нашей стране и говорит по-немецки. Если бы Иероним или Августин жили сегодня, они бы встретили этот перевод с радостью и признали бы, что никакой другой язык не может так верно и ясно перевести Слово Божие. Мы признаем милость Божию в даровании нам Септуагинты на греческом языке и латинской Библии Иеронима. Но сколько искажений и неточностей в Вульгате! Августин также, не зная иврита, допустил немало ошибок. Но из перевода Мартина Лютера многие образованные доктора признали, что они лучше поняли истинный смысл Библии, чем из всех написанных к ней комментариев».

Эти многочисленные труды, произведенные без остановки в уединение замка Вартбурга, полностью расстроили функции организма, что в свою очередь вызвало психические галлюцинации. С ослабленным организмом и возбужденным умом Лютер был подвержен мрачным страхам. Его повышенная чувствительность облекалась в сатанинские формы. Ужасный шум в комнате пробуждал его ото сна. Как будто собака выла у его двери; однажды, когда он переводил Новый Завет, явился бес в виде льва и ходил вокруг него, готовый прыгнуть. Больная психика вызывала ужасные призраки, но для Лютера они были не призраками, а реальностью. Хватая все, что было под рукой, это могла быть и чернильница, Лютер бросал ее в непрошенного гостя с такой силой, что заставлял врага убегать и повреждал штукатурку. Во всяком случае, мы должны восторгаться его мужеством.

Глава 2 - Отмена мессы.

Монах Цвиллинг – Проповедует против мессы. – Нападает на монашеские ордена. – Боденштайн из Карлштадта – Раздает причастие. – Отмена мессы в Виттенберге – Другие изменения – Проповедники из Цвикау – Николас Шторк – Томас Мюнцер – Отрицают крещение младенцев. – Новое Евангелие – Беспорядки в Виттенберге – Слухи дошли до Вартбурга. – Беспокойство Лютера – Он покидает Вартбург. – Появляется в Виттенберге. – Его проповедь – Проповедует всю неделю. – Переломный момент – Благополучно проходит.

Ушел в уединение человек незаурядного ума, но работа не прекратилась. События большой важности произошли в Виттенберге за время десятимесячного пребывания Лютера в Вартбурге. Реформация быстро шла вперед. Новое учение находило выражение в новом и более простом богослужении.

Габриэль Цвиллинг приложил свою скромную руку к работе, начатой великим монахом. Он начал проповедовать против мессы в том самом монастыре, где часто можно было слышать голос Лютера. Учение, которое он провозглашал, было по существу таким же, как и то, которому Цвингли учил в Швейцарии, что Вечеря не является жертвой, а воспоминанием. Он осуждал мессы, поклонение св.дарам и требовал, чтобы причастие давалось под обоими видами. У монаха нашлись последователи как внутри, так и за пределами монастыря. Монахи находились в состоянии глубокого возбуждения. Виттенберг был встревожен. Двор курфюрста забеспокоился, Фридрих назначил делегацию из Юста Йоны, Филиппа Меланхтона и Николауса Амсдорфа с целью посетить августинский монастырь и восстановить спокойствие. Перед членами делегации была поставлена задача рассмотреть взгляды монаха Габриэля. Это были не просто несколько темных монахов, требовавших отмены мессы; те же призывы слышались из университета и знаменитой саксонской школы. Многие, кто спокойно слушал Лютера и видел, что его учение долго оставалось всего лишь доктриной, пришли в ужас, когда увидели, что это учение приобретало практическую форму. Они увидели, что оно изменит мир с тысячелетней историей, сметет все старые обряды и установит такой порядок, которого не знали ни они, ни их отцы. Они боялись войти в этот новый мир.

Монах, воодушевленный успехом, сопутствовавшим первым попыткам, затем напал на сам монашеский устав. Он заявил, что в Библии нет подтверждения «обету», что «сутана» прикрывает лишь праздность и похоть. «Никто – сказал он – не может спастись под сутаной». Тринадцать монахов покинули монастырь, и вскоре настоятель был единственным человеком, оставшимся в его стенах. Оставив старые привычки, освобожденные монахи занялись, кто ремеслом, кто учебой в надежде послужить делу протестантизма. Брожение в Виттенберге возобновилось. В это время появился трактат Лютера «Монашеские обеты». Он

выражался в нем с некоторым сомнением, но практическим выводом было то, что любой человек был свободен уйти из монастыря, но никто не обязан делать это.

По этому поводу выступил Андрей Боденштайн из Карлштадта, обычно называемый Карлштадтом, архидьякон из Виттенберга, чтобы сыграть важную роль в этом обсуждении. Карлштадт был смелым, ревностным и честным, без тени тщеславия. Пока Лютер находился на сцене, его колоссальная фигура уменьшалась до архидьякона, но когда больший светильник был убран на некоторое время, меньший поднялся на его место. Этого «небольшого болезненного смуглого человечка», не отличавшегося ни широтой суждений, ни четкостью понятий, ни силой красноречия, можно было видеть ежедневно выступавшим с речью по вопросам богословия перед людьми на напыщенном и таинственном языке, который трудно было понять, и который многими считался олицетворением редкой мудрости. Его действия шли в основном в правильном направлении. Он возражал против клерикального и монашеского целибата, открыто выступал против мессы, против причастия под одним видом и против поклонения св.дарам.

Карлшдадт воспользовался стечением обстоятельств для осуществления своих взглядов на практике. На рождество 1521 года он раздавал причастие во всей простоте божественного установления. На нем не было ни подризника, ни ризы. Кроме облачения он также отказался от коленопреклонения, крестного знамения, целования и других обрядов римской церкви. Пригласив всех алкавших и жаждавших Божьей благодати придти и причаститься, он раздавал хлеб и вино всем причастникам, говоря: «Это есть плоть и кровь нашего Господа». Он повторил это действо в канун нового 1522 года, и продолжал всегда впоследствии проводить Вечерю с такой же простотой. Народ был на его стороне, и в январе городской совет совместно с университетом издал указ, что с этих пор Вечеря должна проводиться согласно первоначальному установлению. Месса пала.

С мессой пало и многое другое, что вырастало из нее или опиралось на нее. Священство лишилось немалой славы и власти. Церковные праздники больше не отмечались. Вместо ладана и хоругвей, музыки и процессий пришло простое и возвышенное поклонение сердца. Целибат священников сменился праведным браком. Исповедь возносилась к Престолу, от которого приходило прощение. О чистилище сначала сомневались, потом отказались от него, и с его отрицанием много горечи ушло из смерти. От святых и девы Марии отказались, и, когда завеса открылась, люди оказались в присутствии Божественного величия. Статуи стояли отверженными на своих пьедесталах, или были повергнуты, стерты в порошок или брошены в огонь. Эта последняя часть реформы не обошлась без больших волнений.

Эхо этих волнений доходило до Вартбурга. Лютер начал бояться, что труд реформации превратится в труд по разрушению. Его принцип заключался в том,

чтобы эти практические реформы, справедливые сами по себе, не должны были выходить за рамки общественного интеллекта, а если это происходило, реформа была не настоящей, а фиктивной. Сначала заблуждение должно быть удалено из сердца, а потом выброшен идол из святилища. На основании этого принципа он продолжал носить сутану своего ордена, служить мессу, сохранять обет целибата и делать другие вещи, от которых он в принципе отказался, но, как он считал, не пришло еще время менять формы. Выдержка была главной характерной чертой всех реформаторов. Цвингли, как мы уже видели, следовал тому же правилу в Швейцарии. Его наивный ответ человеку, жаловавшемуся на изображения в церкви, продемонстрировал великую мудрость. «Что касается меня, - сказал Цвингли – то они меня не беспокоят, я близорук». Также и Лютер считал, что внешние предметы не мешали вере, если сердце не прилеплялось к ним. Совсем другое дело, когда после освобождения от этих предметов вновь возвращаются к ним.

При таком стечении обстоятельств в Виттенберге появилась новая группа реформаторов, которые собирались реставрировать человеческие традиции, господство человека в противоположность господству Папы. Эти люди известны как «пророки из Цвикау», небольшого города Цвикау, где они появились. Основателем новой секты был ткач Николас Шторх. Лютер восстановил авторитет Библии, она была краеугольным камнем его реформации. Шторх пытался убрать этот краеугольный камень. Он говорил, что Библия бесполезна. И что он ставил на ее место? Новое откровение, данное ему. Он утверждал, что ангел Гавриил явился ему в видении и сказал: «Ты будешь сидеть на моем троне». Какой приятный и легкий путь получения божественных откровений, не мог не отметить Лютер, когда вспоминал о своих терзаниях и страхах, прежде чем придти к познанию истины.

К Шторху присоединился еще один ткач Марк Томас, бывший студент Виттенберга Марк Штубнер и проповедник «нового Евангелия» Томас Мюнцер. В это Евангелие входило то, что Шторху открыл ангел Гавриил. Он объявлял крещение младенцев изобретением дьявола, и призывал всех последователей перекрещиваться, отсюда их название «Анабаптисты». После распространения их доктрин последовали волнения в Цвикау. Вмешались городские власти, новые пророки были запрещены, Мюнцер уехал в Прагу, Шторх, Томас и Штубнер отправились по дороге в Виттенберг.

Шторх постепенно рассказал обо всем откровении, полученном от ангела, и которое он считал неблагоразумным обнародовать сразу. Оказалось, что «новое Евангелие» после его полного обнародования, касалось ниспровержения всех принятых авторитетов и порядков церкви и государства; люди должны были руководствоваться внутренним озарением, проводниками которого были новые пророки. Они предсказывали, что через несколько лет существующий порядок

прекратиться, и наступит царство святых. Шторх должен стать правителем нового царства. Нападая на протестантизм с противоположных полюсов, католики и фанаты Цвикау сошлись, тем не менее, в одном – отрицание божественного откровения и подчинение сознания человеческому уму, уму Адриана VI, сыну Утрехского механика, с одной стороны, и уму Николаса Шторха, ткача из Цвикау, с другой.

Эти люди нашли в Виттенберге последователей. Это еще более вдохновило Карлштадта; многие молодые люди из университета оставили учебу, считая ее бесполезной при наличии внутреннего озарения, обещавшего научить их всему, что нужно знать, не прилагая усилий для приобретения знаний. Новое волнение повергло курфюрста в смущение, Меланхтон был в нерешительности, он не находил в себе силы, чтобы идти против течения. Враги реформации торжествовали, думая, что скоро будут свидетелями распада и крушения реформации. До Вартбурга дошли слухи о том, что происходит в Виттенберге. Когда Лютер увидел, что его работа была на грани уничтожения, его охватило смятение и уныние. Он колебался между желанием закончить перевод Нового Завета и желанием вернуться в Виттенберг, чтобы бороться на месте с новоявленным фанатизмом. Все понимали, что только он мог справиться с кризисом, и многие голоса поднялись за его возвращение. Каждая строчка, переведенная им, являлась дополнительным лучом света, которая в должное время осветит соотечественников. Как он мог оторваться от такого задания? И с каждым часом, который торопил и находил его все еще в Вартбурге, смятение и беды Виттенберга усугублялись. Наконец-то, к его великой радости он закончил перевод Нового Завета на немецкий язык, и утром 3 марта 1522 года вышел за ворота замка. Возможно, он вступал в мир, который требовал его крови; на него распространялся императорский запрет; на горизонте собиралась гроза; несмотря на это, он должен идти и прогнать волков, залезших в овчарню. Он путешествовал под именем рыцаря, в красной накидке, коротких штанах, камзоле, с пером и шпагой не без приключений в пути. В пятницу, 7 марта, он вошел в Виттенберг.

Город, университет, городской совет были возбуждены вестью о его прибытии. «Лютер вернулся», говорили горожане, с радостными лицами приветствуя друг друга на улице. Огромная тяжесть свалилась со всех. Судно реформации бросило на скалы; одних охватил ужас, другие ждали крушения, когда неожиданно появился штурман и взялся за штурвал.

В Вормсе был переломный момент для реформатора, в Виттенберге – для реформации. Разве протестантизм может породить только разрушение, смятение и крах? Разве он высвобождает только дикие и безудержные страсти? Или он может созидать? Может ли он управлять сознанием, объединять сердца, искоренять деструктивные принципы и насаждать восстанавливающие и обновляющие действия вместо них. Это должно стать следующей проверкой для

реформации. Беспорядки, царствовавшие в Виттенберге, представляли еще большую опасность, чем меч Карла V. Был серьезный переломный момент.

Воскресным утром после приезда Лютер вошел в свою приходскую церковь и предстал на старой кафедре с чувством собственного достоинства и большим самообладанием. Только десять месяцев отделяло его от того момента, когда он стоял здесь в последний раз; а какие важные события произошли за столь короткое время! Сейм в Вормсе, Вартбург, похороны Папы, вторжение турок, война между Францией и Испанией, и, наконец, последние и худшее из всех, волнения в Виттенберге, которые грозили уничтожить дело, являвшееся единственной надеждой для мира, подвергшегося многим опасностям.

Острое возбуждение, но в тоже время и спокойствие, царило среди слушателей. Обстановка была торжественной. Наступил ответственный момент. Казалось, что реформация взвешивалась на весах. Человек был тот же, однако, прошедший испытания и обогащенный. С тех пор как он стоял перед ними в последний раз, он вызывал больший интерес, так как его появление в Вормсе создало ореол не только вокруг него, но и всей Германии. Скрытность, в которой он жил с тех пор, откуда не видя его, они могли слышать его голос, также увеличивала интерес. И теперь, выйдя из своего укрытия, он собственной персоной стоял перед ними, как один из древних пророков, которые имели обыкновение появляться неожиданно в переломные моменты своего народа.

Никогда появление Лютера не было столь значительным, а он никогда не был столь великим. Он проявил благородную сдержанность. Тот, кто был «железной стеной» для императора, был нежной матерью для заблудшей паствы. Он начал с изложения простыми и незамысловатыми словами того, что он называл двумя кардинальными доктринами откровения – падение человека и спасение во Христе. «Тот, кто верит в Спасителя, – говорил он – свободен от греха». Так он вернулся вместе с ними к первоначальной точке, спасению по благодати в отличие от спасения по человеческим заслугам. Он напомнил им о том, что освободило их из рабства наказаний, отлучений и многих обрядов, порабощавших сознание, и привело их к свободе и миру. Затем перейдя к рассмотрению злоупотребления этой свободой, в которое они имели опасность впасть в данный момент, он сказал, что одной веры недостаточно, что у них должно быть милосердие. Вера дает возможность каждому свободно продвигаться в познании, соответственно дарам Святого Духа и собственной способности. Милосердие связывает их вместе и гармонизирует их личный успех с общим успехом. Он охотно признавал достижения, которых они добились в его отсутствие, и были такие, которые превзошли его в познании божественных истин, но долг сильных – терпеливо относиться к слабым. Были ли среди них такие, кто хотел отмены мессы, удаления статуй и немедленного и полного упразднения всех старых обрядов? Он был с ними одного принципа. Он был бы

рад, если бы наступил день, когда во всем христианском мире не было ни месс, ни изображений в церквях, и он надеялся, что такое вскоре может произойти. Но было еще много людей, которые не были способны это принять, которые были в этом наставлены и болезненно восприняли бы исчезновение этого. Они должны продолжать поступать соответственно, снисходительно к слабым братьям. «Друзья, - сказал проповедник, обращаясь к более сильным братьям – вы долго питались молоком? Итак, позвольте вашим братьям также долго пить».

Он настаивал на том, что «Слово», которое он проповедовал, и, которое собирался дать им на родном языке в письменной форме, должно быть их наставником. Реформация должна распространяться через слово, а не мечом. «Если бы я применял силу, - говорил он – чего бы я достиг? Гримас, формальности, передразнивания, человеческих обрядов и лицемерия, но не сердечной искренности, веры и милосердия. Там, где нет этих трех, нет ничего, и я не дам и выеденного яйца за такой результат».

Вместе с апостолом он не забыл напомнить своим слушателям о том, что их брань не плотская, а духовная. Слово должно быть проповедано свободно, Слово должно совершать работу в сердце; и, когда сердце будут побеждено, тогда и человек будет побежден, но не раньше. Небо, земля и все остальное было создано Словом Божьим, поэтому Слово должно быть действующей силой, а «не мы, бедные грешники». Его жизнь была примером действия силы Слова. Он провозглашал Божье Слово, проповедовал и писал против индульгенций и папства, но никогда не использовал силу. И это Слово, пока он спал, выпивал кружку виттенбергского пива с Филиппом и Амсдорфом, работало с такой огромной силой, что папство слабело и развалилось до такой степени, что никакой король или император не смогли развалить его. Однако он не сделал ничего, все сделало Слово.

Эта серия бесед продолжалась всю неделю. Проповедник рассмотрел всю практику и обряды римской церкви, руководствуясь одним и тем же принципом. После рассмотрения вопроса о мессе он перешел к обсуждению вопроса об изображениях, монашестве, исповеди, запрещении мясной пищи, показав, что они уже отменены на словах, и все, что было нужно, чтобы отменить их на деле, это – распространить учение, которое он проповедовал, делая это без шума и никого не обижая. Каждый день большая церковь была переполнена, многие люди приезжали на эти беседы из окружающих городов и деревень.

Победа реформатора была окончательной. Он разбил наголову цвикауских фанатиков, даже не назвав их. Его мудрость, сдержанность, мягкосердечность и превосходство разума выиграли победу, и новые пророки показались по сравнению с ним маленькими. Их «откровения» были опровергнуты, и первенство было возвращено Слову Божьему. Это была большая борьба, в некотором отношении больше той, что Лютер вел в Вормсе. Весь христианский

мир был заинтересован в результате. В Вормсе судно протестантизма подверглось опасности разбиться о Сциллу папской тирании; в Виттенберге оно подверглось опасности быть поглощенным Харибдой фанатизма. Лютер провел его среди скал в первом случае; в последнем он спас его от попадания в водоворот.

Глава 3 - Папа Адриан и его план реформы.

Спокойное возвращение – Труд Лютера – Перевод Ветхого Завета – Общие места Меланхтона – Первая система протестантизма – Проповедники – Книг становится больше. – Быстрое распространение истины – Сейм в Нюрнберге – Папа Адриан боится турок. – Еще о лютеранстве – Его призыв к сейму – Его реформы представлены сейму. – Их отвержение – «Сто жалоб» - Эдикт сейма, разрешавший проповедь Евангелия. – Гонения – Первые три мученика лютеранской реформации – Радость Лютера – Смерть Папы Адриана

После шторма быстро наступило затишье. В Виттенберге все встало на свои места. Фанатики отрясли прах со своих ног и удалились, предсказав несчастья городу, отвергшему «откровения» Николаса Шторха, чтобы следовать указаниям Слова Божьего. Молодежь возобновила учебу, горожане вернулись к своим делам, Лютер то приезжал, то уезжал из монастыря, занятый сочинениями, проповедями и лекциями, кроме ежедневных трудов, «забот обо всех церквях». Главным делом, которое занимало его, кроме редактирования Нового Завета на немецком языке и его публикации, был начатый недавно перевод Ветхого Завета. Эта работа была труднее, и несколько лет прошло, прежде чем она была закончена. Когда, наконец, в результате титанического труда ВВетхий Завет был дан миру, оказалось, что идиоматическая простота и правильность перевода позволили передать красоту и блеск божественной истины и почувствовать ее силу. Лютер с удовлетворением замечал, что воздвиг действенный барьер против такого фанатизма, как фанатизм Цвикау, и зажег светильник, который ни одна сила в мире не может погасить, и который будет разгораться все сильнее и светить все дальше пока не рассеет тьму во всем христианском мире.

В 1521 году вышла еще одна работа, «Общие места» Меланхтона, которая после Библии на немецком языке, внесла большой вклад в развитие протестантизма. Учение реформации, другими словами возрожденные истины Священного Писания, распространялись через сотни памфлетов и публикаций. Меланхтон поставил перед собой задачу собрать их вместе и представить их в виде системы. Это была первая попытка такого рода. Его способности содействовали такой работе. Он был более сильным богословом, чем Лютер; и утонченность его стиля придавала привлекательность богословию, и позволяла ему найти читателей среди литературных и философских кругов. После первых веков мир видел только те богословские системы, которые дали ему схоласты. В них не было ни света, ни жизни; они были сухими и бессодержательными, масса утонченных признаков и сомнительных умозаключений. Система Меланхтона, основанная на Библии и продемонстрировавшая с редкой ясностью и красотой взаимоотношения истины, резко отличалась от темного лабиринта схоластики. Богословие реформации не было хаосом догм, как некоторые начали полагать, а чудесным единением.

В такой же пропорции как протестантизм укреплялся в своем центре, Виттенберге, он распространялся все больше по всей Германии и за ее пределами. Движение разрасталось во все стороны к ужасу римской церкви и неудовольствию подвластных ей князей. Августинские монастыри посылали многочисленных рекрутов на войну. Они насаждались по всей Германии как папские казармы, но теперь римская артиллерия повернулась против нее самой. Особенно так было в Нюрнберге, Оснабрюке, Регенсбурге, Страсбурге, Антверпене, Гессене и Вюртемберге. Свет также воссиял и в монастырях других орденов, и их обитатели, оставив сутаны и рясы у ворот своих монастырей, присоединялись к братьям и проповедовали истину. Великий гнев охватил римскую церковь, когда она увидела своих солдат, обративших оружие против нее. Большинство священников приняли новую веру и проповедовали ее своей пастве. В других случаях паства оставляла своих священников, обнаружив, что они продолжают насаждать старые суеверия и совершать старые обряды. Огромная сила действовала на сознание людей, которая влекла их по пути реформаторской веры, несмотря на угрозы, опасности и гонения. Целые города отвергали католическую веру и исповедовали Евангелие. Библию на немецком и сочинения Лютера читали у всех очагов и всеми классами, в то время как проповедники обходили Германию, провозглашая о новом учении огромным толпам народа на рынках, в местах захоронений, в горах и полях. В Госларе студент из Виттенберга проповедовал на лугу, где росли липы, что послужило причиной называть его слушателей «братьями липовой лужайки». Казалось, что мировой зимний период быстро подходил к концу.

Лед везде трескался, небеса наполнялись светом, и их сияние радовало глаз и душу! Немецкий народ выходил из оцепенения и невежества, поднимался, вдохновленный новой жизнью и наделенный удивительной силой. Чудесное и неожиданное озарение охватило его. Удивительно было видеть насколько чище стали интересы людей, глубже понимание и тверже суждения. Ремесленники, солдаты и даже женщины с Библией в руке обращали в бегство целый отряд священников и богословов, сражавшихся за римскую церковь, но которые могли владеть только старым оружием. Печатный станок подобно огромному тарану громил день и ночь стены старой крепости. «Реформация – пишет Д'Обинье – оказала большое влияние на литературу Германии». В 1513 году появились только тридцать пять публикаций, тридцать семь в 1517 году, число книг увеличивалось с удивительной быстротой после появления «Тезисов» Лютера. В 1518 году мы находим семьдесят одну работу, в 1519 году сто одиннадцать, в 1520 году двести восемь, в 1521 году двести одиннадцать, 1522 году триста сорок семь, в 1523 году триста девяносто восемь. Почти все публикации были о протестантизме и были опубликованы в Виттенберге. В последнем из названных годов (1523) появилось только двадцать католических публикаций». Только при протестантизме литература Германии обрела существование.

Армия книготорговцев образовалась очень быстро. Эти люди поддерживали издателей в распространении сочинений Лютера, которые ясно и сжато, горя живым огнем, насыщенные золотом истины, принесли с собой укрепление разума, а также обновление сердца. Они были переведены на французский, английский, итальянский и испанский языки и распространены во всех этих странах. Занимая среднее положение между первой и второй колыбелями реформации, движение Виттенберга распространилось по всей территории между богемскими гусситами с одной стороны и английскими лоллардами с другой.

Теперь мы должны обернуться на политические события, выстраивавшиеся наряду с движением протестантизма. Сейм регентства, который император назначил для управления делами в его отсутствие, заседал в то время в Нюрнберге. Основное дело, которое собрало их вместе, касалось нашествия турок. Успехи армии Сулеймана держали европейские народы в страхе. Родос был захвачен, Белград пал; победитель угрожал разрушительным маршем в самое сердце Венгрии. Людвиг, король этой страны, послал посла на сейм с просьбой о помощи против азиатского завоевателя. На сейме появился также Чикрегато, папский нунций.

Адриан VI, когда увидел тюркские орды на восточных границах, не мог не испытывать страха за Рим и Италию; но он еще больше встревожился, когда обернулся к Германии и увидел чудовищное распространение лютеранства. Поэтому он поручил послу требовать двух вещей – во-первых, чтобы сейм принял меры для прекращения продвижения константинопольского Сулеймана. И, несмотря на то, что они могли добиться в этом деле, он настоятельно требовал оборвать деятельность монаха из Виттенберга.

В бреве от 25 ноября 1522 года, которое Адриан адресовал «сословиям священной римской империи, собравшимся в Нюрнберге», он настаивал на своей последнее и более важной просьбе, «срезать этот сорняк, раскинувший свои побеги широко вокруг…удалить пораженный гангреной орган тела», напомнив им о том, что «Всемогущий Бог заставил землю разверзнуться и поглотить живыми двух раскольников, Дафана и Авирона; что Петр, главный из апостолов, поразил мгновенной смертью Ананию и Сапфиру за ложь против Бога,…что их собственные предки предали смерти пражан Яна Гуса и Иеронима, которые, казалось, восстали из мертвых в Мартине Лютере».

Но папский нунций при въезде в Германию понял, что этот документ, продиктованный в жарком воздухе Италии, не соответствовал более прохладному климату Баварии. Когда Чирегато проезжал по дороге на своем муле, он обычным жестом поднял два пальца, чтобы благословить путника, простолюдин передразнил его, подняв пальцы в таком же жесте, тем самым показав, как мало значит для него его благословение. Это было очень унизительно, но еще большие унижения ждали его впереди. Когда он приехал в Нюрнберг, то к своему ужасу

обнаружил, что все кафедры города были заняты протестантскими проповедниками, и соборы были наполнены самыми внимательными слушателями. Когда он пожаловался по этому поводу и потребовал прекращения проповедей, сейм ответил, что Нюрнберг является свободным городом, и что большинство из городских властей лютеране. Затем он объявил о своем намерении запретить проповеди своей властью именем понтифика. Но архиепископ Майнца и другие в ужасе от возможных народных волнений отговорили нунция от столь опасного проекта, и сказали ему, что если он только попытается осуществить его, они немедленно покинут город, оставив его, насколько это в его силах, разбираться с возмущенными горожанами.

Озадаченный этими неудачными попытками и немало униженный тем, что его собственная миссия и власть его господина не нашли должного уважения в Германии, нунций начал, но менее высокомерным тоном, раскрывать перед сеймом другие папские инструкции и особенно обещанные реформы, которые Адриан разработал, когда взошел на папство. Папы часто придерживались одинаковой линии поведения, когда ничего конкретного не имели в виду, но Адриан был искренен. Чтобы убедить сейм в том, что он такой на самом деле, он сделал очень пространное признание в необходимости реформы. «Нам известно, - говорилось в инструкции, вложенной в руки нунция, отправлявшегося на сейм – что на протяжении длительного времени много гнусностей творится вокруг святого престола – нарушение духовных вопросов, чрезмерное злоупотребление правами, зло везде. С головы зараза распространилась до конечностей; от Папы она дошла до прелатов; мы все сбились с пути, нет праведного, ни одного».

Услышав эти слова, борцы папства повесили свои головы, а их противники подняли свои. Нам не надо больше сомневаться, сказали князья-лютеране сейма; не только Лютер, но и Папа заявил о порочности церкви, реформация – дело времени, не только в Виттенберге, но и в Риме.

В то же время существовала огромная разница между двумя этими людьми и их реформами; Адриан хотел обрубить несколько более гнилых сучьев; Лютер был за искоренение дерева зла и насаждение вместо него дерева добра. Эта реформа мало отвечала вкусам Адриана, поэтому перед тем, как начать свою реформу, он потребовал, чтобы реформа Лютера была пресечена. Он, несомненно, считал, что было необходимо воспользоваться секатором для обрезки виноградной лозы церкви, но еще важнее было применить топор к дереву лютеранства. Для тех, кто слишком поспешно вводил реформы и на длительное время, он ничего не мог предложить, кроме костра. Поэтому он потребовал от сейма исполнения императорского указа о казни Лютера, чью ересь он назвал того же дьявольского происхождения, скомпрометировавшей себя такими же гнусными действиями и направленной к той же цели, что и у Магомета. Что касается реформы, которую он сам затеял, он осмотрительно сказал, что

остерегается двух зол, упомянутых выше, что не хотел быть излишне экстремальным или поспешным. «Он должен действовать мягко, постепенно», шаг за шагом, которые Лютер, переводивший бреве Адриана на немецкий язык с комментариями на полях, интерпретировал как шаги с расстоянием между ними в несколько столетий.

Папа весьма смутно изложил сейму предполагаемый способ реформации. Сейм посчитал более правильным оказать Адриану любезность и сообщить свои предложения относительно должного способа. Прежде всего, они сказали Адриану, что исполнение вормского указа против Лютера было бы безумием. Предать реформатора смерти за провозглашение злоупотреблений, которые признавал и Адриан, было бы не только несправедливо, но и опасно. Это бы спровоцировало мятеж, который мог залить кровью всю Германию. Лютера надо опровергать по Писанию, так как его сочинения находятся в руках, а взгляды в сердцах многих людей. Они знали лишь один способ сглаживания конфликта – вселенский собор. Они потребовали, чтобы собор был созван в одном из нейтральных немецких городов в течение года, и чтобы на нем присутствовали и голосовали не только священники, но и миряне. На эту не очень приятную просьбу князья ответили еще более неприятными, так называемыми, «Сотнями Жалоб», представлявшими собой чудовищный каталог поборов, мошенничества, притеснений и несправедливостей, которые испытала Германия от рук Пап, от которых долгое время стенала, и компенсацию которых требовал сейм, заверив, что если в течение достаточного времени меры не будут приняты, князья возьмут дело в свои руки.

Папский нунций увидел и услышал достаточно такого, чтобы убедиться в том, что его пребывание в Нюрнберге затянулось. Он поспешно покинул город, оставив кому-нибудь другому право быть подателем неприятного послания понтифика.

Пока сейм уладит свои дела с понтификом, было решено продолжить проповедь Евангелия. Какая победа протестантизма! Но год назад немецкие князья согласились с Карлом V поводу указа о смертном приговоре Лютеру. А сейчас они не только отказываются исполнять указ, но и постановляют проповедовать чистое Евангелие. Это указывает на быстрый прогресс. Лютер приветствовал это как триумф; швейцарские горы эхом отразили его возглас, разбудивший радость среди реформаторов этой страны.

В нужный срок постановление сейма в Нюрнберге дошло до города на семи холмах, и было вручено в Ватикане. Смиренный Адриан был вне себя от ярости. Лютера не собирались сжигать, требовали вселенского собора; сотня жалоб, перечисленных должным образом, должны быть удовлетворены. Более того был небольшой намек на то, что если Папа не займется этим делом, то им займутся другие. Адриан сел, разразился потоком брани и угроз, ничего более жесткого и

нелицеприятного не исходило из Ватикана. Фридрих Саксонский, против которого прогремело обвинение, держал руку на эфесе шпаги, пока читал его. «Нет, - сказал Лютер, единственный из троих, умевший владеть собою, - у нас не должно быть войны. Никто не будет воевать за Евангелие». Мир был сохранен.

Гнев папской стороны усугубился проверками, с которыми она столкнулась. Война была предотвращена, но начались гонения. На каждом шагу реформация имела успех. Мужество реформаторов и знания богословов уже проиллюстрировали это, а теперь она должна быть прославлена преданностью мучеников. Первый костер был разложен не в Виттенберге. Если бы он мог, Карл V, потащил бы Лютера на костер, нет, он сжег бы всю Виттенбергскую школу на одном костре, но он мог действовать в Германии только, когда князья поддерживали его. Иначе обстояло дело с его наследными владениями в Нижних Странах. Там он мог поступать, как ему было угодно; и там шторм после глухого грохота, наконец, разразился. В Антверпене Евангелие попало в августинский монастырь, его обитатели не только приняли истину, но и в некоторых случаях стали усиленно проповедовать ее. Это привлекло к монастырю внимание инквизиторов, посланных во Фландрию. Монахи были арестованы, заключены в тюрьму и приговорены к смерти. Один покаялся, другим удалось убежать, но трое – Генрих Воус, Иоганн Эсх и Ламберт Торн – мужественно встретили смерть на костре. Их в кандалах привезли в Брюссель и сожгли на большой площаде города 1 июля 1523 года. Они держались на костре с достоинством. В то время как толпа вокруг них рыдала, они пели радостные гимны. Хотя они претерпевали ужасную смерть, их лица не были омрачены печалью, напротив они выражали радость и триумф их духа. Даже инквизиторы были глубоко тронуты, и долго ждали прежде, чем поднести факел, пытаясь уговорить молодых людей отречься и спасти свои жизни. В ответ на их просьбы последовало: «Мы умрем за имя Иисуса Христа». Наконец, костер был зажжен, но даже среди пламени псалом слетал с их уст, и радость продолжала освещать их лица. Так умерли первые мученики реформации, знаменитые глашатаи сотен тысяч последовавших за ними тем же страшным путем – не страшным для тех, кто идет по вере – к вечным небесным обителям.

Когда костер поглотил троих исповедников Евангелия, на их место встали сотни. «Куда бы ни шел дым от их костра, - писал Эразм – он разносил семена ереси». Лютер услышал об их смерти с благодарностью. Дело, которое дало мучеников, несло печать божественного удостоверения, и, конечно, было победоносным.

Адриан из Рима тоже слышал о смерти этих молодых людей. Гонения начались, а реформы не были пока начаты. Мир увидел конец этих реформ в пылающем свете, струившимся с костра на огромную площадь в Брюсселе. Адриан умер 14 сентября того же года, и о том, как римляне относились к нему

можно судить по следующему факту: ночью накануне того дня, когда Папа испустил последнее дыхание, они украсили дом его врача гирляндами и поместили над входом надпись – «Спасителю нашей страны».

Глава 4 - Папа Климент и Нюрнберский сейм.

Новый Папа – Политика Климента – Второй сейм в Нюрнберге – Кампеджио – Его наставления сейму – «Сто жалоб» - Притворная политика римской церкви – Удивление князей – Их просят выполнить Вормский эдикт. – План князей – Вселенский собор - Напрасные надежды – Гавань – Штиль на море – Протестантская проповедь в Нюрнберге – Предложение провести сейм в Шпейере – Возмущение легат – Тревога Ватикана. – Обе стороны готовятся к сейму в Шпейере.

Адриан умер. Его план реформы папства со всеми его надеждами и опасениями сошел вместе с ним в могилу. Кардиналу Джулио Медичи, неудачливому кандидату на последних выборах, на этот раз повезло больше, и он взошел на папский престол. Новый Папа, взявший имя Клемента VII, поспешно изменил политику предшественника. Паллавичино придерживался мнения, что наибольшие беды и опасности для папства исходили из выбора «святого» для папского кресла.

Клемент VII позаботился, чтобы мир узнал, что настоящий обладатель является «человеком дела» - ни аскетом, чуждым песням и танцам во дворце, ни дряхлым мечтателем реформ, но тем, кто знал, чем ублажить римлян и как управлять иностранными дворами. «Именно во время штора штурман показывает свое мастерство», пишет Ранке. Наступили опасные времена. Подули сильные ветры, и народы сильно качало, так как океан вздымался перед бурей. Два сильных короля сражались в Италии; турки размахивали ятаганами на австрийской границе, но больше всего под солнцем Клемнта беспокоил Виттенберг.

Там надвигался шторм, который в полной мере проверит его искусство мореплавания. Лев X отнесся к этому делу несерьезно. Адриан VI вообразил, что ему стоит только произнести волшебное слово «реформа», как валы утихнут и ветры успокоятся. Клемент должен доказать, что он является более способным штурманом и может действовать как государственный деятель, и как Папа.

Ранней весной 1524 года городу Нюрнбергу выпала честь во второй раз провести императорский сейм в своих стенах. Папа, прежде всего, заботился о том, чтобы послать нужного человека в качестве легата на эту ассамблею. Он выбрал кардинала Кампеджо, человека известного своими способностями, богатым опытом и авторитетной натурой – короче, самого подходящего из папского двора. Его путешествие до итальянской границы было похоже на триумфальный марш. Но когда он вступил на немецкую землю, признаки народного энтузиазма исчезли, а когда он добрался до ворот Нюрнберга, то тщетно высматривал обычную процессию городской власти и духовенства с крестами и знаменами, встречавших его. Увы, как меняются времена! Гордый

посланник Клемента тихо прошел по улицам и вошел в гостиницу, как обычный путешественник. Инструкции, данные Кампеджо его господином, предписывали успокоить курфюрста Фридриха, который до сих пор испытывал жгучую боль от гневного письма Адриана; воздерживаться от обещаний и не пренебрегать никакими хитростями, которые могут убедить и подчинить сейм. Готово! Он должен был ударить по Лютеру. Если бы только им удалось сжечь монаха, все было бы хорошо.

Способный и хитрый посланник Клемента хорошо играл свою роль. Он скромно коснулся своей преданности Германии, которая побудила его принять столь болезненную миссию, которую другие отклонили. Он рассказал о внимательной заботе и неусыпном попечении своего господина, Папы, которого он сравнивал то, с бодрствующим и зорко следящим штурманом, в то время как все остальные спят на корабле, то с пастухом, отгоняющим волков и ведущим свое стадо на злачные пастбища. Он не мог удержаться, чтобы не выразить «свое удивление в связи с тем, что многие уважаемые князья допустили, чтобы религия, обряды и церемонии, в которых они родились и выросли, и в которых умерли их отцы и предки, были отменены и попраны». Он просил их подумать, чем это все может кончиться, а именно, всеобщим народным бунтом против своих правителей и разрушением Германии. Что же касается турок, о них не было нужды много говорить. Беды, которым они угрожали христианскому миру, были очевидны для всех.

Князья выслушали его со вниманием, поблагодарили за хорошие пожелания и дружеские советы; но что касается этого дела, то немецкий народ, сказали они, отправил в Рим список жалоб, и они хотели бы знать, написал ли Папа ответ и какой. Кампеджо, хотя и сделал вид, что удивился, ожидал таких вопросов и подготовился к роли, которую ему пришлось сыграть. «Что касается их требований, - сказал он – то было доставлено в Рим лишь три экземпляра, из которых один попал к нему в руки. Но Папа и конклав кардиналов не могли поверить, что они были составлены князьями; они подумали, что некоторые отдельные личности опубликовали их из-за ненависти к римской курии; поэтому у него нет никаких определенных инструкций.

Можно себе представить удивление Сейма ответом легата и возмущение среди его участников.

Император Карл, кого война с Францией удерживала в Испании, прислал на сейм своего посла Иоганна Гуннаарта с жалобой на то, что вормский указ, принятый с их единодушного согласия, не соблюдается и потребовал, чтобы он был приведен в исполнение, другими словами, чтобы Лютер был предан смерти, и чтобы Евангелие было запрещено во всех государствах империи. Кампеджо выразил ту же просьбу от имени Папы.

Невозможно! Кричали многие участники; допустить такое означало ввергнуть Германию в войну и кровопролитие.

Тем не менее, Кампеджо и Гуннаарт настаивали, чтобы князья исполнили указ против Лютера и его учения, которое они поддерживали. Что было делать сейму?

Он не мог отменить указ, но и не смел привести его в исполнение. Они придумали умную уловку, чтобы заткнуть Папу, который давил на них, и успокоить народ, который удерживал их от этого. Они приняли постановление, гласившее, что вормский указ должен быть решительно приведен в исполнение насколько это возможно. Сам Эдип вряд ли мог сказать, что это означало. Практически это было отменой указа, так как большинство княжеств заявили о невозможности его исполнения.

Кампеджо и Гуннаарт, испанский посланник Карла V, добились того, что было видимой победы, но фактически было поражением. Их ждали и другие поражения.

Искусно обойдя императорский запрет, сейм Нюрнберга затем потребовал созыва вселенского собора. Существовало традиционное убеждение во всемогуществе этого средства для исправления нарушений и устранения противоречий. Когда небо стало хмуриться, и буря была готова смести весь христианский мир, люди обратили взоры к собору, как тихой гавани; только в ней потрепанное судно может обрести покой, не опрокидываемое больше большими волнами. Попытки предпринимались снова и снова, и всегда с одинаковым результатом, провалом, поразительным провалом. В недавнем прошлом было два собора, в Констанце и Базеле. Они закончились, как и все предыдущие, разочарованием. От них многое ожидали, но ничего не получили. Они были похожи на прекрасные деревья-близнецы, покрытые листвой и цветами, но не приносящих плодов. Что касается Констанца, то он унизил трех Пап и возвысил одного, самого надменного из них; а что касается реформации, разве Констанц не посвятил все свое время и силы, изобретая способы искоренения реформаторского духа, который один мог исправить зло? Был один человек, который стоил сотни соборов, и как они с ним поступили? Они притащили его на костер, и все время пока он горел, поносили его как еретика! И каковы были последствия? Почему поток пороков, сдержанный на мгновение, прорвался вновь и тек еще более глубоким, широким и непреодолимым потоком, чем прежде. Но большинство правителей, заседавших в Нюрнберге, не могли придумать другого средства, и поэтому еще раз выдвинули старое требование – вселенский собор на немецкой земле.

Однако князья примут меры, чтобы собор на этот раз не был бесплодным. И, наконец, он даст миру Папу, который будет истинным отцом христианского мира вместе с благочестивой, преданной, образованной иерархией и святыми

трудолюбивыми священниками – короче, «золотой век», которого так долго ждали. Правители соберут сейм – народный, гражданский сейм – в Шпейере в ноябре этого года. И далее они предпримут шаги, чтобы пробудить религиозные чувства в Германии, и разрешат городам и княжествам высказать свои пожелания на сейме, таким образом, реформация пройдет так, как хочет Германия. Правители думали, что они заканчивают долгое и опасное плавание. Наконец, они увидели гавань.

Так они прежде часто думали, но когда они проснулись, то увидели, что находятся все еще в открытом море, буря собирается над их головами, и под водой видны белые рифы. Им было суждено пройти через это испытание еще раз. Сама идея такого сейма была оскорбительна для папства. Заседание и обсуждение религиозных вопросов светским собранием, а также принятие церковных реформ представляло собой нечто большее, чем подготовка к вселенскому собору. Это означало принять на себя его полномочия и функции, стать на место собора, и более того, на место самого понтифика, кому одному принадлежало решение по всем вопросам веры. Сейм вырывал скипетр из рук человека, который считал себя облеченным свыше правом управления церковью.

Папский легат и посланник Карла V оказали решительное сопротивление вынесенной резолюции правителей. Они указали им, какое оскорбление это будет для папского престола, какое явное нападение на права понтифика. Однако правители не собирались отказаться от своих намерений. Они заявили, что сейм соберется в Шпейере в ноябре, а тем временем государства и вольные города Германии выразят свое мнение об исправлении нарушений и введении реформ с тем, чтобы на соборе сейм мог выступать от имени отечества и требовать реформации церкви в соответствии с желаниями нации.

Между тем, протестантские проповедники удвоили свое рвение; днем и ночью они провозглашали Евангелие в церквях. Два больших собора Нюрнберга были до предела заполнены внимательными слушателями. Господня вечера проводилась, как во времена апостолов; 4 000 человек, включая сестру императора, датскую королеву, и других знатных людей, приминали участие в этом таинстве. Мессу отменили, статуи были вынесены, Писание толковалось согласно ранним отцам. И не обходилось без того, чтобы папского легата по дороге в ратушу и обратно, где проходил сейм, не толкали толпы людей, спешивших на протестантские проповеди. Звон колоколов перед служением, псалмы, исполняемые тысячью голосов, и доносившиеся через долину Пегница до императорского замка на противоположной стороне, испытывали самообладание папских служителей и императора. Кампеджо видел, что Нюрнберг с каждым днем все больше погружается в ересь; он видел, что авторитет его господина сводится к нулю, что запрещенное церковью учение ежечасно обретает новых последователей, не боявшихся ни анафемы, ни

императорского запрета. Он смотрел на все это с возмущением и презрением, но не мог предотвратить.

Германия, казалось, была ближе к национальной реформации, чем когда-либо ранее. Она предвещала придти к цели одним скачком. Несколько месяцев и Альпы не только разделят две страны, но и две церкви. Папские буллы и мантии больше не будут пересекать их снега, а золото Германии больше не будет течь в другую сторону, чтобы увеличивать сокровища и поддерживать гордость города, куда они поступали. Немцы создадут свою церковь и вероисповедование, не прося покорно разрешения у итальянцев. Они выберут своих пасторов и свое управление; оставят пастора Тибра заботиться о своем стаде к югу от гор, не протягивая своего епископского посоха на север. К такому решению пришел сейм.

Неудивительно, что Кампеджо и Гуннаарт рассматривали решение князей с беспокойством. По-правде, у посланника императора было не меньше причин для беспокойства, чем у папского нунция. Авторитет Карла в Германии пошатнулся, как и авторитет Клемента; так как, если государства отпадут от католической веры, то власть императора будет ослаблена, фактически почти аннулируется; императорское достоинство потеряет блеск; и те великие планы, для осуществления которых император в тайне рассчитывал на помощь немцев, должны быть оставлены, как нереальные.

Но именно в Ватикане резолюция князей возбудила наибольший ужас и гнев. Клемент с первого взгляда определил размеры катастрофы, угрожавшей его престолу. Вся Германия становилась лютеранской; половина королевства вот-вот оторвется от него. Не останется неперевернутым ни один камень, никакая хитрость Ватикана не должна быть отвергнута, любыми способами нужно помешать проведению сейма в Шпейере.

Все взоры были обращены к Шпейеру, где решалась судьба папства. С обеих сторон велась поспешная подготовка. Князья приглашают города и княжества выступить открыто и заявить о своих претензиях и пожелания о вводимых реформах. В противоположном лагере, вероятно, велась более активная подготовка. Папа поднял тревогу и увещевал друзей в виду острой необходимости объединить действия и оружие. Пока обе стороны заняты подготовкой к знаменательному дню, мы прервемся и обратим внимание на город, где должно пройти заседание сейма. Он представляет интерес для нас, так как является примером немногих удачных сообществ, которые при низком интеллекте во времена почти всеобщего невежества и варварства, проявив независимость в век, когда о свободе почти ничего не знали, смогли в результате занимаемого ими исключительного положения, оказать неоценимую услугу мировой цивилизации и религии.

Глава 5 - Нюрнберг.

Триста лет спустя – Расположение Нюрнберга – Центр торговли средневековья – Население – Патриции и плебеи – Развитие ремесел – Нюрнберг – свободный город. – Его бюргграфы – Его правители – Его подданные города – Слава искусств – Альберт Дюрер – Ганс Закс – Архитектура и достопримечательности – Красота места – Ратуша – Казематы – Орудия пыток

Нюрнберг триста лет назад был одним из самых известных городов Европы.

Признанием и богатством, которым отличался Нюрнберг в пятнадцатом веке и позже во времена реформации, он был обязан нескольким факторам. Его здоровый воздух, размах его огромных равнин со всех сторон доходивших до горизонта, с единственной цепью роскошных холмов, спасавших пейзаж от монотонности. Условия для охоты и других занятий, предлагаемых им, делало его приятной резиденцией, которая часто привлекала императора и двор. С двором, конечно, приезжали и другие гости. Присутствие императора в Нюрнберге помогало собрать в его стенах талантливых и культурных людей, что придавало ему немаловажное политическое значение.

Нюрнберг был более обязан другому фактору, а именно, исключительно центральному положению. Будучи расположенным на одной из важнейших мировых магистралей, он стал центром торговых путей, которые разветвлялись по большой части земного шара и охватывали два полушария.

Расположенный на огромной равнине Франконии – равнине, которая была Месопотамией на западе, как и восточная Месопотамия, она лежала между двумя великими реками, Дунаем и Рейном – Нюрнберг стал одним из крупнейших центров торговли между Азией и Европой. В те века, когда дорог было крайне мало, а железных дорог не было вообще, реки были основными путями сообщения между странами и основной возможностью, с помощью которой они обменивались товарами. Товары из Азии и стран восточного средиземноморья входили в устье Дуная через Черное море, и, поднимаясь вверх по течению до Германии, перевозились через равнину до Нюрнберга. От Нюрнберга товар следовал до Рейна, и по многочисленным притокам этой реки распространялся по странам северо-западной Европы. Товары с Адриатики попадали в Нюрнберг по другому пути через Тироль. Таким образом, многие пути сходились в одной точке, и оттуда радиусами расходились по всему западу. Будучи в начале десятого века местом проведения первого сейма империи, городом многих национальностей, центром обширной торговли, и населенный исключительно подвижным и изобретательным народом, Нюрнберг постоянно увеличивался в размерах и значимости. Пятнадцатый век застал его центром промышленности, образования и колыбелью ремесел.

В то время, о котором идет речь, в Нюрнберге жило 70 000 человек. В наши дни этого недостаточно, чтобы город был в числе первых; но тогда было по-другому, города с населением всего в 30 000 считались густонаселенными. Франкфурт-на-Майне не мог похвастаться и половиной населения Нюрнберга. Хотя население было большое по тем временам, но это мало способствовало высокому положению города. Его известность имела более высокие основания: предприимчивость, талант и богатство жителей.

Его граждане делились на два класса: патриции и плебеи. Черта, разделявшая две системы, была непоколебимой. Никакие богатства или заслуги не могли поднять плебея до уровня патриция. В том же социальном классе, куда была помещена колыбель гражданина, был и закат его жизни. Патриции получали дворянство от императора, они немало гордились тем обстоятельством, что происходили из древних родов. Они жили в прекрасных усадьбах и тратили доходы со своих имений на роскошь и щедрое гостеприимство, развлекаясь на балах и турнирах, не забывая тем временем о покровительстве искусству, расцвет которого окружил город ореолом славы.

Плебеи были в основном ремесленниками, но ремесленниками исключительного мастерства. Никто из мастеров во всей Европе не мог с ними конкурировать. Со времен великих скульпторов Греции более не поднималась такая плеяда художников, которые могли бы владеть резцом также как люди Нюрнберга. Не такая смелая, как у греческих предшественников их изобретательность была плодовитой, а их приемы изысканными. Они были непревзойденными во всех видах искусства: по мрамору и бронзе, металлу и слоновой кости, камню и дереву. Они наполнили родной Нюрнберг своими творениями, посмотреть на которые в восхищении приезжали издалека иностранцы. Слава об этих художниках разошлась по всей Европе, и вряд ли был город или королевство, в котором не была бы видна «рука Нюрнберга», безошибочно узнаваемая в воплощенном изяществе или красоте, и пользе.

Нюрнберг мог похвастаться еще более ценным приобретением, чем исключительные таланты и непревзойденное мастерство – свободой, без которой увядают таланты, и правая рука забывает искусство. Нюрнберг был одним из вольныхных городов Германии. В те дни было не менее девяноста трех таких городов в империи. Они были оазисами в безбрежной пустыне угнетения и страданий, которой была в те дни Европа. Своему подъему они были обязаны частично войне, но в основном торговле. Когда императорам временами приходилось туго из-за длительной войны на стороне Пап, когда солдат становилось мало, а казна оказывалась пустой, они обращались к городам за предоставлением им средств для возобновления борьбы. Они предлагали им хартии свободы при условии, если они соберут армию или заплатят некоторую сумму денег, чтобы можно было продолжить кампании. Сделка приветствовалась

с обеих сторон. Многим городам приходилось покупать права на гражданские свободы за большие деньги, но небольшая свобода стоила большого количества золота. Так на красных полях тех времен у свободы появились первые цветки; и среди грохота оружия выросли мирные искусства.

Но торговля более чем война способствовала появлению таких городов как Нюрнберг. С введением иностранной торговли пришло богатство, а с богатством независимость и интеллект. Люди начали видеть проявление высших сил, чем простая грубая сила, и понимать более широкие права, чем те, которые были ограничены узким кругом феодализма. Они покупали за деньги или вырывали силой у своих суверенов или феодальных баронов хартии свободы. Они создавали независимые и самоуправляемые органы. Фактически они были республиками в мелком масштабе в центре больших монархий. В стенах этих городов рабство было отменено, действовали законы и соблюдались права. Такие города начали умножаться по мере продвижения к эпохе реформации, не только в Германии, но и во Франции, Италии, Нижних Странах; и они были среди первых, кто приветствовал приближение великого духовного и социального обновления.

Нюрнберг, который занимал видное место в плеяде свободных городов, был первым городом, управлявшимся бюргграфом или штадтгальтером. Любопытным фактом является то, что прусский королевский род впервые появился в истории, как бюргграфы Нюрнберга. Это служение они несли до 1414 года, когда Фридрих IV продал свое право вместе с замком нюрнбергцам, и на вырученные деньги купил титул маркиза Брандербургского. Это был второй этап по продвижению этого дома к вершинам политического величия, которых они значительно позже достигли.

Когда правление бюргграфа закончилось, на смену пришла республика, или скорее олигархия, как форма правления в Нюрнберге. Прежде всего, это был Совет Трехсот, который обладал властью вводить налоги и контрибуции и решать важные вопросы войны и мира. Совет Трехсот ежегодно выбирал более маленький орган, состоявший из тридцати членов, которым управлялась обычная городская власть. Большой Совет состоял из патрициев с вкраплениями самых богатых купцов и ремесленников. Совет Тридцати состоял только из патрициев.

Далее, Нюрнбергу принадлежала значительная территория вокруг него, для которой он был столицей, и которая была обильно усеяна городками. За его стенами простирался район на несколько сотен миль, в котором находилось семь крупных городов, 480 городков и деревень, правителем которых был Нюрнберг. Когда мы примем во внимание плодородие земель и развитие торговли, которые обогащали этот район и все его города, мы увидим в Нюрнберге и зависимых городах далеко не обделенное людьми и ресурсами княжество. «Богемское королевство – пишет Гиббон – было менее богатым, чем соседний город

Нюрнберг». Так как он находился в центре южной Германии, окружавшие его государства, защищая себя, защищали и его, и поэтому он мог уделять все свое внимание развитию искусств, в которых он так сильно преуспел, в то время как менее удачно расположенные соседи тратили свое состояние и проливали кровь на полях сражений.

«Золотая булла» при распределении императорских почестей среди наиболее известных городов Германии не обошла и этот город. Если Франкфурт известен, как место «избрания» императора, Аугсбург удостоился чести видеть его коронацию, то в Нюрнберге он устроил свой первый двор. До сих пор можно видеть замок средневековых императоров. Он венчает холм на северном берегу Пегница сразу за городскими воротами справа от северного входа, и со своей высоты взирает на город, лежащий у его ног и расположенный вдоль реки, разделившей его на две равные половины. Строитель королевского замка был, по-видимому, обязан следовать не законам архитектуры, а углам и неровностям скалы, на которой он его поместил; но ничего не поделаешь, это мощное неуклюжее, бесформенное сооружение поразительно контрастирует с величественными строениями города, на который он смотрит сверху вниз.

Именно в этом городе на сей раз собрался сейм. Он был местом проведения первого сейма империи (938 год); и с того дня как часто собирались в его стенах вельможи, рыцари в доспехах и духовные правители Германии! Можно представить, как радовался Нюрнберг в те дни, когда императорский стяг развивался над замком, стража совершала обход по его стенам, часовые стояли на боковых башнях, и толпы вельмож и рыцарей вместе с теми, кто не был ни вельможами, ни рыцарями, заполняли улицы, с любопытством заглядывая в мастерские и цехи, подробно исследуя рынки и склады, наполненные дорогой продукцией далеких стран. Жители Нюрнберга не медлили показывать гостям чудеса своего искусства и продукцию своих предприятий, в обоих из которых им не было равных в то время по эту сторону Альп. Нюрнберг сам в таких случаях был международной выставкой и не без пользы, как для экспонента, так и посетителя, стимулируя, несомненно, торговлю одного, и утончая вкусы другого. Люди, съезжавшиеся в то время в Нюрнберг, привыкли не приписывать победу ничему, кроме турниров и полей сражений. Но вид этого города столь богатого достижениями другого рода, откроет им глаза и покажет, что есть более превосходный путь к известности, что резцом скульптора можно добиться побед менее кровавых, чем с помощью шпаги, и более полезных для человечества, и принести их авторам славу более чистую и прочную, чем оружие.

Теперь настала очередь удивляться жителям Нюрнберга. Евангелие вошло в их ворота, и многие встречали его как «жемчужину» более ценную, чем самые богатые украшения или тончайшие ткани, которые Индия или Азия посылали на их рынки. Жители Нюрнберга ежедневно собирались в церкви св.Себальда и

соборе св.Лаврентия, чтобы впервые услышать о новых чудесах. Среди этих людей, ловивших каждое слово Озиандера и других проповедников, был Альберт Дюрер, великий художник, скульптор и математик. Этот талантливый человек принял протестантскую веру и стал другом Лютера. Его дом все еще стоит около старого императорского замка у северных ворот города. Из его работ лишь несколько остались в Нюрнберге. Они в основном отправились украшать другие города, которые были достаточно богаты, чтобы купить то, что родной город Альберта Дюрера не в состоянии был сохранить в более поздние времена.

В Нюрнберге также жил Ганс Закс, поэт, последователь Евангелия и друг Лютера. Биография Загса – самая романтическая. Он был сыном портного из Нюрнберга, родился в 1494 году, и был назван Гансом в честь своего отца. Он освоил профессию сапожника; дом, в котором он жил, все еще стоит в том же квартале города, что и дом Альберта Дюрера. Но мастерская Ганса Закса не могла удержать эту гениальную личность. Оставив однажды свое место, он отправился в морское путешествие, чтобы посмотреть мир. Некоторое время он был в блестящей свите императора Максимилиана. Он вернулся в Нюрнберг и женился. После того как разразилась реформация, его ум открылся к прославлению истины, и его поэтическое воображение, вдохновленное и просвещенное, выразилось в святых песнях, которые звучали по всей Германии и помогали подготовить сознание людей к грядущей великой революции. «Духовные песни Ганса Закса – пишет Д'Обинье – и его Библия в стихах были мощной поддержкой в огромной работе. Трудно сказать, кто сделал для нее больше – курфюрст Саксонский, должностное лицо империи, или сапожник из Нюрнберга!»

Приблизительно в то же время там жили скульптор и литейщик по бронзе Питер Вишер, Адам Крафт, чьи «семь колонн» до сих пор можно видеть в церкве св.Клары, резчик по дереву Вайт Штосс, и многие другие с зоркими глазами и умелыми руками, чьи имена не сохранились, но которые живут в своих произведениях. Они служили примером не только для людей своего времени, но побуждали к мастерству и улучшали вкусы многих людей нашего времени.

Нюрнберг достоин изучения еще по одной причине. Этот средневековый город к северу от Альп, возможно, сохранился лучше всех. Его посещение, хотя только на странице рассказчика, дает возможность увидеть места, где происходили события реформации, улицы, по которым ходили их участники, и дома, в которых они жили. В Испании до сего дня остались более древние города с более необычной архитектурой. Это – Толедо, расположенный на семи холмах и омываемый стремительным потоком Тахо, он поднимается высоко и возвышает в небо свои многочисленные прекрасные строения – чудный Алькасар, крыши соборов, руины синагог и мавританские замки – все это больше похоже на творение волшебника, чем работу каменщика. Это – Кордова с ее великолепной мечетью, построенной на spolia opima (трофеи) из Африки и стран восточного

средиземноморья, и развернувшаяся вокруг этого уникального сооружения, образуя самый большой лабиринт из узких и кривых улочек. Это – Гранада, чьи улицы, фонтаны и сады все еще напоминают о маврах, и которая обязана славой двум величественным объектам, возвышающимся над ней – произведению искусства, Альгамбре, чья уникальная и блистательная красота не была повреждена грабителями; и естественному произведению, Сьерре Неваде, которая высоко поднимается в снежном великолепии и приветствует своего брата Атласа через пролив. Чтобы не приводить много примеров, назовем Малагу, реликвию более древнего времени, чем эпоха мавров, демонстрирующая как строили финикийцы и какие были города, когда цивилизация ограничивалась средиземноморским побережьем, и моряки еще не отваживались направлять свой барк за «Геркулесовы столбы».

В северной Европе было ни одного города, который мог сравниться с Нюрнбергом, никаких архитектурных реликвий немецких народов в те времена, когда его архитектура была в самом зените, или только начинала приходить в упадок. Как было тогда, когда император проезжал по его улицам, и весь цвет Германии собирался там, звуки труб и бой барабанов смешивались с мирным шумом резцов скульптора и молотков, так и было сейчас. Те же порталы с богатой резьбой, те же окна с глубокими средниками, те же фонтаны с символическими фигурами в бронзе или камне, те же остроконечные и живописные фронтоны, те же высокие искусно отделанные крыши, уходящие в небо и демонстрирующие последовательные ряды чердачных окошек, богато украшенных и завешанных занавесками изящной работы – короче, то же скопление необычных, забавных, красивых и величественных объектов предстает перед взором путешественника сегодня, как представало перед взором людей, находящимся уже четыре всека в могиле.

Посредине города находится понижение или долина, по которой течет река Пегниц. Здания близко примыкают друг к другу, образуя настоящий лабиринт из извилистых улочек с бесконечными мостами и каналами, и в то время как их остроконечные крыши уходят в небо, их фундамент погружается в воду. Остальная часть города лежит на двух склонах, поднимающихся от Пегнеца с обеих сторон, образуя два округа, смотрящих друг на друга через долину. В этой части Нюрнберга улицы просторные, большие и массивные дома из камня с отличительной особенностью, о которой уже говорилось, исключительно высокими крышами. В некоторых случаях шестиэтажный дом был увенчан шестиэтажной покатой крышей с множеством чердачных окон, что, кажется, дом стоит на доме, или один город стоит на земле, а другой находится в воздухе, символизируя старое разделение горожан Нюрнберга на патрициев и плебеев.

Ходить по Нюрнбергу быстро и внимательно его рассматривая, как в современном городе, невозможно. Город, несмотря на его упадок, является

шкафом с антиквариатом, галереей шедевров. На каждом шагу останавливаешься перед каким-нибудь чудом – остроумным девизом, старомодным механизмом, забавным лицом, средневековым деревянным святым, лежащим как пиломатериал в какой-нибудь мастерской, изваянные в камне епископы, рыцари или паломники, видавшие лучшие дни, изящный фонтан, текущий как и прежде, у которого, возможно, останавливались попить воды короли или императоры, превосходный портал, из которого выходил патриций во времена доброго императора Максимилиана, или богатый балкон, с которого выглядывали сверкающие глазки, когда мимо проезжал какой-нибудь рыцарь, или роскошная усадьба, говорящая о тех временах, когда не был известен морской компас и поток товаров на запад протекал через Нюрнберг, а не как сейчас вокруг мыса Доброй Надежды или через Гибралтар.

Спустя некоторое время это место, полное прекрасных и удивительных грез, начинает вызывать у человека восхищение. Дух, живущий в этих творениях, не ослабевает, как будто художник только что отложил в сторону резец. Нельзя поверить, что руки, создавшие их, давно превратились в прах. Нет, они живы, словно они вот-вот выйдут из дверей, и вы их узнаете, этих мастеров, плеяду гениев, чей ум и мудрость, юмор, шутки и веселье разливались, пока каждый камень не смеялся с ними. Где сейчас все эти люди? Все спят на кладбище в полутора милях от городских ворот, каждый в своей узкой могиле, мастерство их рук забыто, но память об их силе все еще сохранилась в городе, где они жили, чтобы удивлять, восхищать и наставлять людей после них.

Из всех зданий Нюрнберга мы посетим только одно – ратушу или Hotel de Ville, где заседали сеймы империи, и где, конечно, проходили заседания сейма, который только что закончился резолюцией, возмутившей Кампеджо и испугавшей Ватикан. Это – великолепное громадное здание в итальянском стиле и снаружи в отличном состоянии. Высокий портал открывает вход в просторный четырехугольник. Это здание было сооружено в 1619 году, но оно включает старую ратушу 1340 года. К старой части принадлежит большой зал, который ранее использовался то, как банкетный зал то, как зал для аудиенций то, как зал заседаний сейма. Кажется, что он может вместить всех жителей Нюрнберга. Но просторность – единственное характерное свойство, оставшееся от его былого блеска. Много времени прошло с тех пор, как император ходил по его полу, воины пировали под этой крышей или сейм собирался в этих стенах. Изглаживающий палец времени поработал над ним, и то, что было великолепием в дни императора, в наши дни просто мишура. Живопись на стенах и потолке, некоторая из которой принадлежит кисти Альберта Дюрера, потеряла свой блеск, и сейчас немного лучше, чем просто цветные пятна. Шелк и бархат мебели потеряли блеск; несколько сохранившихся стульев расшатаны и изъедены жучком, и никто им не вверяет себя. Великолепная люстра все еще свисает с потолка, ее позолота облетела, светильники сгорели; и, напоминая о веселом прошлом, она заставляет

острее почувствовать тусклость и уединенность настоящего. Так проходит мирская слава, так прошло величие императора, которое так часто находило в этом зале сцену, чтобы показать себя.

Давайте зайдем в казематы, расположенные под зданием. Это поможет нам иметь представление о тех ужасах, через которые Свобода должна была пройти в своем марше к нынешним временам. Наш провожатый покидает нас на несколько минут, и, вернувшись, несет в одной руке связку ключей, а в другой лампу. Мы проходим вниз один пролет лестницы и останавливаемся перед большой деревянной дверью. Она закрыта на тяжелый железный засов, который провожатый снимает. Затем, выбрав из связки ключ, он открывает один замок, потом другой, и, толкнув массивную дверь, мы входим и делаем первый шаг в темноту. Мы идем по длинному темному коридору, в конце его мы подходим к другой массивной двери, запертой, как и первая, на тяжелый засов. Провожатый открывает засов и со скрипом, который отдается ужасным эхом в сводчатом коридоре, дверь открывается и позволяет нам войти. Мы спускаемся на несколько пролетов вниз. Нас давно оставил последний луч света, но мы идем вперед с помощью лампы. Какой контраст с позолоченными и расписанными живописью залами наверху!

С обеих сторон на нашем пути молчаливые каменные стены, над головой сводчатый потолок; через шаг проводник останавливается и обращает наше внимание на двери по обе стороны, за которыми располагались камеры или сводчатые казематы для заключенных. Находиться здесь, в живой могиле, в полной темноте, холоде и мучениях было достаточно ужасно, но рядом наготове было нечто более ужасное, что заставляло забывать несчастных обитателей камер обо всех других ужасах их зловещей обители.

Пройдя дальше шаг или два, мы входим в более просторную камеру. Входим, и провожатый освещает лампой все вокруг, показывает нам орудия пыток, которые портятся здесь без применения, хотя раньше ими часто пользовались. Это – длинная железная рама, напоминающая остов длинной и узкой кровати, снабженная поперечными колющими вальцами. Человека, подвергавшегося пытке, клали на горизонтальную дыбу. При каждом движения его тела вперед или назад, вращающиеся призмы, на которых он лежал, врезались в позвоночник, причиняя ужасные страдания. Это был один способ применения дыбы, другой был еще более ужасным. Ноги бедной жертвы привязывали к одному концу железной рамы, руки поднимали над головой и связывали веревкой, которая привязывалась к вороту. Ворот управлялся рычагом; палач кладет руку на рычаг; ворот крутится; веревка натягивается; конечности жертвы растягиваются. Еще один поворот: искры сыпятся из глаз, губы дрожат, зубы сжаты; он стонет, кричит; суставы выворачиваются; мертвенно-бледное лицо и пропадающий пульс говорят, что пытка дошла до крайнего предела физических возможностей.

Страдальца относят назад в камеру. Через несколько недель, когда изувеченное тело немного окрепло, его приносят во второй раз и кладут на ту же кровать пыток, чтобы повторить то же ужасное мучение.

Давайте пройдем немного дальше по этому подземному царству. Наконец, мы подходим к центральной камере. Она более просторная, чем другие. Воздух сырой и холодный, вода просачивается через камни над головой. Кромешная темнота, но здесь есть нечто, что ужаснее темноты, и что мы можем видеть с помощью лампы нашего проводника. К стене приставлено нечто, напоминающее лестницу, это - такой же механизм для пыток, как мы описывали раньше, но не горизонтальный, а вертикальный. Человек подтягивается на веревке с привязанным к ногам грузом, затем внезапно отпускается, и вращающиеся призмы врезаются в обнаженную спину при резком падении.

Есть еще и другая «пытка» в этой страшной камере. В центре потолка находится железное кольцо. Через кольцо проходит крепкая железная цепь, которая свешивается вниз и прикрепляется к вороту. На полу лежит огромный каменный блок с кольцом. Блок прикрепляется к ногам жертвы; его руки связываются за спиной железной цепью, затем он подтягивается к потолку и резко отпускается на расстояние фута от пола или около этого. Рывок такой сильный, что обычно вырывает конечности.

С несчастными людьми, подвешенными таким образом, мучители могли делать что угодно. Они могли рвать их тела щипцами, жечь ступни горящими углями, вводить горящие спички под кожу, сдирать с живых кожу и пробовать на них любой бесчеловечный способ, который могла предложить их злоба и жестокость. Это неприятная тема, и мы ее закрываем. Эти камеры сохранялись для политических преступников. Они считались слишком хорошими для зараженных ересью. Более глубокие казематы и более страшные пытки были приготовлены для исповедников Евангелия. Памятники ужасной жестокости, примененной к протестантам шестнадцатого века можно видеть в Нюрнберге и сегодня. «Святые канцелярии» Испании и Италии были разрушены, и мало что осталось, кроме этих стен, в которых инквизиция делала свое дело; но странно, что в Нюрнберге, как мы можем свидетельствовать, весь механизм пыток представлен в подземных камерах, использовавшихся агентами «Святой Инквизиции». Отложим описание казематов с из ужасными орудиями до тех пор, когда мы будем говорить об инквизиции. Печально думать, что такие тюрьмы были в сердце Германии, в вольном городе Нюрнберге в шестнадцатом веке. Широко известные тюрьмы Венеции – здесь мы тоже говорим после собственного осмотра – не такие мрачные и ужасные. Эти подвалы в Нюрнберге демонстрируют нам насколько суровым было правительство в средние века, пока не пришла реформация, и своим благотворным дыханием не прогнала мировую зиму, смягчила суровость закона, уча милости, а также воздаянию по отношению

к правителю. Это говорит о том, насколько трудно быть патриотом в шестнадцатом веке!

Глава 6 - Ратисбонская лига и реформация.

Протестантизм в Нюрнберге – Германские провинции провозглашают о Евангелии. – Интриги Кампеджио – Ратисбонская Лига – Ратисбонский план реформации – Отвергнут немецкими князьями. – Письмо Папы Климента императору – Письмо императора из Бургоса - Запрещает съезд в Шпейере. – Союз Германии разбит. – Два лагеря – Гонени. – Мученики

Нюрнберг целиком погрузился в пучину реформатского движения. Его не могло сдержать ни неудовольствие папского легата, ни более выразительные угрозы императорского посланника. Умные жители Нюрнберга понимали, что реформация принесла с собой благоприятный воздух, которым легче дышалось. Она обещала городу новый подъем, торговля которого пошла на убыль, искусство стало деградировать, как следствие революций, последовавших за появлением морского компаса. Ежедневно на кафедрах появлялись проповедники; ежедневно люди заполняли большую церковь св.Себальда на северном берегу Пегница и еще более просторный собор св.Лаврентия в южной части города. Свечи погасили, статуи стояли заброшенные в своих нишах, или выносились за дверь; не было видно ни дароносицы, ни каждения ладаном, ни облаток; престол был превращен в стол; на него принесли и положили хлеб и вино; читали молитву, пели псалом и раздавали причастие, причащающихся было 4 000 человек. Это зрелище вызвало у Кампеджо сильное раздражение, но он не знал, как его остановить. Несомненно, Ганаарт думал, что если бы его господин был здесь, то этого бы не случилось; эти высокомерные горожане не посмели бы выставлять ересь на показ перед императором. Но Карла задерживали раздоры с Франциском I и проблемы в Испании.

С того часа, как закончился сейм, стороны начали тщательно готовиться к встрече в Шпейере в ноябре. Князья по возвращению в свои государства начали проводить голосование среди народа по вопросу о церковной реформе; а легат, со своей стороны, не откладывая ни на день, начал плести интриги, чтобы сорвать созыв ассамблеи, грозившей нанести тяжелейший удар по авторитету его господина.

Успех князей, дружелюбно настроенных к реформатской вере, превзошел все ожидания. Единодушным заявлением всех провинций было: «Мы больше не будем служить Римской церкви». Франкония, Бранденбург, Геннебург, Виндсхайм, Вертхайм и Нюрнберг выступили против мессы, семи папских таинств, поклонения изображениям и папской власти. Эти догматические изменения влекли за собой массу административных реформ. Предлог для многочисленных римских поборов, на которые громко жаловались немцы, был отметен. Из Рима больше не будут приходить назначения и прощения, и золото Германии перестанет течь в обратном направлении. Протестантские богословы радовались. Несколько месяцев и голос народа через свой конституционный

орган, сейм, прозвучит в защиту реформации. Движение будет благополучно приведено в гавань.

В такой же пропорции увеличивался страх римской партии. Они видели, как северные ворота открываются во второй раз, и немецкие войска идут на Вечный город. Что было делать? Кампеджо был на месте; и Риму повезло, что он был там, иначе последующие вмешательства Папы и императора могли быть сделаны слишком поздно. Легат применил старую тактику: «разделяй и властвуй».

Покинув сейм, который намеривался захватить основные функции его господина, Кампеджо удалился в Ратисбон и начал работу среди князей Германии по созданию партии. Ему удалось привлечь на свою сторону Фердинанда, эрцгерцога Австрийского, герцогов Баварии, архиепископа Зальцбургского и епископов Трентского и Ратисбонского. Потом к ним присоединилось большинство епископов южной Германии. Кампеджио объяснил собранию, что победа Виттенберга была неизбежной, и что с падением папства связано падение их собственной власти и разрушение существующего порядка. Чтобы избежать столь ужасного зла, 6 июля они решили запретить печатание книг Лютера, не разрешать женатым священникам жить на их территории, вернуть молодежь с учебы в Виттенберге; не менять ничего в мессе и служении; и в заключение, привести Вормский эдикт против Лютера в исполнение. Короче, они решили вести смертельную войну против новой веры.

Как противопоставление этим суровым мерам они пообещали несколько очень мягких реформ. Церковные сборы должны быть облегчены, а церковные праздники стать менее многочисленными. Будучи не в состоянии понять, что впадают в то же заблуждение, которое осудили на сейме в Шпейере, они продолжали устанавливать критерии ортодоксальной веры на основе первых четырех отцов, Амвросия, Иеронима, Августина и Григория, чьи взгляды должны быть приняты за правило, согласно которому все проповедники должны проповедовать Писание. Такова была Ратисбонская реформация, как она была позже названа.

Опубликование проекта легата рассматривалось князьями оппозиционной партии как оскорбление. Разве правильно, спрашивали они, чтобы несколько правителей и епископов представляли страну и выпускали законы для всей Германии? Кто дал им такое право? Кроме того, что хорошего принесет нам реформация, если удалит только мелкие нарушения и оставить крупные нарушения нетронутыми? Не скромные священники, а прелаты и аббаты угнетают нас, и их Ратисбонская конвенция оставляет их пребывать в богатстве и власти. Эта реформа не дает нам ни малейшей надежды на то, что мы в будущем будем защищены от многочисленных поборов римской курии. Осуждая меньшее зло, не санкционирует ли Лига большее? Даже Палавичино признал, что оценка

князьями Ратисбонской реформы была справедливой, когда он сказал, что «врач при лечении больного должен начинать не с легких, а с серьезных средств».

Легат поступил хорошо, и тогда Папа, который понимал, что должен держать ключи крепче или отдать их, энергично поддержал меры Кампеджио. Клемент VII написал Карлу V в настойчивых выражениях о том, что империя находится в бо;льшей опасности от дерзких немцев, чем тиара. Карла не надо было пришпоривать. Он был достаточно энергичным в том, что касалось его как императора. Предложение князей провести сейм независимо от императорского решения сильно ранило его.

Письмо Папы застало императора в Бургосе, столице Старой Кастилии. Атмосфера этого места не способствовала уступкам лютеранству. Все вокруг Карла – собор непревзойденного великолепия, пышное священство, служившее в нем, набожность кастильцев и другие знаки роскоши и власти католицизма – вероятно, возбудило почитание старой религии более обыкновенного и заставило воспринять проект князей как преступление. Он написал им в резких выражениях, что только ему принадлежит право требовать от Папы созыва собора, что только он и Папа имеют право определять время для созыва такого собрания, что когда он увидит целесообразность созыва собора для христианского мира, он попросить Папу созвать его. Но пока до вселенского собора, их обязанностью являлось молчаливое согласие с церковным постановлением, принятым в Вормсе, что на этом сейме все вопросы, которые они собирались обсуждать в Шпейере, были уже определены, и что встречаться для их обсуждения значило нарушить их. В общем, он напомнил им о Вормском эдикте против Лютера и призвал их привести его в исполнение. Он запретил заседание сейма в Шпейере под страхом обвинения в государственной измене и изгнания из империи. Князья, в конце концов, подчинились, и таким образом, запланированный сейм, который пробуждал большие надежды с одной стороны и большие опасения с другой, никогда не состоялся.

Результатом этого было то, что союз Германии распался. С этого часа стал существовать в империи католический сейм и протестантский сейм – католическая Германия и протестантская Германия. Начало было положено Кампеджио, и его действия были поддержаны и завершены Карлом V. Реформация проходила мирно в империи, большинство участников сейма были на ее стороне; несколько княжеств и городов примкнули к ней; намечалась перспектива ее развития под эгидой объединенного отечества. Но этот прекрасный проект был неожиданно и неотвратимо разрушен созданием анти-протестантской лиги. Единство, нарушенное таким образом, никогда не было восстановлено. Нельзя игнорировать тот факт, что это было следствием работы римской партии.

Какой печальный случай, воскликнет читатель. Истинно так. Он должен был искуплен ценою нескольких войн, революций, религиозных и политических сражений в течение трех веков. Христианский мир вступал на путь мирного исправления вековых ошибок – устранения суеверных убеждений, которые отравляли нравы всего мира и создавали основу для церковной и политической тирании. И при очищенном сознании должен был придти более широкий и независимый ум, лучший покровитель наукам, искусству, свободе и промышленности. С появлением этих двух враждующих лагерей судьбы мира неизбежно изменились. С этого времени протестантизм должен был идти по пути костров. Но, если бы не такое множество героических смертей, сотни тысяч мучеников, то протестантизм не имел бы такую славу!

Конференция в Ратисбоне продолжались две недели, и когда она, наконец, закончились, эрцгерцог Фердинанд и папский легат уехали вместе в Вену. По дороге они согласовали практические шаги по созданию лиги. Вскоре шаги стали очевидны. Гаспар Тауберг из Вены, чьим преступлением являлось распространение книг Лютера, был среди первых мучеников. Распространилось мнение, что он должен покаяться. Во дворе церкви св.Стефана были построены две кафедры. С одной Тауберг должен был зачитать свое отречение, а с другой священник должен был прославить этот поступок, как новый трофей власти римской церкви. Тауберг поднялся на кафедру в присутствии огромной толпы, собравшейся во дворе и ждавшей в глубоком молчании первых слов покаяния. К их удивлению он еще смелее исповедовал свою веру. Его немедленно потащили на казнь, обезглавили, а тело бросили в огонь и сожгли. Христианское бесстрашие произвело глубокое впечатление на его сограждан. В Венгрии, в Буде протестантский продавец книг был сожжен вместе с книгами, разложенными вокруг него. Было слышно, как он среди огня выражал свою радость, с которой страдал ради Христа. Инквизитор по имени Райхлер следовал по Вюртенбергу, вешая лютеран на деревьях, прибивая за язык проповедников-реформаторов к столбам, оставляя их умирать там или освобождаться за счет нанесения себе увечья и потери того дара, с помощью которого они служили Христу, проповедуя Евангелие. На территории архиепископа Зальцбурского протестант, которого вели в тюрьму, был освобожден двумя крестьянами, пока стражники пьянствовали в пивной. Крестьян без суда обезглавили за городом. В Баварии было царство террора. Буря обрушивалась не только на тех, кто вел скромную жизнь; городские советники на своем месте, барон в своем замке не находили защиты от преследователей. Страну наводнили шпионы, друг не смел довериться другу.

Это чудовищное неистовство дошло до некоторых частей северной Германии. Заслуживает внимания трагическая судьба Генриха ван Цутфена. Убежав из монастыря Антверпена в 1523 году, когда были схвачены и сожжены реформаторы Эсх и Воус, он проповедовал Евангелие в Бремене в течение двух

лет. Его слава как проповедника росла, и его пригласили проповедовать реформаторское учение ненаставленным людям в Дитмачес. Он приехал туда и только один раз выступил за кафедрой, когда дом, в котором он спал, окружила ночью толпа, разгоряченная речами настоятеля доминиканского монастыря и парами гамбургского пива. Его вытащили из постели, били дубинками, заставили идти пешком много миль по дороге покрытой льдом и снегом и в конце бросили на медленный огонь и сожгли. Таковы были меры, которые «Ратисбонские реформаторы» приняли для борьбы с протестантами и удерживания старых порядков. «Кровью, которую он проливает, - воскликнул Лютер, когда ему рассказали об этих событиях - Папа сам и захлебнется вместе со своими королями и королевствами».

Глава 7 - Взгляды Лютера на Евхаристию и поклонение изображениям.

Новые друзья – Филипп, ландграф Гессенский – Его встреча с Меланхтоном – Присоединяется к реформации. – Герцог Эрнест и другие – Рыцари тевтонского ордена – Их происхождение и история- Королевский дом Пруссии – Свободные города – Служение протестантизму – Разделение – Карлштадт против Лютера по вопросу о Евхаристии – Ранние взгляды Лютера – Рикошет – Сущность язычества. – Opus operatum – Мнение Кальвина и Цвингли – Карлштадт покидает Виттенберг и едет в Орламунд. – Сцена в гостинице Йены – Лютер выступает против идолопоклонства в Орламунде. - Карлштадт уезжает из Саксонии. – Смерть курфюрста Фридриха

В то время как враги создавали лиги и вынимали шпаги из ножен против реформации, новые друзья спешили стать на ее сторону. Именно в это время некоторые самые влиятельные правители Германии вышли из рядов католиков и написали на своих знаменах «Евангелие», объявив, что впредь они будут сражаться только под этим «знаком». Против лагеря, образованного Австрией и Баварией, выступил лагерь ландграфа Гессенского и вольных городов.

Однажды в июне 1523 года рыцарская кавалькада проезжала по дороге, пересекавшей равнину, которая отделяла Франкфурт от гор Таунус. Группа следовала на турнир в Гейдельберге. По дороге они увидели двух одиноких верховых, приближавшихся к ним. Когда они подъехали ближе, ими оказались Филипп Меланхтон и его друг. Рыцарь, возглавлявший первую группу, помчался вперед и, поравнявшись с известным богословом, попросил его повернуть коня и проехать с ним немного. Рыцарь, приветствовавший Меланхтона, был молодым ландграфом Гессенским. Филипп Гессенский понимал мотивы времени и интересовался возможностью нахождения лучшего пути, чем тот, который предлагала римская церковь. Он присутствовал на сейме в Вормсе, был поражен речью Лютера; он настоял на беседе с ним сразу после сейма, и с тех пор не переставал прокручивать этот вопрос в своем сердце. Казалось, что случай свел его с Меланхтоном на этой дороге. Он открыл ему свои мысли, когда ехал рядом, в ответ богослов объяснил графу учение реформации в ясной и доступной форме. Меланхтон дополнил это устное объяснение по возвращению в Виттенберг, написав «краткое изложение обновленного учения христианства», изучение которого заставило графа решиться связать свою жизнь с протестантизмом. Он взялся за дело с характерным для него рвением, так как ничего не делал наполовину. Он сделал так, что Евангелие проповедовалось в его владениях, и так как он взялся за дело во всем энтузиазмом и всей властью своего положения, служение его было необычным. В сражениях его плюмаж часто можно было видеть в самой гуще.

Примерно в то же время другие правители отдали свои сердца и жизни тому же делу. Среди тех, кто начал реформацию в своем княжестве, был герцог Эрнест Люнебургский, курфюрст Палатинский и Фридрих I Датский, который, как и герцог Шлезвигский и Гольштейнский, постановили, что все их подданные могут поклоняться Богу, как руководит ими здравый ум.

За этими начинаниями последовали другие, на которые время наложило свой глубокий отпечаток. Последствия мы продолжаем ощущать и в наше время. Рыцарь, перешедший на сторону протестантизма, был главой прусского дома, а затем маркграфом Бранденбургским.

Главы императорского прусского дома были сначала бургграфами Нюрнберга. Как мы уже говорили, они продали свое положение и на эти деньги купили маркграфство Бранденбурга. В 1511 году Альберт, который был тогда главой дома Бранденбурга, стал великим магистром тевтонского ордена. Он беседовал с Лютером и просил его совета. «Откажитесь от звания великого магистра, распустите орден, - сказал реформатор – возьмите жену, и превратите ваше квази-религиозное владение в светское наследное герцогство». Альберт, послушавшийся совета Лютера, открыл для себя и своей семьи путь, который в будущем должен был привести к императорской короне. Он распустил монашеский орден, исповедовал реформатскую веру, женился на датской принцессе и объявил Пруссию наследным герцогством под польской короной. В империи он был объявлен вне закона, но, однако, сохранил свои владения. Со временем его богатое наследство перешло по линии курфюрстов его дома, и титул герцога сменился более высоким титулом короля. Состояние его дома продолжало расти, пока, наконец, его глава не занял место среди самых влиятельных правителей Европы.

Его ждала еще одна и более высокая ступень. В 1870 году по окончании франко-германской войны король Пруссии стал императором Германии.

За князьями, а иногда и впереди них, шли вольные города. Мы говорили об их подъеме в предыдущей главе. Фактически они приготовили почву для принятия протестантизма. Они были очагами искусств, культиваторами знаний и стражами свободы. Мы уже видели, что в Нюрнберге во время заседания сейма, несмотря на присутствие папского легата и императорского посла, протестантизм проповедовался ежедневно в двух кафедральных соборах, и когда Кампеджио угрожал арестовать и наказать проповедников от имени своего господина, городской совет строго запретил ему касаться даже волос на их головах. Другие города последовали примеру Нюрнберга. Городские сеймы Ульма и Шпейера решили, что необходимо, чтобы священники придерживались в проповеди чистого Евангелия, и чтобы они были связаны взаимным обещанием защищать друг друга в случае попыток привести в исполнение эдикт Вормса.

В тот самый момент, когда протестантизм мощно разрастался извне, внутри него появилось слабое место. Реформаты вместо создания единого войска начали разделяться на два лагеря – лютеране и реформаты. Именно сейчас мы прослеживаем начало разделения на две сильные партии, которое продолжается до сих пор, чтобы разобщить протестантский мир и сдержать движение реформации.

Различие сначала определялось двумя людьми. Лютер и Карлштадт сражались бок обок против д-ра Экка в Лейпциге; к сожалению, они разошлись во мнениях в вопросе об Евхаристии, и начали воевать друг с другом. Мало кто мог идти ровным шагом по пути Истины, когда она переходила от материального и символического к чистому закону. Некоторые отставали, полностью полагаясь как на символы, так и на реальные факты, которые они обозначали; другие превосходили Истину, пытаясь отделить ее от установлений, которые Бог счел необходимыми для ее работы в этом мире. Фанатики, которые появились на этом этапе реформации, недооценивали Слово и таинства, короче, все внешние законы, и утверждали, что религия относится исключительно к духовному общению, и что люди должны руководствоваться внутренним светом. Лютер отчетливо понимал, что эта теория быстро разрушит не только внешний мир религии, но и внутренний, духовный мир. В его взглядах произошло некоторое отступление. Он не только остановился в своем продвижении, но и отошел назад; и отступление, которое мы наблюдаем в нем с тех пор, было не просто отступлением от новой мистики, но отступлением от самого себя. Прямота и смелость, которые были характерны для его суждений по теологическим вопросам, теперь оставили его, и что-то из прежнего тумана стало собираться вокруг него и помрачать его разум.

На раннем этапе его пути (1520 г.) в своей работе, озаглавленной Вавилонское пленение, он выражался терминами, которые предполагали, что он признает только духовное присутствие Христа в Евхаристии, и что причастнику надо было только верить в Христа, присутствующего таким образом, чтобы приобщиться Тайной Вечери. Это учение никоим образом не отличается от последующего учения Кальвина и от учения, которому яростно противостоял Лютер в случае с Цвингли и богословов швейцарской реформации. К сожалению, Лютер, уловив истинное значение Тайной Вечери, снова потерял его. Он не смог удержать твердую позицию, которую он занимал какое-то время; он отошел на прежние полу-материалистические позиции, к задержке своего собственного развития, к разделению протестантской армии.

Главным принципом протестантизма является то, что церковные законы становятся для нас «эффективными средствами» спасения не по «добродетели в них» или «в том, кто их соблюдает», а исключительно по «благодати Бога» и благодаря «работе» Его Духа в тех, кто по вере принимает это. Это проводит

четкую разделительную черту между установлениями реформаторской церкви и обрядами язычества и католицизма. Именно языческое учение оказало магическое, колдовское влияние на все обряды, посредством которых происходило очистительное преобразование в душе верующего. Это было сущностью язычества. В жертвоприношении, в освященной воде, в любом обряде присутствовала невидимая, но могущественная сила, которая сама обновляла и преобразовывала человека, исполнявшего обряд, или за кого он совершался. Это учение перешло на католицизм. Во всех его священниках и во всех его обрядах было таинство, сверхестественное свойство которое преобразовывало и освящало людей. Оно называлось "opus operatum", так как согласно этой теории спасение достигалось просто исполнением этого обряда – «совершением этого дела». Не Дух возрождал человека, и вера не нужна была для него; работа совершалась единственно силой этого обряда. Это учение превращает евангельские заповеди в заклинания и заставляет их действовать просто магически.

Лютер был близко к тому, чтобы полностью освободиться от этого верования. Он полностью освободился от него относительно христианского учения. Его учение об оправдании исключительно по вере предполагало полный отказ от этой идеи, но относительно Евхаристии он не полностью доказал свое освобождение от прежних верований. Что касается Тайной Вечери, он потерял из виду основную истину, которая увела его самого и христианство от монашеских оков. Он смог понять, что только вера в послушание и смерть Христа способствовали оправданию, прощению и полному спасению грешника; но, однако, он не мог понять, что вера в духовное присутствие Христа в Евхаристии является пищей для верующего. Последнее является еще одним приложением кардинальной доктрины Лютера об оправдании по вере.

Лютер был шокирован крайностями, к которым прибегали анабаптисты, оправдываясь в значительной мере этими выводами. Он видел, как он полагал, что всему христианству собирались придать символический смысл, и оно готово было заблудиться в лабиринте мистицизма. Поэтому он отступил к учению об импанации или единосущии, которую проповедовал доминиканец Жан из Парижа в конце тринадцатого века. По этому учению плоть и кровь Христа телесным образом присутствовали в святых дарах, но также оставались субстанциями хлеба и вина. Лютер считал, что в, под или наряду со святыми дарами присутствует тело Самого Христа; и что после освящения хлеб является как хлебом, так и плотью Христа, а вино как вином, так и кровью Христа. Он отстаивал свое убеждение буквальным переводом слов установления: «Сие есть плоть Моя». «Я прошел через многие тяжелые борения, находим его слова, и вынужден был принять учение, с помощью которого я смог нанести сокрушительный удар по папству. Но текст Писания является очень важным для меня, я – его пленник и не могу отклониться».

Карлштадт отказался преклониться перед авторитетом великого богослова в этом вопросе. Он соглашался с Лютером 1520 года, но не с Лютером 1524 года. Карлштадт считал, что не было плотского присутствия Христа в святых дарах; что освящение не действует на хлеб и вино; что Тайная Вечеря – только воспоминание о смерти Христа, и питает причастника живым представлением этого по вере. Взгляды Карлштадта заметно отличались от взглядов Лютера, но они не дошли до учения о Евхаристии, которое должно было потом установиться в процессе дискуссий и окончательно принято Цвингли и Кальвином.

Так как Карлштадт был связан по рукам и ногам при высказывании своих взглядов в Виттенберге, о чем легко догадаться, он искал более свободную сцену, на которой мог о них говорить. В начале 1524 года он переехал в Орламунд, и начал там пропагандировать свои взгляды. Мы не будет на этом этапе разворачивать дискуссию, она встанет перед нами потом, когда более великие борцы, чем Карлштадт выйдут на арену, и когда мы сможем проследить с большей пользой и преимуществом последующие этапы этой великой войны, печально развернувшейся в стане реформации.

Однако мы должны отметить один эпизод военных действий. Не боясь более присутствия Лютера, смелость и рвение Карлштадта росли с каждым днем. Не будучи довольным в Виттенберге противостоянием учению о Евхаристии, он напал на Лютера на предмет изображений. Старая закваска монахов – сила которой проявилась в ужасной борьбе, которую ему пришлось испытать прежде, чем он пришел ко Кресту – не была полностью вычищена из реформатора. Лютер не только терпел присутствие изображений в церкви, подобно Цвингли, ради слабых в вере; он боялся убрать их даже, когда верующие хотели этого. Он думал, что они могут быть полезными. Карлштадт объявлял эти тенденции и слабости папизмом. Умы жителей Орламунда воспламенились под напором его речей, поднялись беспорядки; и курфюрст послал Лютера в Орламунд, чтобы успокоить взбушевавшиеся воды. Небольшое размышление, возможно, научило Фридриха, что его появление могло вызвать бурю; так как реформатор поколебался в самообладании и спокойной уверенности, которые он до сего времени проявлял перед лицом оппозиции.

Лютер по дороге в Орламунд проезжал через Йену, куда он прибыл 21 августа 1524 года. Из этого города он написал курфюрсту и герцогу Иоганну, убеждая их применить свою власть для укрощения духа фанатизма, начавшего порождать акты насилия. Вряд ли нужно было это убеждение, так как он в тот момент выполнял поручение курфюрста именно с этой целью. Однако это показывает, что, по мнению Лютера, реформация подвергалась большему риску от безумства фанатиков, чем от жестокости преследователей. «Фанаты – писал он в письме – ненавидят Слово Божие и кричат: Bible, Bubel, Babel (Библия, Бубель, Вавилон). Что это за дерево, которое приносит такие плоды; врываются в церкви

и монастыри, сжигают изображения и святых? Христиане должны использовать Слово, а не руку. По Новому Завету дьявола изгоняют обращением сердца, и тогда падает он и все его дела.

На следующий день он проповедовал против мятежа, разрушения иконостасов, отрицания реального присутствия Христа в Евхаристии. Потом, когда он сидел за ужином с пастором Йены и городскими чиновниками, ему вручили бумагу от Карлштадта. «Пусть он войдет», сказал Лютер. Карштадт вошел. «Вы напали на меня сегодня, - сказал Карлштадт Лютеру – как на автора мятежа и убийства; это – ложь!» «Я вас не упоминал, – ответил Лютер; однако, если принимаете на свой счет, значит, есть основания». «Я могу продемонстрировать, сказал Карлштадт, что ваше учение о Евхаристии противоречиво». «Докажите ваше утверждение», возразил Лютер. «Я хочу вступить с вами в открытый диспут – сказал Карлштадт – в Виттенберге или Эрфурте, если вы дадите мне охранную грамоту». «Никогда не бойтесь этого», сказал Лютер. «Вы связываете меня по рукам и ногам, а потом бьете меня!» - воскликнул Карлштадт в запальчивости. «Пишите против меня», сказал Лютер. «Я бы писал, – сказал второй – если бы знал, что вы говорите серьезно». «Вот, - воскликнул Лютер – возьмите это в знак моей серьезности», протягивая золотой флорин. «Я охотно приминаю вызов», сказал Карлштадт. Затем показав его собранию, сказал: «Вы – мои свидетели, что это дает мне право писать против Лютера». Он положил флорин в кошелек. Затем он протянул руку Лютеру, который угостил его вином. «Чем яростнее вы будете нападать на меня, - сказал Лютер – тем больше удовольствия вы мне доставите». «Не моя вина, - ответил Карлштадт – если мне не удастся этого сделать». Они выпили друг за друга, и после того, как пожали друг другу руки, Карлштадт ушел.

Подробности этого разговора можно найти в записях партии враждебной реформатору, и Лютер обвинил их в значительном преувеличении.

Из Йены Лютер продолжил путешествие и прибыл в Орламунд в конце августа. Сам реформатор не оставил никакой записи своей беседы с Карлштадтом. Историки, в основном, ссылаются на отчет Рейнхарда, пастора Йены и очевидца. Его правдивость ставилась Лютером под сомнение, а так как Рейнхард был другом Карлштадта, то, вероятно, отчет был приукрашен. Но возражая, Лютер, казалось, поспешил открыть брешь в армии протестантов и отнесся к ответственности слишком легко, забыв об истине, которую провозгласил Мельхиор Адам, и которую жизнь подтвердила тысячу раз, «одной искры достаточно, чтобы загорелся весь лес». В споре Лютер не одержал победы; он нашел на воде только рябь, и взбаламутил ее до бури.

Собрав городской совет и граждан Орламунда, Лютер обратился к ним, когда вошел Карлштадт. Подойдя к Лютеру, Карлштадт приветствовал его: «Дорогой доктор, если хотите я введу вас в курс дела». «Вы – мой противник, я дал вам в

залог флорин». «Я всегда буду вашим противником, - возразил второй – до тех пор, пока вы будете противником Богу и Его Слову». После этого Лютер настоял, чтобы Карлштадт удалился, поняв, что ему не удастся в присутствие Карлштадта выполнить поручение, с которым он приехал по приказанию курфюрста. Карлштадт отказался на том основании, что эта была добровольная встреча, и если он был виноват, почему его присутствия нужно бояться. На этом Лютер повернулся к своему спутнику и приказал ему сразу же закладывать лошадей, так как он немедленно должен был покинуть город; после чего Карлштадт удалился.

Оставшись наедине с горожанами Орламунда, Лютер продолжил то дело, ради которого курфюрст прислал его, а именно устранить предрассудки идолопоклонства и успокоить волнение в городе. «Докажите мне, - сказал Лютер, открывая диспут – докажите мне по Писанию, что изображения нужно уничтожить». «Доктор, - возразил советник – вы только скажите – знал ли Моисей Божьи заповеди?» Затем открыв Библию, он прочитал следующие слова: «Не делай себе кумира и никакого изображения. То же можно было ответить на: докажите мне по Писанию, что изображениям надо поклоняться.

«Этот отрывок относится только к изображениям идолов», ответил Лютер. «Если я в своей комнате повесил распятие, которому я не поклоняюсь, какой вред оно может мне принести?»

Такова была позиция Цвингли, но Лютер не мог принять ее полностью.

«Я бывало часто – говорил сапожник – снимал шляпу перед статуей в комнате или на дороге, что является актом идолопоклонства, который отнимает у Бога славу, принадлежащую только ему».

«Чтобы избежать злоупотребления, - ответил Лютер – мы должны уничтожить женщин и вылить вино на улицу».

«Нет, - последовал ответ – они Божьи творения, которых не велено уничтожать».

Нетрудно понять, что Лютер был неравнодушен к изображениям. Он не мог избавиться от определенного их почитания. Он боялся протянуть руку и свергнуть их, и также не разрешал этого делать тем, кто хотел. Сразу после окончания диспута он уехал из Орламунда при явных признаках народного недовольства. Это было одно из многих полей, на которых он сражался, и которые ему суждено было покинуть в бесчестии.

Карлштадт на этом не остановился. Он бросил свое влияние на чашу весов прорицателей, и яростно выступал против Лютера и лютеран. Этого курфюрст Фридрих не мог стерпеть. Он приказал Карлштадту покинуть его владения; и последний, подчинившись, поехал на юг в направлении Швейцарии, проповедуя везде свое мнение о Евхаристии и выражая более ревностно и громко свою

ненависть к Лютеру, которого он обвинял во всех своих несчастьях. Пожилой курфюрст, по чьему приказу он оставил Саксонию, начинал побаиваться, что реформация заходить слишком далеко. Его вера в реформацию продолжала расти, и только укреплялась по мере приближения конца, который был недалеко, но политические предвестия приводили его в смущение. Волнение человеческих умов, появление многих новых диких идей, сопутствующих обычно великим революциям, вызывало у него тревогу. На горизонте собирались тучи, но добрый Фридрих сошел в могилу в мире и не видел тех бурь, которым суждено было сотрясти мир при рождении протестантизма.

Покой царил в комнате, где Фридрих Мудрый вздохнул в последний раз. В 1525 году, 4 мая он продиктовал личному секретарю последние наставления для своего брата Иоганна, который наследовал ему и находился в отсутствии с армией в Тюрингии. Он завещал ему обходиться с крестьянами по-доброму и освободить их от налога на вино и пиво. «Не бойся, - писал он – наш Господь Бог обильно возместит нам другими путями». Вечером Спалатин вошел в покои курфюрста. «Правильно, - сказал старый господин, и улыбка озарила его лицо – что ты пришел навестить больного человека». Его кресло подкатили к столу, и, вложив свою руку в руку Спалатина, высказал все, что накопилось относительно реформации. Его слова показали, что тучи, которые смущали его, рассеялись. «Божья рука – сказал он – все направит к благополучному исходу».

Утром следующего дня он причастился под обоими видами. Этому свидетелями были его домашние, стоявшие вокруг, заливаясь слезами. Испросив у них прощение, если чем-нибудь их обидел, он попрощался с ними. Завещание, которое было подготовлено за несколько лет до этого, и в котором он вверял свою душу «Божьей матери», было принесено и сожжено. Было продиктовано другое завещание, в котором он уповает только на «заслуги Христа». Это был его последний труд, имевший отношение к земному; он углубился в мысли о своей кончине, которая была недалеко. Взяв в руку трактат о духовном утешении, который Спалатин приготовил для него, он попытался читать, но задача была слишком трудной. Приблизившись к его постели, капеллан прочитан несколько обетований из Слова Божьего, которое курфюрст прилежно и преданно изучал последние годы. С этими словами пришло спокойствие, и облегчение для души; и в пять часов дня он отошел так тихо, что, только нагнувшись над ним, его врач мог заметить прекращение дыхания.

Глава 8 - Крестьянская война.

Новая опасность – Немецкое крестьянство – Их угнетение – Угнетение усугубляется. – Реформация пытается облегчить их страдания. – Бунт – Обвиняют реформацию. – Линия поведения Лютера – Его предостережение духовенству и крестьянам – Восстание в Швабии – Распространяется на Фраконию и другие области. – Шварцвальд – Крестьянская армия – Опустошения – Убийства – Граф Людвиг из Гельфенштейна – Доходит до Рейна. – Всеобщий ужас – Армия князей – Бунт подавлен. – Вайнсберг – Расплата – Томас Мюнцер – Уроки восстания

Солнце реформации всходило на небе, обещая наполнить весь мир светом. Через мгновение появилась туча, заслонила небосвод, угрожая поглотить молодой день во тьме ужасной ночи.

Лютер не предвидел проблемы, возникшей теперь. Предполагалось, что Папа, которого реформация лишала тиары, со всей духовной и светской властью будет анафематствовать ее; что император, чьи политические планы и амбиции она разрушала, развяжет против нее войну; что многочисленные ордена митры и сутаны усилят оппозицию; но то, что люди, с чьих глаз должно быть снято покрывало духовной темноты, а с рук оковы плотского рабства, будет стремиться уничтожить ее, не входило в планы Лютера. Однако ужасный удар – самый тяжелый, который испытала реформация – пришел ни от Папы, ни от императора, а от людей.

Угнетение немецкого крестьянства росло с каждым столетием. Они давно были лишены привилегий, которыми пользовались их отцы. Они больше не могли ходить по лесам по своему желанию, стрелять дичь и строить хижины там, где им хотелось, и где они считали нужным. У них были отняты не только прежние права, они были вынуждены подчиняться новым унизительным ограничениям. Привязанные к родным местам во многих случаях, они были вынуждены проливать пот, обрабатывая поля, и кровь в сражениях на стороне своих господ. К плотскому угнетению добавлялось духовное рабство. Небольшую часть земных благ, которую барон давал им, священник вымогал с помощью духовных угроз, наполнив, таким образом, чашу их страданий до краев. Контраст делал их жизнь еще горше. В то время как одна часть Германии утопала в тяжелой работе и нищете, другая часть возвышалась в богатстве и власти. Вольные города добивались больших успехов в обретении свободы, и на их примере крестьяне учились добиваться такой же независимости, даже объединяться. Науки и искусства будили мысль и побуждали к действиям. Наконец пришла реформация, и эта огромная сила значительно расширила диапазон человеческого видения, неся учение о равенстве всех людей и ослабляя центральную власть или верхний камень европейского свода, а именно, папство.

Для многих стало очевидно, что настал тот час, когда зло, действовавшее с древних времен и усилившееся в последнее время, должно быть устранено. Терпение страдальцев истощилось; они начали чувствовать свою силу; и, если их господа не снимут с них оковы, они снимут их сами в слепой ярости и сокрушающем неистовстве пропорциональными тому невежеству, в котором они удерживались, и деградации, до которой они дошли. Выражаясь словами красноречивого писателя и философа, писавшего позднее «они желали разбить свои оковы на головах угнетателей».

Уже были слышны раскаты приближавшейся бури. Первые мятежи и волнения разразились в некоторых германских государствах. Окончание предыдущего столетия ознаменовалось восстанием буров в Голландии, которые маршировали по стране под флагом, на котором был изображен гигантский сыр. Шестнадцатый век начался с подобных волнений. Каждые два или три года возникала «новая лига», за которой следовал «народный мятеж». Это предостерегало правителей как светских, так и духовных от того, что у них нет в будущем другой альтернативы, кроме реформации или революции. Шпейер, Вюртемберг, Коринтия и Венгрия были последовательными аренами восстаний, которые имели одну и ту же причину – рабский труд, бремя, становившееся все тяжелее, и права, становившееся все меньше. Бедные люди, ставшие грубыми по неведению, знали только один способ, чтобы защитить себя – разрушение монастырей, разорение земель, уничтожение богатств и в некоторых случаях расправа с угнетателями.

Именно в этот час на сцену вышла реформация. Она пришла с исцеляющим действием, чтобы изменить сердца, обуздать человеческие похоти и приучить к самообладанию мятежный дух, угрожавший разрушить мир. Она достигла своей цели в определенной степени; она бы достигла ее окончательно, она бы обратила сердца правителей к подданным и сердца людей к правителям, если бы она распространилась свободно среди обоих классов. Тем не менее, она принесла передышку бунтарскому насилию, которое становилось обычным явлением. Но вскоре ее распространение было насильно остановлено, а затем она была обвинена в авторстве того зла, которое ей не позволили исцелить. Видите, сказал герцог Георг Саксонский, какую бездну открыл Лютер. Он оскорбил Папу; он плохо говорил о высокопоставленных лицах; он наполнил умы людей высокими понятиями собственной значимости; и своими доктринами он посеял семена всеобщего беспорядка и анархии. Лютер и его реформация являются причиной крестьянской войны. Кроме герцога Георга многие посчитали удобным закрыть глаза на собственные преступления, и сделать Евангелие козлом отпущения за грехи, которые они сами совершили. Даже Эразм упрекнул Лютера следующими словами: «Мы пожинаем то, что ты посеял».

Мы находим некоторое оправдание этим обвинениям у Томаса Мюнцера, который внес религиозный элемент в это прискорбное восстание. Мюнцер был преданным последователем реформации, но он считал, что христианину недостойно руководствоваться каким-либо реальным авторитетом, даже Словом Божьим. Он был призван к «свободе»; законом или границей этой «свободы» был его внутренний свет. Он утверждал, что Лютер, установив положения и формы, создал еще одно папство; Мюнцеру не нравилось папство Виттенберга даже больше, чем папство Рима. Политические взгляды Мюнцера на свободу совпадали с его религиозными взглядами. Подчинение князьям было равносильно служению Велиару. У нас нет другого владыки, кроме Бога. Евангелие учит, что все люди равны, и это он истолковывал, скорее, ложно истолковывал, как демократическое учение о равенстве званий и общности благ. «Мы должны умерщвлять плоть постом и простой одеждой, выглядеть серьезно, говорить мало и носить длинную бороду». «Это и подобное – пишет Слейдан – он называл крестом». Таков был человек, который препоясавшись «мечом Гедеона», возглавил мятежных крестьян. Он привил им свой мистический дух и учил добиваться свободы, руководствуясь своими собственными суждениями и настроениями.

Крестьяне изложили требования (январь 1525 года) в двенадцати пунктах.

Учитывая разгоряченное настроение тех, кто писал их, эти пункты были разумными и умеренными. Бунтовщики требовали возврата некоторых свободных владений, принадлежавших их предкам, и некоторых прав на охоту и рыбалку, которыми они ранее пользовались, но потом были лишены. Далее они требовали значительного уменьшения налогов, которые были для них тяжким бременем и были введены сравнительно недавно. В начале требований о правах они поставили вопрос о свободном выборе священников; и еще одной особенностью документа являлось то, что каждый пункт подтверждался отрывком из Писания.

Просвещенная система признала бы в основном эти требования. Мудрые князья сказали бы, давайте разрешим этим миллионам пользоваться землей, водой и лесами, как это делали их отцы; давайте превратим их из рабов в свободных людей, будет лучше, если их мастерство возрастет, а их доблесть будет защищать наши территории, чем будем поливать их кровь. Но, увы, в то время не хватило мудрости, чтобы принять такое направление. Те, кому предъявлялись эти требования, сказали «Нет», положив руку на шпагу.

Корабль реформации проходил в то время между Сциллой учрежденного деспотизма и Харибдой народного произвола. Требовалось редкое мастерство, чтобы правильно вести его. Объединит ли Лютер свое движение с движением крестьян? Мы можем предположить, что у него было искушение попытаться управлять бурей в надежде направить ее ярость на свержение системы, которую

он считал источником угнетений и несчастий, наполнявших христианский мир, и которая вызвала, наконец, такие мощные волнения. Кто-то менее духовный и с меньшей верой в жизнестойкость реформации мог бы соблазниться связать свое дело с этой бурей. Но Лютер отклонился от этого направления. Он знал, что объединить такое святое дело как реформация с движением, в лучшем случае, политическим, значило запятнать его; и брать человеческий меч ради этого движения значило потерять право на помощь более сильного меча, который один мог одержать победу в этой битве. У реформации был свой путь и свое оружие, и, если она останется верной ему, то наверняка победит в конечном итоге. Она исправит все заблуждения, вскроет все ошибки, примирит все ссоры, распространив свои принципы и свой дух среди людей. Поэтому Лютер остался в стороне.

И более того, это позволило ему в нужный момент встать между угнетателем и угнетенным и рассказать обоим немного об истине. Обратившись к князьям, он напомнил им о продолжительной тирании, которой они и их отцы подвергали бедных людей. К епископам он обратился еще более просто. Они скрыли свет Евангелия от людей, они подменили обманом и баснями учение Откровения; они наложили оковы на людей с помощью нечестивых обетов; они грабили их с помощью неправедных поборов, и теперь они пожинают то, что посеяли. Он сказал им, что сердиться на крестьян – равносильно тому, что обвинять глупого человека, который обращает свой гнев против палки, которой его бьют, а не против руки, которая орудует ею. Крестьяне были всего лишь орудием в руке Божьей для их наказания.

Затем Лютер обратился к восставшим. Он признал, что их жалобы были не беспричинны, и тем самым он показал, что имеет сердце, сострадавшее им в несчастьях, но он честно сказал им, что они выбрали не то направление для их устранения. Они никогда не облегчат свою судьбу восстанием; они должны проявить христианское смирение и ждать постепенного и верного исправления своих личных заблуждений и всего общества с помощью Божественной целительной силы Евангелия. Он пытался укрепить предостережение на своем примере. Он не взял в руки шпагу; он полагался всецело на помощь Евангелия; и они сами поняли, как много оно сделало всего через несколько лет, чтобы сотрясти власть угнетавшей иерархии вместе с политическим деспотизмом, поддерживавшим ее, и улучшить состояние христианского мира. Ни одна армия не могла бы проделать и половину этой работу за время в два раза большее. Он просил их позволить развиваться этому процессу дальше. Миру помогут проповедники, а не солдаты, Евангелие, а не восстание. И он предупредил их, если они будут противостоять Евангелию во имя Евангелия, они только укрепят ярмо врагов на своих шеях.

Смелость реформатора была не менее заметной, чем его мудрость, в том, как просто он обращался к двум таким партиям в такой час. Но Лютера мало благодарили за его преданность. Князья обвиняли его в защите восстания, так как он отказывался произносить окончательное осуждение крестьянам; а крестьяне обвиняли его за то, что он раболепствовал перед правителями, так как он не был полностью на стороне восставших. Потомки рассуждают по-другому. В этой, как и в любой другой критической ситуации, Лютер вел себя с огромной сдержанностью и мудростью. Однако ему не хватило рассудительности, и буря разразилась.

Первая мятежная туча накрыла Швабию, недалеко от истоков Дуная. Она появилась летом 1524 года. Мятежный дух распространялся подобно лесному пожару по Дунаю, поднимая крестьян на восстание, наполнив города волнениями, бунтами и террором. К концу года Тюрингия, Франкония и часть Саксонии были охвачены огнем. В начале весны 1525 года пожар распространился дальше. Именно тогда «двенадцать пунктов», на которые мы ссылались выше, были напечатаны, и стали знаменем, вокруг которого собирались восставшие. Иоганн Мюллер из Бульбенбаха ходил по Шварцвальду, одетый в красный плащ и красную шапку, впереди него несли триколор, – красно-черно-белый – а сзади шел глашатай, который громко читал «двенадцать пунктов» и требовал присоединения жителей тех районов, через которые он проходил. Крестьянская армия, следовавшая за ним, постоянно укреплялась новыми пополнениями. Города слишком слабые, чтобы оказать сопротивление гигантским бандам, открывали им ворота, и немало рыцарей и баронов, испугавшись, присоединялись к их рядам.

Волнение восставших вскоре переросло в ярость. Их марш больше не был просто шумным, но разрушительным и опустошающим. Страна напоминала дорогу, по которой прошло захватническое грабительское войско. Поля были вытоптаны, сараи и амбары опустошены, дворянские замки разрушены, монастыри сожжены дотла.

Армия восставших причинила еще больше страданий. Они начали окрашивать свой путь кровью несчастных жертв. Они безжалостно убивали тех, кто оказывался в их власти. На Пасху они преподнесли сюрприз Вайнсбергу в Швабии. Они приговорили его гарнизон к смертной казни. Судьба его командира, графа Людвига Хельфенштейна была крайне тяжелой. Его жена, родная дочь императора Максимилиана, упала к ногам бунтовщиков, держа в руках сына-младенца, и умоляла со слезами на глазах пощадить ее мужа. Но тщетно. Они пронзили его пиками. Он скончался от многочисленных ран.

Казалось, что этому пожару суждено было разрастаться, пока не поглотит весь христианский мир; как-будто разрушительная работа должна была продолжаться, пока не падут все преграды порядка, не сотрутся все символы власти и остановит

свой ход только тогда, когда установится всеобщая демократия, где не будет ни сословий, ни собственности. Пожар распространился на запад до Рейна, где он поднял волнения в городах Шпейере, Вормсе и Кельне, и заразил Пфальц лихорадкой кровавой мести. Он охватил Эльзас и Лотарингию. Он поразил Баварию и Вюртемберг до Тироля. Он распространился от Саксонии до Альп. Епископы и знать убегали от него. Правители, застигнутые врасплох, оставались без союзников и теряли присутствие духа, и, говоря языком Писания, были «гонимы, как пыль от вихря».

Но вскоре они оправились от своего оцепенения и стали объединять свои силы. Альберт, граф Мансфельда, был первым, кто предпринял боевые действия. К нему присоединился с присущим ему духом храбрости Филипп, ландграф Гессенский, за которым вскоре последовал Иоганн, курфюрст Саксонский, и Генрих, герцог Брансвикский, все они объединились для борьбы с мятежными невежами. Если бы дело находило поддержку у папских правителей, то восстание бушевало бы без всякого сопротивления. В 1525 году 15 мая объединенная армия подошла к лагерю восставших во Франкенхаузене, который возглавлял Мюнцер. Обнаружив, что восставшие были плохо вооружены и укрывались за убогой баррикадой из нескольких повозок, они послали представителя с предложением о перемирии при условии, что они сложат оружие. По совету Мюнцера представителя убили. Обе стороны приготовились к сражению. Вождь крестьянской армии Мюнцер обратился к ним с пламенной речью, прося их не бояться армии тиранов, с которой они должны были вступить в бой; что меч Господа и Гедеона будет сражаться за них; что они сегодня увидят чудесное освобождение, как израильтяне у Чермного моря, как Давид, когда он сражался с Голиафом, как Ионафан, когда он напал на войско филистимлян. «Не бойтесь – сказал он - их больших ружей, так как своим плащом я поймаю все пули, выпущенные в вас. Разве вы не видите, как милостив к нам Бог? Поднимите глаза, видите ту радугу в облаках; так как на нашем знамени нарисовано то же самое, Бог говорит нам через эту картину, которую показывает нам с небес, что Он будет с нами в битве, и что Он полностью разгромит наших врагов. Смело нападайте на них».

Несмотря на уверенность в победе, войско мятежников при первой атаке бежало в полном замешательстве. Мюнцер был в первых рядах бежавших. Он спрятался в доме возле ворот, где его после сражения нашли спрятавшимся на чердаке. Его арестовала стража герцога Георга. В этом столкновении было убито 5 000 крестьян, и союзники могли передислоцировать силы во Франконию, где восстание все еще бушевало со всей яростью. Мятежники сожгли здесь около 200 замков, не считая домов знати и монастырей. Они захватили город Вирцбург и осадили замок, но Труше атаковал их, нанес поражение и обратил их в бегство.

Лютер снова поднял свой голос, чтобы выразить явное осуждение движению, которое от требования справедливых прав перешло к грабительской и убийственной войне. Он призвал всех к оружию и сопротивлению. Союзные правители поставили Георга фон Труше генералом армии. Подойдя к берегу озера Констанца и разделив солдат на три отряда, Труше мощно атаковал мятежников. Было несколько сражений, города и крепости были осаждены; крестьяне яростно противостояли, зная, что они должны либо победить, либо понести ужасное возмездие; но армия князей одержала победу. Кампании этого лета было достаточно, чтобы подавить гигантский мятеж, но страшный удар нанесли победители ордам фанатиков. Они убивали их десятками тысяч на полях сражений; они рубили их при отступлении, и нередко они хладнокровно отправляли на тот свет тех, кто сдавался при условии о помиловании. По самым низким оценкам число погибших составляло 50 000 человек, по другим источникам до 100 000 человек. Когда мы примем во внимание огромную территорию, которую охватило восстание, и масштаб побоища, которым оно усмирялось, мы, вероятно, согласимся, что последняя цифра ближе к истине.

Особое возмездие пало на Вайнсберг, место смерти графа Хельфенштейна. Его убийцы были арестованы и казнены. Смерть одного из них была особенно трагичной. Его привязали к столбу цепью, которая была достаточно длинна, чтобы бегать вокруг столба. Труше и другие знатные люди принесли дрова, и, разложив вокруг столба, разожгли огромный костер. Когда несчастный человек дико прыгал среди горящего хвороста, князья стояли рядом и насмехались над его страданиями. Сам город был сожжен дотла. Мюнцер, духовный лидер, который зажигал крестьян речами, знамениями, утверждениями, что их враги будет чудесным образом уничтожены и гарантией «поймать все пули в свои рукава», после того, как он стал свидетелем провала своего предприятия, был взят и обезглавлен. Перед казнью он предстал перед герцогом Саксонским Георгом и ландграфом Филиппом. На вопрос, почему он вел многих людей к погибели, он ответил, что «просто выполнял свой долг». Ландграф всячески пытался показать ему, что подстрекательство к мятежу и мятеж запрещаются по Писанию, и что христиане не могут мстить за зло, причиненное им, по своему желанию. На это он ничего не ответил. На дыбе он, то кричал, то смеялся, но перед смертью он открыто признал свои заблуждения и преступления. Для назидания его голова была выставлена на шесте в открытом поле.

Так ужасно закончилось восстание крестьян. Жуткие памятники отмечали провинции, которые охватила буря: заброшенные поля, разоренные города, руины замков и домов, и более жуткие кадры – трупы, висевшие на деревьях или собранные грудами на полях. Победа осталась за Римом. Прежнее служение было восстановлено в некоторых местах, и ярмо феодального рабства еще больше стянулось на шеях людей.

Тем не менее, восстание явилось хорошим уроком для мира; в сотни раз ценнее всяких перенесенных страданий, когда урок доходит до сердца. Крестьянское война показала, насколько протестантское движение отличается от католицизма, как по происхождению, так и по целям. Восстание не проявило себя, если только в самой незначительной степени, в Виттенберге и других местах, охваченных протестантским движением. Когда оно касалось места, занятое реформацией, оно в то же мгновение становилось бессильным. Не хватало воздуха, чтобы раздуть его, не было воспламеняющегося материала для разжигания огня. Евангелие говорило опустошающему пожару: «До сих пор, не дальше». Разве можно было сомневаться, что если бы Бавария и соседние провинции были бы в таком же положении, как Саксония, то не было бы крестьянской войны?

Бунт научил эту эпоху тому, что протестантизм не мог развиваться посредством народного восстания, так как оно могло быть подавлено аристократической тиранией. Он не зависел ни от одного из них; он должен развиваться за счет своей собственной силы по своему собственному пути. Короче, этот бунт сделал своевременное предупреждение миру о последствиях подавления реформации. Он показал, что под поверхностью христианства существует пропасть плохих принципов и дьявольских похотей, которые однажды могут прорваться наружу и разнести общество на куски, если они не будут уничтожены Божественной силой. Мюнцер и его «внутренний свет» был лишь предтечей Вольтера и «иллюминатов» его школы. Крестьянская война 1525 года впервые открыла «источники бездны». Впервые было видно, как «Ужас» шествовал по Германии. Он спал в течение двух столетий, пока религиозные и политические силы Европы находились в процессе медленного ослабевания. Затем «Ужас» снова проснулся, и богохульства, убийства и войны Французской революции захлестнули Европу.

Глава 9 - Сражение при Павии и его влияние на протестантизм.

Папство втянуто в земные интересы. – Протестантизм стоит в стороне. – Монархия и папство – Кто должен править? – Конфликт на руку протестантизму – Война между императором и Франциском I – Изгнание французов из Италии – Битва при Павии – Пленение Франциска I – Карл V во главе Европы – Протестантизм должен быть уничтожен. – Лютер женится. – Монахини из Немча, Катарина фон Бора. – Антихрист должен вскоре родиться. – О чем говорил брак Лютера Риму.

Существует одно существенное отличие между движением, центром которого является Рим, и движением, центром которого является Виттенберг. Папство смешалось с политикой Европы, протестантизм, напротив, стоял в стороне и отказывался объединяться с земными союзниками. Вследствие этого папству приходилось приспосабливать свой курс к желанию тех, на кого оно опиралось. Оно поднималось или падало в зависимости от результатов жеребьевки. Поражение в войне или падение государственного деятеля иногда ставили его на грань падения. Протестантизм, напротив, мог следовать своим курсом и развивать свои собственные принципы. Падение монархов или изменения в политическом мире не причиняло ему никаких неудобств. Вместо того чтобы останавливать свой взор на бушующем вокруг него океане, он поднимал глаза к небу.

В этот час интриги, амбиции и войны были в изобилии вокруг протестантизма. Короли Испании и Франции сражались друг с другом за обладание Италией. Папа думал, конечно, что у него больше прав, чем у них обоих, чтобы быть хозяином этой страны. Он ревновал к обоим монархам и приспосабливал свою политику так, чтобы уравновешивать власть одного и контролировать власть другого. Он надеялся выгнать обоих однажды с полуострова, если не оружием, то хитростью; но пока не пришел тот день, ради безопасности он должен казаться другом им обоим и заботится о том, чтобы один не был намного сильнее другого. Все трое – император, король Франции и Папа – разные в чем-то другом, были врагами реформации; и если бы они объединили свои армии, они бы были достаточно сильными, учитывая человеческие возможности, чтобы подавить протестантское движение. Но их династические амбиции, подогретые в большой степени личным самолюбием и хитрыми амбициозными проектами окружавших их людей, держали их в почти никогда не прекращавшихся междоусобицах. Каждый стремился быть первым человеком своей эпохи. Папа все еще мечтал о восстановлении верховной власти папского престола, которой он обладал в дни Григория VII и Иннокентия III, чтобы диктовать и Карлу, и Франциску. Эти монархи, со своей стороны, решили не упускать превосходства над тиарой, которого они, наконец, добились. Борьба монархии за то, что она получила,

борьба тиары за возврат того, что она потеряла, и борьба всех троих за превосходство наполняла их жизни беспокойством, их королевства невзгодами, а их эпоху войнами. Но это соперничество служило оборонительной стеной для того Божественного принципа, который вырос в величественную фигуру в мире, сотрясавшимся многими свирепыми бурями, бушевавшими в нем.

Едва молодой император Карл V бросил вызов протестантизму, как во многих местах разразились бури. Он только что выпустил указ, предписывавший уничтожить Лютера, и вынимал уже меч, чтобы исполнить его, как вдруг вспыхнула вражда между ним и Франциском I. Французская армия, перейдя Пиренеи, захватила Наварру и вторглась в Кастилию. Император поспешил вернуться в Испанию, чтобы принять меры по защите своего королевства. Начавшаяся таким образом война продолжалась до 1524 года и закончилась изгнанием французов из Милана и Генуи, где они господствовали с дней Карла VIII. Но боевые действия на этом не прекратились. Император, возмущенный вторжением в свое королевство, хотел наказать противника на его территории и послал армию во Францию. Отвага Франциска I и патриотические настроения его подданных помогли прогнать захватчиков. Но французский король не довольный тем, что избавился от солдат Испании, стал в свою очередь преследовать императора. Он гнал испанскую армию до Италии с намерением вернуть города и провинции, которых он был лишен, и которые были дороги ему, так как они были расположены в стране, в которой его часто покоряли и унижали, на которую он хотел простереть свой скипетр, чтобы опять вернуть ее.

Зима 1525 года застала испанскую и французскую армии лицом к лицу под стенами Павии. Место было хорошо укреплено и сопротивлялось французам в течение двух месяцев, хотя Франциск I применил для его завоевания все известные в то время инженерные средства. Несмотря на стойкость защитников, было очевидно, что город должен пасть. Заметно сократившийся испанский гарнизон внезапно вышел из укрытия и вступил в бой с осаждавшими войсками со всей силой отчаяния.

Этому дню суждено было принести ужасный поворот фортуны для Франциска I. Рассвет встретил его великим воином того времени, а вечер застал его в жалком положении пленника. Его армия была разгромлена под стенами города, в который они собирались войти победителями. Десять тысяч воинов, включая многих отважных рыцарей, полегли на полях сражений, и трагедия завершилась пленением самого короля, которого захватили в бою и привезли в Мадрид в качестве трофея победителя. В Испании Франциск I влачил целый год жалкое существование в плену. Император, окрыленный его огромным богатством и желавший не только унизить царственного пленника, но и лишить его возможности навредить ему в будущем, поставил очень жесткие условия для выкупа. Эти условия французский король принял с готовностью, тем более что

он не имел ни малейшего намерения их выполнять. «В мирном договоре среди прочих было обусловлено, - пишет Слейдан – что император и король будут прилагать все усилия, чтобы искоренить врагов христианской религии и еретическую секту лютеран. Подобным образом после установления мира между ними они должны были урегулировать общественные проблемы, вести войну против турок и еретиков, отлученных церковью, так как это было самым необходимым. Папа просил и советовал энергично взяться за дело в этом отношении. Поэтому в соответствии с его пожеланиями они решили упросить его, чтобы он назначил определенный день, когда смогут встретиться послы и представители всех королей и правителей в удобном месте, и с полным правом и полномочиями принять соответствующие меры для начала войны с турками и также для искоренения еретиков и врагов церкви». Были добавлены и другие жесткие пункты, например, что французский король должен отдать императору Бургундию и отказаться от любых претензий на Италию; передать двух своих старших сыновей в качестве заложников для выполнения условий. После подписания договора в начале января 1526 года Франциск был освобожден. Перейдя границу около Ируна и вновь оказавшись на французской земле, он, подкинув шапку в воздух и громко прокричав: «Я все еще король!» пришпорил арабскую лошадь и поскакал во весь опор по дороге в Сен-Жен де Луз, где его придворные ожидали встречи с ним.

Карл V думал, что настал час, чтобы нанести давно запланированный удар по Виттенбергской ереси. Никогда еще со времени восхождения его на трон не был он так близок к проведению той политики, к которой побуждали его желания. Битва при Павии завершила войну в Италии более благоприятным исходом, чем он смел надеяться. Франция больше не была занозой у него в боку. Он превратил ее монарха, бывшего соперника, в своего союзника или скорее, как, несомненно, думал Карл, в своего помощника, обязанного помогать ему во всех предприятиях, особенно в том, которое было ближе его сердцу, чем другие. Более того, император был в прекрасных отношениях с королем Англии, и это было в интересах английского министра, кардинала Волси, который лелеял надежду на тиару посредством огромного влияния на Карла и дальнейшего взаимопонимания. Что касается Папы Клемента, то император был готов посетить Рим, чтобы получить императорскую корону из рук понтифика, и, несомненно, кроме этого апостольское благословение на предприятие против врага, которого Папа ненавидел больше турок.

Это была самая благоприятная ситуация для продолжения борьбы за папство. Победа при Павии сделала Карла самым могущественным монархом в Европе. Мир был со всех сторон, многие враги были побеждены, и уничтожить монаха, у которого не было для защиты ни шпаги, ни щита, было совсем не сложным делом. Поэтому Карл предпринял первый шаг для осуществления своего плана. Сидя (24 мая 1525 года) в великолепном Альказаре в Толедо, чей скалистый фундамент

омывается водами Тагуса, он написал обращение к правителям и государствам Германии с предложением собраться в Аугсбурге и принять меры для « защиты христианской религии, святых обрядов и традиций, принятых от предков и запрета всех пагубных учений и нововведений». Этот указ император дополнил инструкциями из Севильи, датированными 23 мартом 1526 года, которые предписывали князьям проследить за исполнением Вормского эдикта. С каждым часом буря, надвигавшаяся на протестантизм, становилась мрачнее.

Если император никогда ранее не был таким сильным, а его меч не был ближе к исполнению своей цели, чем сейчас, то Лютер никогда ранее не был столь беспомощным. Его покровитель курфюрст Фридрих, чья осмотрительность граничила с робостью, но чьи намерения были решительными и твердыми, к настоящему времени умер. Трое правителей, занявшие его место – курфюрст Иоганн, Филипп ландграф Гесеннский и Альберт Прусский – были новичками в этом деле; им недоставало влиятельности Фридриха; они были удручены, почти испуганы надвигавшейся опасностью – Германия разделена, свирепствует Лига Ратисбона и автор Вормского эдикта неожиданно поставлен во главе Европы победой при Павии. Единственным человеком, который не дрогнул, был Лютер. Не то, чтобы он не видел ужасающего размаха опасности, но потому что он видел Защитника, которого другие не видели. Он знал, что, если Евангелие лишено земной поддержки, это не означало, что оно было на грани гибели, но потому что Божественная рука была готова протянуться в его защиту таким очевидным образом, чтобы показать миру, кто является его покровителем, хотя и «невидимым», но более сильным, чем все его враги. В то время как ужасные вспышки приходили с другой стороны Альп, и пока страшные смертельные угрозы постоянно звучали в Германии, что делал Лютер? Удалился в келью и каялся во вретище и пепле, чтобы отвратить гнев императора и понтифика? Нет. Взяв за руку Катарину фон Бора, он повел ее к алтарю и сделал своей женой.

Катарина фон Бора была дочерью одного из небогатых дворян Саксонской Палатины. Состояние отца не соответствовало его званию, и так как это обстоятельство не позволило дать Катарине приданное, он отправил ее в монастырь Немча, около Грима в Саксонии. Вместе с восьмью монахинями, разделявшими с ней уединение, она изучала Писание, и из него сестры узнали, что их обет не был обязательным. Слово Божие открыло дверь их кельи. Девять монахинь в полном составе покинув монастырь, отправились в Виттенберг и были поддержаны щедростью курфюрста, выраженной через Лютера. В течение времени все монахини обрели мужей, только Кати одна из девяти оставалась незамужней. Таким образом, у реформатора была возможность узнать ее характер и добродетели, оценив многие достоинства, которые реже украшали женский ум в те дни, чем в наши. Бракосочетание состоялось 11 июня. Вечером этого дня Лютер в сопровождении пастора Померания, которого он пригласил благословить этот союз, направился в дом бургомистра, назначенного опекуном

Кати, и там, в присутствии двух свидетелей – великого художника Лукаса Кранаха и Д-ра Иоганна Апеллы – состоялось бракосочетание. Лютер пишет в письме Рухелю от 15 июня: «Я решил не оставлять ничего из своей католической жизни, и поэтому я вступил в брак по настоятельной просьбе отца». Основной целью письма было приглашение Рухеля на свадьбу, которая должна была состояться во вторник, 27 июня. Должны была присутствовать пожилая пара из Мансфельда – Ганс и Маргарет Лютер. Рухель был богатым, и Лютер с присущей ему искренностью пишет ему, что примет любой его подарок, который он привезет. Был также приглашен Венцеслав Линк из Нюрнберга, чье венчание Лютер недавно благословлял, но так как он был беден, ему поставили условие приезжать без подарка. Спалатин должен был прислать оленину и приехать сам. Амсдорф тоже был среди приглашенных. Не было самого близкого друга, Филиппа Меланхтона. Мы можем догадаться о причине. Смелый шаг Лютер вызывал у него сомнения. Жениться, когда надвигаются бедствия! Филипп ходил несколько дней с озабоченным хмурым лицом, но когда поднялся шум, выражение его лица прояснилось, глаза заблестели, и он стал самым горячим защитником супружества реформатора, к которому присоединился он и немало мудрых и воздержанных людей римской церкви.

Едва союз состоялся, как мы уже говорили, поднялся крик возмущения, как будто Лютер совершил какой-то ужасно нечестивый поступок. «Это – кровосмешение!» - воскликнул Генрих VIII, король Англии. «От этого брака родится антихрист», - говорили другие, с ужасом вспоминая некого неизвестного астролога средних веков, предсказавшего, что антихрист родится от нарушившей обет монахини и монаха-отступника. «Сколько антихристов», – говорил Эразм со скрытой, но колкой иронией, которой он был великим мастером. «Сколько антихристов тогда должно быть уже в мире!» В чем состояло преступление Лютера? Он подчинился заповеди, которую установил Бог, он вошел в положение, которое апостол назвал «почетнее всего». Но он не обращал внимания на шум. Так он говорил Риму: «Это послушание, которое я противопоставляю вашим послушаниям, и это – страх, в котором я стою перед вашими угрозами». Этот упрек, выраженный молча, запал глубоко. Это было еще одним несмываемым оскорблением в придачу к предыдущим, которым, как полагал Рим, приближался час расплаты. Даже некоторые последователи реформации были шокированы женитьбой Лютера на бывшей монахине, так трудно людям избавиться от вековых тенет.

С Катариной Бора в дом Лютера вошел новый свет. Кроме добродушия и скромности она обладала необычной рассудительностью. Будучи истинным последователем Евангелия, она стала верным товарищем и помощником реформатора во всех его трудах и испытаниях последующей жизни. Из внутреннего мира безмятежности и спокойствия, которые распространяло вокруг него ее присутствие, он смотрел на бушующий мир, стремившийся все время

уничтожить его, и который удивлялся, что реформатор до сих пор не утонул, не видя Руки, отводившей удары, постоянно направленные против него.

Глава 10 - Сейм в Шпейере в 1526 году и Лига против императора.

Буря – Отходит от Виттенберга. – Клемент надеется восстановить средневековую славу папства. – Против императора организуется лига. – Ветер меняет направление. – Карл поворачивается к Виттенбергу. – Сейм в Шпейере – Дух протестантских князей – Герцог Иоганн – Ландграф Филипп – «Слово Господне пребывает вовек». – Протестантские проповеди – Городские церкви опустели. – Сейм идет к Виттенбергу. – Свободные города – Требование реформ – Папская партия в растерянности. – Письмо императора из Севильи – Оцепенение

Буря приближалась. Император и Папа во главе союзных королей и зависимых правителей выступили против реформации, чтобы покончить с ней раз и навсегда. События происходили по Божественному предписанию, что казалось, они как будто были запланированы идти этим путем, чтобы обеспечить победу. Фридрих, который до сих пор стоял между Лютером и бронированной рукой Карла, на тот момент был уже в могиле. Было похоже, что крестовые походы тринадцатого и четырнадцатого веков вот-вот повторятся, и что протестантизм шестнадцатого века должен был исчезнуть в ужасной буре подобно той, которая смела альбигойских исповедников. Однако, несмотря на дурные предзнаменования, видимые на каждом участке неба, у Лютера не исчезала уверенность в том, все будет хорошо. К удивлению всех туча, которая была готова обрушиться на Виттенберг, прошла мимо и разразилась с ужасной силой над Римом. Давайте посмотрим, как это случилось.

Из правителей, с которыми Карл создавал союз, или с которыми он был в дружеских отношениях, один, от которого он полностью зависел, как можно предположить, был Папа. В деле, которым сейчас занимался Карл, интересы и стратегия Карла и Клемента были абсолютно одинаковыми. На что мог Папа положиться в деле освобождения от орды еретиков, пришедших из Германии, как не на меч Карла? Однако в этот момент Папа неожиданно повернулся против императора, и как одержимый сорвал экспедицию, которую Карл затеял ради победы Рима и унижения Виттенберга как раз тогда, когда император был готов начать ее. Было странно. Какая причина заставила Папу принять такой самоубийственный курс? Клемента сбила с пути его мечта о реставрации былой славы папства и стремление сделать ее такой же, как при Григории VII. Мы уже отмечали изменения, произошедшие в Европейской системе вследствие войн пятнадцатого века, и насколько эти изменения помогли проложить путь для прихода протестантизма. Папство понизилось, а монархия возвысилась; но Папы давно лелеяли надежду, что изменения были всего лишь временными, что христианский мир вернется к прежнему состоянию – к истинному, как они считали – и что все короны Европы будут снова под тиарой. Поэтому, хотя

Клемент был рад видеть успехи Карла V насколько они позволяли ему служить папскому престолу, у него не было никакого желания видеть его на вершине. Папа особенно ревностно относился к испанской власти в Италии. Карл уже владел Неаполем; победа при Павии дала ему устойчивое положение в Ломбардии. Таким образом, как на севере, так и на юге полуострова испанская власть ограничивала понтифика. Клемент стремился сделать Италию независимым королевством, и из Рима, ее старой столицы, управлять ею в качестве светского монарха, в то же время, простирая свой скипетр над всем христианским миром, как духовный правитель. Час был благоприятным, как он думал, для осуществления прекрасного проекта. Во Флоренции и Риме была группа образованных людей, которые были полны идей о реставрации Италии на прежнем месте среди королевств. Эти идеи были результатом литературных и художественных успехов итальянцев на протяжении последнего полувека; и этот результат позволяет нам сравнить соотношение сил ренессанса и реформации. Первая породила в груди итальянцев горячую ненависть к игу иностранных правителей, но не дала им силу для освобождения. Последняя принесла им как любовь к свободе, так и силу для ее достижения.

Зная об этом чувстве своих соотечественников, Папа Клемент думая, что пришел час для восстановления папства в его средневековой славе, открыл переговоры с Луизой Савойской, которая руководила правительством Франции, пока ее сын находился в плену, и после этого вместе с самим Франциском I, когда он обрел свободу. Он переписывался с королем Англии, который одобрил проект; с Венецией, Миланом и Флорентийской Республикой. И все эти партии, испугавшиеся возросшей силы императора, захотели объединиться в союз с Папой против Карла V. Он был учрежден в Коньяке под название «Святая Лига», и ее главой был назначен король Англии. Так неожиданно пришли перемены. Слепой ко всему, кроме своей непосредственной цели, - к опасностям войны, силе противника, изменению курса в пользу Виттенберга – Папа, не теряя времени, послал армию в миланское герцогство для начала боевых действий против испанцев.

Пока военные действия разворачиваются на севере Италии, давайте обратим взор на Германию. Сейм, проведение которого было назначено в Аугсбурге, на тот момент собирался в Шпейере. Он состоялся в Аугсбурге согласно приказу императора в ноябре 1525 года, но так как на нем было мало участников, его перенесли на середину следующего лета в Шпейер, где он сейчас и собирался. Он был созван, чтобы подготовиться к исполнению Вормского эдикта и гонениям на протестантизм. Но между вызовом на сейм и его проведением политика Европы полностью изменилась. Когда указ императора покинул ворота Алькасара в Толедо, подул сильный ветер в сторону Ватикана, Папа был самым верным союзником императора и был готов возложить императорскую корону на его голову; но затем неожиданно ветер изменил направление на противоположное, и

Карлу пришлось поменять направление вместе с ветром – он должен был натравить Лютера на Клемента. Эта полная перестановка политических сил до сих пор не была знакома Германии или о ней лишь смутно подозревали.

Сейм собрался в Шпейере 25 июня 1526 года, на нем присутствовали все курфюрсты, кроме курфюрста Бранденбургского. Курфюрсты, сторонники реформации, были в большинстве и в приподнятом настроении. Молнии из Испании не пугали их. Мужество проявлялось в их выправке, когда они ехали верхом по Шпейеру во главе своих вооруженных слуг со знаменами, на которых были изображены пять замечательных букв, эти же буквы были на геральдических щитах, вывешенных на фасадах их гостиниц, а также вышиты на ливреях их слуг, а именно V.D.M.I.E. – Verbum Domini manet in Eternum («Слово Господне пребывает вовек»).

Это не была атмосфера удрученных людей, которые хотели продемонстрировать причину того, почему они осмелились стать протестантами, когда воля императора состояла в том, чтобы они были католиками. Карл посылал против них указы об изгнании, они отвечали ему девизом, который написали на своих знаменах «Слово Божие». С этим девизом они победят. Их сильный противник шел на них во главе королевств и армий; но правители поднимали взор на девиз на своих знаменах и становились смелее: «Иные колесницами, иные конями, а мы именем Господа Бога нашего хвалимся».

Кто бы в шестнадцатом веке не заявлял о своем звании и не требовал признания, должен был продемонстрировать соответствовавшую званию пышность. Иоганн, герцог Саксонский въехал в Шпейер со свитой из 700 всадников. Блеск его образа жизни намного превосходил образ жизни других правителей, церковных или светских, и принес ему место первого правителя империи. Следующей после герцога Иоганна фигурой на сейме был ландграф Гессенский Филипп. Его состояние не позволяло держать такую же свиту, как у герцога Иоганна, но его галантные манеры, готовая речь и умение вести богословские дискуссии давали ему заметное положение. Он не боялся вступать в спор с епископами. Его оружием была Библия, и он так искусно научился пользоваться этим оружием, что его противник, священник или мирянин, всегда терпел неудачу. Как герцог Иоганн, так и ландграф Филипп понимали, что настал критический момент, и они решили, что им ничего не мешало удержать от опасности многие области и огромный союз, угрожавший делу протестантизма в этот час.

По прибытии в Шпейер их первое требование касалось церкви, в которой может проповедоваться Евангелие. Епископ Шпейера встал пораженный ужасом при этой просьбе. Знали ли князья, о чем просили? Разве лютеранство не было под запретом в империи? Разве сейм не собрался, чтобы запретить его и восстановить прежнюю религию? Если он откроет тайное лютеранское собрание

в городе и соорудит лютеранскую кафедру посреди сейма, что подумают о его поведении в Риме? Нет! Пока на нем церковное помазание, он не будет слушать таких предложений. Хорошо, ответили князья, если церковь не может этого сделать, то Евангелие не потеряет своей силы, если оно будет проповедано вне стен собора. Курфюрст и ландграф, которые привезли с собой капелланов, открыли для служений свои гостиницы. Говорят, что однажды в воскресение собралось 8 000 человек на протестантскую проповедь. В то время как большие залы гостиниц князей были переполнены, городские церкви пустели. Если не считать Фердинанда и католических князей, которые считали, что на них лежит обязанность оказывать моральную поддержку прежнему служению, редко можно было видеть молящихся в приделах или проходе. Священники были одни у алтарей. Трактаты Лютера, свободно распространяемые в Шпейере, также помогали укрепиться популярному течению реформации; и народные настроения, выраженные так ясно, повлияли на сейм.

На мессе никогда не было видно князей-реформаторов и их друзей; и в церковные посты, как и в другие дни, на их столах было мясо. Возможно, они действовали несколько нарочито, демонстрируя, что они не подчиняются постановлению о «запрещенном мясе». Не было необходимости в день «magro», как называют его итальянцы, подавать копченое мясо на протестантские столы на виду у католиков, занятых молитвой, чтобы показать свой протестантизм. Они использовали другие более достойные способы, чтобы отделить себя от приверженцев старой веры. Они потребовали от своих слуг добропорядочного поведения; они приказали им воздерживаться от посещения трактиров и игорных столов, держаться подальше от шумных и бесчинных компаний, которые императорские сеймы привлекали в город, где они проводились. Их проповедники провозглашали учение, а их последователи являли плоды лютеранства. Так не намеренно действовала в Шпейере протестантская пропаганда. Закваска распространялась среди народа.

Тем временем сейм занимался своим делом. Было подозрение, что Фердинанд Австрийский имел точные указания от своего брата императора относительно мер, которые он хотел, чтобы сейм принял. Но Фердинанд перед тем, как выложить их, хотел посмотреть, куда сейм клонит. Если он пойдет по прямому пути, что будет безошибочно видно по Вормскому эдикту, то ему не надо будет передавать неприятное послание, возложенное на него; но, если сейм повернет по направлению к Виттенбергу, тогда он будет вынужден передать приказ императора.

Сейм не продвинулся далеко, как стало очевидно, он ушел с пути, желаемого для него Фердинандом и императором. Он не только не выполнил Вормский эдикт, объявив, что это невозможно, и что, если император был бы на месте событий, то был бы того же мнения. Но это бросало Карлу обвинение в

гражданской войне, недавно бушевавшей в Германии, из-за деспотичного запрещения декретом из Бургоса созвать сейм в Шпейере, так как была договоренность о Нюрнберге, оставив, таким образом, раны Германии гноиться, пока это не закончилось «мятежами и кровопролитной гражданской войной». Более того, это потребовало срочного созыва главного или национального совета для устранения народного недовольства. В этих требованиях мы прослеживаем возросшее значение вольных городов на сейме. Миряне заявили о себе, оспаривая право священников на решение церковных дел. Паписты, поняв, куда клонит дело, приуныли.

Но это было не все. Князьям была подана бумага (14 августа) от представителей некоторых городов Германии с предложением изменить существующую волю и политику императора. В этом документе города жаловались, что бедные люди обременены монахами нищенствующих орденов, которые «обольщают их и вырывают у них хлеб изо рта; но это еще не все, много раз они уговаривали сделать на них завещание на наследство». Города потребовали прекратить увеличение этих братств; когда монахи умирают, на их место не брать новых; что тем, кто хочет выбрать другое призвание, давать небольшую ежегодную пенсию, и что остальные их доходы должны вноситься в государственную казну. Было неразумно и дальше их содержать, и чтобы священники были освобождены от государственного бремени. Эта привилегия давалась им прежде благодаря щедрости королей; но тогда они были «малочисленными» и «бедными»; а сейчас они были многочисленными и богатыми. Освобождение от налогов было несправедливым, так как священники имели равные преимущества с теми, кто платил налоги. Кроме того, жаловались на большое количество праздников. Суровое наказание, которое запрещало полезный труд в эти дни, не останавливало перед грехом и преступлением, и эти периоды вынужденной праздности были неблагоприятны для упражнения в благочестии и трудолюбии. Кроме того, просили, чтобы постановление, касавшееся запретного мяса, было отменено; чтобы люди были свободны в выборе обрядов до созыва вселенского собора, и в это время не должно быть никаких преград для проповеди Евангелия.

Теперь действительно разразилась буря. Понимая, что сейм идет дорогой, ведущей к Виттенбергу, и, испугавшись того, что, если он еще немного замедлит, он туда придет, Фердинанд извлек письмо императора в перерыве между заседаниями своего кабинета и прочитал его участникам сейма. Письмо было от 26 марта 1526 года и написано в Севилье. Карл урвал минуту отдыха от празднования своего бракосочетания, чтобы сообщить о своей воле по религиозным вопросам в виду созыва сейма. Император сообщил князьям, что он собирается в Рим на коронование; что он посоветуется с Папой по поводу созыва вселенского собора; и пока он «не изъявит свою волю и не отдаст приказ, они не должны принимать никаких постановлений против старых обрядов, канонов и

традиций церкви; что все в его владениях должно быть приведено в порядок согласно форме и содержанию Вормского эдикта». Опять этот Вормский эдикт. Он предназначал для протестантов кандалы, тюрьмы и костры.

В первую минуту все оцепенели. Ограничение было суровым, тем более что оно наступило во время больших надежд протестантов, когда ландграф Филипп побеждал в дебатах; когда вольные города поднимали свой голос; паписты на сейме вели вялую борьбу; вся Германия, казалось, была готова перейти на сторону лютеран; и неожиданно протестанты предстали перед могущественным человеком, который, как победитель Павии, унизил короля Франции, и поставил себя на высшую ступень Европы. В его письме они услышали первый топот его войск, идущих подавить их. Истинно, им опять надо было поднять взор на свой девиз и воодушевиться им: «Слово Господне пребывает вовек».

Глава 11 - Разграбление Рима.

Переломный момент – Рассвет освобождения – Волны междоусобиц между Папой и императором – Политическая ситуация резко меняется. – Вормский эдикт приостанавливается. – Установление юридической толерантности в Германии – Буря устремляется в сторону Рима. – Письмо Карла Клименту VII – В Германии собрана армия в помощь императору. – Фройнсберг – Немецкие войска переходят через Альпы. – Соединение с испанским генералом – Объединенное войско идет на Рим. – Город взят. – Разграбление Рима – Мародерство и резня – Рим никогда не оправится от удара.

Что было делать протестантским князьям? Повсюду ужасная опасность угрожала их делу. Победа при Павии, как мы уже говорили, поставила Карла во главе христианского мира; что помешает ему теперь выполнить Вормский эдикт? Он висел, как обнаженный меч, над протестантизмом в течение пяти лет, каждую минуту угрожая упасть и сокрушить его. Его автор не был всемогущим; что помешало ему порвать нить, которая удерживала его от падения? Он был готов к конкретным мерам во взаимодействии с Папой. В Германии Ратисбонская Лига была занята искоренением лютеранства со своих территорий. Фридрих был в могиле. От короля Англии и Франции никакой помощи не ожидалось. Протестанты были окружены со всех сторон.

Именно в этот час до них дошел странный слух. Говорили, что император и Папа находятся во вражде! Новость была ошеломляющей. Наконец, пришла подробная информация о союзе, созданном Клементом VII против императора во главе с королем Англии. Когда эти слухи дошли до протестантов, они увидели путь, начинавшийся открываться среди ужасных опасностей. Но незадолго до этого они чувствовали себя израильтянами на берегу Чермного моря, отвесные скалы Аба Дерай справа и приближавшиеся колесницы и всадники фараона слева, сзади возвышались пики Атака, а впереди накатывались воды широкого, глубокого и непроходимого залива. Выхода не было, ужас охватил израильтян, оставалась только равнина Бадья, лежавшая далеко позади и ведшая назад в дом рабства. Так было и с людьми, которые пытались вырваться из еще более мрачной и более унизительной тюрьмы, их рабство было более продолжительным, чем рабство израильтян в Египте, «они находились в земле, в пустыне, которая не выпускала их». Сзади них была Ратисбонская Лига; впереди были император и Папа одних интересов и политики, как полагали протестанты. Им только что прочитали твердый приказ Карла не принимать никаких законов, не изменять никаких учений, не отменять никаких обрядов римской церкви и действовать согласно Вормскому эдикту; это было равно тому, чтобы сказать: «Обнажите шпаги и немедленно полностью очистите Германию от Лютера и лютеран под страхом быть наказанными оружием империи». В тот момент они не могли понять, как им выйти из этого затруднительного положения, кроме как вернуться

к подчинению Папе. Когда они обернулись в одну, а потом в другую сторону, они не увидели ничего, кроме неприступных скал и бездонных пропастей. Наконец, освобождение пришло откуда они не ожидали. Они никогда не смотрели в сторону Рима и Испании, однако именно там они увидели открывавшееся для них избавление. Император и Папа, как им сказали, были в ссоре; поэтому им надо было пройти сквозь разделившийся лагерь своих врагов. С чувством удивления и страха, не менее глубоким, чем у евреев, когда они увидели, что волны раздвигаются, и открывается путь от одного берега до другого, так и вожди лютеран и их последователи увидели, как войско их врагов, собравшееся в один мощный союз, чтобы уничтожить их, начало разделяться на два противоположных лагеря, оставив посреди проход, по которому небольшая протестантская армия под знаменем со священной надписью – «Слово Господне пребывает вовек» - могла выйти на безопасное место. Сила, которая разделила сердца и союз врагов, и повернула их оружие друг против друга, не была им видна, также как израильтяне не видели Силу, разделившую воды и поставившую их стеной, но что действовала одна и та же сила в первом и последнем случае, они не сомневались. Божественная рука не сократилась для Евангелия и его друзей, но редко, когда ее вмешательство было столь очевидным, как в этот критический момент.

Императорский указ из Севильи, дышавший смертью для лютеран, настолько устарел, и с ним так мало считались, что как-будто он был издан столетие назад. При одном взгляде князья-лютеране видели огромные изменения, произошедшие в делах. Христианский мир был сейчас в руках того человека, который всего несколько месяцев назад стоял на его высшей ступени. Но вместо того, чтобы приготовиться к сражению против лютеран на стороне Папы, Карлу надо было просить помощи у лютеран для борьбы, которую он вел против Папы и его союзных королей. На сейме даже перешептывались, что от императора недавно пришли примирительные предписания. Говорили, что в этих письмах Фердинанда просили подойти к герцогу Иоганну и другим князьям-лютеранам, чтобы отменить карательные пункты Вормского эдикта, и предложить уладить все религиозные разногласия на вселенском соборе; но говорят, что он побоялся исполнить эти указания, чтобы не отвратить от себя папских участников сейма.

Не было необходимости, чтобы он обнародовал новое предписание. Одной сногсшибательной новости о «Коньякской Лиге», этом «святейшем союзе», покровителем и инициатором которого был Клемент VII, было достаточно, чтобы посеять сомнения и смятение среди папских участников сейма. Они знали, что этот странный союз «сломал лук» императора, ослабил руки его друзей на соборе; и что настаивание на исполнении Вормского эдикта повредит человеку и партии, в чьих интересах он издавался.

В изменившихся отношениях императора к папству, папская партия сейма – среди которых самыми известными были герцоги Брансвикский и Померанский, курфюрст Георг Саксонский и герцоги Баварии – не посмела пойти на открытый разрыв с реформаторами. Крестьянская война только что прокатилась по Германии, оставив многие районы отечества покрытыми руинами и трупами, и начать новый конфликт с князьями-лютеранами и сильными вольными городами, которые поддержали дело реформации, было бы безумием. Таким образом, буря прошла мимо. Более того, переломный момент способствовал реформации.

«Наконец был издан декрет – пишет Сейдан - о том, что для установления религии, поддержания мира и спокойствия провести в течение года легитимный генеральный или провинциальный совет Германии. Чтобы предотвратить задержки или препятствия, необходимо отправить послов к императору с просьбой посмотреть на плачевное и неспокойное состояние империи, и приехать в Германию как можно скорее для созыва Совета». «Что касается религии и Вормского указа», - продолжал сейм, даруя одним простым приемом одно из величайших благословений. «Что касается религии и Вормского эдикта, то пока не соберется главный или национальный совет, все должны вести себя так, чтобы могли дать ответ перед Богом и императором». То есть каждое княжество было вольно выбирать религию по своему собственному усмотрению.

Большинство историков называли это время великой эпохой. «Законное существование протестантской партии в империи – пишет Ранке – основывается на Шпейерском декрете 1526 года». «Сейм 1526 года – пишет Д'Обинье – является важной эпохой в истории; старая власть средневековья пошатнулась; наступает новая современная власть; религиозная свобода смело занимает свои позиции впереди римского деспотизма; светский дух преобладает над духом священников». Этот указ был первым официальным ударом, нанесенным по верховной власти и непогрешимости Рима. Это был рассвет толерантности в вопросах общественного сознания для народов, было достигнуто великое благо. Военные кампании велись, чтобы получить меньшие благословения, реформаторы получили их, не обнажив ни одной шпаги.

Но буря не закончилась тихо. Когда небо над Германией очистилось, над Римом оно нахмурилось. Зима прошла в мелких столкновениях между папскими и испанскими войсками в Ломбардии; а когда наступила весна 1527 года, начали собираться тучи войны, и в должное время сошли с Альп, распространились на юг и пролились со страшной силой на город и престол понтифика.

Прежде чем прибегнуть к оружию против «святого отца», который вопреки всем возможностям этого дела, и вопреки своему собственному интересу устроил заговор против своего самого преданного, а также самого могущественного сына, император попробовал написать письмо. В письме от 18 сентября, написанном в роскошных залах Альгамбры, Карл напомнил Клементу VII о многих услугах,

оказанных им, за которые, очевидно, он должен получить вознаграждение в виде союза, созданного против него по его наущению. «Понимая, – писал император Папе – что Бог поставил нас, как два больших светильника, и дал нам возможность, чтобы мир был освещен нами, и чтобы не случилось затмение при наших разногласиях». «Но, - продолжал император, прибегнув к тому, что всегда ввергало Пап в ужас, - если вы будете продолжать действовать как воин, я буду протестовать и обращусь к собору». Это письмо не произвело эффекта в Ватикане, и эти «два светильника», пользуясь метафорой императора, вместо того, чтобы изливать на мир свет, начали его поджигать. Надвигалась война.

Император посоветовал своему брату Фердинанду взять на себя командование армией, действовавшей против Папы. Фердинанд, однако, не мог в такой критический момент покинуть Германию без больших последствий, поэтому он назначил Фройндсберга, доблестного рыцаря, который, как мы уже упоминали, обратился со словами одобрения к Лютеру, когда он вошел в императорский зал в Вормсе, чтобы он сформировал войска на помощь императору и повел их через Альпы. Фройндсберг был истинным приверженцем Евангелия, но работа, которой он сейчас должен был заниматься, не являлась евангельским служением, и он отправился с некоторой прохладностью, с деловым настроением и с решительностью старого солдата. Был ноябрь (1526 года); в Альпах снег уже выпал, сделав вдвойне опасным переход через пропасти и вершины. Но энтузиазм генерала и армии был такой, что войско из 15 000 человек за три дня перешло через горы и соединилось с констеблем Бурбонским, генералом императора по другую сторону Альп. Соединившись, союзная армия Германии и Испании, насчитывавшая до 20 000 человек, выступила маршем на Рим. Немецкий генерал вез с собой большую железную цепь, на которой он намеревался, как говорил солдатам, повесить Папу. Рима, однако, он никогда не увидел, обстоятельство, о котором должны больше сожалеть римляне, чем немцы; так как если бы был жив этот добрый, хотя и грубый солдат, он бы сдержал дикую вольность своей армии, которая принесла столько горя всем в злополучном городе. Фройндберг заболел и умер по дороге, а его солдаты пошли дальше. Вечером 5 мая захватчики увидели сквозь легкую дымку древние стены, над которыми бушевало много бурь, еще более ужасные, чем та, которая собиралась вокруг сейчас. Какая неожиданность для города, который был наполнен пирами, песнями и другими увеселениями, жил беспечно и никогда не думал, что война может приблизиться к нему! И вот грабители были у его ворот. На следующее утро под прикрытием густого тумана солдаты подошли к стенам, были поставлены штурмовые лестницы, всего через несколько часов войска овладели Римом. Папа и кардиналы убежали в замок св.Анджело. Солдаты на некоторое время прекратили наступление, ожидая, что Папа примет их условия. Однако Клемент отвергал мысль о сдаче. Каждую минуту он ждал помощи от армии Святого Союза. Терпение войск кончилось, и начался грабеж.

Мы не можем даже на расстоянии времени говорить об этой ужасной трагедии без содрогания. Констебль Бурбон погиб при первом штурме, и армия осталась без достаточно сильного главнокомандующего, чтобы сдержать потакание ее страстям и аппетитам. Разграбить такой город! В то время не было на земле другого подобного ему! Веками у его ног складывались дары. Его красота была совершенной. Все редкое, уникальное и драгоценное в мире собиралось в нем. Он облагородился бесценными памятниками античности, он обогатился достижениями гениальных людей и искусств; в нем все еще была свежа слава резца Микеланджело, кисти Рафаэля, вкусов и необыкновенной щедрости Льва X. Он был до краев наполнен богатствами со всего христианского мира, которые веками стекались в него сотнями путей – освобождение от обетов, индульгенции, праздники, паломничество, десятины, облачения и бесконечные выдумки. Но пришел час тому, «кто грабил, но не был разграблен». Голодные солдаты накинулись на жертву. В мгновение ока над священным городом разразилась буря жадности и ярости, похоти и кровавой мести.

Разграбление было жестоким и беспощадным. Самые потайные места были взломаны и обысканы. Даже в некоторых случаях к прелатам и священникам римской церкви применяли пытки, чтобы заставить их выдать сокровища. Разграблены были не только лавки купцов, золото банкиров и тайники ростовщиков, но и из алтарей унесли сосуды, из церквей гобелены и приношения по обету. Склепы были вскрыты, мощи святых осквернены, с мощей Пап сняли кольца и украшения. Награбленное складывали в груды на рыночной площади – золотые и серебряные кубки, драгоценности, мешки с монетами, дароносицы, богатое облачение – вещи разыгрывались солдатами, которые при избытке вина и мяса, устраивали пирушки в пораженном горем и истекающем кровью городе.

Кровь, мародерство и мрачное веселье смешались странным жутким образом. Предметы и личности, которых католическая церковь считала «святыми», выставлялись солдатами с удовольствием на посмешище и оскорбление. Была разыграна пантомима обряда посвящения в епископы. Мальчики военного лагеря надели ризы и епитрахили, как будто они собираются совершить обряд рукоположения. Епископов и кардиналов – в некоторых случаях голыми, в других одетыми в странные одежды – посадили на ослов и тощих мулов, лицами к крупу животного, в то время как ироничные возгласы встречали нежеланных высокопоставленных чинов. Вынесли ризу и тиару Папы, одели их на наемного солдата, в то время как другие солдаты, надев красные шапочки и пурпурные мантии кардиналов, изображали выборы понтифика. Мнимый конклав пройдя по городу в свите мнимого Папы, остановился перед замком св. Анджело, где низложили Клемента VII и выбрали на его место «Мартина Лютера». «Никогда – пишет Д’Обинье – понтифик не был выбран так единодушно».

Испанские солдаты были больше озлоблены на церковников, чем германские, их враждебность, вместо того, чтобы испариться с мрачным юмором и шутками, как у их заальпийских товарищей, приняла практический и смертельный оборот. Недовольные лишением состояний своих жертв, они во многих случаях заставляли их платить выкуп за свою жизнь. Некоторые известные люди церкви испускали последний дух в их руках посреди страшных мучений. Они не смотрели ни на возраст, ни на звание, ни на пол. «Самыми жалобными – пишет Джизиордини – были рыдания и плач римлянок, и не менее достойным сожаления ужаснейшее положение монахинь и послушниц, которых солдаты вытаскивали из монастырей в большом количестве, чтобы удовлетворить свою звериную похоть. Женские вопли смешивались с более хриплыми криками и стонами несчастных мужчин, которых солдаты подвергали пыткам, отчасти чтобы вырвать у них чрезмерный выкуп, отчасти чтобы заставить отдать спрятанные вещи».

Разграбление Рима продолжалось десять дней. «Сообщалось, - пишет Джизиордини – что награбленное оценивалось в миллион дукатов; а выкуп арестованных составил гораздо большую сумму». Число пострадавших составляло от 5 000 до 10 000 человек. Население, на которое свалилось это страшное бедствие, по свидетельству современных историков, было сверх меры изнежено пороками. Веттори описывает их как «гордых, жадных, жестоких, завистливых, любящих роскошь и лицемерных». В Риме тогда было, пишет Ранке: «30 000 жителей, способных носить оружие. Многие из этих мужчин когда-то служили». Но, хотя на своем боку они носили оружие, в их груди не было ни мужества, ни качеств, присущих мужчинам. Если бы у них была хоть искра мужества, они бы остановили врага на подступах к городу, или прогнали бы его от своих стен при его появлении.

Этот удар обрушился на Рим в самом зените его славы. Богатство, которое было так неожиданно и ужасающе уничтожено, никогда не было восстановлено. Всего несколько дней хватило, чтобы почти истребить то великолепие, которое веками доводилось до совершенства, и которое последующие века не смогли восстановить.

Глава 12 - Создание лютеранской церкви.

Три спокойных года – Лютер начинает строить. – Христиане, но не христианское общество – Старое основание – Евангелие создает христиан. – Христос – их центр. – Истина связывает их. – Теория священства Лютера – Все истинные христиане являются священниками. – Немногие избранные исполняют поручения. – Разница между католическим и протестантским священством – Комиссия визитации – Ее работа – Церковные законы Саксонии

После бури наступило трехлетнее затишье; но не в том мире, которым правили Папа и император. Христианский мир, который признавал власть этих двух правителей, продолжали терзать интриги и сотрясать войны. Это было море, на котором столкнулись штормовые ветры амбиций и войн. Но проблемы политического мира принесли в церковь спокойствие. Евангелие оставалось спокойным, когда оружие его врагов было направлено друг против друга. Три года покоя, – с 1526 по 1529 гг. – которые снизошли на новый мир, поднявшийся из старого, были неустанно посвящены важной организационной и созидательной работе. Из Виттенберга, центра этого нового мира, распространялось мощное животворное влияние, которое ежедневно расширяло границы и умножало своих граждан. К нему мы сейчас и обратимся.

Был приготовлен путь к возведению нового здания за счет разрушения старого. Как это произошло, мы рассказали в предыдущей главе. Император созвал сейм в Шпейере специально для защиты старого шатавшегося здания римской церкви, и для того, чтобы разрушить до основания новое здание Виттенберга приведением Вормского эдикта 1521 года в исполнение; но стрела, выкованная для сокрушения Виттенберга, пала на Рим. Прежде чем сейм начал обсуждения, политическая ситуация вокруг императора резко изменилась. Западная Европа, обеспокоенная чрезмерным тщеславием Карла, объединилась против него. Он не мог привести в исполнение Вормский эдикт, боясь обидеть князей-лютеран, к которым Коньякская Лига заставила его обратиться; но он и не мог отменить эдикт, боясь отдалить от себя князей-папистов. Был избран средний путь, который помог императору в трудное время и принес три года свободы для церкви. Сейм постановил, что до созыва вселенского собора религиозный вопрос останется открытым, и каждое государство будет вольно действовать по своему усмотрению. Таким образом, сейм, созыв которого друзья реформации ждали с тревогой, а враги в предвкушении победы, и который должен был сыграть похоронный марш протестантизму, принес совсем обратный результат. Он нанес удар, который разбил на куски теократическое владычество Рима над германскими княжествами империи и очистил место для строительства нового духовного храма.

Лютер быстро осознал наконец-то появившуюся возможность. Указ 1526 года прозвучал для него как призыв приниматься за строительство. Когда реформатор

спустился из крепости Вартбург, где он, несомненно, долго размышлял об этом, реформация была, но не было реформаторской церкви; были христиане, но не было реального христианского общества. Его следующей работой было восстановление такого общества. Прекрасная система, созданная руками апостолов, свидетелями которой были первые века, была давно отвергнута, и много веков лежала в руинах; она должна быть построена на старом основании. Он знал, что стены пали, но основание было вечным, как основание земли. Лютер начал строить на этом старом основании, все еще сохранившемся в Писании.

До сих пор реформатор занимался проповедью Евангелия. Проповедью Евангелия он призвал к жизни нескольких верующих людей, разбросанных по провинциям и городам Германии, которые уже реально, хотя и невидимо отличались от этого мира, и которым было присуще настоящее, а не внешнее единство. Они собирались по вере вокруг одного живого центра, Христа, и были связаны крепкими духовными связями, а именно праведностью друг перед другом. Но основной принцип в сердцах верующий людей заключался в том, чтобы выработать внешнее единство – единство, видимое миру. Если этого не случиться, внутренний принцип зачахнет и отомрет, но не в сердцах, в которых он живет, а в мире, где ему не удастся расплодиться. Эти христиане должны собраться в одну семью, и создать царство – святое духовное царство.

Первой необходимостью для создания церкви, работа которой сейчас занялся Лютер, стала организация людей разных званий, священников, пресвитеров или епископов, для проповедования и служения Евхаристии. Как поступил реформатор для восстановления служения, отрезанный от римской церкви, единственного источника священного служения и благодати, которым она себя считала? Он считал, что эта деятельность принадлежит исключительно церкви, собранию верующих или братству священников, он твердо верил в священство всех верующих. Главной целью, ради которой существовала церковь, было распространение вести о спасении по всей земле. Как она должна это делать? Она должна проповедовать Евангелие и раздавать причастие. Это является первостепенным долгом церкви. Долг, рассуждал Лютер, предполагает права и должностные обязанности. Должностные обязанности являются прерогативой церкви, всех верующих. Но они фактически не должны исполняться всеми членами церкви, а только некоторыми. Как выбрать этих некоторых? Должны ли они исполнять эти обязательства по своему желанию – просто быть самозванцами? Нет, так как то, что является обязанностью для всех, не может исполняться некоторыми людьми без согласия и избирательной кампании остальных. Собрание этих остальных, то есть прихода, устанавливало право отдельного лица на исполнение обязанностей «служителя Слова»; именно так реформатор предпочитал называть тех, кого ставили в церкви на проповедь Евангелия и раздачу причастия. «В случае необходимости – пишет он – любой христианин может выполнять обязанности священника, но порядок требует

возложение этих обязанностей на определенных людей». Для того чтобы дать кому-то право на несение служения в церкви, не требовалось непосредственного Божественного призвания; призыв от Бога приходил через человека. Так Лютер установил служение. Пока этого не случилось, священники не имели законных прав назначать тех, кто должен был нести служение в церкви.

Священники лютеранской церкви стояли на противоположном полюсе по сравнению со священниками католической церкви. Первые были демократичны с самого начала, а последние деспотичны. Первые вышли из народа, который выбрал их, хотя на право выбора смотрели как на опосредованное Божественное призвание, которое сопровождалось дарами и благодатью необходимыми для служения; последние назначались священным монархом и приступали к обязанностям через священное рукоположение. Первые несущественно отличались от других членов церкви; последние были иерархией, составлявшие отдельный класс, поскольку им принадлежали особые качества и власть. Богослужение первых осуществлялось по вере тех, для кого они служили, и благодаря работе Святого Духа, которая сопровождала богослужение. Совсем по-другому было у католических священников; их богослужение, в основном состоявшее из таинств, осуществлялось по причине сопутствовавшей силе действа и благочестия служившего священника. Там, где посвященные в духовный сан люди, там и только там церковь, говорила римская церковь. Там, где преданно проповедуется Евангелие и правильно преподается причастие, там церковь, говорила реформация.

Для сохранения порядка церковь не отступила от свободы. Власть, которой она облачила тех, кого выбрала на служение, не была деспотичной, а служебной; те, кто обладал этой властью, были слугами церкви, а не ее господами. Церковь не ставила эту власть за пределами ее досягаемости; она не расставалась с ней навсегда; ей еще потребуется принести урожай пассивного и беспомощного подчинения своим собственным служителям. У нее все еще была эта власть, нужная для собственного назидания, необходимая при заблуждениях и нарушениях. Обязанностью церкви никогда не переставала быть проповедь Евангелия и служение Евхаристии. Никакие обстоятельства, установленные порядки или требования служения не могли освободить ее от этих обязанностей. Это значит, что она всегда имеет право призывать к отчету и лишать служения тех, кто нарушает условия, поставленные при их назначении, и наносит поражение ее великой цели. Без этого у церкви не было бы сил для реформации; однажды, развратившись, она бы не смогла исцелиться, однажды, будучи порабощенной, она бы никогда не вышла из рабства.

После рассмотрения этих принципов Лютер перешел к активной организационной работе. Он призвал на помощь князей, как собратов в этом деле. Это было в некоторой мере отступлением от его теории, так как, несомненно, эта

теория при правильном применении не разрешала никому, кроме членов церкви, принимать участие в церковной организации и назначениях. Но Лютер глубоко не задумывался о вопросах относительно границ соответствующих областей церкви и государства, или насколько гражданская власть может участвовать в церковной организации и насаждении в стране заповедей Евангелия. Ни у кого в те дни не было четких и определенных взглядов по этому вопросу. Лютер, отдав в значительной степени организацию церкви в руки князей, уступил требованиям того времени. Кроме того, необходимо помнить, что князья были, в известном смысле, членами церкви; они были не менее известными своими религиозными убеждениями и рвением, чем своим официальным положением; и если Цвингли, который придерживался более строгих принципов, чем Лютер в вопросе ограничения центра активности церкви церковными органами, сделал Совет Двухсот представителем церкви Цюриха; то Лютера можно было бы обвинить в том, что он сделал князей представителями церкви в Германии, особенно когда многие простые люди были либо слишком невежественными, либо слишком безразличными, чтобы принять участие в этом деле.

В 1526 году 22 октября Лютер побудил курфюрста Саксонского Иоганна создать комиссию по инспектированию своих владений для реорганизации церкви, так как католическая церковь была упразднена. Четыре члена комиссии, уполномоченные курфюрстом, начали работу по ревизии церкви. Двоим было поручено сделать ревизию церковным владениям, двоим ее духовному состоянию, включая школы, доктрины, пасторов. Инструкции или план, согласно которому церковь Саксонии, должна быть реорганизована, был составлен Меланхтоном.

Лютер, Меланхтон, Спалатин и Тюринг были четырьмя комиссарами, к каждому из которых были прикреплены светские или клерикальные коллеги. За Лютером было закреплено владение курфюрста, другие ездили по провинциям Альтенбург, Тюрингия и Фракония.

Визитация выявила много ошибок и просчетов, бесчисленные нарушения и искажения. Авгиевы конюшни, в которые римская церковь превратила Германию, никак не меньше, чем остальной христианский мир, не нужно было вычищать за один день. Все, что надо было сделать – это положить начало, и даже это требовало большого такта и твердости, большой мудрости и веры. Истинного очищения надо было ждать только от живого источника святая святых, и делом комиссии было открыть каналы, убрать препятствия, чтобы этот очищающий поток смог наполнить землю.

Служители были избраны, церковный суд назначен, невежественные и аморальные пасторы уволены, но с содержанием. В некоторых случаях встречались священники, которые пытались служить и римской церкви, и реформации. В одной церкви у них была кафедра, с которой они проповедовали

учение о благодати, а в другой алтарь, в котором они совершали мессу. Комиссия положила конец такому дуализму. Учение о священстве всех верующих не соответствовало, как считал Лютер, различию уровня служителей Евангелия, и пасторы больших городов назначались со званием начальствующий, чтобы руководить другими и смотреть как за общинами, так и за школами.

Лютер обнаружил, что везде был один недостаток, а именно недостаток знания. Он взялся за исправление этого недостатка, составив популярный учебник по реформации, и выпустив простые наставления для проповедников, чтобы лучше наставить их в обучении своей паствы. Он прилагал много усилий, чтобы показать им неразрывную связь между учением об оправдании по благодати и жизнью в святости. Его «большой и малый катехизисы», которые он опубликовал в то время, были одними из самых ценных плодов церковной визитации. Распространяя истину, они во многом укоренили реформацию в народе и возвели бастион против возврата папства.

Наделенные властью курфюрста, члены комиссии закрывали монастыри; насельники возвращались к нормальной жизни, здания превращались в школы и больницы, собственность шла на поддержание богослужений и народные нужды. Служителей поощряли жениться, и их семьи становились центрам нравственной и интеллектуальной жизни по всей стране.

План церковной реформы, как представлял Меланхтон, был движением назад. Он писал, что видел с одной стороны фанатов, а с другой возможное возвращение в будущем в римскую церковь, и он составил наставления в консервативном духе. Он тщательно скрыл несовместимые пункты реформаторского учения; а относительно церковного богослужения он ставил целью сохранить как можно больше и изменить как можно меньше. Некоторые называли это умеренностью, а другие приспособлением; католики думали, что войско реформации повернуло назад; граждане Виттенберга подозревали измену. Лютер должен был пойти еще дальше; он очень хорошо понял огромную разницу между Римом и Виттенбергом, чтобы поверить, что они снова могут быть вместе; и, размышляя об искренности Меланхтона и его подлинном желании оградить реформацию со всех сторон, он остался доволен.

Что касается форм богослужения и ориентации церквей, изменения после визитации были незначительными. Сохранилась литургия на латыни вперемешку с лютеранскими гимнами. Престол все еще стоял, хотя его именовали столом; такой же толерантности удостоились и статуи, которые продолжали занимать свои места в нишах; продолжали носить облачения и зажигать свечи, особенно в сельских церквях. Большие города, такие как Нюрнберг, Ульм, Страсбург и другие, очистили свои храмы от механизмов более нужных для сценического богослужения римской церкви, чем служений реформаторской церкви. «В них нет ничего плохого, - писал Меланхтон – они не могут навредить молящемуся»,

но правильность его умозаключения остается открытым вопросом. Со всеми этими недочетами визитация дала хорошие результаты. Организация церкви позволила объединить ее силы. Она могла в тех пор более эффективно противостоять атакам Рима. Кроме того, в центре ее организации была помещена проповедь Евангелия в качестве основного инструмента. Быстро воссиял сильный свет, и допустимые суеверия постепенно исчезли. У Германии появилось новое лицо.

Церкви других германских государств были реконструированы по образцу саксонской церкви. Фракония, Люнебугр, восточный Фрисланд, Шлезвиг и Гольштейн, Силезия и Пруссия были реформированы, благодаря совместным действиям гражданских и церковных властей.

Тот же самый курс был взят во многих главных городах Германской империи. Их граждане встретили реформацию с объятьями, и жаждали уничтожить всякий след римского господства. Чем более интеллектуальным и вольным был город, тем более тщательно проводилась реформация. Нюрнберг, Аугсбург, Ульм, Страсбург, Брунсвик, Гамбург, Бремен, Магдебург и другие города заняли место в списке городов, принявших реформацию, даже не воспользовались разрешением оставаться на среднем этапе реформации, данным им Меланхтоном. В наших церквях горит факел Библии, и нам не нужен свет свечей.

Глава 13 - Устав Гессенской церкви.

Франциск Ламберт – Уходит из монастыря Авиньона. – Приходит в Цюрих. – Идет по Германии. – Лютер рекомендует его ландграфу Филиппу. – Приглашен для создания устава Гессенской церкви. – Его парадоксы – Комментарий священника. – Обсуждение в Хомбурге. – Учреждается Гессенская церковь – Ее простота – Контраст с организацией римской церкви – Главные цели, достигнутые визитацией. – Умеренность Лютера – Монахи и монахини – Содержание для протестантских пасторов – Руководство Лютера для них – Ужасное невежество немецких крестьян – Малый и Большой Катехизисы Лютера – Их действие

Гессен был исключением не в отставании, а в шествии впереди других. Этому княжеству были знакомы труды замечательного человека. Франциск Ламберт прочитал произведения Лютера в своей келье в Авиньоне. Его глаза открылись к свету, и он бежал. Верхом на осле, касаясь ногами земли, так как он был высоким, а также и худым, одетый в серую сутану францисканца с веревкой на поясе, он проехал, таким образом, Швейцарию и Германию, проповедуя по дороге, пока не добрался до Виттенберга, и предстал перед Лютером.

Восхищенный решительностью характера и ясностью познания францисканского монаха, Лютер обратил на него внимание ландграфа Гессенского. Ничего не поделаешь, Ламберт приступил к работе и в ста пятидесяти восьми «Парадоксах» создал основу, достаточно пространную, чтобы принять любого члена, проявившего деятельность в управлении церковью.

Удивительно, что эти предложения вышли из кельи францисканца. Несомненно, монах изучал еще и другие книги, кроме требника. Какой внезапный свет развеял тьму вокруг последователей реформации шестнадцатого века! Перейдя, в отношении духовных знаний, из ночи в полдень, какой контраст они составляют со всеми теми, кто впоследствии вышел из римской церкви, чтобы пополнить ряды протестантов! Был ли ум людей того времени более проницательным, или Святой Дух сходил обильнее? Но перейдем к положениям бывшего монаха.

Согласно традиции, установленной со времен императора Юстиниана, который обнародовал свои Дигесты в церквях, Франциск Ламберт из Авиньона прибил свои Парадоксы к дверям Гессенской церкви. Едва только они предстали на обозрение народу, как быстро протянулись руки, чтобы сорвать их. Но, однако, другие дружеские руки поднялись, чтобы защитить их от надругательства. «Пусть их прочитают», послышались голоса. Молодой священник приносит табурет, встает на него; толпа стихает и священник читает вслух.

«Все, что деформировано, должно быть реформировано». Таков был первый парадокс. Чтобы сказать нам об этом, не надо было, как считал Бонифаций

Дорнеманн, священник, читавший Парадоксы, ни бывшего монаха, ни «духа из глубины» лютеранства.

«Слово Божие является законом истинной реформации», гласил второй парадокс. Можно допустить, что это часть истины, считает священник Дорнеманн, но парадокс косо смотрит на традиции и непогрешимость церкви. Его можно принять при правильной интерпретации Библии.

Толпа слушает, и он читает третий парадокс. «Церкви принадлежит суждение о вопросах веры». Итак, бывший монах встал на правильный путь, считает, Дорнеманн, и обещает следовать по нему. Церковь – судья.

«Церковь является собранием тех, кто объединен одним духом, одной верой, одним Богом, одним Посредником, одним Словом, которым они руководствуются». Так говорит четвертый парадокс. Опасный скачок, думает священник; бывший монах отвергает разом традиции и св.отцов. У него будут трудности с возвращением на традиционный путь.

Священник переходит к пятому парадоксу. «Слово – истинный ключ. Царство небесное открыто тому, кто верит Слову, и закрыто пред тем, кто ему не верит. Поэтому тот, кто владеет силой Слова Божьего, владеет и силой ключей». Бывший монах, считает Дорнеманн, огорчает папский престол этим небольшим пунктом, который оставляет право на руководство только за Словом.

«Так как священство было отменено, говорит шестое утверждение, Христос – наш единственный бессмертный вечный первосвященник; и Он в отличие от человека не нуждается в преемнике». Существует целая иерархия священников. Это утверждение смело все алтари и мессы христианства. Традиции, соборы, Папы, все пропало, что же осталось на их месте? Давайте прочитаем утверждение седьмое.

«Все христиане, со дня основания церкви, являются участниками священства Христа». Парадоксы монаха открывают шлюзы, чтобы затопить церковь и мир потоком демократии.

В этот момент табурет был выбит из-под ног священника, и его чтение было неожиданно закончено падением в грязь. Мы слышали уже достаточно; мы видим основание духовного храма, оно достаточно широкое, чтобы выдержать очень высокое здание. Не только избранные, но все верующие должны быть живыми камнями этого «святого здания». Вместе с бывшим францисканцем из Авиньона и бывшим августинцем из Виттенберга краеугольным камнем церковной организации является «вселенское священство» верующих. Это была всеобщность, о которой церковь, претендовавшая на обладание всеобщностью (католицизмом), ничего не знала. Римская церковь наделила священством, главным образом, одного человека, св.Петра, то есть Папу, и только избранным,

связанным с ним таинственной цепью, разрешалось разделять с ним священство. Каковы были последствия? Почему одна часть церкви зависела в вопросах спасения от другой. Вместо небесной организации, все члены которой имели право на равные привилегии и уважение, и участвовали в приношении духовной жертвы хвалы и послушания, церковь разделилась на два больших класса. Были олигархи и были рабы; первые были святыми, а вторые непосвященными; первые монополизировали все благословения, а вторые были их должниками из-за даров, которые им раздавали.

Два бывших монаха положили конец такому положению вещей. Они низвергли единственного священника, сорвав с головы митру, и вырвав из рук богохульную жертву, а на его место поставили единственного Вечного Первосвященника небес. Вместо иерархии, чей источник силы был на Семи Холмах, откуда он стекал ниже через таинственную цепь, соединявшую всех других священников с Папой подобно проводу передающему электричество от континента к континенту, они восстановили вселенское священство верующих. Их источник силы - на небесах; вера подобно цепи соединяет с ним; Святой Дух является елеем, которым они помазаны. И жертва, которую они приносят, не является жертвой искупления, которая была принесена один раз за всех Вечным Первосвященником, но является жертвой сердец, очищенных верой, и жизней, которые Божественная благодать сделала плодовитыми в святости. Это была великая революция. Древний установленный порядок был отменен; и был введен абсолютно другой порядок. Кто дал им власть совершить такие изменения? Тот самый апостол, отвечали они, которого римская церковь сделала своим главой и краеугольным камнем. Св. Петр, говорила римская церковь, является единственным священником, он источник всего священства. Но св. Петр сам учил совсем по-другому, говоря не через своего преемника, а сам лично обращаясь ко всем верующим, он сказал: «Вы – царственное священство». Потом этот апостол, которого католики представляют сосредотачивающим всю священническую функцию в себе, безгранично и всецело распределил ее среди всех членов церкви.

В этом отрывке мы слышим Божественные голос, который говорит и призывает к жизни не просто естественную, а другую организацию. Мы видим, как появляется церковь, и то же Слово, которое призвало ее, облекает ее силой и действием. Еще в колыбели ее назвали «царственной» и «святой». В ее устав включены две власти: власть духовного управления и власть святого служения. Ими наделено все тело верующих, но применение их не является правом каждого, но правом только самых пригодных, которых остальные должны призвать для руководства с помощью власти, им не принадлежащей, а является собственностью всего тела. Таковы были умозаключения Лютера и бывшего францисканца из Авиньона; последний продолжал приводить в исполнение главные принципы при организации Гессенской церкви.

Но сначала он должен представить свои заключения на рассмотрение церковным и гражданским властям Гессена, и по возможности добиться их принятия. Ландграф Филипп разослал приглашения, и 21 октября рыцари и графы, прелаты и пасторы, а также выборные от городов собрались в церкви Хомбурга, чтобы обсудить предложения Ламберта. Римская партия единодушно раскритиковала Парадоксы, с таким же рвением Ламберт защищал их. Его красноречие заставило молчать всех оппонентов, и после трех дней дискуссий, предложения были приняты, а церкви в Гессе учреждались согласно им.

Церковный устав в Гессе был первым, которому реформация дала жизнь; он был создан в надежде стать образцом для других, и по некоторым важным пунктам он отличается от всех последующих постановлений Германии. Его происхождение исключительно церковное; его власть из той же сферы; так как в его законах не упоминается ни государство, ни ландграф, и разработан он был церковью. Любой член церкви, разбиравшийся в учении и благочестивый, мог быть избран на пасторское служение; каждая община должна была выбирать своего пастора. Все пасторы были равны, они должны рукополагаться возложением рук троих других пасторов; они должны встречаться со своими общинами каждый Шаббат для поддержания порядка; а ежегодный синод должен руководить всей организацией. Устав Гессенской церкви очень напоминает устав, принятый потом в Швейцарии и Шотландии. Но едва можно было предположить, что он будет сохранять свою силу среди церквей, устроенных по Установлениям Меланхтона; государство постепенно посягало на его свободы; и в 1528 году устав был переделан согласно принципам устава Саксонской церкви.

Труд совершался в течение трех лет, когда бушевал ветер, чтобы он не повредил молодую виноградную лозу, которая начала пускать побеги в христианском мире.

Эта ревизия представляет новую эпоху протестантизма. С тех пор реформация стала просто принципом, стоявшим перед его противниками, и боровшимся, преодолевая преграды, с установленной и хорошо организованной системой. Так было недолго. Она не была больше только духовным принципом, как раньше, но нашла организацию, в которой можно находиться и через которую можно действовать. Она могла владеть всем аппаратом, который организация дает для объединения и направления действий, явления своего существования и своей силы людям. Ее устройство не было заимствовано из традиции или из существующей иерархии, которая очень напоминала иерархию языческого храма, но была заимствована со страниц Нового Завета, найдя образец там, где она нашла учение. Это была чистота апостольского учения, снабженная простотой апостольского устройства. Таким образом, она отвергла требования римской церкви к соблюдению традиций, заявив, что она древнее их. Но хотя она была древнее, она не была в отличие от римской церкви сломлена коррупцией и

немощью возраста; у нее была врожденная неземная сила первой церкви, чьей представительницей она была. Будучи молодой, она обещала миру подарить вторую молодость.

Кроме основной цели визитации, которая заключалась в насаждении церквей, было достигнуто несколько второстепенных, но важных целей. Прежде всего, мы поражаемся новым светом, в котором визитация представляет характер реформации. Кажется, что Лютер полемист и Лютер администратор – два разных человека. В дебатах Лютер очищает место с такой горячностью, с которой освобождают путь от преград, и с таким негодованием, которое испепеляет любого философа и любую философию, опрокидывая их своей логикой. Но когда он едет с визитацией, мы едва узнаем его. Он облекается в тактичность, нежность и даже жалость. Он боится заходить далеко, и в некоторых случаях он оставляет открытым вопрос, а не зашел ли он слишком далеко. Он спокоен, нет, осторожен, мягко ступая, чтобы случайно не растоптать религиозных предрассудков, которых искренне придерживаются, ранить чувства более слабого брата, поступить с кем-нибудь несправедливо или сурово. Относительно доходов аббатств и кафедральных соборов он не идет дальше приказания отчисления ежегодных сумм на содержание приходских служителей и школ. Он, конечно, забирает вакантные бенефиции; в этом случае никто лично не взывал к его сочувствию. Упорные католики находили у него снисходительность. В Акте визитации была статья, воспользовавшись которой, он смог бы выслать их из Саксонии, но он несколько раз просил за них курфюрста, говоря, что было бы мудрее оставить их в покое, нежели отправлять их в другие страны, где вероятность вреда от них могла быть больше. Будучи снисходительным к этому классу, он не мог не быть доброжелательным к монахиням и монахам. Он помнил о том, что сам был монахом. Во многих случаях монахини оставлялись в своих монастырях, а старые монахи у своих каминов с хорошим содержанием до конца жизни. «Вверенные Богу», фраза, которой он определял этот класс, и которая показывала, что он оставил времени и учению Духом прекращение монашеского обета и отречение от сутаны. Выгнать монахиню из кельи или снять с монаха сутану, когда на душе оставались оковы, значило оставить их в плену. Был Высший, который был помазан «проповедовать пленным освобождение и узникам открытие темницы».

Не менее продуманными были его наставления проповедникам. Он рекомендовал умеренное и мудрое поведение за кафедрой в соответствии с тяжелой ситуацией того времени. Им пришлось идти в пустыню, которой стало христианство, с учением Иоанна Крестителя: «Покайтесь». Но в своей проповеди они не должны были никогда отделять Покаяние от Веры. Это было два вида благодати, которые действовали вместе в одном золотом ярме, тщетно первая проливала слезы, если рядом не было второй с прощением. Отпущение грехов

было не в исповедальне, а у престола Христа, но только вера могла подняться в небеса и принести его оттуда на землю.

Они должны были возвещать с кафедр ту же истину, что и апостолы, и первые евангелисты в своих проповедях; они не должны были бояться, что Евангелие потеряет силу; они «не должны были бросать камни в католицизм»; истинный свет затмит ложный, как дневной свет затмевает свечение гнилушек в темноте.

При духовной слабости воли их надо учить нравственной свободе воли; духовная неспособность, которую человек приобрел при Падении, не должна оправдываться его отказом от ответственности. Человек может воздерживаться, если хочет, от лжи, воровства, убийства и других грехов согласно утверждению св.Павла: «Язычники, не имеющие закона, по природе законное делают». Человек может просить Божьей силы для исцеления слабости воли; но только Бога, а не святых, надо просить. Далее пасторам рекомендовали раздавать причастие под обоими видами, за исключением редких случаев, и распространять учение о реальном присутствии.

Во время поездки реформатор старался находиться рядом с крестьянами, чтобы выяснить уровень их знаний и правильно сформулировать для них наставления. Однажды, как вспоминает Мафесий, он попросил крестьянина прочитать Символ Веры. «Верую в Бога Вседержителя, начал крестьянин. «Стой», сказал Лютер. «Что ты понимаешь под словом Вседержитель?» «Не могу сказать», ответил человек. «Я тоже не могу, сказал Лютер, и никто из образованных людей во всем мире. Только верь, что Бог – твой любимый и истинный Отец, и знает, как Всеведущий Господь, как помочь в нужде тебе, твоей жене и детям. И этого достаточно».

Визитация пролила свет на две вещи. Во-первых, она показала, насколько всеобщим был отказ от католического учения и обрядов по всей Саксонии; во-вторых, насколько прискорбным было невежество, в котором римская церковь, несмотря на богатые пожертвования, многочисленные общины и духовенство, позволила погрязнуть простым людям. Отказывали во всем: в школах, проповедниках, Библии. Римская церковь сделала их «обнаженными до бесстыдства». В некотором отношении это облегчило работу Лютера. Мало было прочного, что нельзя было бы не заменить. Не было твердых убеждений, которых нельзя было бы искоренить. Тупое невежество было ему на руку; в другом отношении это затрудняло его работу, так как все надо было строить с самого основания; самые первые элементы Божественных знаний должны прививаться в низших социальных группах. В высших слоях общества дело обстояло не так плохо, там лютеранство было реальностью – вполне понятой системой истины – что пока еще не пришло в низшие слои. В Саксонской провинции Альтенбург только один дворянин принадлежал к римской церкви. В столице Евангелие проповедовалось в течение семи лет, и теперь едва ли набиралось десять

приверженцев римской церкви. Из ста приходов только четыре продолжали служить мессу. Священники, оставившие внебрачное сожительство, в котором Папа разрешал им жить, заключили брак с теми, в большинстве случаев, с кем они ранее имели неблаговидные связи. Кроме положительных результатов движения, надо рассмотреть и менее удовлетворительные. Лютеранство, которое вытеснило католицизм, сводилось во многих случаях к простому освобождению от уплаты церковных сборов и соблюдению церковных обрядов.

Не удивительно, что крестьяне так это восприняли, если вспомнить картины церковного ига, которые представлялись взору путешественника: поля брошены, дома оставлены из-за гнета церковных поборов. От полностью обобранных людей, чье невежество равнялось их бедности, протестантский пастор мог ожидать только неадекватной сомнительной поддержки. Служители перебивались благодаря ничтожной помощи своих прихожан, которые возделывали небольшой участок его земли. Служа Господу в нужде, даже в нищете, они без ропота смотрели на богатство папских заведений, захваченные баронами или использовавшихся канониками или другими церковниками, которые предпочитали оставаться в лоне римской церкви. Известно, что трудности являются неотъемлемыми спутниками великих преобразований при переходе от одного порядка к другому. Только благочестие могло открыть источники щедрости в людях, благочестие должно быть результатом знаний, прежде всего знаний Божьего Слова. Не хватало пасторов и школ. «Мы повсюду видим – писал Лютер – нужду и нищету. Господь посылает делателей в свой виноградник! Аминь». «Везде лицо церкви самое жалостное», писал он Спалатину. «Иногда мы собираем пожертвования для бедных пасторов, которым приходиться обрабатывать свои два акра земли, чтобы как-то жить. У крестьян нет ничего, и они ничего не знают; они ни молятся, ни исповедуются, ни причащаются, как будто освобождены от всяких церковных обязанностей. Вот такое руководство папских епископов!»

Реформатор видел наготу земли; это было первым шагом к ее исцелению. Тьма была непроглядной. Он бы не поверил, если бы сам не увидел, как римская церковь оставила немецкого крестьянина без интеллектуальной и духовной культуры. Было еще одно преступление, за которое римская церковь даст ответ на грядущем суде; и это не последнее преступление, в котором он обвиняет ее. Он уже знал о ее исключительной гордыне; она была открыта миру через чрезвычайно высокие титулы ее Пап. Он также знал о тирании ее закона; она была явлена в статутах канонического закона и указах ее соборов. Ее нетерпимость проявилась в избиении альбигойцев и костре для Гуса; ее алчность во всевозрастающем вымогательстве, от которой стонала Германия и свидетельствовали брошенные поля и пустые дома, которые он видел во время визитации. Он также знал, что такое ящики с индульгенциями. Но был еще один продукт римской системы. Он покрыл народы такой глубокой тьмой, что само

представление о Боге было почти утеряно. Чем ближе он подходил к этому положению, тем более отталкивающим и ужасным оно казалось. Германские народы были, несомненно, моделью остального христианства. Не только католицизм, но любая религия была на грани гибели. «Если бы – писал Лютер в письме к курфюрсту Саксонскому вскоре после этого – прежнему положению вещей было допущено достичь своего естественного завершения, то мир бы развалился, и христианство превратилось в атеизм».

Реформатор поспешил прогнать ночь, которая опустилась на мир. Это, фактически, стало целью его усилий, с тех пор как он сам пришел к познанию истины; но теперь он более ясно представлял, как это должно быть. Поэтому, когда он завершил визитацию и вернулся в Виттенберг, он засел не за написание комментарий или дискуссионного трактата, а за катехизис для немецких крестьян. Этот учебник элементарных наставлений был готов весной следующего 1529 года. Он был опубликован в двух видах: Малый и Большой Катехизис. Первый состоял из краткого простого изложения Десяти Заповедей, Символа Веры, Господней молитвы и таинств, с утренними и вечерними молитвами, благодарением до и после еды, с «хаузтейбл» или отрывками из Писания на каждый день, Большой Катехизис содержал более полное и подробное изложение некоторых вопросов. Лишь некоторые из его трудов были более полезны.

Его Комментарии и другие работы просветили дворянство и наставили самых разумных из горожан; но от его Катехизиса «свет разошелся» и излился на «равнины», как однажды он осветил «горные вершины». Когда земля является испепеленной пустыней и ее травы выжжены, полноводная река, текущая в своих берегах, не принесет полям плодородие. Ее воды текут в океан, а жаждущая земля с поникшими и увядшими растениями, не попробовавшими ее воды, продолжает чахнуть. Но совсем не так с росой или дождевым облаком. Они мягко опускаются, почти неслышимо и невидимо для человека, но их воздействие является мощным. Мириады капель омывают каждый цветок, проникают до корней каждой травинки, и вскоре холмы и равнины радуются плодородию и красоте. Также и с основами Божественных знаний, открытые в этих маленьких книгах, разбросанные как капли росы, они проникают в сознание народа, и когда они входят, то пробуждают сознание, оживляют ум, вызывают всеобщий подъем, сначала духовной деятельности, потом интеллектуальной и политической; в то время как другие народы, не получившие этого, остаются неоживленными, их сонное состояние усугубляется с каждым веком, пока, наконец, они не осознают своего состояния, которое контрастирует с состоянием протестантских стран, и которое больше не является удручающим, а поучительным.

Глава 14 - Политика и предзнаменования.

Войны – Франциск I нарушает договор с Карлом. – Турки – Папа и император снова становятся друзьями. – Неудача Коньякской Лиги – Подчинение Италии Испании – Новая лига между Папой и императором – Ересь должна быть уничтожена. – Созывается новый сейм. – Предзнаменования – Отто Пак – Его история – Князья-лютеране готовятся к войне против папских конфедератов. – Лютер вмешивается. – Война предотвращена. – Мученики

В то время как внутри круга, образованного святым обществом, пробуждение которого мы видели, было спокойно, то вне его, на открытой сцене мира, бушевали свирепые бури. Общество сотрясалось от войн и военных слухов. Франциск I, который получил свободу, подписав Мадридский договор, как только вернулся во Францию, вдохнув воздух и аромат Лувра, сразу заявил, что условия, открывшие ему возможность избежать плена, были невыносимыми, и не скрывал своего намерения их нарушить. Он обратился к Папе за освобождением от них. Папа, находившийся во вражде с императором, освободил его от обязательств. Это опять разожгло пожар войны в Европе. Французский король вместо того, чтобы выступить маршем под знаменами Карла и бороться за искоренение ереси, что торжественно обещал сделать, собрал солдат и послал их через Альпы для нападения на императора в Италии. В результате Карлу снова пришлось сражаться за обладание полуостровом, который, как он думал, надежно обеспечила ему победа при Павии. Неприятность пришла и с другой стороны. Генрих Английский, который до этого был с императором в дружеских отношениях, начал дело о разводе с королевой Екатериной, теткой императора, и тоже посылал враждебные послания испанскому монарху. В довершении неразберихи турки гремели у ворот Австрии, и угрожали пройти маршем прямо в сердце христианского мира. Пройдя Вену, Сулейман обрушил свои орды на Венгрию. Он убил Людвига, короля этой страны, в смертельной битве при Могаче; а эрцгерцог Фердинанд Австрийский, дав реформаторам свободу продолжать работу, неожиданно оставил сейм в Шпейере и уехал сражаться на кровавых полях за право на свободный трон Венгрии. С каждой стороны шпага была при деле. Армии были постоянно на марше; города были осаждены; Европа была морем, на поверхности которого сильные ветры с четырех сторон яростно соперничали.

Постоянные трудности были уделом всех монархов того времени. Но все их трудности вырастали из странного движения, которое возникло среди них, и которое обладало странной особенностью. У него была ужасная способность превращать все, что предназначалось навредить им, в средство для их развития. Беспокойство монархов проявлялось в их постоянной смене. Едва создавался союз, как тут же распадался на части, и на его месте появлялся другой. Мы только что видели вражду Папы с императором. Мы опять видим их союзниками,

объединивших шпаги, недавно направленные друг на друга, для искоренения ереси из Виттенберга. О ходе политических событий, приведших к этому, можно рассказать в нескольких словах.

Поход Французского короля в Италию в нарушение Мадридского договора, как мы видели, был сначала успешным. Его генерал Лотрек, скатившись с Альп, взял города Александрию и Павию. В последнем городе Франциск I был побежден и взят в плен; его солдаты с жестокостью, которая скорее обесчестила их, чем отомстила за их господина, разграбили его, предав сначала мечу его жителей. Лотрек перешел Апеннины, намереваясь продолжить марш на Рим и открыть двери замка св.Анджело, где Клемент VII все еще был в заключении. Тем временем, Папа, заплатив первую часть выкупа в 400 000 крон, не надеясь заплатить остальную часть, и устав от заключения, переоделся купцом и убежал с единственным слугой в Орвиетто. Французский генерал поспешил в Неаполь, только чтобы понять, что победа оставила его знамена. Скорее пораженная чумой, чем испанской шпагой, его армия таяла, его победы ни к чему не привели, в конечном итоге император вернул власть в Неаполе и Ломбардии, и снова стал неоспоримым господином Италии к ужасу Папы и недовольству итальянцев. Таким образом, война, которую Италия начала при содействии Папы Клемента VII, и смутные надежды Ренессанса с целью возведения страны в ранг независимого государства, закончились полным подчинением иностранцу, не узнав эмансипации или свободы до наших времен, когда независимость зародилась в 1848 году и восторжествовала в 1870 году, когда итальянские войска под эгидой новой Германской империи вошли в Рим, и Виктор Эммануил был объявлен на Квиринале монархом от Альп до Сицилии.

Так Коньякская Лига потерпела поражение, последние надежды ренессанса угасли, и Карл опять стал владыкой.

Поняв, что император стал сильнее, Папа изменил поведение, выбросил за борт Франциска I и подал руку Карлу V. Планы императора тревожили Папу и раньше, теперь он стал еще сильнее; но Папа утешался тем, что считал Карла преданным сыном католицизма, и что власть, которую он не смог усмирить, он сможет использовать с помощью хитрости.

Поэтому 29 июня 1528 года Клемент заключил мир с императором в Барселоне при условии, что Карл сделает все возможное для искоренения гнезда еретиков, свитого в Виттенберге, и возвеличивания власти и славы римского престола.

Казалось, что настал подходящий момент, чтобы покончить с ересью. Италия была у ног императора; Франциск I и его королевство были наказаны. Похоже, что они не скоро появятся с оружием к югу от Альп; вал вторжения турок откатил назад; Папа снова стал другом императора, и кажется, что все приглашало Карла

к предприятию, которое он был вынужден отложить, временами замалчивать, но которое он никогда не оставлял.

В его намерения не входило в первую очередь применять шпагу. Карл был от природы гуманным; и хотя намеривался уничтожить протестантское движение, предвидя, что оно неизбежно развалит его огромную империю, он предпочитал добиться своей цели с помощью политики, если это было возможно. Он созвал сейм, осудил Виттенбергскую ересь и надеялся, что большинство правителей пойдут за ним; что лидеры протестантского движения уступят при таком проявлении нравственной силы. Если они все же проявят непокорность, тогда он применит силу; но в этом случае, утверждал он, на нем не было вины. Император в письмах, датированных 1 августа 1528 года, из Валладолида предложил провести сейм 21 февраля 1529 года в Шпейере.

Между тем, смутные слухи о происходящем достигли реформаторов Германии. Они с опасением смотрели в будущее. Было и другое, что усугубляло эти мрачные предчувствия. Природа, казалось, не в меньшей степени вышла из равновесия, чем политика. Необыкновенные метеоры пронзали небо, отмечая свой путь огненными полосами и пугая людей ужасным шумом. Северное сияние неожиданными сполохами, подобно эскадронам, идущим в атаку, освещало ночное небо. Реки выходили из берегов; луга, поля и в некоторых случаях целые провинции оказывались под водой. Сильные ветры вырывали старые деревья; как будто столпы мира ослабли и пошатнулись, землетрясения колебали королевства и проглатывали замки и города. «Вот», говорили люди, бывшие свидетелями этих событий. «Вот, предзнаменования страшных бед, которые должны охватить мир» Даже Лютер присоединился к общему страху. «Д-р Гесс – писал он - сообщает мне, что в декабре прошлого года видели все небо в огне над церковью в Бреслау, а на другой день в том же месте появились два огненных круга, один в другом, а в центре святящийся столп. Эти знамения говорят, по моему твердому убеждению, о Последнем Дне… Римская империя почти разрушена; турки достигли вершины власти; слава папства быстро угасает; мир трещит по швам, собираясь развалиться.

В то время как реальные опасности угрожали эпохе, иллюзорная и сомнительная опасность почти не уничтожила протестантизм. Дворянин из Майсена Отто Пак – алчный человек, транжир и интриган, бывший некоторое время вице-канцлером герцога Георга Саксонского – приехал однажды к Филиппу, ландграфу Гессенскому, с мрачным лицом и признался, что знает страшную тайну, которая касается его и его лютеранского союзника, курфюрста Саксонского. Когда от него потребовали объяснения, он заявил о своей готовности все открыть по уплате ему некоторой суммы. Опасение ландграфа было настолько возбуждено, что он согласился заплатить требуемое вознаграждение. Пак сказал, что дьявольский план тайно готовится князьями

Германии, возглавляемыми эрцгерцогом Фердинандом, чтобы столкнуть в вооруженном конфликте двух наследных принцев, Иоганна Саксонского и Филиппа Гессенского, лишить их территорий, схватить Лютера и его последователей, и, отняв у них все средства, восстановить старое богослужение.

Пак не мог показать ландграфу подлинный документ этого ужасного союза, но предъявил копию со всеми прилагавшимися к нему печатями герцога и курфюрста, что придавало ей вид неподдельного документа, и она убедила ландграфа в том, что рассказ Пака был правдивым.

Пораженные неожиданно возникшей опасностью, и решив, что они не должны терять ни минуты, прежде чем мина взорвется, курфюрст и ландграф быстро собрали армию для ограждения себя и своих подданных от неминуемого, как они считали, уничтожения. Два правителя заключили официальный пакт (9 марта 1528 года), «чтобы защищать общество, достоинство и богатства, священный залог Божьего Слова для них и их подданных». Затем они стали искать союзников. Они надеялись через герцога Прусского настроить Польского короля против Фердинанда Австрийского, и сдерживать епископов Фраконии с помощью армии Георга Бранденбургского. Они надеялись на помощь герцогов Люнебурга, Померании, Макленбурга и города Макдебурга. Сами они были согласны вооружить 6 000 конницы и 20 000 пехоты. В будущем они хотели заключить союз с датским королем. Они решили упредить противников, нанеся удар первыми. Всю Германию охватили беспорядки. Теперь пришла очередь дрожать папистам. Реформаторы бросились к оружию, и, прежде чем они смогли окончить приготовления, на них напали толпы народа, подстрекаемые поразительными слухами об ужасном плане по их уничтожению. Реформация была на грани вовлечения в боевые действия. Лютер содрогнулся, когда увидел, что происходило. Он решительно встал перед двумя лидерами, которые спешили повернуть движение на смертельную дорогу, и хотя он верил в подлинность замысла, несмотря на негодующий протест Герцога Георга и папских князей, он потребовал от курфюрста и ландграфа не наносить первого удара, но ждать нападения. «Существует невидимая война, - писал он – нельзя рисовать дьявола на двери или просить его быть крестным отцом. Войны никогда не приносят больших побед, но много потерь и опасностей; смирение ничего не теряет, приносит мало опасностей и побеждает во всем».

Советы Лютера подействовали, было дано время на размышление; таким образом, лютеранские князья были спасены от огромной ошибки, которая бы в последствие привела не к победе, а к поражению.

А пока реформация одерживала победы в сотни раз более славные, чем победы вооруженных армий. Один мученик стоил более тысячи солдат. Таких бойцов посылала сейчас реформация. Такие свидетельства своей доблести она начала давать – конечно, лучше полей с убитыми, что является самым ужасным из всего.

В Баварии в то время Леонард Гаспар скрепил свидетельство веры своей кровью. Он был арестован по приказу епископа Пассау и осужден за утверждение того, что человек оправдывается только по вере; что существует только два таинства: крещение и Евхаристия; что месса не является жертвой, и не помогает ни живым, ни умершим; что только Христос принес за нас искупление. В Баварии, где не осмеливались проповедовать реформаторское учение, епископ не нашел лучшего способа для его распространения, чем сжечь человека, придержавшегося этого учения. В Мюнхине Георг Карпентер был отведен на костер за отрицание того, что водное крещение само спасает человека. «Когда огонь охватит тебя, - просили его друзья – дай нам знак, что ты стоишь твердо». «Пока я могу открывать рот, - ответил он – я буду исповедовать моего Спасителя». Палач взял его, связал и бросил в пламя. «Иисус! Иисус!» - восклицал мученик. Палач железным крюком поворачивал его на горящих углях. «Иисус! Иисус!» - продолжал восклицать мученик, и так исповедуя имя Господа, он предал свой дух посреди огня. Таким образом, еще один яркий факел зажегся в Баварии.

Были и другие мученики в тех Германских провинциях, которые были под юрисдикцией папских князей. В Ландсберге девять человек пострадали на костре, в Мюнхене двадцать девять человек утопили в реке Изер. В других случаях применялись более быстрые мучительные казни. Весной 1527 года Георг Винклер, проповедник города Галле, предстал перед Альбертом, кардиналом Майнца. Когда его отпустили после суда архиепископа, его посадили на лошадь придворного шута и отправили домой. Его путь лежал через лес; вдруг небольшой отряд всадников выскочил из чащобы, пронзил его шпагами и снова скрылся в лесу. Добыча не была целью убийц, у него не взяли ни денег, ничего ценного; лишь подозрение в ереси направило кинжалы против него. Лютер надеялся, что «кровь убитого, как и кровь Авеля, воззовет к Богу; или будет семенем, из которого произрастут другие проповедники». «Мир – это таверна, - писал он – в которой сатана хозяин, а вывеска над входом – убийство и ложь». Он даже завидовал этим мученикам. «Я – лишь многословный проповедник - говорил он – по сравнению с этими великими делателями».

Мы слышим, как с костра этих мучеников реформация говорит лютеранским князьям, некоторые из которых стремились помочь ей шпагами, и думали, что, если они не сделают этого, то она погибнет. «Отпустите вооруженных рекрутов. Я дам Своих солдат. Я Сам их облеку в оружие, с которым они выйдут на битву. Я препояшу их терпением, смирением, героизмом и радостью, этим оружием они будут сражаться. Этим оружием они разрушат всякую силу, ложь и испортят врагу репутацию».

Глава 15 - Великий протест.

Сейм 1529 года – Приезд князей-папистов – Их численность и большие надежды – Курфюрст Саксонский – Приезд ландграфа Гессенского – Сейм открывается. – Послание императора – Отменить ли сейм эдикт о толерантности 1526 года? – Дебаты – Средний путь, предложенный участниками-папистами – Это бы заглушило реформацию в Германии. – Принято большинством голосов. – Критический момент – Согласятся ли князья-лютеране. – Фердинанд поспешно покидает сейм. – Протестантские князья советуются друг с другом. – Их протест – Их имя – Огромный результат

Такое время предшествовало созыву знаменитого сейма в Шпейере: необычные знамения на небе, дым костров мучеников на земле; короли препоясанные шпагой и народы, встревоженные слухами об интригах и войнах, вздымавшиеся подобно океану накануне шторма. Тем временем время сейма приближалось. Он должен был собраться в феврале, но не смог этого сделать до середины марта. Ни на каком прежнем сейме не было так много участников, особенно с католической стороны. Князья-паписты приехали первыми. Маленький город приходил в движение при объявлении у его ворот о въезде феодала, когда он проезжал по его улицам в сопровождении впечатляющей группы вооруженных слуг. Первым по званию был король Фердинанд, который должен был председательствовать в отсутствии своего брата Карла V, приехавший в сопровождении 300 вооруженных рыцарей. После него приехали герцоги Баварии с аналогичной свитой; затем последовали церковные правители Майнца и Треве, епископы Трента и Гейльденштейна, каждый с отрядом всадников. Их надменный вид и хвастливые приветствия, которыми они обменивались друг с другом, выдавали твердую надежду повести все вопросы сейма по своему пути. Они приехали, чтобы похоронить реформацию.

Последними приехали князья-реформаты. Самый влиятельный правитель империи, курфюрст Саксонский Иоганн, приехал 13 марта. Его приезд был самым скромным. С ним ехал только Меланхтон. Филипп Гессенский приехал 18 марта. С характерной для него пышностью он въехал под звуки труб в сопровождении отряда из 200 всадников. Был канун Вербного Воскресенья, когда курфюрст вместе с Меланхтоном въехали в Шпейер. На следующий день в его гостинице было богослужение, и как свидетельство того, что интерес народа к Божьему Слову не угас, на утренней и дневной проповеди было не менее 8 000 человек. Когда приехали выборные от городов, то все правомочные участники сейма были в сборе, и заседание было открыто.

Сейму не долго пришлось ждать прямых указаний императора по поводу его созыва и ожидаемой от него законодательной деятельности. Едва он собрался, как получил указания от специально уполномоченных о том, что волей и приказом императора сейм должен отменить эдикт сейма в Шпейере от 1526 года.

Участники могли справиться с этим делом за час, и с миром отправляться по домам.

Но давайте посмотрим, как много заключалось в этом коротком послании, и как много надо было сейму сделать – какую революцию его просили инициировать, когда ему предложили отменить эдикт 1526 года. Этот эдикт гарантировал свободу вероисповедания в нескольких княжествах империи до созыва вселенского собора. Это было, как мы уже говорили, первым законодательным установлением реформации. От сейма требовали отменить существовавшую в Германии религиозную свободу. Но это еще не все. Эдикт 1526 года приостанавливал исполнение Вормского эдикта 1521 года, который запрещал Лютера и осуждал реформацию. Отмените эдикт 1526 года, и эдикт 1521 года вступит в силу; Лютер должен быть предан смерти; реформаторские взгляды должны быть искоренены во всех странах, где они укоренились; короче, шлюзы беспощадных гонений должны открыться в Германии. Таково было значение краткого и надменного послания, которым Карл озадачил сейм в его начале. Такое послание было нарушением конституционных прав некоторых княжеств и захватом власти, на который не дерзнул посягнуть ни один из бывших императоров. Послание, если бы оно стало законом, втоптало бы в грязь право на свободу совести, самостоятельность сейма и права Германии.

Итак, борьба началась. Надо ли отменять Шпейерский эдикт 1526 года? Папские участники сейма активно настаивали на его немедленной отмене. Он покровительствовал всяким отвратительным убеждениям; он поощрял рост еретических и неблагожелательных общин, имея в виду церкви, которые были созданы за три года мира. Но это была воля императора, и кто был против отмены, не мог быть другом Карлу.

Князья-реформаторы со своей стороны утверждали, что этот эдикт стал уже конституцией империи, что он был единодушно принят всеми участниками сейма; что его отмена сделает брешь в вере народа, и что у лютеранских князей останется право противостать такому шагу силой оружия.

Большинство участников сейма, хотя и хотели угодить императору, чувствовали силу веских аргументов. Они видели, что основания оппозиционеров было построено на конституции и законе. Каждое княжество имело право само приводить в порядок свои дела. Вероисповедание и богослужение было одним из них. Но большинство участников сейма требовали, чтобы каждое княжество имело право решать этот вопрос. Если бы им это удалось, то было бы ясно, что в Германии устанавливается новый порядок. Центральная власть узурпировала бы права местных руководств, и независимость самостоятельных княжеств была бы нарушена. Отмена эдикта служила бы символом начала революции и войны.

Выбрали средний путь. Эдикт 1526 года не был отменен, но и не получил законной силы. Паписты вынесли на обсуждение сейма предложение о том, что какой бы ни был закон и установленный порядок в княжествах на этот час, такой и должен оставаться до созыва вселенского собора. В некоторых княжествах эдикт 1521 года был законом и установленным порядком, то есть проповедь Евангелия была запрещена, его исповедники сжигались. В других княжествах эдикт 1526 года был законом и установленным порядком, они поступали в вопросах религии по своему разумению. Предложение, вынесенное на рассмотрение сейма, практически означало поддержание статус-кво в каждом княжестве с определенными важными изменениями в тех из них, где на данный момент существовала свобода вероисповедания. Эти изменения заключались в том, чтобы папская иерархия была реорганизована, разрешалось служение мессы и никому не позволялось отрекаться от Папы и принимать лютеранство до созыва вселенского собора и принятия им мер. Это предложение не навязывало протестантам отречение от своей веры. В нем не было наказаний и взысканий с существующих монастырей. А как насчет тех, которых этот свет должен был осветить потом? Они должны скрывать свои убеждения или ожидать наказания: виселицу или костер. А как насчет княжеств, которые возможно хотели сбросить иго Рима и перейти на сторону реформации? Предложение, перешедшее в закон, делало это невозможным. Княжество, как и отдельный человек, не могло изменить свою религиозную ориентацию. Предложение провело черту реформации, и заявило, что никто не может перейти черту, и что лютеранство достигло своих крайних пределов. Но не продвигаться вперед значит отступать, а отступать значит умирать. Поэтому это предложение, открыто поддержавшее реформацию, тайно замышляло задушить ее. Тем не менее, Фердинанд, папские вельможи и прелаты поспешили применить меру, которую сейм принял большинством голосов.

Должны ли вожди реформации подчиниться и принять этот указ? Как легко могли бы реформаторы в этот переломный момент, который истинно был очень важным, сбиться на неверный курс! Как много убедительных предлогов и веских причин могли бы они найти для подчинения! Лютеранским князьям была гарантирована свобода вероисповедания. То же благо распространялось на всех их подданных, которые прежде принятия этой меры, придерживались протестантских взглядов. Разве этого было не довольно? Сколько опасностей избежало бы подчинение! Какому неизвестному риску и конфликту подвергло бы их противостояние! Кто знает, какие возможности может принести будущее? Давайте изберем мир; давайте возьмем оливковую ветвь, которую протягивает Рим, и залечим раны Германии. Подобными аргументами реформаторы могли бы оправдать принятие курса, который, в конце концов, завершился свержением их дела.

К счастью они увидели принцип, лежавший в основе этого мероприятия, и действовали по вере. Что это был за принцип? Это было правом римской церкви порабощать сознание и запрещать самостоятельное изучение. Но разве они сами и их протестантские подданные не получили свободу вероисповедания? Да, как благосклонность, особенно оговоренная в соглашении, но не как право. Что же касается тех, кто был за пределами этого мероприятия, их главным принципом являлось господство, отсутствие здравого смысла, непогрешимость римской церкви и абсолютное ей подчинение. Принятие этого предложения, в сущности, являлось принятием ограничения религиозных свобод в протестантской Саксонии; а что касается остального христианского мира, свобода изучения и исповедования реформатской веры считалась преступлением и должна была наказываться виселицей или костром. Могли ли они ограничить свободу вероисповедания, провозгласить, что у реформации больше не будет новообращенных, что освоен последний акр земли, и что куда бы римская церковь не распространила свое владычество в этот час, оно должно сохраняться навсегда. Могли ли реформаты признать себя невиновными в крови сотен и тысяч человек, которые при исполнении этого постановления, должны будут отдать свои жизни в папских странах? Это было бы предательством в такой критический момент дела Евангелия и прав христианства.

Реформаты, участники сейма, - лютеранские князья и представители городов – собрались для обсуждения. Этот критический момент был очень важным. От часового обсуждения зависел подъем или падение реформации, свобода или рабство христианства. Князья понимали ответственность своего положения. Их самих должны были оставить в покое, но ценой, которую они должны были заплатить за это позорное дело, был отказ от Евангелия и прав на свободу вероисповедания во всем христианском мире. Они решили не придерживаться такого подлого курса.

Сейм встретился опять 18 апреля. Король Фердинанд, его председатель, который очень хотел скорейшего окончания дела, поблагодарил сейм за принятие предложения, добавив, что его содержание будет воплощено в императорском указе и провозглашено по всей империи. Обратившись к курфюрсту и его друзьям, Фердинанд сказал им, что сейм принял решение; что резолюция была принята, и им ничего не оставалось, как только присоединиться к большинству.

Протестантские участники, не ожидали такого резкого завершения, и удалились в соседнюю комнату, чтобы подготовить ответ на этот надменный ультиматум. Фердинанд не стал ждать; несмотря на просьбу курфюрста, он покинул сейм, не вернулся он и на следующий день, чтобы выслушать ответ лютеранских князей. У него было только одно слово – подчинитесь. То же говорила и римская церковь – подчинитесь.

На следующий день, 19 апреля, сейм провел последнее судьбоносное заседание.

Курфюрст Саксонский и его друзья вошли в зал. Место председателя пустовало, Фердинанд уехал; но это не лишило дела юридической и духовной силы. Князья знали, что их слушателями были не только присутствовавшие княжества, но и император, весь христианский мир и грядущие поколения.

Курфюрст, князья и вся реформатская партия приступили к чтению Декларации, из которой мы приводим здесь самые важные отрывки:

«Мы не можем дать согласие на его отмену (эдикта 1526 года). Потому что это было бы равносильно отрицанию Господа Иисуса Христа, непринятию Его Святого Слова, и таким образом возможность дать Ему повод отречься от нас перед Отцом, как Он и предупреждал…Кроме того, так как новый эдикт постановил служителям проповедовать Евангелие, объяснив это писаниями, принятыми святой христианской церковью, мы считаем, что, так как это постановление является важным, сначала согласовать свои взгляды с взглядами святой церкви. Видя большие расхождения по этому вопросу, понимая, что нет твердого учения соответствующего Слову Божьему, что Господь запрещает распространение какого-либо другого учения, что каждый отрывок Священного Писания должен объясняться другими, более понятными отрывками, что эта Святая Книга всегда необходима христианам, легка для понимания, и призвана рассеивать мрак; милостью Божьей мы принимаем решение, поддерживать чистую и целостную проповедь Его Святого Слова, как оно дано в библейских книгах Ветхого и Нового Заветов, не добавляя ничего противоречащего ему. Это Слово является единственной истиной, оно является единственным законом всего учения и всей жизни, и никогда не подведет нас и не обманет. Тот, кто строит на этом основании, устоит против всех сил ада, в то время как любое человеческое тщеславие, восстающее против него, падет перед лицом Божьим.

По этой причине, возлюбленные господа, дяди, братья и друзья, мы настоятельно просим вас тщательно взвесить все наши претензии и мотивы. Если вы не внемлите нашей просьбе, мы выражаем протест настоящим документом перед Богом, нашим единственным Создателем, Защитником, Искупителем и Спасителем, Который однажды будет судить нас, а также перед всеми людьми и всеми творениями, что ни мы, ни наш народ не согласны и не поддерживаем ни в коей мере предложенный указ, который противоречит Богу, Его Святому Слову, нашей доброй совести, спасению наших душ и последнему Шпейерскому эдикту».

Этот Протест, когда мы вспоминаем о продолжительной тирании, против которой он был направлен, о высокой его природе и об огромном диапазоне прав, на которые он заявлял, является самым грандиозным документом во всей

истории, и знаменует эпоху развития человечества, уступая только самому христианству.

В Вормсе Лютер выступал один, в Шпейере все встали как один. «Нет», так смело сказанное монахом в 1521 году, в 1529 году было подхвачено и повторено князьями, городами и народами. Его эхо прокатилось дальше, пока, наконец, его отголоски не стали слышны во дворцах Барселоны и базиликах Рима. Восемь лет назад реформация была просто учением, сейчас это организация, церковь. Это маленькое семя, которое при первом появление казалось самым меньшим из семян, и на которое Папы, богословы и князья смотрели с презрением, сейчас является деревом, чьи ветви распростершись, укрывают в своей тени народы.

Князья повторили Протест на последнем заседании сейма в субботу 24 апреля. Его подписал Иоганн, курфюрст Саксонский, Филипп, ландграф Гессенский, Георг, маркграф Бранденбургский, Эрнест и Франциск, герцоги Люнебургские и граф Ангальтский. Некоторые из ведущих городов, такие как Страсбург, Нюрнберг, Ульм, Констанца, Ройтлинген, Виндсхайм, Линдау, Кемптен, Меминген, Нордлинген, Гайльброн, Исни, Санкт Галл и Вайсенбург, присоединились к правителям в этом протесте. С этого дня реформаторы стали называться протестантами.

В следующий Шаббат 25 апреля канцлеры правителей и протестантских городов с двумя нотариусами и несколькими свидетелями встретились в небольшом доме на улице Св. Иоанна, принадлежавшем Питеру Мюттерштадту, дьякону церкви Св.Иоанна для составления обращения. В этом документе они перечислили все, что происходило на сейме; выразили протест против его решения от себя, своих подданных и всех, кто принял или впоследствии примет Евангелие, и обратились к императору и вселенскому христианскому собору. На следующее утро после написания воззвания, 26 апреля, правители покинули Шпейер. Этот внезапный отъезд имел большое значение. Он показал всем твердость их решения. Фердинанд сказал свое последнее слово и уехал. Они тоже сказали свое слово и тоже уехали. Римская церковь подняла свой флаг; над ним протестанты развернули свой; с этих пор в христианстве было два лагеря.

Даже Лютер не понял значения произошедшего. Он считал, что сейм закончился ничем. Часто бывает, что величайшие события выглядят незначительными; и великие эпохи приходят незаметно. Невозможно представить другого принципа, чем тот, который был выдвинут в Протесте 19 апреля 1529 года, и который мог так защищать все права и расширить пределы своего распространения. Его законным плодом должна обязательно стать свобода, гражданская и религиозная. Что это был за принцип? Этот Протест сверг господство человека в вопросах веры, и установил авторитет Бога. И сделал он это таким простым и естественным способом, избежав высокопарных выражений, что люди не увидели величия произошедшего и силы этого

принципа. Протестующие приняли Библию, как Слово Божие, и тот факт, что у людей должна быть свобода подчиняться ей. Это скромное утверждение звучит для нашего уха, как почти неинтересное. По сравнению с некоторыми современными хартиями прав и последними заявлениями о независимости, как бедно оно выглядит! Однако давайте посмотрим, как много в нем содержится. «Слово – говорят протестующие – является единственной истиной; оно – надежный закон всех учений и всей жизни», и «каждый отрывок Священного Писания должен быть объяснен другими более понятными отрывками. А что насчет мнимой непогрешимости римской церкви, на основании чего она предъявляет исключительное право на толкование Писания и заставляет человека верить тому, чему она учит? Она полностью разоблачена и разрушена. А что стало с правом императора принуждать людей со шпагой в руках отстаивать веру по повелению церкви, признавая ее единственной истиной верой просто по приказу церкви? Оно тоже разоблачено и сокрушено. Принцип, так просто выраженный в Протесте, низверг в грязь двойную тиранию. Престол понтифика и шпага императора отошли, а на их место пришла совесть. Но Протест не дал совести быть себе самой госпожой или законом. Это было бы бунтом против Того, Кто является его Господом. Протест провозгласил Библию законом совести, и ее автора единственным Господом совести. Так прокладывая курс между двумя опасностями, избегая с одной стороны анархию, а с другой тиранию, протестантизм выходит вперед, развернув перед всеми народами флаг истинной свободы. Под этим флагом соберутся все, кто жаждет свободы.

Из трех веков, которые прошли с тех пор, не прошло и года, который бы не свидетельствовал о величии и высочайшем значении этого внешне простого поступка, совершенного правителями в Шпейере. Мы заявляем протест, мы утверждаем, что Бог говорит через Свое Слово, а не римская церковь через своих священников является Единственным Высшим Законом для всего человечества. Высшие источники Божественной силы стали воздействовать на душу и сознание человека, и начали течь низшие источники философии, искусства и свободы. Народы, объединившиеся вокруг этого Протеста, идут теперь в авангарде цивилизации; а те, кто продолжал идти под флагом римской церкви, лежит в оцепенении рабства и угасания.

Глава 16 - Конференция в Марбурге.

Ландграф Филипп – Его деятельность – Курфюрст Иоганн и ландграф Филипп дополняют друг друга. – Стремление Филиппа к единению – Единственная точка расхождения среди протестантов – Евхаристия – Лютер и Цвингли – Их разные взгляды – Филипп предпринимает шаги к их примирению. – Он предлагает дискуссию о Евхаристии. – Лютер с трудом соглашается. – Марбург – Цвингли едет туда. – Приезд богословов из Виттенберга – Личные встречи – Открытый диспут – «Сие есть тело Мое». – Риторическая фигура – Лютер о плотском и духовном вкушении – Эколампадий и Лютер – Цвингли и Лютер – Может ли тело быть не только в одном месте одновременно? – Математика – Св.отцы – Диспут заканчивается. – Разделение не преодолено. – Упорство Лютера – Сожаление Цвингли – Разочарование Филиппа Гессенского – Эпидемия

Лагерь был разбит, протестантский флаг развернут, и кампания готова была начаться. Никто из живших тогда не предполагал, насколько длительным и опустошающим будет конфликт – синоды, которые будут совещаться, тома, которые будут написаны, костры, которые будут гореть, и поля, на которых, увы, убитые будут свалены в ужасные груды, пока свобода, которую протестанты написали на своем знамени, будет обеспечена, как наследие христианства. Но одно было очевидно для всех: реформатам нужно было единство.

Особенно эта потребность открылась Филиппу, ландграфу Гессенскому. Этот молодой правитель был самым храбрым среди благородных последователей протестантизма. Он трудился, не зная отдыха. День и ночь он думал об укреплении протестантского фронта. Объединение в одну армию и выступление единым фронтом против врага было его советом протестантам, на котором он постоянно настаивал. И, конечно, в перспективе таких объединений, направленных на разрушение, худшего совета нельзя было придумать. Рвение ландграфа было совсем не по вкусу Лютеру; временами тревожило его; его деятельность приобретала слишком воинственное направление, чтобы оставаться разумной и безопасной; поэтому реформатор посчитал обязательным для себя обуздать ее; необходимо признать, что Филипп больше надеялся на союзы и армии в деле защиты и прогресса реформации, чем на высшие силы, продвигавшие ее и на невидимую, но всемогущую Руку, чье посредничество было открыто Лютеру в неожиданных поворотах огромной и сложной драмы, развернувшейся вокруг него.

Но, несмотря на все его недостатки, ландграф был очень нужен в этом деле. Его грубая, горячая, импульсивная энергия соответствовала времени. Истинно, курфюрст Иоганн и ландграф Филипп были созданы друг для друга. Иоганн был сдержанным и несколько робким, Филипп был импульсивен и совершенно бесстрашен. Одна и та же опасность, заставлявшая Иоганна отпрянуть, бросала Филиппа вперед. В них двоих мы видим равновесие противоположных качеств,

которые соединившись в одном человеке, явили бы совершенного рыцаря. Иоганн и Филипп были в политической части движения теми, кем были Лютер и Меланхтон в богословской и религиозной. Они дополняли друг друга.

В протестантском лагере было одно большое разногласие. Взор Филиппа долгое время с сожалением наблюдал за ним. Если его быстро не исцелить, с годами оно усилится и принесет, как он чувствовал, в будущем многие беды.

Одно обстоятельство в связи с этим разногласием внушало надежду: оно касалось только одного вопроса – учения о Вечери Господней. По всем фундаментальным истинам откровения все протестанты были как один: начало спасения – милость Божия; совершение спасения – искупительная смерть Христа; дар спасения – действие Святого Духа; Его каналы – Слово и таинства; инструмент, через который грешник получает его – вера в праведность Христа; во всех этих вопросах реформаторы Германии и Швейцарии были единодушны. По всему царскому пути истины они могли идти бок обок. В одном они не сходились во мнении, а именно, каким образом Христос присутствует в хлебе и вине Евхаристии – по плоти или духовно? Этот вопрос разделил на две части Святые Дары.

Филипп переживал по поводу разделения даже больше, чем Лютер и Меланхтон. Ландграф верил, что, по сути, не было двух разных мнений среди последователей Евангелия, а только одно мнение, по-разному понятое и сформулированное, и если он сведет лидеров вместе, то свободный обмен мнениями и тщательное рассмотрение будут способствовать устранению разногласия. Какое благословение, чтобы закрыть эту пропасть! Какая польза от объединения благородства рыцарской Германии и мужества республиканской Гельвеции – обитателей равнин и сынов гор! И особенно сейчас, когда они ждут яростного нападения врагов. Они только что распустили флаги по ветру, развернули их перед лицом всего христианского мира, перед лицом римской церкви; Они произнесли вместе то, что Лютер произнес один в Вормсе – «На сем стоим, и не можем иначе. Да поможет нам Бог». Конечно вызов будет принят и удар возвращен силой слишком гордой, чтобы не чувствовать, и слишком крепкой своими армиями и эшафотами, чтобы не возмущаться вызовом. Оставаться в стороне от такой борьбы при приближении бури казалось безумием. Несомненно, ландграф был в основном обеспокоен объединением сил протестантизма; если Филипп так ревностно трудился для достижения своей цели, и это достойно похвалы, не менее ревностными были лютеранские богословы в объединении сердец и молитв за детей реформации.

До этого несколько памфлетов ходило между Лютером и Цвингли по вопросу о Вечери Господней. Памфлеты, вышедшие из-под пера Лютера, были такими резкими, что создавали впечатление слабости. Абсолютное спокойствие ответов Цвингли, с другой стороны, создавало впечатление силы. Спокойствие Цвингли

жгло Лютера. Оно унижало его. Папы и императоры укрощали свои притязания в его присутствии; военные люди, которых папство посылало на борьбу с ним из Ватикана, возвращались с поражением. Он не мог смириться с мыслью, что ему придется опустить шпагу перед пастырем из Цюриха. Нужно ли ему, богослову всего христианского мира сидеть у ног Цвингли? Немного больше смирения, немного меньше догматизма, более сильная жажда истины, а не победы, спасла бы Лютера от этих вспышек, которые сделали уже достаточную брешь и спровоцировали разногласия, посеявшие тернии на грядущей дороге реформации.

Ландграф Гессенский с присущим ему рвением взялся за примирение германских и швейцарских протестантов, которые начали называться соответственно лютеранами и реформатами. Вскоре после возвращения с сейма в Шпейере, он разослал приглашения главам двух партий собраться вместе в его замке в Магдебурге, и обсудить разногласия в его присутствии. Сердце Цвингли прыгало от радости при получении этого приглашения. Окончить вражду, закрыть брешь и объединить все силы Евангелия в одно войско, было его заветным желанием и добрым знаком будущей победы.

В Виттенберге приглашение было принято не так сердечно. Лютер медлил, и потом отказался. Ему не нравилось участие ландграфа в этом деле; он подозревал, что под этим скрывалась змея политического союза; кроме того, хотя он не признавался в этом ни своим друзьям, возможно, и ни себе, у него, по всей вероятности, было предчувствие поражения. Он говорил, что мнение Цвингли было похоже на правду и привлекало умы, любящих то, что можно объяснить. Это таинство, присутствие Христа плотью в Евхаристии было дано, как он думал, в Евангелии для испытания нашего смирения и нашей веры. Лютер не уставал повторять, что великие богословы часто произносят эту нелепость, которая имеет вид благочестия.

Подумав хорошенько, Лютер и Меланхтон решили, что им нельзя отказываться от встречи. Папский христианский мир сказал бы, что они боятся; протестантский христианский мир обвинил бы их в расширение бреши, о которой многие сожалели, если бы они упорствовали в отказе. Они даже предложили курфюрсту Саксонскому наложить вето на их поездку. Однако курфюрст посчитал ниже своего достоинства такой постыдный маневр. Затем они предложили избрать посредником паписта, объяснив свое странное предложение тем, что только папист может быть беспристрастным судьей, забыв, что все остальные христиане в лице римской церкви придерживались учения о действительном присутствии Христа в Евхаристии. Все уловки провалились; они должны были ехать в Марбург и встретиться с Цвингли.

Пастор из Цюриха ушел тайком ночью с одним слугой. Городской совет отказался дать ему разрешение на выезд из-за опасности путешествия, которое

должно проходить в основном по территории империи, среди врагов, в чьи руки мог попасть реформатор, и тогда бы он никогда не увидел снова Цюриха. Поэтому Цвингли взял дело в свои руки, предпочтя рисковать жизнью, чем упустить возможность объединения рядов реформации. Оставив совету письмо с объяснением своего отъезда, он отправился в путь и дошел до Базеля за пять дней. Сев там на судно, шедшее по Рейну, в сопровождении Эколампадия он доплыл до Страсбурга. Здесь путешественники переночевали в доме Матфея Целя, проповедника кафедрального собора. Наутро они снова отправились в путь, и, идя мало хожеными дорогами в сопровождении отряда Гессенских всадников, пришли, наконец, в Марбург 29 сентября.

Виттенбергцы еще не приехали, они появились на следующий день. С Лютером приехал Меланхтон, Йона и Круцигер; Цвингли сопровождал Эколампадий от Базеля, Бюцер и Гедик от Страсбурга и Осиандер от Нюрнберга. Ландграф разместил их в своем замке, старинной крепости, стоявшей на краю горы и открывавшей величественный вид на долину Ланы. Он усадил их вместе за стол и угощал по-княжески. Он считал, что то, что они смотрели друг другу в лицо, могло помочь растопить лед в их сердцах.

Много говорили о деле. За этим событием пристально наблюдали два лагеря, римская церковь и протестанты. Исчезнет ли брешь, с тревогой спрашивали католики; протестанты надеялись, что она исчезнет, и что после встречи в Марбурге, выйдет единый отряд. Из разных стран в Марбург приехали богословы, схоласты и знатные люди, чтобы быть свидетелями диспута, и если надо быть его участниками. Тысячи людей, которые не смогли приехать, присоединились к Лютеру и Цвингли в молитве.

В первый день после обеда Лютер и Эколампадий гуляли во дворе замка. Беседа этих двух лидеров была ненавязчивой и приятной. В Эколампадие Лютер приобрел второго Меланхтона. Реформатор из Базеля сочетал эрудицию почти такую же глубокую, как и у великого богослова Виттенберга, с приятным и мягким характером. Но, когда подошел Бюцер, бывший некогда в хороших отношениях с Лютером, и перешедший на сторону Цвингли, реформатор погрозил ему кулаком в лицо и сказал полушутливо, полусерьезно: «Что же до тебя, то ты – никчемный плут».

Думали, что личная встреча избранных людей с двух сторон проложит путь для общего диспута. Ландграф сказал: «Давайте остерегаться сводить в борьбе Лютера и Цвингли, давайте соединять полемистов парами, самого мягкого с самым горячим, и оставлять их наедине для дискуссии. Эколампадий разговаривал с Лютером, Меланхтон общался с Цвингли. Им выделили отдельные комнаты и дали возможность общаться до обеда. Хотя по некоторым вопросам, особенно касавшимся божественности Христа, первородного греха и почитания первых шести соборов, швейцарские реформаты смогли развеять

подозрения, имевшиеся относительно них у немецких протестантов, успех в примирении, достигнутый на личной встрече, был, никоим образом, настолько велик, как ожидалось. Когда швейцарцы встречались по пути к обеденному столу, они кратко обменивались первыми впечатлениями. Цвингли, шепча на ухо Эколампадию, говорил, что Меланхтон был самим Протеем, так как умел ловко уклоняться от аргументов оппонента; а Эколомпадий, приставив рот к уху Цвингли, жаловался, что в Лютере он нашел второго д-ра Экка.

На следующий день, 2 октября, начался открытый диспут. Ландграф Филипп в простом платье, без знаков отличия, занял место во главе стола, который был установлен в одном из залов замка. С ним сидели Лютер, Цвингли, Меланхтон и Эколампадий. Их друзья сидели на скамьях за ними; остальная часть зала была предоставлена нескольким знаменитым особам, приехавшим в Марбург из разных мест для того, чтобы быть свидетелями диспута.

Диспут начался с того, что Лютер взял мел и что-то написал на бархатной скатерти стола. Когда он закончил, было видно, что он написал: “ Hoc est meum corpus”. «Да, - сказал он, положив мел и показав написанное всем вокруг – вот, слова Христа: «Сие есть тело Мое». С этой скалы не сдвинет меня ни один оппонент».

Никто не отрицал того, что это были слова Христа, но каково было их значение? Вся полемика, от которой зависели важные для протестантизма вопросы, сосредоточилась на этом. Основной принцип протестантизма заключался в том, что Слово Божие было высшим авторитетом, и что все непонятные и сомнительные отрывки должны объясняться более понятными. Если этому принципу следовали бы в настоящей ситуации, то было бы не трудно определить значение слов Христа: «Сие есть тело Мое».

Аргумент швейцарцев полностью соответствовал основному принципу протестантизма. В колчане у Лютера была только одна стрела. Его спор почти всегда заключался в постоянном повторении слов, которые он написал мелом на скатерти стола.

Эколампадий спросил Лютера, принимает ли он риторические фигуры в Библии такие, как «Я есть дверь», «Иоанн есть Илия», «Бог – скала», «Камень же был Христос». Он утверждал, что слова «Сие есть тело Мое» являются риторической фигурой.

Лютер признавал наличие риторических фигур в Библии, но отрицал, что это было одной из них.

Эколампадий отвечал, что мы должны признавать риторические фигуры, иначе Христос учит противоположному. В своей проповеди в шестой главе Евангелия от Иоанна Он говорит: «Плоть не пользует нимало»; но в словах о

предписании Вечери Господней, буквально истолкованных, он говорит, что плоть пользует много. Учение о Вечери Господней, согласно этой экзегезе, опровергает учение этой проповеди. У Христа одно учение для народа в Капернауме, и другое учение для учеников в верхней горнице. Такого не может быть, поэтому слова «Сие есть тело Мое» должны быть поняты фигурально.

Лютер попытался отвести в сторону силу этого аргумента, проведя разграничение. Он сказал, что есть материальное вкушение плоти Христа, и есть духовное. О первом, материальном вкушении, Христос говорил, что оно не пользует нимало. Истинно, для Лютера рискованный аргумент! Нужно было подтвердить духовность действия, защищая материальность предмета.

Эколампадий намекнул, что, в сущности, надо было отказаться от этого аргумента. Согласно ему мы должны вкушать духовно, и если мы не едим физически, то жевание в этом случае бесполезно.

Нет, быстро возразил Лютер, мы должны есть и физически. Мы не должны спрашивать, для какой пользы. Бог так приказал, а мы должны исполнять. Надо было возвращаться к той точке, от которой он начал; надо было повторить, немного перефразируя, слова «Сие есть тело Мое».

Стоит отметить, что аргумент, часто используемый в опровержении плотского присутствия Христа в Вечери Господней, а именно, что тело не может быть в двух местах одновременно, был использован Самим Господом в Капернауме. Когда он увидел, что его слушатели поняли его слова «ешьте тело Мое и пейте кровь Мою» в плотском смысле, он сразу же ограничил их духовным смыслом, сказав им, что его тело должно быть взято на небо. «Что же, (Иоанн 6:62,63) если увидите Сына Человеческого восходящего туда, где был прежде? Дух животворит; плоть не пользует нимало. Слова, которые говорю Я вам, суть дух и жизнь».

Наступил час перерыва, и участники диспута пошли с князем на обед. За столом велась непринужденная, дружеская беседа с хозяином и друг с другом. Днем они снова собрались в зале, где Цвингли возобновил диспут. Писание, наука, здравый смысл - все три отвергали лютеранское и католическое учение о Вечере Господней. Цвингли сначала отстаивал свою точку зрения на основании Писания. Применив основное протестантское правило, что Писание должно объясняться Писанием, он надавил на Лютера тем же аргументом, что и Эколампадий, а именно, явным противоречием между учением нашего Господа в Капернауме и Его учением на Вечери Господней, если понимать слова об ее установлении буквально. «Если так понимать, - сказал Цвингли – то Христос дал нам на Вечере то, что не приносит нам пользы». Он добавил язвительное замечание: «Предсказания бесов были невразумительными, но не предсказания Иисуса Христа».

«Но, - отвечал Лютер – это не Его плоть, а наша, о которой Христос говорит, что она не пользует нимало. Это, конечно, подтверждает, что плоть Христа пользует.

Цвингли настаивал, что Христос говорил «о плоти Сына Человеческого», что его слушатели так и поняли Его, спросив: «Как Он может дать нам есть плоть Свою?», и чтобы опровергнуть это мнение, Христос приводит будущий факт Своего вознесения, тем самым ограничивая их метафорическим или духовным значением Своих слов. Отклоняя этот аргумент, Цвингли просто спросил, как плоть может напитать душу? Душа может насыщаться только духом. «Мы едим плоть Христа ртом физически, - возразил Лютер – а душой духовно».

Для Цвингли это подтверждало противоречие. Это был еще один способ вернуться к начальной точке: «Сие есть тело Мое». Это должно было подтвердить, что эти слова не должны пониматься ни метафорически, ни буквально, и что, однако, они все-таки должны пониматься в обоих смыслах.

Продолжать дальше в таком же духе было, очевидно, невозможно.

Дошли до абсурда. Цвингли позволил себе еще большую свободу действий. Он подробно останавливался на более длинных отрывках Писания, в которых символ означает символический предмет, и утверждал, что Христос в шестой главе Евангелия от Иоанна сказал, что хлеб и вино Евхаристии не являются истинным телом и кровью, а только символизируют тело и кровь, через которые людям дается жизнь вечная. Реформатор из Цюриха не напрасно это отстаивал. Многие умы обратились к нему. Простота взглядов, их гармоничность с обычным методом, с помощью которого Дух действует на души людей, говорили в их пользу. Свет Слова пролился на Вечерю Господню, ее природа, замысел и действие стали ясны. Ненормальная таинственность, покрывавшая ее, исчезла, и заняла свое место рядом с другими постановлениями домостроительства благодати, производя духовные действия духовными средствами. Было понятно, что даже прочность лютеранского плана спасения по вере требовала этого; хотя сам Лютер оставался при своем мнении, немало перемен произошло в его последователях. Видным примером был бывший францисканец, Франциск Ламберт, родом из Авиньона, а теперь глава Гессенской церкви. Его худощавая фигура и горящие глаза делали его заметным в толпе слушателей; по окончании диспута его восхищение Лютером, чьей дружбой и уважением он взаимно пользовался, не помешали ему заявить о своей солидарности с мнением Цвингли. Богословы из Виттенберга опечалились его отходом. Они видели в этом не подтверждение здравости аргумента Цвингли, а свидетельство неустойчивости француза. Разве мы не все покинули римскую церковь? – спрашивал Ламберт. Что это тоже плод непостоянства? Так закончился первый день дискуссии.

Диспут продолжился на следующий день, в воскресенье. Оставив богословские обоснования, теолог из Цюриха попытался объяснить свою точку зрения с помощью науки. Тело не может быть одновременно в нескольких местах, настаивал Цвингли. Тело Христа подобно нашему; как оно может одновременно быть на небесах и на земле, по правую руку Бога и хлебом в Евхаристии? Как оно может быть одновременно на каждом из тысячи престолов, на который совершается Евхаристия? Но Лютер отказался отвечать на суде математики. Он поднимал скатерть и указывал на слова «Сие есть тело Мое». Он не разрешал ни Писанию, ни науке толковать их в каком-нибудь другом смысле, кроме того, как он их понимал. Он заявлял, что это нельзя понять, в это нужно верить. Это может быть противоестественно, это может быть неизвестно науке, это его не касалось. Бог так сказал, тело Христа на небе и оно же в Евхаристии; оно в Евхаристии по сути такое же, как было рождено девой Марией. Доказательство этому слова: «Сие есть тело Мое».

«Если тело Христа может быть в нескольких местах одновременно, - возражал Цвингли – тогда наши тела также после воскресения должны обладать способностью быть в нескольких местах одновременно, так как было обещано, что наши тела будут подобны славному телу нашего Господа».

«Это ничего не доказывает», – отвечал Лютер. «Какой текст доказывает, что наши тела внешне должны напоминать тело Христа, а не то, что они должны быть наделены подобной силой».

«Уважаемые господа, - продолжал Лютер – вот, слова нашего Господа Иисуса Христа: «Сие есть тело Мое». От этой истины я не могу отречься. Я должен исповедовать и верить, что тело Иисуса Христа находится здесь».

«Хорошо, дорогой доктор, - отвечал Цвингли – вы помещаете тело Иисуса Христа на Вечерю Господню, так как вы сказали: вот, тело Иисуса Христа здесь. Здесь – это наречие места».

«Я просто повторил слова Иисуса Христа», сказал Лютер. «Но так как вы слишком придирчивы, я должен повторить, что не имею никакого дела с математическими доводами. Я отбрасываю наречие «здесь», так как Христос говорит: «Сие (не здесь) есть тело Мое».

Ограничено ли тело местом или занимает все место, я предпочитаю незнание знанию, так как Бог не соблаговолил открыть это, и ни один человек в мире не может решить этого вопроса».

«Но тело Христа смертно, и ограничено местом», настаивал Цвингли.

«Нет, - отвечал Лютер – уберите прочь эти математические новшества; я основываюсь на всемогуществе Бога».

«Сила – это не то, что можно установить, - возразил Цвингли – и это реальность, когда тело находиться одновременно в разных местах».

«Это – сказал Лютер – я могу подтвердить словами: «Сие есть тело Мое».

Цвингли упрекнул его в том, что он постоянно допускал ошибку, считая вопрос не требовавшим доказательств, и привел в качестве доказательства отрывок из Фулгентия, отца пятого века, чтобы показать, что св.отцы считали, что тело Христа может быть одновременно только в одном месте. «Послушайте его слова», - сказал Цвингли. «Сын Божий – пишет Фулгентий – принял качества человека, и не потерял божественных качеств. Рожденный в свое время от матери, Он живет в вечности согласно Своей божественной природе, принятой от Отца; произойдя от человека, Он – человек и поэтому принадлежит одному месту, произойдя от Отца, Он – Бог, и поэтому может быть во всех местах. Согласно Своей человеческой природе Его не было на небе, когда Он был на земле, покинув землю, Он вознесся на небо; но согласно Своей божественной природе Он оставался на небе, после того, как спустился оттуда и не покидал землю, когда туда вернулся».

Лютер прервал доводы Фулгентия, сказав, что этот отец не говорил о Вечере Господней, и опять оседлал своего любимого конька: «Сие есть тело Мое, оно - в хлебе».

«Если оно – в хлебе, - сказал Цвингли - то оно – в одном месте».

«Да, оно – там, - отпарировал Лютер – но оно – там не как в каком-то месте, оно – по правую руку Бога. Он сказал: «Сие есть тело Мое», и этого мне достаточно».

«Но, это не для рассуждения, - возразил Цвингли – это для ссоры. Вы также можете утверждать, что св.Иоанн был сыном Марии, так как Христос, обратившись к матери с креста и показав на св.Иоанна, сказал «Женщина, се сын твой». На все аргументы и доказательства обратного упрямый полемист может бесконечно повторять слова: «Женщина, се сын твой, женщина, се сын твой». Цвингли еще подкрепил свой аргумент, процитировав слова Августина Дардания: «Давайте не будем думать, писал он, что Христос согласно своей человеческой природе находится во всех местах. Христос присутствует везде, как Бог, и, однако, по причине истинного тела, Он присутствует в определенной части неба. Нельзя назвать телом, чье место нельзя определить».

Лютер встретил авторитетное утверждение Августина так же, как и Фулгентия, он заявил, что тот не говорил о Вечере Господней; и продолжал настаивать, что «тело Христа присутствовало в хлебе, но не в одном месте».

Настал час обеда. Возбужденные богословы старались забыть за столом своего приветливого и именитого хозяина о горячих дебатах, в которых они

участвовали, и тяжелых ударах, которые они наносили друг другу на утренней встрече.

Эколампадий прокручивал в голове слова Лютера о том, что тело Христа присутствует в Евхаристии, но не в одном месте. Он думал, что, возможно, в этих словах можно найти общее основание, на котором сойдутся две партии. Собравшись вновь в зале, они начали дискуссию с отправной точки. Напомнив Лютеру о его точке зрения, Эколампадий попросил более точно объяснить ее смысл. Если тело Христа присутствует, но не как тело, присутствующее в одном месте, то тогда нужно узнать, какова природа присутствия тела Христа.

«Бесполезно меня убеждать, - сказал Лютер, видя, что его вытаскивают из его круга – я не сдвинусь ни на шаг. С вами только Августин и Фулгентий, а с нами все остальные отцы».

«Например…?» - тихо спросил Эколампадий.

«О, не будем их перечислять», воскликнул Лютер. «Нам достаточно слов Христа. Когда Августин писал на эту тему, он был еще молодым человеком, и его утверждения были сомнительными.

«Если мы цитируем св.отцов, - ответил Эколампадий – то не для того, чтобы прикрыть наше мнение их авторитетом, но чтобы единственно защитить себя от обвинения, выдвинутое вами против нас, что мы являемся новаторами».

День подходил к концу. Наступил вечер. Тени октябрьских сумерек быстро упали на лужайки и лес вокруг замка. Сумерки наполнили зал. Нужно вносить свечи? Для чего? Обе стороны понимали бесполезность продолжения дебатов.

Два дня прошли в дискуссии. Две партии не стали ближе, чем в начале. Швейцарские богословы исчерпали все аргументы Писания и здравого смысла. Лютер был непреступен относительно их всех. Он непоколебимо стоял на основании, выбранным им в начале; он не признавал другого смысла слов, кроме буквального; он хватал скатерть со стола и победно демонстрируя перед глазами Цвингли и Эколампадия слова, написанные на ней – «Сие есть тело Мое» - заявлял, что он на этом стоит, и что его оппоненты не смогли сдвинуть, и никогда не сдвинут его с этого основания. Цвингли разрыдался, увидев, что так заботливо вынашиваемая им надежда на преодоление раскола быстро исчезала. Он умолял Лютера придти к соглашению, примириться и принять их как братьев. Ни просьбы, ни слезы не трогали богослова из Виттенберга. Он требовал от богословов из Гельвеции безоговорочной капитуляции. Они должны были принять Вечерю Господню в том смысле, в котором он принял; они должны были принять догмат реального присутствия. Швейцарские протестанты заявили, что они не могут этого сделать. После их отказа Лютер объявил, что он не может считать их находящимися в лоне церкви и признавать их братьями. Как мечом

пронзили эти слова сердце Цвингли. Он опять разрыдался. Нужно ли было, чтобы реформация разделилась? Нужно ли было, чтобы брешь не закрылась? Нужно.

В 1529 году, 12 октября Лютер пишет относительно этого известного диспута: «Все в чрезвычайном смирении объединились, чтобы просить меня о мире. Диспут продолжался два дня. Я отвечал на аргументы Эколампадия и Цвингли, цитируя отрывок: «Сие есть тело Мое», и опровергал все их возражения».

И опять, «в целом аргументы Цвингли можно свести к следующему: что тело нашего Господа не может существовать вне места и размеров (поэтому Его нет в хлебе). Эколампадий заявил, что св.отцы называли хлеб символом, и следовательно, он не является настоящим телом Христа. Они просили называть их «братьями». Цвингли со слезами просил об этом ландграфа. «Нет на земле другого места, - сказал он – где бы я страстно желал проводить свои дни, кроме Виттенберга». Мы, однако, не согласились называть их братьями. Мы проявили к ним любовь, которую по заповеди мы должны оказывать и к врагам. Они же во всех отношениях вели себя смиренно и благожелательно».

Филипп, ландграф Гессенский, был невыразимо опечален результатом диспута. Он приложил много усилий, чтобы он состоялся; он возлагал на него самые большие надежды; и теперь от этих надежд надо было отказаться. Куда бы он ни посмотрел, он видел объединение вокруг протестантского лагеря. Все, от Папы и ниже, собирались в один огромный союз, чтобы разгромить Виттенберг и Цюрих, а Лютер и Цвингли, первый надменно и упрямо, стояли порознь! С каждым часом буря надвигалась все ближе к протестантизму, а его последователи не объединялись! Он был очень разочарован.

Когда проходила эта богословская битва, к Марбургу приблизился ужасный гость. Эпидемия потовой лихорадки обрушилась на Германию и прошла по ней, оставив на своем пути тысячи мертвецов. Она подошла к городу, когда диспут заканчивался, и произвела в Марбурге такие же страшные опустошения, как и в других городах. Филипп встречал богословов с радостью, а провожать должен был в печали. Ужасная буря надвигалась на юг Альп, где Карл и Клемент по ночам совещались за закрытыми дверями относительно уничтожения протестантизма. Красный флаг Ислама опять появился на Дунае, и его кровавые складки, возможно, будут развиваться на берегах Эльбы. В Германии тысячи шпаг собирались вынуть из ножен для атаки против Евангелия в лице его приверженцев. Буря надвигалась по всему горизонту; но самым печальным из всего этого, по мнению Филиппа, было разделение реформатского братства на два лагеря и ведение двух битв великой протестантской армией.

Глава 17 - Марбургское вероисповедание.

Дальнейшая деятельность ландграфа – Цвингли идет на сближение. – Отказ Лютера – Предложение ландграфа – Тезисы, составленные Лютером – Подписаны обеими сторонами. – Согласие в учение – Разногласие только в одном вопросе, в образе присутствия Христа в Евхаристии – Марбургское исповедание – Памятник истинному братству всех протестантов – Связь между Германией и Гельвецией – Результаты

Прежде чем проводить богословов, которые, возможно, никогда больше не встретятся друг с другом, ландграф спросил самого себя, разве нельзя сделать еще что-нибудь для уничтожения бреши? Должно ли это одно расхождение непримиримо разделить последователей Евангелия? Согласие по вопросу Евхаристии, кажется, невозможным; но разве кроме этого не достаточно причин для единения, которое может привести к совместным обсуждениям и совместным действиям во время огромной опасности, нависшей над Германией и Швейцарией?

«Разве мы не братья, несмотря на то, признает это Лютер или нет?» - спрашивал себя Филипп. «Разве римская церковь не считает нас обоих врагами?» Это является негативным доказательством нашего братства. Ясно, что римская церковь считает нас братьями. Разве оба не ищут спасения через одну и ту же жертву на кресте; и разве оба не преклоняются перед Библией, как перед высшим авторитетом того, во что они верят? Разве это не крепкие узы? Тех, между которыми они существуют, вряд ли можно назвать разными.

Поэтому Филипп предпринял еще одну попытку. Он попросил богословов пройти с ним по очереди в его кабинет. Он доказывал, умолял, убеждал; указывал на бурю, готовую разразиться, и на преимущества единения. Скорее из-за желания порадовать ландграфа, чем из-за надежды достичь союза две партии согласились встретиться для диспута.

Встреча была очень трогательной. Обстоятельства, при которых она состоялась, способствовали смирению и смягчению человеческих сердец. Сотни людей вокруг них умирали от эпидемии. Карл и Папа, Фердинанд и князья готовили шпаги, чтобы пролить кровь цвинглиан и лютеран. Если бы император был хозяином положения, он бы не пощадил Лютера из-за того, что он верит в реальное присутствие Господа в Евхаристии, а Цвингли из-за того, что он расходится в этом вопросе с Виттенбергом. По мнению Карла, оба являются еретиками и заслуживают смертной казни. Что это значило? Если они были ненавидимы всеми, то, конечно, за имя Его; разве это не доказательство тому, что они Его дети?

Наученный христианской любовью, Цвингли открыл диспут провозглашением истины, которую этот век не мог принять. «Давайте

провозгласим – сказал он – наше единство во всем, в чем мы согласны, а что касается остального, будем терпеливы, как братья», добавив, что в церкви никогда не будет мира, если ее члены будут расходиться во второстепенных вопросах.

Ландграф Филипп, ухватившись за эту новую идею, и посчитав, что теперь, наконец, единство может быть достигнуто, воскликнул: «Давайте объединимся, давайте провозгласим наш союз».

«Ни с кем на земле я не желал бы более единения, чем с вами», сказал Цвингли, обратившись к Лютеру и его товарищам. Эколампадий, Буцер и Гедио провозгласили то же самое.

Этот благородный призыв не остался безрезультатным. Он, несомненно, коснулся сердец оппозиционного класса богословов. Предубеждения и упорство Лютера были на грани исчезновения, а его холодность таяла. Проницательный взгляд Цвингли заметил это, и он залился слезами, слезами радости, увидев себя в преддверие события, которое возвеселит сердца тысяч людей во всех странах реформации, и римская церковь в страхе сотрясется. Он подошел, протянул Лютеру руку; попросил его сказать всего одно слово «брат». Увы, какое жестокое разочарование ждало его. Лютер холодно и резко ответил: «У вас другой дух, чем у нас». Действительно так; Цвингли был широко мыслящим, Лютер был узко мыслящим.

Богословы Виттенберга посовещались. Все они согласились с решением Лютера. «Мы – сказали они Цвингли и его друзьям – считаем веру в телесное присутствие Христа в Вечери Господней необходимой для спасения, и мы, бесспорно, не можем считать вас, находящимися в общении с церковью».

«В таком случае – ответил Буцер – было бы глупо просить вас считать нас братьями. Но, хотя мы считаем это учение бесславящим Христа, находящегося по правую руку Бога Отца, однако, видя, что вы во всем полагаетесь на Него, мы признаем вас, принадлежащими Христу. Мы обращаемся к грядущим поколениям». Это было благородно.

Цвингли одержал большую победу. Ему не удалось преодолеть раскол и убедить виттенбергцев признать их братьями, тем не менее, они воздвигли величественный памятник всеобщей христианской любви.

Их смирение было сильнее надменности Лютера. Эта сила чувствовалась не только в зале собрания, где она приобрела нескольких вновь обращенных, но и по всей Германии. С этого времени более духовное учение о Евхаристии начало распространяться в лютеранской церкви. Даже Лютер преклонил голову. В его груди началась подниматься волна. Обращаясь к цвинглианам в своем последнем

слове, он сказал: «Мы признаем вас друзьями, хотя не считаем вас братьями. Я протягиваю вам руку мира и любви».

Обрадовавшись определенному успеху, ландграф Филипп предложил двум сторонам объединиться в совместном исповедовании веры, чтобы мир мог видеть, что они расходятся только по одному вопросу, присутствию Христа в Вечери Господней, и, тем не менее, величайшей чертой протестантских церквей является единство, хотя и явленное в разнообразии. Это предложение было рекомендовано обеим сторонам. Лютера попросили написать тезисы протестантской веры. «Я напишу их со всей тщательностью, - сказал он, удаляясь в свою комнату для выполнения поручения – но не думаю, что цвинглиане подпишут их».

Перо Лютера описывает протестантское учение в понимании реформаторов Виттенберга; отрицание или принятие Цвингли будут обуславливаться учением, принятым в Цюрихе. Таким образом, вопрос о братстве должен рассматриваться не с позиции Лютера, а с позиции реальности. Необходимо понять, исповедуется ли разное или одинаковое Евангелие в Германии и Швейцарии.

Четырнадцать тезисов представили христианскую систему с точки зрения Виттенберга – Троица, личность и служение Христа, работа Святого Духа, первородный грех, оправдание верой, авторитет Писания, отрицание обрядов, крещение, святость, подчинение властям; короче, все основные доктрины возрожденной истины были включены в программу Лютера.

Богослов из Виттенберга прочитал документ тезис за тезисом. «Мы сердечно говорим «Аминь», - воскликнули цвинглиане – и готовы подписаться под каждым из них». Лютер в удивлении поднялся. Разве люди из Гельвеции были того же мнения, что и люди из Виттенберга? Разве Швейцария и Германия были настолько близки? Разве мог человек разлучить тех, кого соединил Святой Дух?

Однако пропасть не было преодолена, вражда опять открыла ее. Лютер приберег тезис о Вечере Господней напоследок.

«Мы все верим, - сказал Лютер – что таинство, совершаемое в алтаре, является таинством самого тела и самой крови Иисуса Христа, и что духовное пережевывание Его тела и крови необходимо каждому истинному христианину».

Это еще раз привело обе стороны к непреодолимому препятствию. Это означало, что достигнут крайний предел на пути к единению церкви в это время. Здесь она должна была остановиться. Обе стороны понимали, что продвижение вперед было невозможным, пока Бог не просветит их. Но они решили идти вместе, пока будут в согласии. И вот, стоя у развилки дорог, они заключили друг с другом соглашение, чтобы избегать любой горечи в провозглашении того, что

они считали истиной, и заботливо относиться друг к другу в духе христианской любви.

В 1529 году, 4 октября были поставлены подписи на совместном исповедании протестантской веры. Это было лучше торжественного заявления о братстве. Это было настоящим братством, продемонстрированным и скрепленным печатью. Эти тезисы, как мы смеем утверждать, являются законченным планом спасительной истины и славным памятником того, что Гельвеция и Германия едины, другими словами славным памятником единства протестантизма.

Марбурское исповедование было первой хорошо определенной пограничной линией, проведенной вокруг протестантизма. Оно обозначило их, как особую систему, отделявшую их от ярых поклонников с одной стороны и католиков с другой. Их флаг развивался на территории между лагерем мистиков и материалистов. «Есть, – сказал Цвингли, возражая первым, которые считали причастие лишь воспоминанием – есть реальное присутствие Христа в Евхаристии». «Вера, – сказал Лютер, возражая на opus operatum последних – вера необходима для нашего освящения причастием». Таким образом, мы видим, что средний лагерь имеет два фронта, соответственно врагам с каждой стороны, но крепкое единство внутри. Он собирается вокруг одного Царя – Христа; вокруг одного искупления – креста; вокруг одного закона – Библии.

Но если церковь реформации оставалась внешне разделенной, ее члены были сохранены от опасности принимать участие в политических союзах и защищать свое дело с оружием в руках. Такая линия поведения была близка сердцу ландграфа Филиппа, так как она соответствовала одной из его целей для достижения положительного результата после диспута в Марбурге. Единство могло бы укрепить протестантов. Они, возможно, надеялись на плоть и забыли о свое истинной защите. Реформация является духовным принципом. От меча не придет помощь. Ее победы закончатся с момента применения силы. С этого момента она начнет загнивать, будет неспособна побеждать и прекратит движение вперед. Пусть ее духовная рука освободиться от политического оружия, которое только отягощает ее, пусть ее последователи придерживаются истины, пусть сражаются в молитве и страданиях, пусть отдадут политические союзы и судьбу сражений во власть их Божественной Главы – пусть сделают так, и все противники уйдут с их пути, окончательная победа будет свидетельствовать об истине их дела и о всемогуществе их Царя.

Глава 18 - Император, турки и реформация.

Планы Карла – верховная власть в христианском мире. – Протестантизм – камень преткновения для него. – Вормский эдикт должен убрать этот камень преткновения. – Карл разочарован. – Победа при Павии возвращает надежду. – Опять разочарование – Сейм в Шпейере в 1526 году – Опять препятствие - В церкви мир, в мире война. – Турки у Вены – Ужас в Германии – Император опять задумывает уничтожить протестантизм. – Карл сходит на берег в Генуе. – Протестантские посланники – Встреча с императором в Пьяченца – Жесткий ответ Карла – Арест посланников – Император выезжает в Болонью.

Мы уже проследили все ступени, по которым Карл V взошел на вершину власти. Его целью было обретение верховной власти над Европой без необходимости советоваться с кем-нибудь еще, без преград и ограничений в любой ее области. Большим камнем преткновения на его пути абсолютного и неограниченного проявления деспотической власти было протестантское движение. Оно вместе с ним управляло христианским миром. И своей империей совести оно ограничивало его империю меча. Он считал необходимым при продвижении смести со своего пути Лютера и Виттенберг. Но как только он клал руку на эфес шпаги для осуществления своей цели, какая-нибудь помеха препятствовала ему вытащить ее и откладывала выполнение намеченного плана. Из Ахена, где на него была возложена имперская корона, он отправился в Вормс, где на сейме он принял эдикт, объявивший Лютера вне закона и приговоривший его к сожжению на костре. Он думал, что сейчас наступил счастливый долгожданный момент, когда он избавится от монаха и от надоедавшей ему ереси. В этот момент разразилась война между ним и Францией. На четыре года, с 1521 по 1525, императору пришлось оставить в покое Лютера, который переводил Писание и распространял учение реформации по всей Германии, в то время как он вел тяжелую и вызывавшую опасения войну с Франциском I. Но победа при Павии поставила Францию и Италию у его ног, и шпага была свободной для исполнения его воли, и какова была его воля, как не исполнение Вормского эдикта? Теперь он мог нанести удар. Рука императора опять на эфесе; Лютер – мертвец, в Виттенберге слышан похоронный звон.

Но, нет. Странно, но противник поднялся в той стороне, откуда Карл ждал только ревностного сотрудничества. Папу Клемента VII неожиданно охватил страх перед силой Испании. Итальянцы в тот момент были охвачены идеей выдворить всех испанцев и возвысить страну от вековой вассальской зависимости до независимости и славы первых дней. Франциск I горел желанием мести за унижение в плену, эти одновременные обстоятельства привели к созданию огромного союза правителей против человека, который всего несколько месяцев назад видел, как перед ним отступал любой враг. Император вынул шпагу, но не с тем, чтобы нанести заветный смертельный удар. Могущественному Карлу

опять пришлось оставить в покое монаха из Виттенберга, и в то время как его учение ежедневно пускало более глубокие корни, император был вынужден вступить в схватку с союзом, который Клемент VII, Франциск I и Генрих VIII организовали против него.

Затем наступили три года (1526-1529) совсем других мыслей и изнуряющего труда для императора. Но если он был вынужден отсутствовать в военных лагерях и полях, разве он не мог найти других для исполнения эдикта и удаления несносного монаха с его дороги? Он пытается. Он созывает сейм в Шпейере в 1526 году с целью исполнения эдикта. Он был их эдиктом не в меньшей мере, чем его, так как они согласились с его осуждением; конечно, князья больше не проспят этого дела, приложат все усилия. Совсем нет. Сейм в Шпейере сделал совершенно противоположное ожиданиям Карла. Большинство князей были дружелюбно настроены по отношению к Лютеру, хотя в 1521 году они относились враждебно; они постановили, что по вопросу религии каждое княжество может поступать самостоятельно, как оно считает нужным. Сейм, который должен был отпустить вожжи преследования, провозгласил толерантность.

В то время тучи войны висели над христианским миром, и молнии ударяли сначала по одной стране, потом по другой; но над Виттенбергом был чистый участок неба, и во время тихой паузы в Саксонии мы видим, как участники визитации отправились устанавливать порядок в церкви немецкой реформации. Пока проходила эта мирная работа по домостроительству, с неба доносились раскаты далекой грозы. Теперь раскаты стали слышны со стороны Дуная. Там турки вступили в яростную борьбу с христианами, и все свободное время Фердинанда Австрийского, которое могло быть использовано на более худшее зло, полностью было занято изгнанием турецких орд. А вот, слышны раскаты по ту сторону Альп. На равнинах Италии войска императора сражаются с армией объединившихся врагов, и страна расплачивается своей красотой и славой, поливая землю кровью и омрачая дымом сражений. Но вот приближается еще один мощный раскат грома, громче и страшнее, чем предыдущие, последний раскат грома этой грозы. Молния ударила в город на Семи Холмах. Как случилось, что гроза докатилась досюда? В планы императора не входило наносить удары по Риму; он надеялся, что молния ударит куда-нибудь еще. Но ветры политические, как и природные, не ждут приглашения человека. Эти ветры вопреки ожиданиям всего человечества нагнали тучи войны туда, где возвышались в гордом величестве храмы и дворцы Вечного Города, и где находился трон понтифика. Богатство и слава столетий были разрушены за один час.

После этого ужасного раската воздух очистился, и покой ненадолго вернулся в христианский мир. Союзу против императора пришел конец, он разрубил на

кусочки его своей шпагой. Италия была снова у его ног; Папа, который в недобрый для него час взбунтовал таким странным образом, был опять его союзником. Не было короля, который мог опять восстать против Карла. Казалось, что, наконец, пришел тот час, которого император так долго ждал. Теперь он со всей силой империи мог ударить. Теперь он померится силой с этим таинственным движением, за которым он наблюдает с ненавистью, смешанной со страхом, становящимся все сильнее и обширнее с каждым годом, и которое, не имея ни казны, ни армии, становится мировой империей, угрожающей затмит его собственную империю.

Тьма опять собиралась вокруг, угрожая церкви. Две ужасные бури нависали над миром. Одна темнела на востоке, а другая поднималась на западе. Люди думали, что буря сначала разразится на востоке, и жители Германии обращали свои взоры в этом направлении, с тревогой и трепетом наблюдали за приближением тучи. Азиатские врата открылись, и дикие татарские орды полились, чтобы в новой попытке потопить поднимавшееся христианство и освобожденный запад в потоке восточного варварства. Пройдя Венгрию, оттоманское войско остановилось у стен Вены за неделю до диспута в Марбурге. Холмы вокруг города были белыми от их палаток, а плодородные равнины под его стенами, на которые раньше не ступало копыто мусульманской лошади, были вытоптаны их кавалерией. Осаждавшие копали рвы, подземные ходы, стреляли из пушек, и уже пробили брешь в стене. Еще несколько дней и Вена уступила бы количеству, стремительности и отваге оттоманских воинов, и только одинокая окровавленная груда напоминала бы о том, где она стояла. Дверь в Германию распахнулась бы, завоеватели устремились бы в долину Дуная, и устанавливали бы полумесяц в разграбленных городах и опустошенных провинциях империи. Перспектива была ужасной. Всеобщее разорение, как лавина на склонах Альп, висело над всеми партиями и сословиями Германии, и могла в любой момент обрушиться на них с неумолимой яростью. «Это вы – говорили сторонники старого вероисповедания, обращаясь к лютеранам – навлекли на нас такую беду. Это вы освободили лукавых ангелов. Они пришли наказать вас за вашу ересь. Вы свергли иго Папы, и теперь должны нести иго турок». «Совсем не так, - сказал Лютер - это Бог освободил армию, чьим князем является губитель Авадон. Они были посланы наказать за наши грехи, наше непочтение Евангелия, наше богохульство, и прежде всего, пролитие крови праведников». Тем не менее, он считал, что все немцы должны объединиться против султана для обороны. Речь шла не о союзах или наступательной войне, речь шла о безопасности страны и народа; турки были у порога, и как сосед помогает соседу на пожаре, так и протестант должен помочь паписту прогнать врага, который угрожал убить обоих.

Именно в это время он выступил со своей «Боевой проповедью». Она звучала как труба. Обращался ли когда-нибудь раньше генерал к солдатам с более

сильными словами, когда призывал их к сражению? «Магомет почитает Христа безгрешным, - говорил он – но отрицает, что Он – истинный Бог, поэтому он – Его враг. Увы, в этот час мир таков, что, кажется, везде есть последователи Магомета. Двое должны сейчас противостать туркам, во-первых, христианин, то есть молитва, во-вторых, Карл, то есть меч…Я знаю, что мои дорогие немцы – это жирные, откормленные свиньи, как только опасность исчезает, они думают лишь о еде и сне. Бедняга, если ты не возьмешь оружие, придет турок; он уведет тебя в Турцию; он продаст тебя как собаку; ты будешь служить ему день и ночь, погоняемый плетью и палкой, за стакан воды и кусок хлеба. Подумай об этом, обратись и моли Господа не давать тебе турка в воспитатели».

Свобода Запада никогда не подвергалась такой опасности со времен нашествия многотысячной армии Ксеркса на Грецию. Но ужасное бедствие оттоманского владычества не должно было обрушиться на Европу. Турки достигли крайних пределов своего продвижения на запад. Отсюда их губительные орды должны были откатиться назад. Пока города и провинции Германии в ужасе ждали топота боевых лошадей и блеска ятаганов, пришли хорошие вести о том, что азиатские воины получили суровый отпор у стен Вены(16 октября 1529 г.), и теперь отступают к Босфору. Недостаток продовольствия в турецком лагере и ранняя зима со снежными вьюгами способствовали снятию осады и отступлению; но Лютер увидел в этом неожиданную помощь от руки Божьей и ответ на молитву. «Мы, немцы, всегда храпим, - воскликнул он, возмущенный теми, чья благодарность не была такой, какой она должна быть, как он считал – и среди нас много предателей». «Молись о турках – писал о Миконию – и о вратах ада, чтобы ангел зла не разрушил ни одного города ради одной души праведника в нем, чтобы нас пощадили ради нескольких праведников Германии».

Но, хотя туча с востока ушла и исчезла вдали, туча с запада становилась все больше и быстро приближалась. «У нас два кесаря, - говорил Лютер – один на востоке и один на западе, и оба являются нашими врагами». Император опять одержал победу над союзом, сплотившимся против него. Он разгромил короля Франции, он проучил Генриха Английского, чтобы тот был осторожен во второй раз в выборе союза, подобного союзу Коньяка; он резко критиковал Папу; заставил Клемента VII просить о мире, принеся большой выкуп и вступив с ним в союз; и теперь, оглядевшись вокруг, он не находил никаких врагов, кроме одного, и враг этот был, очевидно, самым слабым. После того, как противник будет убран с его пути, он взойдет на вершину власти. Он, который победил стольких королей, не преклонит своей шпаги перед монахом. Император покинул Испанию в сильном гневе, он разберется с этими дерзкими протестантами, которые теперь, как думал он, в полной его власти. О страхе перед турками забыли при надвигавшейся опасности, угрожавшей жизни и вере протестантов. «Император Карл – сказал Лютер – решил проявить себя более жестоким по

отношению к нам, чем к туркам, он уже произнес самые ужасные угрозы. Вот, час страданий и оставленности Христа. Давайте молиться за всех тех, кому скоро предстоит плен и смерть».

Между тем, работа в Виттенберге, несмотря на собравшиеся тучи и дальние раскаты грома, не прекращалась ни на миг. Давайте посетим это тихое прибежище образованных людей и схоластов. По размеру этот Саксонский городок меньше многих других городов Германии. Среди его зданий нет дворцов, среди его ландшафта нет ничего, что привлекало бы взор и вызывало восхищение путешественника, но какую силу он имел! Здесь действуют силы, творящие новую эпоху. Здесь источник идей, сотрясающий и управляющий классами, от человека, владеющего половинами королевств мира, до солдата, сражающегося в войсках, и раба, обрабатывающего землю. Осенью 1529 года Матесий, биограф Лютера, стал студентом «известного университета». На следующее воскресенье после его поступления он слушал во время вечерни «великого д-ра Лютера, проповедовавшего» слова св.Петра (Деян. 2:38) относительно покаяния и крещения. Что за проповедь звучала из уст «Божьего человека», «за которую во все дни своего странствования по земле и вечности, он должен возносить Богу благодарность». В этот период Меланхтон читал лекции на тему De Oratoribus по Цицерону и его речи Pro Archia, а до обеда по Посланию к Римлянам, и каждую среду по Этике Аристотеля. Бугензаген читал лекции по Посланиям к Коринфянам; Йона по Псалмам; Аурогалий по грамматике иврита; Веймар по греческому языку; Тулих по Офисам Цицерона; Бах по Вергилию; Вольмар по теории планет; Мюлих по астрономии; Круцигер по Теренцию для студентов помоложе. Кроме того, были частные школы для молодежи города и окрестностей, которые активно функционировали.

Кроме лекций в университете и проповедей в соборе, реформатор много трудился пером для распространения света протестантизма по всей Германии и более отдаленным странам. Бесценным даром была его немецкая Библия; она была переведена близко к тексту в утонченном и похожим на носителя языка стиле, так что князь Ангальтский сказал, что как-будто сами евангелисты жили в Германии и писали на языке их родины. Лютер, выпуская новые тщательно переработанные издания, одаривал своих соотечественников бесценным сокровищем. Кроме того, он написал комментарии к нескольким Посланиям; комментарии к пророкам, в тот момент занимался пророком Даниилом, написал предисловие с комментариями к Апокалипсису; и вскоре должны были появиться комментарии к Иеремии. Нельзя пропустить самый скромный, но самый полезный труд, который вышел из-под его пера, его «Малый и Большой Катехизисы».

Когда мы рассматриваем этих двух людей – Лютера и Карла – разве мы можем сомневаться, чтобы назвать несоизмеримого большего из них? Один, который

сидя в кабинете, посылал свое слово по всему миру, превратив в руины старые системы суеверий, которые почитались веками, освободив от оков общественное сознание, и сказав рабам: «Вы – свободны»; вернув зрение слепым, подняв упавших, свергнув могущественных, направив сердца плененных, искоренив и насадив царства. Он действовал Божьей властью.

Когда мы обратимся к императору в его роскошном дворце, пишущим указы и рассылающим их через курьеров по дальним странам, мы почувствуем, что шагнули вниз. Мы опустились в более низкую область, где действуют совсем другие, более низкие силы. Прежде чем Карл мог что-нибудь предпринять, он должен был собрать армию, собрать миллионы денег, трубить в трубы и бить в литавры, и как мало он мог добится от всего этого шума, затрат и крови! Еще одна провинция или город назовут его господином, но будут ждать первой возможности скинуть его иго. Его меч уничтожил несколько старых вех на земле и прочертил несколько новых; но, какую истину он принес, которая могла бы влиять на судьбы людей, и быть источником благословений для грядущих поколений? Какие плоды пожинает сегодня Испания или мир от сражений Карла? Теперь мы видим, кто из двоих обладал реальной властью, и кто был истинным монархом.

Император отправился в Германию, где его ждали следующей весной. Он заключил мир с Франциском, он возобновил союз с Папой, турки вернулись в свои земли. Это был один из моментов в жизни Карла, когда фортуна осеняла золотыми лучами его путь и манила его вперед призрачной надеждой на то, что он вот-вот достигнет предмета желаний. Еще один шаг, исчезнет последнее небольшое препятствие, и он окажется на вершине власти. Он не скрывал, что этим небольшим препятствием был Виттенберг, и целью его путешествия было положить ему конец.

Но для осуществления своего плана он должен соблюдать конституцию, на которой он присягал на коронации. Колыбель реформации находилась в той части его владений, где у него не было абсолютного господства. Если бы оно было в Испании, Фландрии, где угодно, но не в Саксонии, как бы легко было исполнить Вормский эдикт! Но в Германии он должен был считаться с мнением других людей, и поэтому он решил созвать еще один сейм в Аугсбурге. Затем он должен быть уверен в Папе. Он не мог позволить, чтобы хитрый Клемент подставил ему подножку в тот момент, когда он повернется к нему спиной и перейдет через Альпы по дороге в Германию. Он должен поехать в Рим и лично поговорить с понтификом.

Выйдя из Испании, императорский флот плыл вдоль берега Средиземного моря, пока не бросил якорь в Генуэзской гавани. Молодой император, несомненно, смотрел с восхищением и восторгом на город Дориа, чьи великолепные дворцы, расположенные концентрическими рядами на склонах

холмов и окруженные апельсиновыми и олеандровыми рощами, поднимаются от синего моря до скалистых зубчатых Апеннин. Итальянцы, с другой стороны, трепетали при приближении своего нового господина, чей образ, нарисованный их воображением, напоминал готских завоевателей, которые в давние времена разоряли города и вытаптывали плодородные земли Италии. Однако их страхи рассеялись, когда они увидели в Карле, сошедшим на берег, не гневного и свирепого завоевателя, пришедшего покарать их за бунт, а бледного короля с изысканными манерами, сопровождаемого свитой придворных в ярких испанских костюмах, которые, как и их господин, были вежливы и снисходительны. Этот любезный молодой человек, приехавший к итальянцам с улыбкой, мог при случае сурово нахмуриться, что и пришлось испытать протестантским делегатам, которые в тот момент были на пути к нему.

Князья-лютеране, подавшие знаменитый Протест на сейме в Шпейере (1529г.), не остановились и подали прошение императору. Эрцгерцог Фердинанд, председатель сейма, разбушевался и покинул собрание, но податели протеста обратились к Вселенскому собору и последующим поколениям. Их послы направлялись сейчас к Карлу, чтобы предъявить ему Протест. Три члена совета, отличавшиеся скорее своим авторитетом, нежели высоким положением, были избраны для этой миссии. Их имена: Иоганн Ехингер, бургомистр Мемингена, Михаэль Каден, глава местного самоуправления Нюрнберга и Алексис Фройентрат, секретарь маркграфа Бранденбургского. Их миссия считалась весьма опасной, и перед отъездом была назначена пенсия их женам в случае несчастья. Они встретились с императором в Пьяченце; по дороге оттуда император должен был встретиться с Папой в Болонье, куда Клемент удалился восстановить здоровье на свежем воздухе после своего заключения, и забыть о разрушениях, причиненных Риму испанцами, о которых во время его пребывания в столице напоминало ежедневное созерцание опустошенных музеев и сожженных дворцов. Получив извещение о прибытии протестантских делегатов и цели их путешествия, Карл назначил время для аудиенции на 12 сентября. Перспектива появления перед императором была не из приятных, так как они понимали, что им придется защищать дело, которое Карл решил уничтожить. Их опасения подтвердились, когда им намекнули быть краткими и не читать императору протестантскую проповедь.

Не смутившись великолепием императорского двора, окружавшего Карла, эти трое простых посланников, когда настал день аудиенции, с честью выполнили поручение. Они точно передали все, что произошло в Германии относительно вероисповедания, с тех пор как император покинул страну в 1521 году. Они особенно остановились на эдикте терпимости, принятом на сейме 1526 года; на возможной отмене этого эдикта на сейме 1529 года; Протесте князей-реформаторов против этой отмены; на оспаривание ими свободы вероисповедания для себя и тех, кто последует за ними; на их решении любой

ценой, не отступать от своего требования, и на исполнении Протеста со всей их властью. Во всех делах империи они охотно будут подчиняться императору, но в делах Божьих они не подчиняются земной власти. Так они говорили. Неприятно, конечно, было, чтобы победителя королей и владыку двух полушарий так просто учили, что были в мире люди, чью волю не мог сломить даже он со всей своей властью. Эта мысль была червем у корней императорской славы. Карл не соизволил ответить, он отпустил посланников с уведомлением, что о его императорской воле им сообщат письменно.

Император отправил ответ делегатам через секретаря Александра Швайсса 13 октября. Вкратце, в нем сообщалось о том, что император хорошо осведомлен о событиях в Германии через брата Фердинанда и его сотрудников; что он решил поддержать эдикт последнего сейма в Шпейере, а именно тот, который отменил толерантность, провозглашенную в 1526 году, и положил основание для уничтожения этого религиозного движения; что он написал герцогу Саксонскому и его соратникам, чтобы они подчинились указу сейма на основании лояльности ему и империи; и что, если тот не подчинится, то он будет вынужден наказать его ради сохранения своего авторитета и как пример для других.

Верно угадав ответ императора, посланники заранее приготовили обращение. Этот документ они вручили секретарю Швайссу в присутствии свидетелей. Они с трудом уговорили чиновника передать его своему господину, но, в конце концов, он согласился это сделать. Можно представить, как омрачилось чело императора, когда он читал его. Он приказал Швайссу арестовать посланников. До сообщения им воли императора они ни сдвинулись с места, ни написали друзьям в Германию, ни разрешили никому из слуг уехать из страны под страхом смерти и лишения имущества.

Случилось так, что одного из делегатов не было в гостинице, когда пришел приказ императора содержать их под домашним арестом. Его слуге удалось выскользнуть и рассказать ему о том, что случилось в его отсутствие. Этот посланник, сев, написал подробно об этом деле – их беседе с императором, его решимости привести в исполнение Вормский эдикт – сенату Нюрнберга, и, отослав его с верным посыльным, кому он поручил ехать как можно быстрее, пошел сразу в гостиницу, чтобы разделить арест с товарищами.

Пока не придет пробуждение совести, человечество в своей массе останется эгоистичным и апатичным, неспособным ценой своих трудов и крови приобрести свободу для детей. Свобода говорит, мы можем, вера говорит, мы должны умереть, но не сдастся. Поэт возвышенно и правильно сказал, что борьба за Свободу «завещана от истекающего кровью отца сыну», хотя часто проигрываемая, но всегда выигрываемая в конце, поэтому не соответствующая фактам. История Греции, Рима и других народов показывает, рассматривая в общем, свободу вместе с верой, ведущих пораженческую, а не победную борьбу.

Более ярким примером, но не единственным, в современности является Франция. Мы видим смелый народ, боровшийся за «свободу» без «веры», скорее в разрыве с ней, и после почти столетней борьбы победа не стала ближе, чем в начале. Небольшая Голландия является противоположным примером. Она стойко боролась за веру и, победив, получила все остальное. Значительными примерами в истории победы огромных масс над тираниями являются ранние христиане и реформаторы шестнадцатого века. Карл V завоевал бы весь христианский мир, поправ права и свободы, если бы более слабый принцип, чем сознание, пробужденное протестантами, не противостало ему в то время. Первыми поднялись на крепость деспотизма борцы за веру; затем борцы за гражданские свободы, вступив в пролом, которые открыли другие ценой своей жизни.

Выехав из Пьяченцы 23 октября, император отправился на встречу с Папой в Болонью. С ним ехали трое пленных протестантских посланников. Медленно путешествуя, он давал итальянцам достаточно времени, чтобы заметить блеск его свиты, многочисленность и оснащение его армии. Город, к которому он приближался, имел высокое положение в течение двух веков. Болонья была местом самого первого университета, появившегося в Европе, когда свет просвещения стал сиять на небосводе. Первая школа была основана в 425 году Феодосием Младшим; она стала известной при Карле Великом и достигла своего полного расцвета в пятнадцатом веке, когда схоластическая философия породила более рациональные науки, молодежь из разных стран тысячами слеталась, чтобы учиться в его стенах. В дань уважения к центру образования на монетах Болоньи начертано Bononia docet, а на гербе к этому добавлено libertas. Болонья была вторым городом в церковном государстве, ее иногда называли эпитетом «сестра Рима». Она превосходила столицу по численности и роскоши монастырей и церквей. В одной из последних находится величественная гробница св.Доминика, основателя ордена инквизиторов. Она также известна своими двумя башнями, построенными во времена Карла Великого – Азинелли и Гаризенда - которые подобно Пизанской башне, являются падающими.

Кроме церковных зданий в городе немало дворцов и памятников, один из которых уже принял Папу Клемента под свою крышу, другой был готов принять императора, чей блистательный эскорт был уже в пути. Болонья имеет заметное месторасположение. Она примыкает к Апеннинам, на одной из вершин которых стоит монастырь св.Михаила в Боско, а у подножья, простираясь на юг, лежат плодородные равнины, чье богатство принесло городу звание Bologna Grassa. Пока император с 20 тысячной армии медленным маршем продвигаются к ее воротам, мы обратимся к протестантам Германии.

Глава 19 - Встреча императора с папой в Болонье.

Встреча протестантов в Шмалькальдене – Настаивали на полном соглашении в вопросах веры. – Неудача в организации оборонительного союза – Взгляды Лютера на войну – Разделение между протестантами осталось. – Император в Болонье – Беседы Карла и Клемента – Император предлагает созвать собор. – Папа рекомендует меч. – Кампеджио и Гаттинара – Тайные мысли императора – Коронация – Происшествие.– Сан Петронио и его спектакль – Церемонии коронации – Значение каждой церемонии – Император отправляется в Германию.

Почти в тот же день, когда Карл выехал из Пьяченцы, письмо Кадена, сообщившее о приеме оказанным императором посланникам, дошло до сената Нюрнберга. Оно произвело сенсацию среди членов сената. Их послание было отвержено, а посланники арестованы. Это показалось протестантам равносильно объявлению военных действий со стороны сильного и разгневанного монарха. Курфюрст Саксонский и ландграф Гессенский стали совещаться. Они решили собрать протестантских князей и представителей городов в скором времени и обсудить возникшее критическое положение. Встреча прошла в Шмалькальдене 29 ноября 1529 года. Ее участниками был курфюрст Саксонский, его сын Иоганн Фридрих, Эрнест и Франциск, герцоги Люнебургские, ландграф Филипп, представители Георга, маркграфа Бранденбургского, выборные от городов Страсбурга, Ульма, Нюрнберга, Хейльбронна, Ройтлинга, Констанца, Мемнингена, Кемпена и Линдау. Заседание ассамблеи было отмечено удивительным событием. Так как император освободил двоих посланников, а третьему, Кадену, удалось бежать, они приехали в Шмалькальдене в тот момент, когда протестанты собрались там, и, поразив их своим появлением на сейме, дали полный отчет о том, что произошло с ними при дворе императора. Их заявление не могло не вызвать опасений у князей. Они убедились в совершении зла, и чтобы быть готовым к нему, им первым делом надо было объединиться.

Необходимость объединения понимали все, но, к сожалению, его искали не в том направлении. На ассамблее был поставлен вопрос, что обсуждать сначала: вопрос о вероисповедании или об обороне? Было решено обсуждать сначала вопрос о вере, так как говорили, что пока мы не будем единодушны в этом, мы не сможем объединиться и в вопросе обороны. Лютер и его друзья недавно пересмотрели статьи Марбурской конференции с позиции лютеранства. Это исправленное приложение известно как «Шмальдкальденские артикулы». Под десятым заголовком была внесена значительная поправка: утверждалось без всякой неопределенности, что тело и кровь Христа присутствуют в причастии, и осуждалась точка зрения, что хлеб является просто хлебом. Это едва соответствовало убеждениям реформаторов. Но следующая ошибка была еще грубее. Пересмотренные таким образом статьи были представлены делегатам Шмалькальдена, от них потребовали принятие их, как основание для

политического союза. Перед тем как сплотиться для обороны, все должны быть единодушны в учении о Вечери Господней.

Такая линия поведения была просто прискорбной. Кроме религиозных убеждений, существовало достаточно определенное политическое основание для сопротивления всеобщей тирании. Но в те дни не было различия между гражданином и членом церкви, между обязанностями и правами личности политического или религиозного характера. Те, кто войдет в союз, должны быть единодушны в вопросе пресуществления. Они должны быть не только протестантами, но и лютеранами.

Представители Страсбурга и Ульма отказались от такой раскольнической политики. Они сказали, что не могут подписать эти тезисы, но хотят объединиться с братьями для защиты. Ландграф Гессенский утверждал, что разница мнений относительно присутствия Христа в Евхаристии не касается основ христианства, не подвергает опасности спасение души и не должна разделять церковь Божью; еще в меньшей степени должна эта разница быть основанием для исключения из предлагаемого сейчас союза. Но герцоги Саксонский и Люнебургские, которые находились под сильным влиянием Лютера, и слышать не хотели о другом союзе, кроме как с теми, кто был готов пройти проверку на веру. Представители Ульма и Страсбурга уехали. Конференция прекратилась после решения о том, что только те, кто придерживается лютеранских взглядов, соберутся в Нюрнберге в январе следующего года, чтобы принять меры для отражения ожидаемого наступления императора и Папы. Так разрыв между лютеранскими и реформатскими церквями увеличился в тот час, когда должна быть принесена жертва, чтобы сократить его.

Таковы были взгляды Лютера, победившего в диспуте. Прежде всего, его мнение очень повлияло на курфюрста Иоганна, поэтому он и маркграф Бранденбургский были единодушны относительно необходимости единого учения и исповедания перед объединением оружия для совместной обороны. Надо отдать Лютеру должное, что к этому курсу его привели не только взгляды на Евхаристию, но и отвращение к войне. Он содрогался от ужаса, когда меч обнажался для решения вопросов веры. Он знал, что за религиозным союзом последует военный. На заднем плане он видел армии, сражения и много крови. Он видел, как затихала духовная жизнь среди лагерных дел; он представлял, как духовная сила отступает от протестантизма, и меч Империи в результате покоряет все. Нет, он сказал, пусть меч остается в ножнах; пусть единственным мечом, обнажаемым для спора, будет духовный меч; пусть прольется свет. «Наш Господь Христос – писал он курфюрсту Саксонскому – достаточно могущественен и может найти способы и средства, чтобы избавить нас от опасности, и не дать осуществиться планам нечестивых князей. Затея императора – лишь угроза дьявола, но она бессильна. Как сказано в псалме: «И злодейство его упадет на его

темя». Христос испытывает нас, хотим ли мы быть послушными его слову или нет, считаем ли мы его истинным или нет. Мы лучше десять раз умрем, чем сделаем Евангелие причиной кровопролития или увечья, вследствие нашего действия. Давайте лучше терпеливо страдать, как говорит псалмопевец, «нас считают как овец, обреченных на заклание»; и вместо того, чтобы мстить или защищаться, лучше дадим место Божьему гневу. Если бы Лютеру пришлось выбирать между мечом и костром, между победой реформации на поле боя или победой на поле мученичества, он, конечно, выбрал бы последнее. Протестантская церковь, подобно римской церкви, воюет с заблуждениями до крови, но в отличие от римской, не чужой крови, а своей.

Если бы лютеранские князья и цвинглианские лидеры объединились бы в оборонительный союз в тот час, они бы смогли вывести на поле сражения сильную армию. С энтузиазмом их солдат, а также с их численностью пришлось бы считаться при попытке помериться силами между ними и их противниками. Германские князья, оставшиеся на стороне Рима, были бы сметены с поля сражения – даже войску императора трудно бы было устоять перед ними. Но перевод дело протестантизма в то время с кафедры, из университета, от прессы на поле сражения не способствовал бы конечной победе.

Не оправдывая Лютера в упорстве, с которым он держался догмы пресуществления, когда реформатское христианство было раздираемо пополам, не поддерживая решение Шмалькальденской конференции о том, что люди должны быть единодушны в вопросах веры, прежде чем они смогут объединиться для защиты политических и религиозных прав, мы должны все же признать, что деление на лютеран и реформатов, хотя и печально само по себе, но было предназначено отвести большую опасность от протестантизма и направить его на путь, где бы он смог доказать свой героизм и добиться более славных и продолжительных побед, чем с помощью оружия. Он шел, хотя и не знал об этом, на поле битвы, на котором он должен был завоевать плоды, пожинаемые Германией и христианством до сего дня. Не с «грохотом и одеждой, запачканной кровью» должен быть бой, к которому приближались протестанты. К звукам победы не примешивался плач вдов и крик сирот. Этот бой должен был принести истории один из знаменательных дней. Сюда должны были придти император и Папа. Полем сражения стал Аугсбург.

Вернемся в Болонью, которая в то время была ареной темных интриг и блестящих пиров. Гостиные заполнены пышными придворными, легатами, архиепископами, министрами и секретарями. Люди в испанской и итальянской военной форме ходят по улицам; церковные колокола непрерывно звонят; до слуха постоянно долетает барабанная дробь, так как религиозные церемонии и военные парады проводились беспрерывно. Дворцы, в которых остановились Папа и император, были так близко, что только стена отделяла один от другого.

В преграде сделали дверь, которая позволяла Карлу и Клементу встречаться и вести переговоры в любое время дня и ночи. Эту возможность не упускали. Когда другие спали, они бодрствовали. Протестантизм послужил причиной для многих размышлений и бессонных часов этих двух правителей. Они увидели, что презираемый ими закон укрепляет странным и угрожающим образом свое положение из года в год. Разве нельзя было придумать какое-нибудь заклинание, чтобы справиться с ним? Разве нельзя было создать какой-нибудь союз, чтобы заставить его подчиниться? В надежде найти какое-нибудь магическое средство Клемент и Карл часто призывали своих «мудрых советников» днем, или тайно встречались и советовались наедине, когда сон сковывал веки окружавших их людей.

На самом деле император вел двойную игру на этих встречах. Несмотря на клятву, данную клерикальным княжествам, никогда не посягать на права папского престола, несмотря на все почтение, с которым он приветствовал Папу, когда Клемент вышел вперед к нему у ворот Болоньи, несмотря на регулярное выражение своей преданности, Карл ставил великую монархию Испании на первое место, а Папу на второе место. Искоренение протестантского движения устроило бы Папу; но устроило бы это в равной степени Карла? Так обстояло дело с императором. Он начал понимать, что уничтожив Лютера, он оставит Папу без конкурента. Клемент тогда не будет зависеть от шпаги Испании, и будет держать голову еще выше. Это было не в интересах Карла и огромной Европы, на которую простирался его скипетр. Истинной политикой была толерантность к Виттенбергу, заботясь, чтобы он не усиливался, а потом, натравив его при удобном случае на Рим, он заставит замолчать его; он будет держать поводок в своей руке, контролируя непокорного. Лютер, герцог Иоганн и ландграф Филипп будут танцевать под его дудку, и скорбеть, когда он скорбит; а когда Папа станет слишком назойливым, он отпустит поводок, на котором он держит эту гидру – лютеранство – и заставит Клемента подчиниться, угрожая спустить на него этого монстра. Через это посредничество Карл станет владыкой. Такова была тайная мысль императора, как можно догадаться по его поведению. В молодости Карл был политиком, а позже он стал фанатиком.

Государственные советники Карла разделились по этому вопросу. В поездке в Германию его сопровождали два очень опытных и одаренных человека, Кампеджио и Гаттинара, которые представляли две разные политические партии. Кампеджио был за то, чтобы всех протестантов сжечь на костре, а Виттенберг сровнять с землей. До наших дней дошла его «Инструкция» императору, найденная историком Ранке в Риме, в которой Карлу настойчиво рекомендовался такой способ. «Если есть такие, - писал легат Кампеджио в своей «Инструкции» относительно Германских князей – если есть такие, которых Бог запрещает, и которые упорно следуют по дьявольскому пути, его величество может взять огонь или меч и вырвать это проклятое и ядовитое растение».

«Первым шагом в этом направление была конфискация имущества, гражданского или церковного, в Германии, а также в Венгрии и Богемии. По отношению к еретикам это законно и правильно. Когда, таким образом, власть над ними будет установлена, тогда нужно назначить святых инквизиторов, которые выследят оставшихся, поступая с ними так, как поступали испанцы с маврами в Испании». Таков был план этой знаменитой особы папской церкви. Он разожжет костер, почему бы и нет? И он будет гореть, пока не останется ни одного протестанта во всем христианском мире. Когда последний последователь Евангелия превратится в пепел, тогда империя обретет покой, и церковь будет править во славе умиротворенным и единым христианским миром. Если немного еретической крови может принести такое благословение, то разве это не низкая цена единства христианства?

Гаттинара так не считал. Он тоже был за преодоление раскола и единство христианского мира, но другими способами. Он призывал не к армии палачей, а к собранию святых. «Вы (Карл) – глава империи, - говорил он - а вы (Папа) – глава церкви. Ваш долг – принимать меры по обоюдному согласию против беспрецедентных требований. Соберите благочестивых людей из всех стран, и пусть Собор сформулирует на основании Слова Божьего учение, которое примут все люди». Политика этих двух советников была диаметрально противоположной – меч и Собор.

Клемент VII был поражен, как будто пропасть разверзлась под его ногами. Слово Собор всегда вызывало ужас у Пап всех времен. Упоминание о нем ассоциировалось в воображении понтифика с равной, и, возможно, высшей властью, относительно его собственной власти, могущей ограничить владычество папского престола. Пию IX удалось, наконец, опрокинуть это пугало законом о непогрешимости, который делает его абсолютным владыкой церкви. Но в то время непогрешимость признавалась личным атрибутом Пап, не было большей угрозы, чем предложение, высказываемое при каждом кризисе, о созыве Собора. Клемент имел личные причины встретить это предложение резко отрицательно. Он был незаконнорожденным; он вступил во владение престолом путем далеко не невинным; он тратил доходы престола на свое семейное наследное имение во Флоренции, и отчет причинил бы большие неудобства. Если бы сам Лютер неожиданно вошел в зал заседаний, Клемент не был бы более встревожен и раздражен, чем предложением Гаттинара. Он не понимал, зачем нужен был Собор, кроме того, что он мог выпустить ветры разногласий по всей Европе. «Не постановлениями Собора, - говорил он – а острием меча должны решаться разногласия».

Но Гаттинара не вынес предложения без предварительного совета с императором, который был с ним согласен. Карл поднялся и объявил, что его мнение совпадает с мнением министра; Папа, пряча презрение, и понимая, куда

дует ветер, сказал, что поразмыслит над этим вопросом. Он надеялся обработать императора наедине.

Дискуссия продолжалась до конца января. Переход через Альпы был закрыт, лавины и снежные заносы угрожали человеку, который взбирался по их склонам в это время года, а так как климат Болоньи был целебным, Карл не торопился покинуть эту приятную обитель. Церковный правитель продолжал отстаивать меч, а земной монарх призывал к Собору. Примечательно, что каждый отвергал оружие, которым лучше всего владел. «Мечом ничего не добьешься в этом деле, - утверждал император - давайте победим оппонентов в споре». «Здравый смысл не поможет нам, - воскликнул Папа – давайте прибегнем к силе». Хотя все соображения гуманности были отложены, вопрос о реальном приведении всех протестантов на эшафот был серьезным. Смог ли император сделать это? Он стоял во главе Европы, но она была осторожна в проверке его превосходства. Князья-лютеране ни в коей мере не были бедны духовно и материально. Короли Франции и Англии, хотя и испытывали отвращение к протестантскому учению, знали, что протестантская партия представляла важный политический элемент; возможно, что их величества предпочитали, чтобы христианский мир оставался разделенным тому, чтобы его единство было восстановлено путем холокоста, предлагаемого Кампеджио. И потом, были еще турки, вернувшиеся в свои владения, но которые бы воспользовались ситуацией, созданной истреблением протестантов, и перенесли бы свои штандарты с берегов Босфора на берега Дуная. Было ясно, что сожжение 100 000 протестантов было бы началом трагедии. Папа бы одобрил такой костер, но он мог бы сжечь и другие государства, кроме Германии, среди них и Испанское королевство. Поэтому Карл настаивал на Соборе; и, так как он был председателем, о чем напомнил ему Гаттинара, последнее слово на конференции было за ним.

Тем временем, пока не будет созван Собор, и как подготовка к нему, император 20 января 1530 года разослал приглашения на сейм германских княжеств, который должен был состояться в Аугсбурге 8 апреля. Приглашения были сформулированы очень вежливо, и если надо было достичь примирения, по крайней мере, в качестве первого условия, то было мудро добиваться его в соответствии с поставленной императором целью. «Давайте положим конец всем разногласиям, - говорил он – давайте откажемся от антипатий; давайте объединимся и будем бороться под руководством одного вождя – Иисуса Христа – давайте стремиться к объединению в одно сообщество, одну церковь и один союз».

Какое облегчение для протестантов Германии! Огромный меч императора, висевший над их головами на одной ниточке, убран, и им была протянута оливковая ветвь. «Сердце царя – в руке Господа».

Одного не доставало, чтобы довести до совершенства величие Карла, он должен получить императорскую корону из рук Папы. Он бы предпочел, чтобы эта церемония проходила в Вечном Городе; это действие получило бы дополнительное великолепие от места, где оно проходило; но государственные причины заставили его выбрать Болонью. Папа, как намекает о.Павел Сарпи, не возражал оказать Карлу честь в городе, который был разграблен его солдатами два года тому назад; Болонья была удобно расположена на пути его следования в Аугсбург. Карл уже был коронован на императора Германии в Ахене, а теперь (22 февраля) он получил железную корону, как король Ломбардии, и золотую (24 февраля), как император Римский. Он считал особенно благоприятным последний день, когда на него была возложена золотая корона. Это был день его рождения и годовщина победы при Павии, поворотной точки его величия. Коронация явилась сценической проповедью на богословские и политические доктрины того времени, и в этом смысле она заслуживает нашего внимания.

Карл получил корону у подножья алтаря. Власть, дарованная таким образом, была не абсолютной; она была обусловлена и лимитирована предписаниями церемоний, сопровождавших официальное вступление в должность, каждая из которых имела свое значение. В большом соборе Сан Петронио – месте августейшей церемонии – было поставлено два трона. Трон, предназначенный для Папы, был на полфута выше трона, который должен занять император. Понтифик первым занял свое место; затем приехал император, прошедший по пешеходному мосту, перекинутому через площадь, которая отделяла его дворец от дворца, где он должен быть коронован. Это сооружение было недостаточно прочным, чтобы выдержать вес сопровождавшей его многочисленной и пышной свиты. Оно сломалось, как только прошел император, и часть его свиты упала прямо на площадь на обломки сооружения и толпу зрителей. Происшествие не только расстроило монарха, но и было воспринято им, как дурное предзнаменование. Он был спасен Силой, чьим избранником он был, от возможной смерти, чтобы управлять высокими предназначениями, которые в тот день должны были получить высокую санкцию от Божьего Наместника. На мгновение он обвел взглядом место катастрофы, и продолжил путь, чтобы предстать перед понтификом.

Первой частью церемонии было введение императора в сан дьякона. Правление в то время было теократическим. Эта теория основывалась на том принципе, что все царства мира управлялись Богом через Его наместника, и никто не имел права быть исполнителем Божественной юрисдикции, если он не являлся частью священнического класса, кому было вручено это право. Поэтому император, прежде чем получить скипетр от Папы, должен был присоединиться к церковному сословию. Подошли два каноника, сняли с него королевские регалии, облачили в стихарь и амофор. Карл удостоен чести быть дьяконом собора св.Петра и собора св.Иоанна Латеранского. Папа, оставив трон, прошел в

алтарь и служил мессу, новый дьякон сослужил ему, выполняя необходимые действия. Затем, преклонив колена, император принял Святые Дары из рук Папы.

Карл вернулся на трон, и королева, подойдя к нему, сняла дьяконское облачение, одела на него расшитую драгоценными камнями мантию, сотканную на Востоке и привезенную из Константинополя для коронации императоров Германии.

Император опустился на колено перед Клементом VII. Сначала Понтифик помазал Карла елеем из рога, дал ему обнаженный меч, затем вложил ему в руки золотую сферу, и, наконец, возложил на голову императорскую корону, которая вся была украшена драгоценными камнями. Мечом император должен был преследовать и поражать врагов церкви; сфера символизировала мир, которым он должен был управлять по милости Святого Отца; корона символизировала власть, которая все это совершила и которая была дана тому, кто возложил корону на его голову; елей означал Божественную силу, которая излилась на него от главы помазанного тела, членом которого, стал сейчас Карл; это сделает его непобедимым в борьбе за веру.

Поцеловав белый крест, украшавший красную туфлю Папы, Карл поклялся защищать всеми силами права и свободы римской церкви.

При рассматривание символизма, разыгранного в соборе Болоньи, что мы увидим? Мы увидим только одного правителя, главу любого правительства и власти, источник всех добродетелей и благословений – наместника Вечного Царя. От полноты своей власти он назначает монархов и судей, разрешая им принимать участие вместе с ним в неземном Божественном правосудии. Они – его наместники, как и он – наместник Вечного Царя. Они управляют с его помощью, они правят для него, они отчитываются перед ним. Они – вассалы его трона, ликторы у его судейского кресла. Ему принадлежит власть выносить приговор, им скромная обязанность орудовать мечом, который он вложил им в руки для исполнения приговора. Один величественный монарх, а именно Папа, владел всей властью, правами и свободами. Государство исчезает как отдельное самостоятельное общество, оно поглощается церковью, а церковь поглощается ее главой, занявшей престол св.Петра. Протестантизм восстал против этой чудовищной тирании. Он вернул обществу Божественное владычество сознания. Теократия Рима была искоренена, и с ней пропало Божественное право священников, царей и всех остатков феодализма.

Было начало марта. Весна открыла переход через Альпы; Карл с воинами отправился на сейм, который он назначил в Аугсбурге.

Глава 20 - Подготовка в Аугсбурскому сейму.

Карл переходит через Тироль. – Смотрит вниз на Германию. – События в его отсутствие – Размышления – Бесплодность его усилий – Противоположные результаты – Все, что Карл предназначал для поражения, оборачивается благословением для протестантизма. – Невидимый руководитель – Император прибывает в Инсбрук. – Князья собираются на сейм. – Путешествие курфюрста Саксонского – Гимн Лютера – Лютер покидает Кобург. – Мужество протестантских князей – Протестантские проповеди в Аугсбурге – Папские проповедники – Торганские артикулы.– Подготовленны Меланхтоном. – Одобренны Лютером.

Император возвращался в Германию после девятилетнего отсутствия. Когда в первые дни мая он медленно поднялся на вершины Тирольских Альп и посмотрел вниз с их северных склонов на равнины Германии, у него было время подумать о том, что случилось после его отъезда. Годы, которые прошли с того времени, когда он в последний раз видел эти равнины, были полны труда, и как мало он пожал от совершенного им тяжелого труда, и какое недовольство он испытывал! Направление, которое принимали дела, было противоположно тому, которого он хотел и ожидал. По странной фатальности плоды его кампаний ускользали от него. Его главной удачей была Павия; в результате этого события его противник, Франциск, был приведен пленником в Мадрид, а он оказался на мгновение главой Европы; однако эта блестящая победа обернулась, в конце концов, более разрушительной для победителя, чем для побежденного. Она спровоцировала Коньякскую Лигу, объединившую королей Европы во главе с Папой, чтобы оказать сопротивление власти, которую они считали опасной для себя, и сдержать амбиции, которые, как они понимали, были безграничны. Коньякская Лига рикошетом ударила по голове человека, который был ее организатором. Разыгралась буря, и вместо того, чтобы ударить по центру лютеранства, она повернула в сторону Рима, и ее молнии ударили по городу на Семи Холмах, по богатству и славе Пап, по искусству и красоте их столицы, удар, от которого не могли оправиться все последующие поколения.

На какое-то мгновение все опять стихло. Папа и король Франции стали друзьями императора. Турки, которые появились в большом количестве, и вторглись в Европу еще дальше, чем прежде, неожиданно вернулись в свои земли. Таким образом, все как будто сговорились убрать препятствия с пути Карла, что могло помешать его долгожданному посещению Германии. Император собирался укрепить мир, который, по счастью, последовал за бурей, и положить замковый камень своей власти, уничтожив движение Виттенберга, задача была не из трудных, как он думал, по сравнению с той, от которой он сейчас возвращался, уничтожение Коньякской Лиги.

Однако когда он думал о движении Виттенберга, к которому он приближался, у него, наверное, были опасения. Предыдущий опыт научил его, что этот вопрос вместо того, чтобы быть самым легким из всех, что у него были, оказался самым трудным. Он одержал победу над Франциском, он одержал победу над Папой, но не мог одержать победу над монахом. Ужасный Сулейман исчез при его приближении, но Лютер не сдавал позиции и не уходил. Почему? Реформатор не только не пал перед ним, но каждый шаг, предпринятый императором, только возвышал Лютера в глазах людей и укреплял его влияние в христианском мире. На сейме в Вормсе в 1521 году он издал запрет против ересиарха. Он ни на минуту не сомневался, что через несколько недель или месяцев самое большое, он с удовлетворением увидит, что запрет выполнен, и Рейн уносит пепел Лютера, как сто лет назад уносил пепел Гуса в море, чтобы похоронить его и его дело в вечной могиле. Но результат был совершенно другим. Запрет императора загнал реформатора в Вартбург, и там, освобожденный от всего, что отвлекает, Лютер подготовил оружие более мощное, чем все его другие писания и труды для умножения движения. Имперский запрет, если и отправил Лютера в короткое заключение, но освободил Слово Божие, находившееся в заключение мертвого языка, и теперь оно проходило по всей стране, разговаривая с князем и крестьянином, бароном и бюргером на их родном языке. Это было, как Карл понимал к своему глубокому сожалению, все, что он пожал после Вормского сейма.

Он во второй раз попытался уничтожить движение, но в действительности только укрепил его. Он созвал имперский сейм в Шпейере в 1526 году, чтобы предпринять шаги для исполнения эдикта, который был принят при согласии сейма пять лет назад в Вормсе. Оставалось ждать, ударит ли молния по монаху или нет. Опять результат был прямо противоположным тому, который он предвкушал. Сейм постановил, что до созыва Вселенского Собора, все имеют свободу вероисповедания. Фактически это был эдикт толерантности, и с тех пор распространение протестантской веры по княжествам было санкционировано сеймом. Движение было под защитой закона. Какая неприятность для правителя, который думал, что он все подготовил для его свержения!

Карл дважды потерпел неудачу; но он сделает третью попытку и она удастся; так он убеждал себя. В 1529 году он снова созывает сейм в Шпейере. Он посылает из Испании угрожающее письмо, приказывая князьям согласно их присяге императору и под страхом запрета, исполнить эдикт против Лютера. Именно тогда князья-лютеране развернули свой грандиозный Протест, и с тех пор оставались на этой позиции в империи и в христианском мире при всех перипетиях судьбы. Каждый раз, когда император простирал руку, она не убивала, а вселяла новую жизнь в движение, она убирала все препятствия с его пути и способствовала его продвижению вперед.

Даже самый неумный не мог не понять, что исключительные события, в которых все, предназначенное для уничтожения протестантского движения, содействовало его продвижению, не исходили от Лютера. У него не было ни проницательности, чтобы продумать их, ни власти, чтобы ими управлять. Они также не исходили ни от Фридриха Мудрого, курфюрста Саксонского, ни от Филиппа Великого, ландграфа Гессенского. И менее всего они исходили от Карла, так как он менее всего хотел того, что это совершилось. Нас радует, что эти люди не были примитивны. Лютер был мудрым, и не менее смелым, чем мудрым; но в чем заключалась его мудрость? Она заключалась в полном подчинении воли Того, Которого он видел направлявшим это движение по лабиринту, когда его собственные рассуждения терпели неудачу. А в чем заключалась его смелость? В следующем: он твердо верил в Того, Чья рука защищала протестантизм от опасности, когда реформатор и его дело немедленно бы погибли, не будь этой защиты. В этих событиях Лютер видел следы Того, Кого древний еврейский пророк назвал: «Чудный Советник, Бог Крепкий».

Император и его многочисленная блестящая свита приехали в Инсбрук в начале мая. Он остановился в этом романтическом городке, чтобы иметь возможность ближе познакомиться с Германией и решить, какую принять тактику. Атмосфера по эту сторону Альп значительно отличалась от страстной атмосферы, которую он только что покинул на юге. Все, что он видел и слышал, находясь здесь, говорило о том, что лютеранство прочно обосновалось в стране, и что ему надо употребить всю власть и хитрость, на которую он был мастер, чтобы убрать его.

Появление императора на вершинах Тироля вызвало у протестантов опасения. Когда в небе появляется стервятник, в роще все затихают и прячутся; так было и с жителями равнин, когда они на горах увидели вооруженные римские когорты. Для тревоги была причина. С императором приехал Кампеджио, его злой гений, специально отправленный Папой, чтобы присматривать за Карлом, чтобы он не пошел на компромисс с лютеранами, и не связал бы себя поспешным обещанием созвать Вселенский Собор. У легата не было ничего, кроме старого средства – рекомендовать меч против бешенства, охватившего Германию. Гаттинара, который удерживал руку Карла от использования оружия против протестантов, и который доехал до Инсбрука, заболел там и умер. Меланхтон оплакивал его смерть, как большую потерю по части умеренных советов. «Должны ли мы встретить наших противников с оружием?», спрашивали протестантские князья в тревоге. «Нет, - ответил Лютер – пусть никто не оказывает сопротивление императору; если он потребует жертву, ведите меня к алтарю». Даже Маймбург признает, что «Лютер вел себя в данном случае достойно. Он написал князьям, чтобы отвести их от намерений, сказав им, что дело веры надо защищать не с оружием в руках, а с помощью разумных аргументов, христианского терпения и твердой веры во Всемогущего Бога. В то же время реформатор стремился

поддержать все сердца, направив их взоры на небеса. Его возвышенный гимн «Наш Бог – крепкая башня» начали исполнять во всех церквях. Его героические слова, исполняемые тысячами голосов, неслись ввысь, зажигали души людей, придавали уверенность и мужество протестантскому войску. Его продолжали петь в общественных собраниях в течение всего периода проведения сейма.

Император в письме из Болоньи от 21 января назначил сейм на 8 апреля. Этот день приближался, и протестантские князья стали готовиться к поездке в Аугсбург. В воскресенье 3 апреля курфюрст Саксонский, знать и богословы, сопровождавшие его, собрались в замковой церкви Торган, чтобы в молитве попросить Бога исполнить их Духом в этот критический момент. Лютер проповедовал на текст Писания: «Итак всякого, кто исповедует Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцом Моим Небесным». Основная идея, высказанная в проповеди, была поддержана князьями, отправлявшимися в Аугсбург. Днем того же дня туда выехал курфюрст Саксонский в сопровождении сына Иоганна Фридриха, Франциска, герцога Люнебургского, Вольфгана, князя Ангальтского и Альберта, графа Манфельдского. Богословы, которых курфюрст взял с собой в качестве советников на сейме, были Лютер, Меланхтон и Йона. Потом к ним присоединился Спалатин. Они представляли прекрасную картину при выезде из Торгана в сопровождении отряда из 160 всадников, в алых плащах, расшитых золотом. Но провожавшие понимали, что они ехали с неспокойными мыслями. Они ехали, чтобы исповедовать веру, которую император объявил вне закона. Не привлекут ли они на себя бурю его гнева? Вернуться ли они такими же, как и уезжали? Отряд пел гимн «Мой Бог – крепкая крепость», возвышая голос к небесам, заглушая топот коней и бряцание оружия, и укрепляя мужество, с которым их поход начался, продолжался и закончился.

Накануне вербного воскресенья они прибыли в Веймар. Они остановились там на воскресенье, и Лютер снова проповедовал. Начав путешествие в начале недели, они к концу недели приехали в замок курфюрста Кобург на берегу Ицы; реформатор выступал с речью или проповедью в конце каждого дня. Покинув Кобург 23 апреля, кавалькада продолжила путь через города Бамберг и Нюрнберг, и 2 мая курфюрст и его сопровождающие вошли в ворота Аугсбурга. Предполагали, что курфюрст Иоганн не приедет на сейм. Говорили, что он был слишком неприятен императору, чтобы напасть на врага в его собственном жилище. К всеобщему удивлению курфюрст первым из князей приехал на место событий.

Вскоре начали приезжать другие князья, папские и протестантские. Их появление в Аугсбурге проходило не с меньшей помпой. Они приехали в сопровождении своих слуг, чье количество и вооружение соответствовали рангу и богатству их господ. Облаченные в оружие со знаменами, украшенными гербами, возвещавшие о своем прибытии барабанными и трубными звуками, они

скорее выглядели, как воины, шедшие в бой, чем приехавшие на обсуждение вопроса, ради которого их вызвал император, а именно, об определении христианского вероисповедования. В те дни считали, что дискуссия, даже по религиозным вопросам, не имела веса, если она не была проведена в присутствии представителей власти. Ландграф Гессенский приехал в Аугсбург 12 мая в сопровождении 120 всадников. Спустя три дня выборные от вольного города Нюрнберга приехали, чтобы принять участие в обсуждениях, привезя с собой Осиандра, протестантского пастора.

Со времени знаменитого Вормского сейма в 1521 году Германия не приходила в такое возбуждение, как в этот час. Обе партии решили помериться силами. Сейм должен был решить очень важные вопросы. Народ провожал своих представителей в Аугсбург с молитвой. Они видели в приближении императора и его легионеров предвестника бури; но чем ближе они приближались, тем громче был слышан гимн «Мой Бог – крепкая башня» во всех церквях и собраниях. Тот факт, что должен был присутствовать Карл, а также важность момента способствовали наиболее полному собранию князей и представителей городов. Кроме участников сейма приехало огромное число разных людей из городов и провинций Германии: епископы, ученые, горожане, солдаты, праздные люди всякого роды, привлеченные желанием не пропустить событие, которое пробудило надежды одних, опасения других и всеобщий интерес.

«Не безопасно ли вверять себя императору в городе, обнесенном стенами?» - спрашивали некоторые из более робких протестантов. Когда император только что приехал, они думали, что император заманивает всех лютеран в сети, и, поймав их, хочет принести их в жертву Клементу, чей елей был все еще на его голове. Карл, надо отдать ему должное, был слишком гуманным и благородным, чтобы задумать такое. Злоба, которая позже стала изливаться из него, пока не зародилась, не считая отдельных сердец, как у Кампеджио. Вожди протестантов отказались поддерживать недостойную подозрительность. Престарелый Иоганн, курфюрст Саксонский, показал пример мужества, прибыв на место первым. Последними приехали католические князья, герцог Георг Саксонский, герцог Вильгельм Баварский и курфюрст Иохим Бранденбургский. У них было оправдание, они до Аугсбурга нанесли визит императору в Инсбруке, чтобы поддержать его в решении пресечь движение Виттенберга по возможности мягкими мерами, но при необходимости жесткими.

До открытия сейма в Аугсбург съехалось множество народа из отдаленных частей страны, включая людей всех сословий, чтобы еще больше распространить протестантское учение. Посеянные среди них семена истины, будут расходиться по всей Германии и даже в более отдаленные страны. Курфюрст и ландграф открыли соборы и церкви, поставили за их кафедры проповедников, приехавших с ними из Саксонии и Гесса. Большие собрания верующих ловили каждое слово.

Они с большим желанием вкушали хлеб Слова Божьего. Проповедники воодушевлялись мыслью, что вся Германия их слушает. Хотя император хотел нанести рану католицизму, и созыв сейма был самым эффективным способом это сделать. Мужество лютеран привело папистов в замешательство; они дрожали, когда думали о возможных последствиях; они решили противостать действию лютеранских проповедей, проповедуя строгую ортодоксальность. Со стороны протестантов не последовало возражений. Викарный епископ и капеллан епископа поднялись на кафедры, но только для того, чтобы показать, что не были научены, как нужно проповедовать. Они горланили во всю силу; но публика скоро устала от шума, и, сказав, пожимая плечами, «эти проповедники – болваны», ушли, оставив их слушать эхо своего голоса, отдававшееся в пустых соборах.

Когда курфюрст отправился в Аугсбург, его кавалеристы в алых плащах были не единственными его сопровождающими. Он пригласил, как мы знаем, Лютера, Меланхтона и Йону с собой на сейм. На них возлагалась главная задача подготовки оружия, которым князья будут сражаться, и управления активными бойцами для нанесения удара. Во время путешествия курфюрст вдруг вспомнил, что над Лютером все еще висела анафема Папы и запрет империи. Возможно, было небезопасно вести реформатора в Аугсбург, пока Вормский эдикт не был отменен. Даже если курфюрст мог уберечь его от беды, не принял бы Карл появление Лютера на сейме как личное оскорбление? Поэтому было решено оставить Лютера в Кобурге. Там его легко было информировать обо всем, что происходило на сейме, и получить от него совет в любой момент. Таким образом, Лютер мог присутствовать в Аугсбурге, хотя и невидимо.

Реформатор сразу же согласился с таким планом. Для его проживания был отведен замок, возвышавшийся над городом Кобург на берегу реки Ицы. Он пишет оттуда Меланхтону 22 апреля: «Я сделаю Сион из этого Синая; я построю здесь три скинии – одну для псалмов, другую – для пророков и третью – для Эзопа». Он в то время трудился над переводом басен Эзопа. «Я живу – продолжает он – в огромном жилище, возвышающемся над городом; у меня ключи от всех комнат». В крепости только тридцати человек, двенадцать из которых сторожат ночью, двое других часовых постоянно стоят на башнях замка».

Курфюрст Иоганн с дальновидностью государственного человека и христианской ревностью – прекрасное сочетание, примеров которому было много в то время среди дворян – понимал необходимость предъявления сейму протестантского учения. Ничего подобного раньше не происходило. Протестантской вере надо было сначала учить по Писанию, затем по многочисленным и широко распространенным трудам Лютера и других богословов, и, наконец, по общепринятым убеждениям и исповедованию

христиан. Но кроме этого желательно было иметь систематизированное, точное и авторитетное изложение протестантского учения для представления начинавшемуся сейму. Это надо было самим реформаторам, которым оно бы послужило связующим звеном, и чьим оправданием и защитой оно было бы перед миром; это надо было его врагам, которые осуждали то, чего они, в основном, не знали. Следует заметить, что первое предложение того, что впоследствие стало известно как Аугсбурское исповедание, исходило не от клириков протестантской церкви, а от мирян. Когда политические фигуры появляются на сцене, мы отдаем им должное, говоря, что они руководствуются христианскими мотивами и устремлены на достижение духовных целей. Иоганн Саксонский и Филипп Гессенский не жаждали римских трофеев; они хотели защитить истину и реформировать общество.

Курфюрст Саксонский издал указ в марте 1530 года, предписывавший богословам Виттенберга кратко изложить протестантское учение. Надо было лаконично изложить основные доктрины, которых придерживались протестанты, и вопросы, по которым они расходились с римской церковью. Лютер, Меланхтон, Йона и Помераний взялись вместе за работу. Их труд воплотился в семнадцать артикулов, и был представлен курфюрсту в Торгане, поэтому он называется «Торганские артикулы». Спустя несколько недель эти артикулы были расширены и переделаны Меланхтоном для их прочтения на сейме в качестве протестантского исповедания. Великий богослов посвятил много дней и ночей этой важной работе посреди раздоров и грохота Аугсбурга. Он ничего не щадил для того, чтобы проницательное суждение и чудесный талант смогли сделать Исповедание в отношении изумительной последовательности, ясности утверждений и красоты стиля таким, чтобы прельстить слух, пленить ум и сердца католиков на сейме. Он говорил, что им пришлось слушать вопреки самим себе. Все было облачено в наименее оскорбительную форму. Виттенберг и Рим подошли настолько близко друг к другу, насколько позволяла извечная преграда.

По завершении документ был отправлен Лютеру, и он одобрил его. Возвращая его, реформатор приложил письмо курфюрсту, в котором он говорил о документе следующее: «Я прочитал апологию магистра Филиппа; она мне очень понравилась, я считаю, что лучше нельзя было написать, и ничего не рискну прибавить, так как не умею действовать так тактично и осторожно. Да поможет наш Господь Иисус Христос, чтобы это принесло много хороших плодов; на это надеемся и молимся. Аминь».

Прислушается ли Сейм? Победит ли талант Меланхтона победителя Павии, убедит ли его отменить запрет и сесть у ног Лютера или скорее Священного Писания? Такие вопросы задавались постоянно.

Глава 21 - Приезд императора в Аугсбург и открытие сейма.

Прибытие – Архиепископ Кельна и другие – Шутливые замечания Лютера – Сейм галок – Аллегория – Сообщение о приезде императора – Князья встречают его у речки Лех. – Пышность процессии – Описание данное Закендорфом – Въезд в Аугсбург – Происшествие – Церемония в соборе – Беседа Карла с протестантскими князьями – Требование прекратить проповеди – Протестанты отказываются. – Последние приготовления – Открытие сейма – Процессия с Телом Христа – Присоединиться ли курфюрст к процессии? – Проповедь папского нунция – Сравнение турок и лютеран - Призывают Карла использовать меч против последних.

И дня не проходило в эти напряженные недели без какой-нибудь пышной процессии, въезжавшей в ворота Аугсбурга. Архиепископ Кельнский приехал 17 мая, на следующий день приехал архиепископ Майнца. Несколько дней спустя Георг, маркграф Бранденбургский, союзник курфюрста, проехал по улицам со свитой из 200 вооруженных всадников в зеленых мундирах. Сзади ехала немецкая повозка с богословами и проповедниками. Наконец, приехал венец и цвет всех этих грандиозных процессий. Карл, на чьей голове соединились корона Испании, железная корона Ломбардии и пожалованная дважды к этому моменту императорская диадема, торжественно с большой помпой въехал в Аугсбург 15 июня 1530 года. Намного позже того дня (8 апреля), на который был назначен сейм; но император путешествует так, насколько позволяют ему многие важные дела, а князья должны ждать.

В то время как император задерживался, сейм не открывался, а курьер из Аугсбурга спешил по дороге, лежавшей у подножья замка Кобурга, не останавливаясь, чтобы доставить письмо или сообщение ее обитателю, беспокойство Лютера росло день ото дня. Реформатор, чтобы отвлечь свои мысли, выпустил указ о созыве сейма в Кобурге. Его призыва мгновенно послушались. Приехало довольно большое число участников, и Лютер отдал должное их красноречию. «Вы собираетесь ехать в Аугсбург, - пишет он Спалатину (9 мая) – не зная покровителей и времени, когда они позволят вам начинать. Что касается меня, то я в самой гуще другого сейма. Здесь я вижу, как благородные короли, герцоги и вельможи советуются о государственных делах, непрестанно провозглашая законы и догмы. Они не собираются в пещерах или логовищах, называемых дворцами; их крышей является огромное небо, полом - зеленая трава и листва, а стены от одного конца земли до другого. Они одеты не в золото и шелк, а носят черную одежду, у них серые глаза, они разговаривают в одном тоне, с некоторой разницей, в зависимости от возраста. Лошадей и сбрую они отвергают, и передвигаются на быстрых крыльях. Насколько я хорошо понимаю глашатая их законов, они единодушно решили вести весь год войну с ячменем, овсом и другими зерновыми; великие дела свершаются. Вот мы сидим,

свидетели этого сейма, и к нашей великой радости и спокойствию видим и слышим, как князья, вельможи и княжества империи весело поют и счастливо живут. Но нам хочется с особым удовольствием отметить, как по-рыцарски они махали хвостами, долбили клювами, критиковали друг друга, нападали и парировали; поэтому мы смеем думать, что они победят пшеницу и ячмень».

Это – аллегория. Она передана наивно и приятно. Но реформатор прибавляет мораль, и кому, возможно, понравился рассказ, могут не одобрить истолкование. «Мне кажется, - пишет он – что эти грачи и галки – просто софисты и паписты со своими проповедями и писаниями, которые собираясь стаями, заставляют нас слушать их прекрасные голоса и проповеди». Эту аналогию он проводит в «Религии птиц» и «Сейме галок».

Эти и подобные творения были минутным перерывом геркулесовых трудов и напряженных размышлений. Юмор Лютера был неиссякаемым, он прорывался особенно во время трагических событий. Остроумные замечания были подобны свету, устремлявшемуся золотым потоком сквозь грозовые тучи. Они раскрывали осознание Лютером духовной силы своего положения, и что спектакль, в котором он играл главную роль, был более значимым, чем тот, в котором играл Карл. Со своей высоты он мог смотреть на роскошные троны внизу, на имперские церемонии, и смеяться над ними. Он не мог не коснуться их своей сатирой, и сразу же их слава исчезала, и обнажалась их пустота. Не так обстояло дело с духовными силами, которые он стремился привести в движение в мире. Эти силы не нуждались в пурпурных одеждах, расшитых золотом, чтобы возвеличиться, или просить помощи у каноников и вооруженных отрядов для укрепления.

Наконец, Карл оставил Инсбрук и отправился в Аугсбург. Он добрался до Мюнхена 6 июня и проехал по улицам, увешанными гобеленами и заполненными ликующим народом. В Аугсбурге получили сообщение, что 15 июня император приедет в город.

Курфюрсты, графы и рыцари собрались днем и вышли встречать Карла. Они остановились на берегу речки Лех, которая течет с Альп и впадает в Дунай. Они расположились на возвышенном месте, откуда они могли издалека видеть приближение императора. Картина, развернувшаяся на дороге, говорила о том, что происходит что-то важное. Мимо князей весь день, с самого раннего утра, двигался непрерывный поток лошадей и вещевых обозов, повозок и пеших людей, офицеров императорской стражи и странников, спешащих на представление; щелканье хлыстом, звук горна и веселый смех праздного путешественника оживляли это шествие. Прошло три часа, но императора все еще не было видно. Солнце клонилось к горизонту. Наконец, вдалеке, показалось облако пыли; оно становилось все ближе и ближе; при его приближении стал возрастать шум голосов; и вот уже близко показались первые ряды императорской кавалькады. Князья сошли с лошадей и стали ждать приближения

Карла. Император, увидев князей, в знак вежливости сошел с лошади и пожал им руки, две группы смешались на берегу небольшой речки. В стороне, на небольшой возвышенности, папский легат Кампеджио сидел на муле, покрытом дорогой попоной. Он поднял руки, для того чтобы преподать благословение пышной толпе. Все преклонили колени, кроме протестантов, чьи прямые фигуры выделялись среди толпы, ждавшей со склоненными головами папского благословения. Это был первый намек могущественному императору, что ему не следовало повторять в Аугсбурге горделивое высказывание Цезаря, чьим преемником он был, - «Пришел, увидел, победил».

Процессия шла медленным шагом. «Никогда – пишет Зекендорф – величие и власть империи не демонстрировалась с таким великолепием». Мимо зрителей прошла длинная блистательная процессия не только церковных и светских высших чинов Испании и Италии, но и представителей почти всех национальностей, населявших огромную империю Карла. Сначала шли два батальона ландскнехтов. Потом шли шесть курфюрстов с придворными в богатых одеждах из бархата и шелка и вооруженными слугами в красных камзолах, стальных шлемах и раскачивающихся плюмажах. Епископы были в фиолетовых одеждах, а кардиналы - в пурпурных. Клирики ехали на мулах, князья и графы гарцевали на рысаках. Курфюрст Иоганн ехал перед императором, держа его обнаженную шпагу, к чему обязывало его звание.

«Последним ехал правитель, - пишет Зекендорф – к которому были прикованы все взоры. Тридцати лет, великолепной осанки и приятной внешности, одетый в золотые одежды, переливавшиеся драгоценными камнями, в небольшой испанской шляпе на макушке, на красивой польской лошади исключительной белизны, ехавший под балдахином из красно-бело-зеленого дамаска, который несли шесть сенаторов Аугсбурга, бросая взгляды, в которых мягкость смешивалась с важностью. Карл возбуждал живейший энтузиазм. Все восклицали, что он был самым красивым мужчиной в империи, а также самым могущественным королем в мире».

Его брат, король Австрийский, сопровождал Карла. Фердинанд ехал бок обок с папским легатом, их место было непосредственно позади императора. За ними ехала группа кардиналов, епископов и послов иностранных держав в знаках отличия их звания и должности. Процессия увеличивалась за счет большого количества разных гораздо менее важных персон – пажей, глашатых, конюших, трубачей, барабанщиков и носильщиков – чьи пестрые одежды и кричащие цвета придавали немалую вульгарность великолепной кавалькаде. Императорская охрана и Аугсбургская милиция заключали шествие.

Было девять часов вечера, когда добрались до ворот Аугсбурга. Выстрел пушки на крепостном валу и звон колоколов возвестили жителям Аугсбурга о въезде императора в город. Сумерки летнего вечера несколько скрыли блеск

процессии, но были зажжены факелы, чтобы осветить улицы и дать возможность горожанам увидеть ее великолепие. Происшествие с мостом в Болонье чуть не повторилось и в этот раз. Когда кавалькада приближалась под звуки труб и литавр, шесть каноников, неся большой балдахин, под которым они должны были сопровождать императора в собор, подошли к Карлу. Его лошадь при виде балдахина испугалась, встала на дыбы и чуть не опрокинула всадника на землю. Однако он спасся и во второй раз. В конце концов, он вошел в собор, освещенный тысячью факелами. После Te Deum началось пение молитв, и Карл, отодвинув предложенную ему подушку, встал во время служения на колени на голом полу. Остальные, следуя примеру императора, опустились на колени, кроме двух людей, курфюрста Саксонского и ландграфа Гессенского, оставшихся стоять. Их поведение не ускользнуло от взгляда герцога Георга и прелатов; но они, несомненно, утешали себя мыслью, что постепенно заставят их склониться.

Когда служба в соборе закончилась, процессия двинулась дальше, и потянулась по улицам Аугсбурга. Трубили трубы, звенели колокола. Опять зажгли факелы для освещения ночи. Их свет отражался на шлемах охраны, освещал лица пестрой толпы зевак, осветив фасады домов, оживлял их мрачное величие и превращал улицу, по которой шла процессия в длинную, в живописную и впечатляющую аллею красных огней и черных теней. В такой атмосфере Карла проводили до дворца архиепископа Палантина, в который он вошел около десяти часов.

Это собрание, состоявшее из гордости и силы великой испанской монархии, присутствовало здесь, чтобы быть свидетелями победы римской церкви, как они думали. Папа с императором решили более не допускать религиозного раскола. Карл, как утверждает Паллавичино и Сарпи, приехал в Аугсбург с твердым намерением использовать на сейме всю власть императора, для того чтобы заставить взбунтовавшихся князей вновь подчиниться папскому престолу. Протестанты должны склониться, так решили две власти. Есть глава, которой было предназначено склониться, но именно она в течение десяти веков держалась высокомерно, и, как известно, ни разу не склонилась; это – римская церковь.

Въезд императора в Аугсбург состоялся в канун дня Тела Христова. Было так спланировано, чтобы был предлог для искушения протестантов. В плане имперских и церковных управляющих была одна хитрость, но, если бы она не удалась, они были готовы прибегнуть к оружию. Князья-протестанты были специально приглашены занять места в завтрашней торжественной процессии Тела Христова. Лютеранским вождям было трудно найти предлог, чтобы не пойти. Даже по лютеранским догматам по улицам проносили само тело Христа; конечно, они не могли отказать в проявлении почтения к Спасителю и вежливости к императору. Они не отрицали, что телу Христа не надо поклоняться в св.дарах, но надо вкушать его по вере. Говорили, что легат был очень недоволен

их непослушанием, и даже император немало рассердился. Он не имел к этому никакого отношения, но это было проявлением неуважения, хотя присутствие на богослужение не являлось их обязанностью по отношению к императору.

Следующая атака была направлена против протестантских проповедей. Вокруг проповедников по-прежнему собирались толпы народа. Император был возмущен видом восторженных толп народа, и еще больше был возмущен, когда не более ста человек пришли на процессию днем раньше, где он сам шел с непокрытой головой и зажженной свечой. Ересь, из-за уничтожения которой он пересек Альпы и которая должна быть провозглашена в церквях и перед ним, оказалась больше, чем он мог вынести. Он послал за лютеранскими князьями и приказал им заставить замолчать проповедников. Князья ответили, что они не могут жить без проповеди Евангелия, и что жители Аугсбурга не захотят, чтобы церкви закрылись. Когда Карл настаивал на этом, маркграф Георг горячо ответил: «Прежде чем Слово Божие заберут от меня и заставят отречься от моего Господа, я стану на колени и дам отрубить голову». Сопроводив слова действием, он ударил рукой по шее. «Не надо рубить голову, - сказал Карл, очевидно, тронутый словами чувствами маркграфа – не надо рубить голову». Это были единственные слова по-немецки, которые произнес Карл. После двух дней легкой перебранки с протестантами было решено, – они боялись слишком раздражать императора, чтобы он не запретил чтение Исповедания на сейме – что во время заседаний сената протестантские проповеди будут приостановлены. Карл со своей стороны согласился назначить проповедников, которые не будут в проповедях опровергать ни одно из вероисповеданий, но выберут средний курс между старой и новой верами. В результате этого на следующий день глашатай провозгласил указ по Аугсбургу. Гражданам было любопытно послушать проповедников императора. Те, кто пришли стать свидетелями обещанного искусства проповеди, ни папской и ни протестантской, были немало удивлены выступлением этого нового сорта проповедников. «Эти проповеди – говорили они – были чисты, как от теологии, так и от здравого смысла».

Наконец, наступило 20 июня. В этот день сейм должен был открыться грандиозной процессией и торжественной мессой. Это дало еще один повод повторить попытку проверить веру протестантов, или, как называют паписты, сломить упрямство протестантов. Император в тот день должен был пойти к мессе в полном параде. Правом или обязанностью курфюрста Саксонского, как главного маршала империи, было нести шпагу Карла на всех государственных церемониях. «Пусть ваше величество – сказал Кампеджио – прикажет курфюрсту выполнить свой долг». Если Иоганн подчинится, то пойдет на компромисс с убеждениями, присутствуя на мессе; если откажется, то подвергнется оскорблению достоинства, так как император передаст это право другому. Престарелый курфюрст был в трудном положении.

Он призвал богословов, которые были в то время в Аугсбурге, чтобы попросить у них совета. «Согласно положению главного маршала, - сказали они – а не положению протестанта, вы должны нести шпагу перед его величеством. Вы принимаете участие в церемонии империи, а не в религиозной церемонии. Вы можете подчиниться с чистой совестью». Они подкрепили свое мнение, приведя в пример Немана, премьер-министра царя Дамасского, который хотя и был учеником Елисея, сопровождал своего господина, когда тот ходил на поклонение в храм Ваала.

Богословы-цвинглиане не были согласны с мнением, высказанным их братьями-лютеранами. Они привели в пример первых христиан, которые предпочли принять мученическую смерть, чем бросить несколько кусочков ладана на алтарь. Они говорили, что любой человек может присутствовать на обряде другой веры, как на светской церемонии, когда страх потери или надежда на выгоду заставляют провести эту опасную грань. Совет богословов-лютеран повлиял на курфюрста, и он принял участие в церемонии, но оставался стоять когда возносили св.дары перед алтарем.

Во время мессы Винченцо Помпинелло, архиепископ Розаны и папский нунций, перед приношением даров произнес речь на латыни. Три римских историка, Паллавичино, Сарпи и Полано, передали нам сущность этой проповеди. Начиная с турок, «архиепископ упрекал Германию за то, что она совершала грубые ошибки, находясь рядом с варварами. Великие вожди древнего Рима не были подвержены этому трусливому духу и никогда не упускали возможность наказать врагов Республики». В этой части речи как будто охваченный восхищением перед турками, нунций отправился в плавание по новому галсу, и начал превозносить мусульман выше немцев: «Недостаток Германии заключается в том, - сказал он - что турки подчиняются одному властителю, а в Германии многие вообще никому не подчиняются; турки исповедуют одну религию, а в Германии каждый день изобретают новую религию и насмехаются над старой, как-будто она заплесневела. Желая изменить веру, они не нашли более святой и мудрой веры. Он убеждал их, что «подражая Шипио, Като, римлянам и их предкам, они должны исповедовать католицизм, оставить новшества и предаться войне».

Его красноречие достигло апогея, когда он начал говорить о «новой религии», которую немцы изобрели. «Почему – воскликнул он – сенат и римляне, будучи язычниками и верующими в других богов, всегда мстили оскорблявшим их обряды огнем и мечом; а вы, немцы, будучи христианами и верующими в истинного и всемогущего Бога, пренебрегаете традициями святой матери-церкви, оставляя безнаказанными дерзость и неслыханное нечестие врагов. Почему вы раздираете на куски хитон Спасителя? Почему вы оставляете учение Христа, установленное св.отцами и подтвержденное Святым Духом, ради дьявольского

заблуждения, ведущего к шутовству и непотребству? Но жало этой проповеди было в ее хвосте. «Наточи свой меч, о, благородный владыка, - сказал он, обращаясь к императору – и порази противников. В Германии никогда не будет мира, пока эта ересь не будет вырвана с корнем». Воспаряя еще выше, он просил апостолов Петра и Павла оказать им всемерную помощь в критической ситуации церкви.

Рвение папского нунция, как и следовало ожидать, достигло белого каления. Однако немецкие князья были более холодны. Победа с помощью меча, которую предлагал им оратор, не вполне соответствовала их представлениям, особенно, если учесть, что участие архиепископа в предприятии будет небольшим - красноречие при подготовке крестового похода; на их же долю выпадет тяжелый труд по обеспечению его оружием и деньгами.

Глава 22 - Лютер в Кобурге и Меланхтон на сейме.

Император открывает сейм. – Пышность собрания – Надежды его участников – Речь императора – Картина Европы, данная им – Турки – Опустошение – Меры – Карл призывает к исполнению Вормского эдикта. – Лютер в Кобурге – Его труды – Перевод пророков и др.- Здоровье – Искушение – Как он отстаивает веру. – Меланхтон в Аугсбурге – Компромисс – Упреки и предостережения Лютера

Из собора вельможи перешли в городскую ратушу, где должны были проходить заседания сейма. Император занял место на троне, покрытом золотой парчой. Перед ним сидел его брат Фердинанд, король Австрийский. По обе стороны от него сидели курфюрсты империи. Вокруг и во всех частях зала расположились остальные участники благородного собрания, включая сорок два князя, представителей городов, епископов, послов – короче, весь цвет не только Германии, но и всего христианского мира. Это ассамблея – представленная такой властью, чинами и великолепием – собралась здесь, чтобы обдумать, наметить планы и провозгласить победу, в чем они были твердо убеждены. Однако они ошибались. Им пришлось проводить исследование за исследованием, испытать разочарование и крушение надежд и, наконец, понять, что дело, которое они пытались заковать в цепи и потащить на костер, вырывается из рук, поднимается вверх и начинает наполнять мир своим сиянием.

Император поднялся и открыл сейм речью. Мы переходим с облегчением от горячего обращения фанатичного нунция к спокойным словам Карла. К счастью Слейдан записал речь императора довольно подробно. Она затрагивает печальную картину христианского мира того времени. Она показывает нам Запад, стонавший под двойным гнетом духовенства и деспотизма, готовым стать жертвой турок; цивилизация и свобода мира были не грани покорения варварской армией Востока. Она также показывает, что ужасная катастрофа обрушилась бы на мир, если бы то самое христианство, которое император слепо стремился уничтожить, не пришло бы в критический момент, чтобы вновь зажечь потухший огонь патриотизма и мужества. Если бы Карлу удалось расправиться с протестантизмом, после него пришли бы турки и собрали бы трофеи. Столицу империи перевели бы в Константинополь, и главной религией, в конечном счете, стало бы не христианство, а магометанство.

Вместо императора, который не говорил по-немецки, его речь читал пфальцграф. «Жертвуя личными правами и интересами ради общего блага, - говорил Карл – я оставил цветущее королевство Испании, с опасностью для жизни пересек море, приплыл в Италию, и, заключив союз с врагами, приехал в Германию. «Не только в Германии – продолжал император – были мятежи и религиозные расколы; но также турки захватили Венгрию и соседние страны, предав все огню и мечу; Белград и несколько других замков и крепостей были потеряны. Король Людвиг и некоторые другие вельможи отправили послов в

империю с просьбой о помощи… Враг, захватив Родос, оплот христианства в тех краях, двинулся дальше на Венгрию, победил в бою короля Людвига, взял, разорил и сжег все города и деревни между реками Сава и Дрина, убив много тысяч людей. После этого они вторглись в Словению, разграбив, предав огню и мечу, опустошив всю страну, они увели в рабство тридцать тысяч жителей, убивая тех несчастных, которые не успевали за повозками. Годом раньше они с огромной армией вторглись в Австрию, осадили Вену, ее главный город, разорили всю страну, даже до Линца, действуя со всей жестокостью и варварством… Хотя враг не смог взять Вену, страна понесла огромный урон, который долго не могли возместить. И хотя турецкая армия ушла, на границах остались гарнизоны и командиры, чтобы опустошать не только Венгрию, но Австрию, Штирию, и соседние районы. Так как турецкая территория сейчас граничила во многих местах с нашей территорией, было несомненно, что при первой возможности они вернутся с еще большей силой, и осуществят планы полного разорения в основном в Германии. Хорошо известно, сколько областей они отняли у нас, с тех пор как воцарились в Константинополе, сколько пролили христианской крови, и в какую нужду они ввергли эту часть мира, поэтому о ней нужно было сокрушаться и скорбеть, а не вести беседы. Если бы их ярости не противостали высшие силы, нельзя было бы ожидать безопасной жизни в дальнейшем, но потеряв одну провинцию за другой, эта часть мира оказалась бы в их власти. В планах этого жестокого врага было сделать рабами, и даже стереть с лица земли всех христиан».

Император, нарисовав такую картину турок, которые с каждым годом бросали все более длинную тень на христианский мир, посоветовал слушателям уничтожить тот дух, который лишь один мог справиться с этим врагом, приказав исполнить Вормский эдикт.

Пока сейм занимается своим делом, давайте вернемся к Лютеру, которого мы оставили, как помнят наши читатели, в замке Кобург. Один в уединенной комнате он представлял более грандиозное зрелище, если правильно взглянуть на это, чем величественное собрание, которое мы рассматривали. Он являлся воплощением той великой силы, ради которой Карл собрал князей, и против которой собирался направить свою армию. Но перед ней ему суждено было пасть, а с ним и могущественной империи, над которой он гордо простирал свой скипетр, и которую девять лет назад на сейме в Вормсе открыто поставил под удар.

Лютер опять был наедине со своими мыслями и книгами. После Виттенберга со своей напряженной работой, каким освежающим и чудесным было уединение Кобурта. Весь день был в его распоряжении с утра до вечера, за исключением некоторых перерывов. Реформатор нуждался в отдыхе, все вокруг приглашало его к отдыху: уходившие вдаль равнины, тишина лесов, журчанье ручьев, птичье пение; но Лютер не умел отдыхать. Как только труба кавалерии курфюрста,

отправившейся в Аугсбург, стихла вдали, он написал в Виттенберг, чтобы ему прислали книги. Они прибыли в конце апреля, и он немедленно приступил к работе. Он вернулся к переводу пророка Иеремии и завершил его до конца июня. Затем он вернулся к Малым Пророкам и полностью закончил перевод, кроме Аггея и Малахии, к середине августа. Он написал комментарии к нескольким псалмам (2, 113 и 117), рассуждение о необходимости школ для детей и различные трактаты, один о чистилище, другой о власти «ключей» и третий о заступничестве святых. Неустанно трудясь, он ковал стрелу за стрелой, и посылал их во врагов из своего убежища.

Но слишком активный дух утомил тело. Лютер страдал головокружениями. Казалось, что равнины, вместе с лесами и лугами вращаются вокруг замка Кобург; в ушах был постоянный шум; временами казалось, что как-будто раскаты грома отдаются в голове. Тогда волей неволей он откладывал перо. Потом опять брал его, давал советы Филиппу исходя из своего горького опыта, и просил его «заботиться о своем драгоценном маленьком теле и не убиваться». «Богу – писал он – служат покоем, ничем более, чем покоем, поэтому Он пожелал, чтобы строго соблюдали Шаббат». О том же говорили прекрасные строки Милтона:

«Ведь Бог не просит

Ни дара, ни труда. Им тот презрен,

Кто крест покорно свой нести сочел работой.

Но неустанную Ему хвалу возносит

И пахарь, что не ведает истомы, и тот, чей на море о волны бьется челн –

Ему, что зиждется в незыблемых высотах».

Но за этим последовали еще худшие симптомы. При расшатанной нервной системе воображение становилось реальностью. Воображение одевало страхи в осязаемые формы, и они представали перед ним в качестве видимых существ. Его старый враг явился как черная ночь в замок Кобург. Но реформатора не победить, даже если князь тьмы призовет на него весь ад. Он написал тексты Писания на стенах жилища, на двери, на кровати – «Спокойно ложусь я и сплю, ибо Ты, Господи, один даешь мне жить в безопасности». Внутри этой «крепости» он мог противостать Князю Испании и Князю, господствующему в воздухе.

Лютер уделял молитве три часа ежедневно, к этому он добавлял усердное изучение Писания. У этих источников его душа освежалась, и оттуда он брал силы. Молитва ходатайства, возносимая в Кобурге, возвращалась к его друзьям в Аугсбурге, давая им мудрость и мужество, чтобы они могли вести борьбу с многочисленными сильными противниками. В течение нескольких дней Лютер не получал никаких сообщений о сейме. Почта регулярно приходила из

Аугсбурга. «Вы принесли мне письма?» - с нетерпением спрашивал Лютер. «Нет», следовал ответ так часто, что весьма испытывало его терпение и нрав. Временами он поддавался страху, не за себя; жизнь была в его руках, он всегда был готов отдать ее за истину; он беспокоился о своих друзьях в минуты отдыха, чтобы какая-нибудь беда не случилась бы с ними. Вернувшись в кабинет, он снова поднимал вопль к небесному престолу. И сразу же тучи меланхолии проходили, и свет грядущей победы сиял в его душе. Он подходил к окну и смотрел на ночное небо. Огромный небосвод, усеянный сверкающими звездами, становился для него знамением, укреплявшим веру. «Как величественно! Как возвышенно! – восклицал он. «Где могучие колонны, поддерживающие этот огромный купол? Я нигде не вижу их. Однако небеса не падают». Так, небосвод, поддерживаемый Рукой невидимой для него, проповедовал ему мир и пророчествовал победу. Он говорил ему: Лютер, почему ты беспокоишься? Будь спокоен. Он понимал, что вокруг него свершается такая же важная работа, как и небесная система. Но почему он должен брать эту работу на себя, как будто она была его, и он должен был отвечать, устоит она или упадет? Также, если бы он брал на свои плечи небосвод. Небеса не падали, хотя он не удерживал колонны, и эта работа будет продолжаться, будет ли он жить или умрет. Он видел, как Папа, император и князь ада борются против нее со всей своей силой; тем не менее, она продвигалась. Не он ее совершал, не Меланхтон, не курфюрст Иоганн; такие слабые силы не могли дать таких огромных результатов. Всемогущая рука, невидимая ему, направляла это движение; если была эта рука, нужна ли его слабая рука? Если она отнимется, удержит ли рука Лютера? В этой руке, руке Бога-человека, Того, Кто сотворил и держит весь мир, будет это дело. И если оно упадет, то не из-за Лютера, а по воле Владыки Неба и земли; он лучше упадет с Христом, чем будет стоять с Карлом. Такие мужественные мысли возникали в уме Лютера. Так он укреплялся в вере, а укрепляясь сам, укреплял братьев.

Советы и ободрения Лютера были не бесполезны для Аугсбурга. Меланхтон, по характеру застенчивый, с умом скорее проницательным, чем дерзким, с душой, склонной скорее рассуждать о красоте истины, чем радоваться шквалам и бурям оппозиции, и все время сгибаясь от мрачных предчувствий, согнулся в то время почти до земли. Фактически, он пытался удержать небо. Вместо того, чтобы отдать дело в руки Того, Кому оно принадлежало, как сделал Лютер, он взвалил его себе на плечи, и чувствовал, как его вес раздавливает его. Поэтому его переполняли всякие мысли, уловки и затеи. Каждый день у него было новое объяснение, какой-нибудь благовидный предлог или какой-нибудь сомнительный компромисс, который, как он думал, приобретет католиков. Он продолжал постоянно бегать, запираясь то с одним епископом, то с другим, то бегая за легатом, то за императором. У Меланхтона никогда не было твердых и ясных убеждений, как у Лютера, что существовали две диаметрально расположенные церкви и веры в деле, которым он занимался, и он только тратил

время и рисковал репутацией, что было очевидной истиной в попытке примирить эти две церкви. Его действия не принесли плодов, кроме ужасного беспокойства, которое они ему причиняли, и горького разочарования, которое принесла ему неудача этих попыток впоследствии. «Я пребываю в бесконечных слезах», писал он Лютеру. В ответе Лютер сразу указал с удивительной преданностью и умением на болезнь и средство для ее исцеления. Средство это заключалось в одном слове – Вера.

«Милость и мир в Иисусе Христе! Я говорю: в Христе, а не в мире. Я ненавижу лютой ненавистью те чрезмерные заботы, которые поглощают тебя. Если дело неправое, оставь его; если оно правое, почему мы должны искажать обетования Того, Кто повелевает нам спать без страха? Разве дьявол может сделать больше, нежели убить нас? У Христа не будет недостатка в делах справедливости и истины. Он – жив; Он царствует; чего нам бояться? Бог силен вознести дело, если его низвергли, заставить его двигаться, если оно пребывает без движения, и если мы недостойны его, Он сделает его через других.

Я получил твою Апологию, но не могу понять, что ты имеешь в виду, когда говоришь, что мы должны уступить папистам. Мы уже во многом уступили. День и ночь я думаю над этим вопросом, прокручивая его снова и снова, внимательно изучая Писание, и убеждение в истине нашего учения становится все глубже с каждым днем. С помощью Божьей я не позволю, чтобы мы лишились хоть одной буквы.

Исход этого дела мучает тебя, потому что ты не понимаешь его. Но если бы ты понял, я бы, ни в коей мере, не участвовал в нем. Бог поставил его на «обычное место», которого не найти ни в твоей риторике, ни в твоей философии. Это место называется Верой. Ибо там существует все, чего нельзя понять или увидеть. Кто хочет дотронуться до этого, как ты, получит в награду лишь слезы.

Если Христос не с нами, то где Он во вселенной? Если мы – не церковь, где, умоляю, церковь? Церковь - это герцог Баварский, это Фердинанд, это Папа, это турки? Если у нас нет Слова Божьего, у кого оно есть? Только у нас должна быть вера, чтобы дело веры не было без веры.

Если мы падаем, падает вместе с нами Христос, иначе сказать Владыка мира. Я лучше упаду с Христом, нежели буду стоять с Цезарем».

Глава 23 - Чтение Аугсбургского исповедания.

Сначала религиозный вопрос – Аугсбурское исповедани. – Подписано князьями. – Миряне – Князья требуют чтения исповедования на сейме. – Отказ – Требование возобновляется. - Удовлетворено – Князья появляются перед императором и сеймом. – Один становится тысячью. – Недовольство Карла – Исповедание читается по-немецки. – Его артикулы – Троица – Первородный грех – Христос – Оправдание – Служение – Добрые дела – Церковь – Вечеря Господня и др. – Месса и др. – Впечатление от чтения исповедания – Победа Лютера

Сейм собрался по двум причинам – во-первых, защита христианства от турок, во-вторых и основных, решение религиозного вопроса. Сначала было решено рассмотреть вопрос относительно религии.

Чтобы принять разумное решение по этому вопросу, было объективно и важно для сейма выслушать изложение учения, которого придерживались протестанты. Без этого как сейм мог что-нибудь одобрить, или осудить? Такой манифест, основанный на «Торганских артикулах» был составлен Меланхтоном, одобрен Лютером и был готов к прочтению на сейме при условии, что император даст согласие на его открытое прочтение.

Утром 23 июня протестанты встретились в апартаментах курфюрста Саксонского, чтобы приложить подписи к этому важному документу. Он был впервые прочитан по-немецки. Курфюрст Иоганн взял перо и собирался поставить свою подпись, когда вмешался Меланхтон. «Служители Слова, а не правители государства – сказал он – должны участвовать в этом деле. Это – голос церкви». «Бог запрещает – ответил курфюрст – вам отказать мне в исповедании моего Господа. Шляпа курфюрста и мантия из горностая не так дороги мне, как крест Иисуса Христа». После этого Меланхтон позволил ему продолжать, и Иоганн, герцог Саксонский, был первым, чья подпись появилась на этом документе.

После того, как подписался курфюрст Саксонский, Георг, маркграф Бранденбургский, и Эрнест, герцог Люнебургский, поставили свои подписи, и потом передали перо Филиппу Гессенскому. Ландграф поставил свою подпись, заметив, что он не согласен с тезисом о Вечере Господней. Он имел ту же точку зрения, что и Цвингли. Затем подошел Иоганн Фридрих, сын курфюрста Саксонского, и Франциск, герцог Люнебургский. Вольфган, князь Ангальтский подошел последним. «Я лучше отрекусь от своих подданных и моего княжества, - сказал он, взяв перо – я лучше покину страну моих отцов, чем приму другое учение, кроме изложенного в этом Исповедании». Верность князей воодушевила богословов.

Из городов только два подписали Исповедание – Нюрнберг и Ройтлинген. Тех, кого мы упомянули, первыми подписали его. После этого документ подписали и

другие: князья, клирики и города спешили поставить на нем свои подписи. Можно подумать, что первенство должно быть отдано пасторам. Но единственными именами на документе в тот момент, когда его принесли на сейм, были имена семи князей и двух городов, только подписи мирян. Была достигнута огромная цель; сделалась известной истина, абсолютно утерянная из вида, и намеренно похороненная. Был провозглашен забытый факт, что миряне являются частью церкви. Рим строго определил священство в церкви. Она не была вселенской системой, она была кастой, партией, стоявшей между Богом и мирянами, чтобы урегулировать между ними все дела. Но когда церковь пробуждается в такое эпохальное время, она воспринимается не как увечная система, как какой-то осколок; она восстает, как совершенное целостное общество.

Все протестанты требовали, чтобы их Исповедание было открыто зачитано на сейме. Это было для них жизненно важно. Они зажгли огонь не для того, чтобы поставить его под сосуд, но чтобы поставить его на видное место, посреди даже княжеств, иерархов и властей христианского мира, собравшихся в Аугсбурге. Однако для этого ставились препятствия, и это следовало предвидеть.

Исповедание было подписано 23 июня; оно должно быть предъявлено 24 июня. В тот день сейм собрался в три часа пополудни. Протестантские князья вошли и потребовали разрешения прочитать Исповедание. Поднялся легат Кампаджио и начал говорить. Он нарисовал лодку Петра, плывущую по бурному морю, огромные волны бьются об нее, готовые в любой момент поглотить ее; но его утешало то, что рядом была сильная рука, способная укротить могучие волны и спасти подвергшуюся опасности лодку. Сильной рукой, на которую он ссылался, была рука императора. Он продолжал в том же риторическом стиле. Легат говорил очень быстро. Затем вышли представители из Австрии, которые долго и скорбно перечисляли все бедствия, причиненные им турками. Все это было спланировано заранее.

Наконец, это закончилось. Протестантские князья поднялись снова и настоятельно попросили прочитать свой документ. «Сейчас уже поздно», ответил император. «Но нас публично обвинили, - настаивали князья – нам должны разрешить публично оправдаться». «Тогда, – сказал император, чувствуя, что было бы неплохо сделать вид, что он уступает, – завтра в часовне Пфальца». В часовне Пфальца обычно не проходило заседание сейма, это было помещение императорского дворца, вмещавшее не более двухсот человек. Было очевидно, что император хотел видеть избранных.

Наступило завтра, 25 июня 1530 года. Задолго до начала заседания сейма толпа осадила двери Пфальцской часовни. В три часа император взошел на трон. Вокруг него собрались все, кого его огромная империя наделила королевской властью, княжеским достоинством, дворянским званием, блистательным титулом

и величественностью. Один из правителей отсутствовал, одно место в этой блистательной ассамблее оставалось незанятым. Кампаджио не явился, и его отсутствие ускорило постановление, принятое консисторией кардиналов Рима, не одобрявшее обсуждение религиозных вопросов на сейме, считая, что обсуждение этого вопроса принадлежит исключительно Папе. Настал важный момент. У подножья императорского трона встали протестантские князья, чтобы представить Исповедание – Иоганн Саксонский, его сын Иоганн Фридрих, Филипп Гессенский, Георг Бранденбугский, Вольфган Ангальтский, Эрнест и Франциск Люнебургские и два представителя Нюрнберга и Ройтлингена. Все взоры устремились на них. «Вдохновение было во всей их внешности, - пишет Скалтет – их лица сияли радостью». В этот момент картина девятилетней давности предстала в уме императора. Тогда, как и сейчас, он сидел на троне в окружении князей, лишь один монах стоял перед ним и исповедовал свою веру. Удивительная сцена повторялась. Монах снова стоял, чтобы исповедать свою веру, но не лично, а в лице союзных князей и городов, вдохновленных им и исполненных его силой. Это была большая победа, чем мог когда-нибудь император одержать, и таких побед у монаха было немало после Вормса. Карл, правитель двух полушарий, не мог не осознавать, что этот монах был более высшим правителем, чем он сам. Разве не против этого человека и его дела он издал запрет? Разве он не надеялся на то, что давно уже оба исчезнут с его глаз, раздавленные его весом? Разве он не собирал сейм за сеймом, чтобы нанести этому делу сокрушительный удар? Как тогда случилось, что каждый сейм способствовал его новой победе? Откуда тогда это дело брало таинственную и чудесную жизненную силу, которая возрасла после ее подавления? Он злился, когда видел этого «Мордехая», сидевшим у ворот его власти и отказывавшимся ему подчиняться; не мог он избавиться в своих мыслях от пророчества, «которые мудрецы его и Зерешь, жена его» сказали этому высокомерному государственному человеку прошлого времени: «Если ты начал падать перед ним, то не пересилишь его, а, наверное, падешь перед ним».

Поднялись два советника курфюрста, Брук и Байер, держа в руках один немецкий, другой латинский вариант «Главных тезисов веры». «Прочитайте латинский вариант», предложил император. «Нет, - с уважением ответил курфюрст Саксонский – мы – немцы и на немецкой земле, мы хотим говорить по-немецки». Байер начал читать, и читал так отчетливо и громко, что каждое слово было слышно огромной толпе слушателей, стоявших в вестибюле перед залом.

«Непобедимый император Цезарь Август, милостивейший господин, - говорил советник – мы здесь собрались по приказанию Вашего Величества, готовые обсудить дела религии, для того чтобы придя к одной истинной вере, могли бороться в Одном Христе, образовать одну христианскую церковь, и жить в союзе и согласии». В качестве вклада в эту огромную работу по примирению протестанты продолжали говорить устами Байера, что они приготовили и

принесли на сейм краткое изложение учения, которого они придерживаются на основании Священного Писания, и которое прежде исповедовалось в их стране и изучалось в их церкви. Но, если, к сожалению, примирение и согласие не будут достигнуты на сейме, они готовы объяснить свое учение на «свободном вселенском соборе».

Чтение Исповедания сопровождалось глубоким молчанием.

Артикул I: О Боге

1. Наши церкви в полном согласии учат, что решение Никейского собора относительно единства Божественной Сущности, а также относительно Трех Ипостасей истинно и достойно веры безо всяких сомнений.

2. Это означает, что существует одна Божественная Сущность, Которая называется и является Богом — вечным, бестелесным, неразделимым, обладающим бесконечной силой, мудростью и благостью, Творцом и Вседержителем [Содержателем всего сущего] видимого и невидимого.

3. И тем не менее существуют три Ипостаси, которые единосущны, равны по силе, и одинаково извечны: Отец, Сын и Святой Дух.

Артикул II: О первородном грехе

1. Далее наши церкви учат, что с момента грехопадения Адама все люди, зачатые естественным образом, рождены во грехе, то есть они похотливы, не имеют страха Божьего и упования на Бога.

2. И что эта болезнь, или этот первородный порок, является истинным грехом, даже и поныне осуждающим и несущим вечную смерть тем, кто не рожден свыше посредством Крещения и Святого Духа.

3. Они [наши церкви] осуждают сторонников пелагианства и других, кто отрицает, что первородная развращенность является грехом, и кто, для затуманивания славы добродетели Христовой и Его благословений, утверждает, что человек может оправдаться собственными силами и по собственному разумению.

Артикул III: О Сыне Божьем

1. Также наши церкви учат, что Слово, то есть Сын Божий, вочеловечился во чреве блаженной Девы Марии,

2. так что существуют две сущности — божественная и человеческая, неразделимо соединенные в единой Ипостаси, в одном Христе, истинном Боге и истинном Человеке, рожденном от Девы Марии, воистину пострадавшем, умершем и погребенном,

3. чтобы умилостивить Отца к нам, и быть жертвой, принесенной не только за первородный грех, но также и за фактические грехи всех людей.

4. Он также сошел в преисподнюю и воистину воскрес в третий день. После этого Он вознесся на Небеса и сидит одесную Отца, царствует во веки, владычествует над всеми тварями и освящает тех, кто верует в Него,

5. посылая Святого Духа в их сердца, чтобы управлять, утешать, животворить их и защищать их от дьявола и власти греха.

6. Этот же Христос снова придет явно, дабы судить живых и мертвых, и т.д., согласно Апостольскому Символу Веры.

Артикул IV: Об оправдании

1. Далее наши церкви учат, что люди не могут оправдаться пред Богом собственными силами, заслугами или делами, но они оправдываются даром ради Христа, верой,

2. когда они веруют, что принимаются с благосклонностью, и что их грехи прощены ради Христа, Который Своей смертью искупил наши грехи.

3. Эту веру Бог вменяет нам в праведность перед Ним (о чем сказано в Рим.3 и 4).

Артикул V: О служении

1. Для того чтобы мы могли обрести эту веру, было учреждено служение учения Евангелия и отправления Таинств.

2. Ибо Слово и Таинства являются орудиями, посредством которых дается Святой Дух, Который порождает веру там и тогда, где и когда это угодно Богу, в тех, кто слышит Евангелие,

3. то есть, что Бог не за наши собственные заслуги, но ради Христа оправдывает тех, кто верует, что они приняты в благодать ради Христа.

4. Наши церкви осуждают анабаптистов [перекрещенцев] и других, которые полагают, что Святой Дух приходит к людям без внешнего Слова, благодаря их собственным приготовлениям и делам.

Артикул VI: О новом послушании

1. Также они учат, что эта вера должна приносить добрые плоды, и что совершать добрые дела, заповеданные Богом, необходимо, ибо такова воля Божья, однако мы не должны полагаться на эти дела, думая, что ими можно заслужить оправдание перед Богом.

2. Потому что отпущение грехов и оправдание постигается верой, о чем свидетельствует также и изречение Христа: “Так и вы, когда исполните все повеленное вам, говорите: ‘мы рабы ничего нестоющие’” (Лук.17:10).

3. Об этом же учат и отцы церкви. Ибо Св.Амвросий говорит: “Богом заповедано, что верующий во Христа спасен, что он даром принимает отпущение грехов, без [добрых] дел, только лишь по вере”.

Артикул VII: О Церкви

1. Далее они учат, что единая Святая Церковь пребывает и должна пребывать во веки вечные. Церковь — это собрание святых, в котором верно преподается Евангелие и правильно отправляются Таинства.

2. И для истинного единства Церкви достаточно согласия относительно учения о Евангелии и отправлении Таинств.

3. Нет нужды в том, чтобы человеческие традиции, то есть обряды или церемонии, учрежденные людьми, были везде одинаковыми.

4. Как говорит Св. Павел: “...Одна вера, одно крещение, один Бог и Отец всех...” (Ефес.4:5,6).

Артикул VIII: Что такое Церковь

1. Хотя Церковь, по существу, является собранием святых и истинно верующих, тем не менее, поскольку в этой жизни [с истинно верующими] перемешаны многие лицемеры и порочные люди, допустимо [законно и действенно] принимать Таинства, отправляемые порочным человеком, согласно словам Христа: “На Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи...” (Мат.23:2).

2. Как Таинства, так и Слово действенны по той причине, что они учреждены и заповеданы Христом, даже если они преподаются [отправляются] неблагочестивыми людьми.

3. Наши церкви осуждают донатистов и им подобных, которые отрицают допустимость [законность] принятия служения неблагочестивых людей в церкви и которые полагают, что [священническое] служение порочных людей бесполезно и недейственно.

Артикул IX: О Святом Крещении

1. О Святом Крещении наши церкви учат, что оно необходимо для спасения,

2. что через Крещение даруется благодать Божья, и что младенцы должны быть крещены, так как они, будучи посвящены [вознесены к] Богу посредством Крещения, принимаются в благодать Божью.

3. Они осуждают анабаптистов, которые отвергают Крещение младенцев и утверждают, что дети спасены и без Крещения.

Артикул X: О Святом Причастии

1. О Святом Причастии (Вечере Господней) наши церкви учат, что Тело и Кровь Христовы воистину присутствуют и раздаются тем, кто причащается [вкушает Вечерю Господню].

2. И они осуждают тех, кто учит иначе.

Артикул XI: Об исповеди

1. Об исповеди они учат, что личное отпущение [разрешение] грехов следует сохранить в церквях, хотя перечисление всех грехов на исповеди не является обязательным.

2. Ибо это невозможно, согласно Псалму: “Кто усмотрит погрешности свои?” (Пс.18:13).

Артикул XII: О покаянии

1. О покаянии наши церкви учат, что те, кто впал во грех после Крещения, получают прощение грехов всякий раз, когда они [вновь] обращаются в веру [каются],

2. и что Церковь должна давать отпущение грехов тем, кто таким образом возвращается к покаянию.

3. Итак, покаяние, по существу, состоит из двух частей:

4. первая часть — это сокрушение, то есть состояние ужаса, охватывающее совесть из-за осознания грехов;

5. вторая часть — это вера, которая зарождается от Благовестия, или от отпущения грехов, и которая верует, что ради Христа грехи прощены, вера, которая утешает совесть и избавляет ее от мук и терзаний.

6. Затем должны последовать добрые дела, которые являются плодами покаяния.

7. Они [наши церкви] осуждают анабаптистов, отрицающих, что однажды оправданные могут утратить Святого Духа.

8. А также тех, кто утверждает, что некоторые люди способны достичь такого совершенства в этой жизни, что могут не согрешать.

9. Также осуждаются новатиане, которые не прощают отпавших от веры после Крещения, несмотря на то что они вновь раскаиваются в своих грехах.

10. Наши церкви отвергают также тех, кто не учит, что разрешение грехов приходит по вере, но заповедуют нам заслуживать [зарабатывать себе] благодать, искупая грехи собственными силами.

Артикул XIII: Об употреблении Таинств

1. Об употреблении Таинств наши церкви учат, что Таинства заповеданы не только для того, чтобы служить отличительными признаками веры среди людей, но, скорее — чтобы быть признаками и свидетельствами воли Божьей по отношению к нам, учрежденными для пробуждения и утверждения веры в тех, кто употребляет их [Таинства].

2. Поэтому мы должны употреблять Таинства с верой, чтобы веровать в обетования, предоставляемые и учреждаемые Таинствами.

3. Поэтому наши церкви осуждают тех, кто учит, что Таинства, как внешние, формальные деяния, дают оправдание ex opere operato, и не учит, что при употреблении Таинств требуется вера в то, что грехи прощены.

Артикулы, следовавшие за этими, были посвящены традициям и обрядам церкви, гражданскому управлению, Последнему Суду, свободной воле и добрым делам. По поводу последних, составители Исповедания проводили четкую грань между возможностью человека делать «добро или зло» в сфере естественного и гражданского правосудия и в сфере святости. Человек может делать многое, говорили они. Он может любить своих детей, ближних, страну; он может освоить ремесло, работать по профессии или руководить государством; он может благословлять общество своими добродетелями и талантами, или причинять ему боль своими пороками и преступлениями. Но эти деяния праведны только перед лицом Бога, которые появляются по милости, данной Святым Духом, и которые направлены к конечной цели на небесах. Любить Бога, любить и трудиться для человека ради Бога, - это способность не принадлежит падшему человеку, учили они, она должна быть дана свыше; как сказано у Амвросия: «Вера – мать всех желаний и святых деяний», слова звучащие эхом слов Великого Учителя: «Без меня не можете делать ничего».

В заключение протестанты вернулись в своем Исповедании к кардинальной доктрине, спасению по благодати. Они особенно критиковали мессу, на которой римская церковь строила спасение мира, делая священника, а не Христа, спасителем человека; искупительную жертву в алтаре, а не на кресте; таким образом, заставляя людей приходить за прощением к ней, а не к Богу, торгуя небесами, заменяя поклонение шарлатанством, церковь рынком. «Если церковь забирает грехи живых и умерших ex opere operato, тогда оправдание зависит от простого обряда», и Христос умер напрасно. По Библии они не знали другой жертвы за грех, кроме той, которая была принесена Христом однажды на Голгофе, вечной, не нуждающейся в повторении, так как ее действие охватывает

все народы земли, а также вечность. Им не было поставлено условий для пользования этими достоинствами, кроме тех, которые были поставлены Тем, чьими они были. Достоинства не давались им, как плата за работу, они не были эквивалентны золоту; они давались на тех же условиях, на которых Евангелие предлагало их – «даром». Итак, они трудились, чтобы отменить мессу со всей системой спасения делами, для которых она была важным символом, и восстановить крест.

Мы говорили, что по Четвертому Артикулу, касавшемуся оправдания, антитезис не был точно определен. В Исповедании не говорилось, что «мы осуждаем папистов, которые придерживаются учения противоположного оправданию по вере. Это опущение произошло не от недостатка мужества, так как в остальном мы видим, что заблуждения римской церкви смело атаковывались. Как мы видим, мессу не пощадили; но протестанты не выделяли одну мессу. Вряд ли какое-нибудь злоупотребление или заблуждение было упущено в обзоре, или отложено с клеймом неприятия. Всем был вынесен приговор: «Нет ни в Писании, ни у св.отцов». Отпущение грехов священниками, различие в еде, монашеские обеты, пагубное смешение церковной и гражданской власти, вредное для личности служителей Слова Божьего, и урожайное на войны и кровопролитие в мире, были осуждены по многим причинам. И прежде всего за то, что они делали непонятным учение о благодати и праведности по вере, что является основным тезисом, высшей славой Евангелия».

Исповедание с заметной смелостью, когда мы думаем, что оно было прочитано в собрании, где было много епископов, осудило одну из основных ошибок средних веков – смешение церкви и государства, вещей духовных и мирских, что привело к коррупции в церкви, и навлекло много бедствий на мир. Оно объясняло с большой ясностью и довольно долго, что церковь и государство являются двумя разными системами, и, хотя взаимосвязанными, но имеющими собственные границы, собственные права и обязанности, что благополучие обоих требует сохранение независимости каждого.

«Многие – продолжал Байер – неумело смешивали епископальную и светскую власть; и в результате этого смешения происходили войны, восстания, бунты. По этой причине и для того, чтобы переубедить общественное сознание, мы чувствуем себя обязанными установить разницу, которая существует между властью церкви и властью меча.

Поэтому мы учим, что сила ключей или епископов соответствует Слову Господа, заповеди, данной Богом, проповедовать Евангелие, отпускать или не отпускать грехи и отправлять таинства. Эта власть имеет отношение только к вечным вещам, принадлежит только служителю Слова Божьего и не беспокоится о политическом управлении. Политическое управление занимается всем, кроме Евангелия. Магистрат защищает не души, а тела и плотское имущество. Он

защищает их от атак извне, и, применяя меч и наказание, заставляет людей соблюдать гражданский закон и покой.

По этой причине мы должны быть особенно осторожны, чтобы не смешивать власть церкви с властью государства. Власть церкви никогда не должна захватывать чуждое ей служение; так как Христос сказал: «Мое царство не от мира сего». И также: «Кто поставил Меня судьей над вами?» Павел сказал филиппийцам: «Наше гражданство – на небесах». И коринфянам: «Оружия воинствования нашего не плотские, но сильные Богом».

Таким образом, мы различаем два правительства и две власти, и чтим обоих, как превосходные дары, данные нам Богом на земле.

Обязанностью епископов является проповедь Евангелия, прощение грехов и исключение из христианской церкви всех, кто восстает против Господа, но не человеческой силой, а исключительно Словом Божьим. Если все епископы будут поступать так, то церкви должны подчиняться им согласно словам Христа: «Кто слушает вас, слушает Меня».

Но если епископы учат тому, что противоречит Евангелию, тогда церкви имеют приказание от Бога, которое запрещает им повиноваться (Матф. 7:15; Галл.1; 2Кор. 13:8-10). А св.Августин в письме против Пертилиана пишет: «Мы должны повиноваться католическим епископам, если они сбились с пути, и учат противоположному каноническим Божьим Писаниям».

Затем Байер приступил к эпилогу Исповедания.

Мы не из ненависти это сказали, – говорил он – не для того, чтобы оскорбить вас, но объяснили учение, которое считаем важным, для того, чтобы было понятно, что мы не принимаем никакую догму или обряд, противоречащие Священному Писанию или традициям вселенской церкви».

Таково, сказал Байер, закончив чтение документа, краткое изложение нашей веры. Еще многое можно было изложить, но ради краткости они опущены. Но то, о чем было сказано, достаточно, чтобы показать, что в нашем учении и традициях нет ничего, чтобы не соответствовало Писанию или вселенской церкви.

Чтение Исповедания заняло два часа. Все это время никто не проронил ни слова. Собрание князей и воинов, государственных мужей и клириков, сидело молча, пораженные не просто новизной, но простотой, красотой, величием истины, которая была развернута перед ними в грандиозной духовной панораме, которая вышла из-под руки Меланхтона. До этого им было известно о мнении протестантов по слухам или невежеству, или ненависти, представлявшей их в ложном свете или порочавшей их; теперь они узнали о них благодаря перу самого ясного ума и самого совершенного богослова в войске Лютера. Меланхтон зная, что он будет обращаться к публике тугой на ухо, и еще более тугой на сердце,

применил все свои способности, использовав очарование утонченного стиля и четкость иллюстраций богословских тезисов. Успех заключался в том, что его понимали клирики, миряне, воины, бароны и богословы, бывшие на сейме. Но это была наименьшая из побед Меланхтона.

За два часа чтения Исповедания какая работа была проделана, какой успех имело дело реформации! Заблуждениям, которые прогрессировали в течение многих веков, был вынесен смертный приговор, и с этого часа они стали уменьшаться; такими ясными и уместными были доказательства, которыми Меланхтон подтверждал протестантское учение. Это было похоже на утренний рассвет, когда тучи, покоившиеся всю ночь на склонах Альп, расходились, открывая громадные, покрытые снегом великолепные вершины; так и сейчас туман средневековья начинал рассеиваться. И вот, в величественном блестящем облачении вечные истины, которые Святой Дух дал в древности для спасения человека – эти Альпы духовного мира, эти горные вершины, которые устремляются в небо, омытые светом от Божьего престола – выходят вперед и открываются восторженному человеческому взору. Кроме того, Исповедание добавило несколько влиятельных новообращенных лиц в ряды протестантов. Одни были удивлены, на других подействовала твердая вера, на большинство оказал влияние дух примирения с лютеранами.

Тринадцать лет тому назад (1517 году) один монах со свитком в одной руке и молотком в другой пробившись сквозь толпу пилигримов, прибил свиток с девяноста пятью тезисами к дверям замковой церкви Виттенберга. Сцена повторяется, но в большем масштабе. Теперь войско князей и свободных городов пробивается сквозь тернии Аугсбургского сейма и перед собравшимися княжествами и иерархами христианского мира прибивают старый свиток, – итак, что такое Исповедание, как не свиток монаха, дополненный более вескими доказательствами – они прибивают свиток к трону Карла.

Глава 24 - После сейма в Аугсбурге.

Великий Протест – Города предложили отказаться от него. – Аугсбурское Исповедание – Богословская кульминация реформации в Германии – Ликование протестантов – Три исповедания – Гармония – Новообращенные – Консультации и диалоги в императорской передней – Епископ Зальцбургский о священниках – Перевод исповедания на французский язык – Протест вольных городов – Попросили отказаться от протеста 1529 года. – Удивление выборных – Побежденные приняли вид победителей. – Что охватывал Протест 1529 года? – Глупость требования императора

Сейчас мы можем оглядеться и внимательно посмотреть на великое движение возрождения, проходившее в других странах. Везде справа и слева, от Балтики до Альп, от Атлантики до ворот Вены, сеется учение протестантизма, и пускает сильные корни. Даже за горами, отгораживающими стеной Италию и Испанию, поднимается протестантское движение, и на римскую церковь начинают наступать в тех странах, где она считала, что ее власть укреплена традиционной верой, слепым поклонением и изнеженностью людей, и что никто не будет настолько безумным, чтобы нападать на нее. Но прежде чем перевести взор с Германии, давайте коротко отметим события, последовавшие за сеймом в Аугсбурге.

Представление Исповедания на сейме было кульминацией движения на немецкой земле. Это было самое великое время для лютеранской церкви. К нему были направлены труды Лютера и тех, кто его окружал, теперь оно пришло, и богословское движение обрело венец. Аугсбурское Исповедание, никоим образом, не было точным изложением истины Писаний, но как первая попытка, сделанная до завершения реформацией второго десятилетия, было чудесным действием. Его не затмили даже самые замечательные Исповедания, последовавшие за ним, и которым оно помогло проложить дорогу. Как только Исповедание положили на императорский стол, олицетворением движения перестал быть только один Лютер. Реформация предстала перед миром как система Тезисов, взятых из Библии, всесторонне охвативших те принципы, которые были даны Богом в качестве основания справедливости и порядка для народов, и как средство для обновленной и вечной жизни всем людям. И чтобы не случилось с Лютером, хотя в тот момент он мог стать мучеником, или, возможно, но маловероятно, мог отступить от веры, или уничтожить веру, которую когда-то проповедовал, перед народами стоял еще больший проповедник, и открывал им дорогу в светлое будущее.

Должно ли было Аугсбургское Исповедание заменить Библию для протестантов? Ни в коем случае. Не будем заблуждаться по поводу цели, ради которой оно было составлено, и места, которое оно должно было занять. Учение, которое содержало Исповедание, было, прежде всего, в Библии. Физическая

карта имеет силу, и ей можно следовать только тогда, когда каждому острову и континенту, отмеченному на ней, соответствует остров и континент на поверхности земного шара; справочник по ботанике только тогда имеет силу, когда для каждого термина на его страницах есть цветок или дерево в природе; и карта неба является истинной, когда каждой звезде, обозначенной на ней, соответствует звезда на небе. То же и в отношении Аугсбургского и других Исповеданий, они – истины, имеют силу и являются руководством только тогда, когда каждое утверждение, содержащееся в них, соответствует учению Писания. Их сила не в них самих, а в Слове Божьем. Поэтому они не сковывают сознание, не порабощают его, за исключением искажения; они только ведут к свободе, защищая ум от заблуждений, и предоставляя сознанию свободно следовать за светом Слова Божьего.

Обе партии понимали последствия, которые должны были последовать за тем, что только что произошло. Протестанты воодушевились. Они достигли своей цели, которая заключалась не менее, как в том, чтобы открыто заявить о своей вере на сейме и всему христианскому миру. «Милостью Божьей – воскликнул Понтаний, передавая Библию на латыни секретарю императора – это Исповедание победит, несмотря на врата ада». «В Аугсбурге смело исповедали Христа», сказал Лютер, когда новость дошла до него. «Меня переполняет радость, что я дожил до этого часа». Церкви, как мы видели, были закрыты для протестантских служителей, но здесь мы видим, что кафедра поставлена прямо на сейме, и великие князья стали проповедниками Евангелия.

Папские участники сейма испугались и пришли в замешательство, когда поняли, что произошло. Сейм был созван, чтобы сбросить реформацию, вместо этого, он ее укрепил. По следам этого Исповедания шли два других: одно, написанное Бруцером и подписанное четырьмя городами, которое в вопросе о Вечере Господней склонялось более к Цвингли, чем к Лютеру (Страсбург, Констанца, Мемингем и Линдау), поэтому оно называлось Исповеданием Четырех Городов; и другое, представленное от имени Цвингли и содержавшее изложение его взглядов. Таким образом, движение вместо того, чтобы сжаться до более узких размеров, или сокрытия, смело вышло перед лицом противников; и слабая надежда, которую католики основывали на том обстоятельстве, что существовало три протеста, или «схизма в схизме», как они это назвали, исчезла после изучения этих документов, и было видно во многом их взаимное согласие, только в одном они отличались, но все они были едины в отречении от римской церкви и осуждении ее.

Кроме того, влиятельные князья перешли от католиков к протестантам. Архиепископ Герман, курфюрст Кельна, граф Пфальца Фридрих, герцог Эрик Брундсвиг-Люнебургский, герцог Генрих Мекленбургский и герцоги Померанские обратились к истине, и их приход почти удвоил политическую силу

реформации. Трофеи Исповедания рассматривались как залог многочисленных возвращений на путь истинный в грядущие времена. Ни одна из этих надежд не посрамила. Исповедание было переведено на большинство европейских языков и распространилось по нескольким странам; все неправильные истолкования и клеветнические осуждения, которые мешали делу и представляли его в ложном свете, были удалены; протестантизм стали считать движением, несущим обновление душе и новую жизнь княжествам.

Было утро 26 июня, следовавшего за днем чтения Исповедания. Император только что проснулся. Он плохо спал и был уставшим и раздраженным. Вчерашнее дело не выходило у него из головы, и на него навалилась меланхолия. Он плохо организовал начало совместных действий с Папой в Болонье. Лютеранство стало еще крепче в глазах мира, и имело больше приверженцев сейчас, чем до Аугсбурга. Он должен обдумать, как исправить первый неправильный ход. В это время пфальцграф, который, как и его господин, был не в своей тарелке, вошел в императорские покои. Он увидел взволнованное лицо императора и догадался о причине беспокойства. «Мы должны – сказал он – уступить в чем-то лютеранским князьям». С этими словами Карлу пришло облегчение; граф продолжал говорить, что было бы вполне достойно сделать уступки, которые император Максимилиан хотел осуществить. «Что за уступки?» - спросил монарх. «Три уступки: причастие под обоими видами, брак для священников и свобода относительно постов», ответил пфальцграф. Третья уступка понравилась Карлу. Она не затрагивала мессу и авторитет церкви. Это была небольшая жертва ради предотвращения большого зла.

Немного погодя пришли Гранвель и Кампеджио. Им рассказали о совете пфальцграфа, который нашел благосклонность в глазах императора. Но он не был равно благосклонен в глазах церковников. На собраниях в Болонье Кампеджио, как мы знаем, рекомендовал лишь один курс, одно средство от всех современных ересей – меч. Он был того же мнения в Аугсбурге, как и в Болонье. Одна уступка может привести к еще большим уступкам. Кардинал сказал, что совет пфальцграфа не очень хороший, и Кампеджио сумел уговорить императора отказаться от него.

Вскоре прибыли другие, в основном клирики, которые поддержали позицию, выбранную легатом. «Я остаюсь со своей матерью», - воскликнул епископ Вартцбурга. «Слова истинного и послушного сына, - сказал придворный Бренц – но молю вас, милорд, не забывать ради матери отца и сына». «Мне не нравится не лекарство, а врач, выписывающий его», сказал епископ Зальцбургский, который был особенно против реформаторов. «Я дам мирянам чашу, священникам жен, немного больше свободы относительно мяса, я не против некоторой реформации мессы, но не могу принять того, что простой монах, нищий августинец, осмелился реформировать всех нас». «Я тоже не могу принять

того, - поддержал другой епископ – что маленький городок будет учить весь мир; немыслимо, чтобы древние традиционные воды Рима будут отвергнуты ради еретического жалкого ручья из Виттенберга». Старое возражение: «Из Назарета может ли быть что доброе?»

Из людей, окружавших Карла, некоторые обвиняли себя и лютеран. Епископ Зальсбургский, которого мы только что упоминали, как человека враждебно настроенного против реформации, был, несомненно, слеп относительно упадка римской церкви; однажды он откровенно признался об этом Меланхтону, который настаивал на реформации в жизни священства. Архиепископ не мог не выразить своего мнения относительно безнадежности такого предприятия, не потому что это было не нужным, но потому что это было просто неосуществимо. «Что? – закричал он – Реформировать нас? Мы, священники никогда ни для чего не годились». Архиепископ придерживался мнения, что в священстве не осталось достаточно крепкого стержня, чтобы устоять. Единственным средством было убить его. Всевышний произнес суд на порочное священство ранее. «Если же соль потеряет свою силу…Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на попрание людям».

Карл получил сейм, который он собрал в большой надежде, и к которому пришел в величии, не сомневаясь, что приближается к месту победы; он получил больше; он получил Лютеранское Исповедание – не исповедание грехов против матери-церкви и вопль о прощении к Папе и императору, которые он готов был услышать, но смелое исповедание князьями своего учения и всех предпринятых ими шагов, короче, знамя восстания было развернуто у подножья императорского трона. Прежде чем наказать за оскорбления девятилетней давности исполнением Вормского эдикта, ему приходится иметь дело с новым лютеранским движением. Если он пройдет молча мимо него под предлогом того, что это просто догмы, ему следует быть фактически терпимым к протестантской вере и никогда впредь не упоминать о Вормской опале. Если, с другой стороны, он призовет князей к отречению, он должен подготовить разумные обоснования для их подчинения, и если понадобиться, потребовать его. Он должен пройти между Сциллой принуждения и Харибдой толерантности. Вот, что принес ему сейм. Он принес ему новые дилеммы – больше бессонных ночей. Ему пришлось униженно писать Клементу VII о том, что проект, на изобретение которого они потратили в Болонье целую зиму, был настолько неудачным, что, фактически, способствовал движению назад.

Был дорог каждый час. Еще до завтрака надо было предпринять какие-то шаги. Из двух вариантов, открытых ему – принуждение и толерантность – было ясно, что последний нужно было использовать в последнюю очередь. Но императорские эдикты требовали обоснования; и вот теперь Карл остро почувствовал свою некомпетентность в богословии. Испытывая смущение, а не

поддержку от противоречащих мнений и советов окружавших его людей, он решил сам заняться этим вопросом, и с этой целью приказал своему секретарю приготовить французский перевод Исповедания. Как мы говорили, Карлу были вручены два варианта Исповедания, один на латыни, другой на немецком языке; но он считал, что ему будет более понятны богословские аспекты лютеранства и идиоматические красоты Меланхтона на французском языке, чем на любом из двух других языков. Он потребовал от секретаря абсолютной точности. «Понимаешь, - сказал он – ни одно слово не должно быть пропущено». Лютеранским князьям, слышавшим эти слова, понравилось желание императора быть хорошо осведомленным в этом вопросе; и это служило признаком, что он склонится на их сторону – некоторое узкое основание для великого вывода. Придворные, которые лучше знали императора, качали головами, когда узнали, что лютеране рассчитывали обратить Карла посредством красноречивого документа Меланхтона. Он уже обрел некоторых влиятельных последователей среди мирских правителей; и одного или двух епископов Кельна и Аугсбурга он почти убедил стать лютеранами; но голова, на которой была корона, не должна быть в числе, тех, кто склонился перед силой истины.

Пока император завтракал, в передней собралось много вельмож. Кто они, и почему пришли в столь ранний час? Это послы из имперских городов, они прибыли по приказу императора. Прежде чем начать первый урок по лютеранскому богословию, Карл попытается решить что-нибудь с городами.

Во все века свободными города были предметом ревности и неприятия со стороны правителей. Свободные города Германии не были исключением из этого правила. Карл следил за ними с подозрением и ненавистью. Они были камнем преткновения на его пути к вселенской монархии, которая была его целью. Но из всех имперских свободных городов четырнадцать доставляли императору особое беспокойство. Они отказались подчиниться Рецессу сейма в Шпейере в 1529 году. Имена этих проблемных городов – Страсбург, Нюрнберг, Констанц, Ульм, Ройтлинген, Хайльбронн, Меммингeн, Линдау, Кемптен, Виндсхайм, Исни и Вайсенбург. Их неподчинение Рецессу сейма вызвало раскол в империи. Надо было попытаться закрыть брешь и вернуть непослушные города, прежде чем другие последуют их дурному примеру. Их представители наряду с другими собирались сейчас в передней. Пфальцграф Фридрих был послан им сказать, что «на последнем сейме в Шпейере (1529 г.) был принят указ, которому подчинилось большинство княжеств, к большому удовлетворению императора, но некоторые из городов отклонили его, ослабляя тем самым империю; и Карл призывал их подчиниться сейму».

Вряд ли они ожидали, когда собрались этим утром в передней монарха, что им предъявят такое требование. Убедительные слова Меланхтона все еще звучали в их ушах; они чувствовали себя еще более убежденными, прослушав его

изумительно ясное и убедительное объяснение того, что их вера основана на Слове Божьем, и что они не могут оставить ее, не повредив своим душам. Только за день до этого они были свидетелями ликования братьев при торжествующей защите учения и разделяли их чувства. Они также заметили, как очевидное недоумение, в которое обратило католиков чтение Исповедания, отражалось на их лицах, как неловко они себя вели, какими значительными взглядами они обменивались друг с другом, и как искренне некоторые из них признавали, что документ Меланхтона содержал только истину! Уступки или попытки примирения не удивили бы их; но то, что министр Карла на следующий день после такого триумфа будет предъявителем такого требования императора, удивило их безмерно. Они выиграли, за ними осталась моральная победа; но побежденные неожиданно приняли вид победителей.

Протестантские города попросили подчиниться эдикту сейма 1529 года. Посмотрим, что было включено в это требование. Сейм 1529 года отменил толерантность сейма 1526 года. Но не только это; он наложил арест на протестантское движение и постановил, что оно не должно ни на йоту преступать границы, достигнутые им со времени опубликования Рецессии сейма. Что касалось тех, кто уже был протестантами, им было милостиво разрешено так и оставаться; но с того дня и впредь, пока существует Германия, ни князю, ни городу, ни отдельному человеку не разрушалось вступать в ряды протестантов и покидать римскую церковь, каковы бы не были его убеждения и желания. Более того рецессия предусматривала восстановление мессы и всего католического механизма в протестантских провинциях и городах. В то время как она строго запрещала любой прозелитизм со стороны протестантов, она давала папистам неограниченную свободу. Что может произойти при такой организации, кроме ослабления и исчезновения протестантизма? Можно было прогнозировать год, даже день, когда он мог исчезнуть. Именно в этот час, когда Аугсбургское Исповедание лежало на императорском столе, свободные города попросили помочь в организации похорон протестантизма.

Это даже не полностью раскрывает недальновидность, которую Карл допустил при выдвижении этого требования, и предательство, в котором бы обвинили свободные города, если бы они уступили. Рецессия 1529 года была актом, который уводил их от Великого Протеста, давшего им имя. Придерживаться Рецесса значило отойти от Протеста, спустить флаг, развивавшийся перед всем христианским миром, символ и надежду народов на славное избавление от ужасного рабства.

В то время они не очень задумывались о том, как действовать; но чем больше они размышляли, тем лучше они понимали, что они руководились не собственной мудростью, чтобы занять самую всеобъемлющую и совершенную позицию в мире. С их Протестом пришла новая свобода для души человека, новые права и

возможности для общества. Их Протест положил в христианском мире вечный краеугольный камень свободы и добродетели – свободное сознание. Но свободное сознание не означало беззаконное сознание или самоуправляемое сознание. Выше сознания их Протест ставил Слово Божие – свет – голос, говорящий: «Вот, путь». Выше Слова они поставили Дух, который говорит через него. Они не дали ни человеку, ни церкви право авторитетно толковать Писание; они старались остерегаться деспотизма, когда Писание становилось инструментом в руках непогрешимых толкователей; так как тот, который может толковать закон по своему желанию, может заставить закон делать то, что хочет. Только само Писание может толковать Писание. Итак, они провозгласили превосходство Писания, не как оковы для разума, а как Божественный бастион вокруг него. Выше превосходства Писания они поместили превосходство Духа, вдохновляющее его, и, поступая так, они воздвигли еще один оплот вокруг свободы разума.

Освобожденное сознание они отдали на попечительство Библии; а превосходство Библии поместили под суверенитет Божий. Таким образом, они привели сознание в непосредственный контакт с Господом, а человеческое общество они поместили под управление справедливого и праведного царя.

Протест 1529 года был, таким образом, грандиозной эпохой реставрации и примирения. Он восстановил общество для Бога. Римская церковь разделяла их. Она встала между Богом и обществом, присвоив исключительное и непогрешимое право на истолкование Писания. Она заставила закон говорить, что ей нужно, и, таким образом, Божие правление она подменила своим. Протестантизм пришел, чтобы восстановить Божие правление в мире. Он сделал это, поместив авторитет Писание над папским престолом, и, подняв венец Христа над короной императора.

Такое восстановление не могло случиться за один день, даже век. Но в Протесте 1529 года было все. Прочная основа, удивительный порядок, все возрастающее величие и сила протестантских княжеств заключалась в этих трех основных принципах – Сознание, Писание и Дух – каждый в своем порядке и субординации. Этот простой Протест содержал все, как желудь содержит дуб, а утро полдень.

Глава 25 - Попытка опровержения Исповедания.

Что делать с Исповеданием? – Растерянность католиков – Исповедание должно быть опровергнуто. – Экк и двадцать других, избранных для этой работы. – Предупреждение Лютера – Предсказания Меланхтона и Карла – Борьба в Кобурге – Четырнадцать протестантских вольных городов – Опровержение Исповедания – Бессодержательное и длинное – Отвергнуто императором. – Вторая попытка – Сестра императора – Ее влияние на Карла – Игра масок

«Придерживайтесь Рецессии 1529 года и оставьте ваш Протест», так обратился Карл к выборным от четырнадцати вольных городов, собравшимся в императорской передней утром 26 июня 1530 года. Когда мы думаем, что Протест означал новую эпоху, которая принесла с собой Лютера и протестантских князей и города, а не они ее принесли, каким глупым выглядит это требование, даже если оно исходит от обладателя многих корон и многочисленных армий! Представители ответили, что в такой ответственный момент им нужно время на обдумывание. Они удалились, чтобы вернуться с письменным ответом только 7 июля. Пока города готовили ответ, еще одно дело требовало рассмотрения. Что делать с Исповеданием, лежавшим на императорском столе? Какие шаги предпринять, чтобы убедить курфюрста Иоганна и других протестантских князей изменить свое мнение?

Мы видели, что император отпустил представителей протестантских городов, приказав им посоветоваться и написать ему, как они собираются исполнить Шпейерский указ, и готовы ли они отречься от Протеста 1529 года. Едва они ушли от него, он призвал на совет папских участников сейма. Их позвали дать совет относительно еще одного дела, которое требовало срочного внимания императора. У него на столе лежит Исповедание протестантских князей, что с ним делать? Лютеранство не только в Виттенберге; оно здесь, во дворце пфальцграфа в Аугсбурге, красноречиво протестуя против тирании, громко крича на сейме, и постепенно, если его не заставят замолчать, будет кричать на весь христианский мир о том, что римская церковь опорочила веру и стала отступницей. «Что нам делать? – спросил император собравшихся князей и епископов – Как нам избавиться от этого документа?»

Вопрос императора был сигналом к выражению противоречивых мнений. Не мудрое наставление, а возбуждение и смущение нашел Карл у своих советников. Они разделились на три группы. Мы не будем, говорила одна группа, бить логикой по нашим противникам, пока мы будем распутывать богословский лабиринт, они ускользнут. У нас одно направление – исполнить Вормский эдикт. Другая группа, осведомленная лучше о тайных намерениях императора, сказала: «Давайте отдадим решение вопроса императору». Третья группа состояла из тех, кто был высокого мнения о своих традиционных знаниях, и был не прочь их показать. Пусть назначат нескольких богословов – сказали они – написать

Опровержение лютеранского Исповедания, которое может быть зачитано князьям и ратифицировано императором.

Епископы не настаивали, чтобы император следовал экстремальным насильственным курсом. Они скорее, в целом, использовали свое влияние, чтобы проверить кровожадность других. «Я не могу советовать Его Величеству применить силу», - сказал Альберт Майнцский, но причина его умеренных советов умаляет их благородство – чтобы, когда император уйдет, протестанты не отомстили бы священникам, и турки не пришли бы в конце дня и не пожали ятаганом то, что осталось после шпаги лютеран». Епископ Аугсбургский навлек на себя подозрение как еретик, так как он хотел идти на мировую с протестантами. Он готов был признать причастие под обоими видами, брак священников, и даже при необходимости отмену мессы. «Мессу! - закричали некоторые – Отменить мессу! Почему тогда сразу не сказать о интригах кардиналов? Но не все клирики хотели примирения. Архиепископ Зальсбургский сказал ядовито: «Лютеране положили перед нами Исповедание, написанное черными чернилами на белой бумаге, если бы я был императором, я бы ответил им красными чернилами».

Некоторые из светских правителей были самыми фанатичными и несдержанными на этом совете. Георг Саксонский и Иахим Бранбенбургский превзошли самых ярых священников. Первый ненавидел Лютера такой ненавистью, которая увеличивалась с годами, а последний был известен как опрометчивый глупец, кого одно упоминание слова «лютеранин» приводило его в бешенство. Эти два вельможи напирали и проголосовали за войну. Они настаивали на том, что споры, особенно с богословами из Виттенберга, могут быть долгими и неопределенными, и больше полагались на шпагу. Там присутствовал некий граф Феликс Верденбергский, которого слово «война» очень возбуждало. Почуяв издалека драку, он встал и сказал: «Если надо сражаться с лютеранами, я предлагаю свою шпагу, и клянусь не вкладывать ее в ножны, пока оплот Лютера не будет повергнут в грязь». Несомненно, граф Феликс подтвердил бы свои доблестные слова доблестными делами, но обстоятельства были таковы, что, когда несколько дней спустя он пил вино из графина слишком большими глотками, он умер. Фанаты имели перевес на совете. Даже предложение средней группы было отклонено, которое было за то, чтобы оставить решение вопроса за императором. Это означало, спорили экстремисты, что есть две партии и два курса. Это могут понять превратно, говорили они. Была только одна партия, то есть империя, и был только один курс; и поэтому лютеране были бунтовщиками и решать вопрос с ними надо мечом.

Но прежде чем обнажить меч, они должны были попробовать перо. Потом они еще более охотно прибегнут к насилию. Они согласились составить Опровержение Исповедания.

Конечно, полагали, что богословы этой группы возьмутся за эту задачу, невозможную задачу, если Библия ничего не стоит, но в Аугсбурге Библия также мало ценилась, как и Исповедание. Большинство папских правителей привезли с собой на сейм богословов и образованных людей. «Некоторые – писал Йона – привезли с собой невежд. Йона относит Коклеуса к этой категории. Фабер и Экк занимали лучшее положение, будучи образованными людьми, хотя и второсортных способностей, если вообще они у них были. Но вне ограды протестантов был один человек превосходного таланта и знаний – Эразм, но его не было в Аугсбурге. Его пригласили обе партии, но их настойчивые просьбы не могли вытащить его из убежища в Базеле. Великий схоласт послал обоим обычные отговорки. Протестантам он написал: «Десять советов не могли распутать сложный сюжет вашей драмы, а я тем более. Если кто-нибудь выскажет предположение, имеющее здравый смысл, то это сразу же приписывают лютеранству». Но изменив тактику в обращении к другой стороне, он нашел для католиков несколько приятных слов за счет лютеран. Каким незабвенным примером разницы между Ренессансом и Реформацией является Эразм, – пробуждением науки и пробуждением принципов!

Но Исповедание должно быть опровергнуто, для выполнения этой задачи римская церковь может использовать только тех богословов, которые у нее есть. Фабер, которого сделали архиепископом Венским, Экк, оппонент и ругатель Лютера, Кохлаус, архидьякон Франкфуртский и семнадцать других, в основном доминиканские монахи, всего в количестве двадцати, были отобраны для написания ответа на Исповедание протестантских князей.

Они все были ярыми католиками. Было ясно, какое орудие выйдет из этой мастерской. Но никто не ожидал, что эти люди сделают попытку познакомиться с взглядами Лютера, или что они открыто посмотрят на доказательства Меланхтона, серьезно будут бороться с ними и меньше опровергать их. Считают, что именно Кампеджио подал этот список имен, но никто кроме него не понимал тщетность того, чем его номинанты должны были заниматься. Комитет решил объявить о том, что согласие невозможно, и что римская церковь не собирается сдаваться. Те, кто боялись примирения, могли не бояться, а те, кто хотели его, были вынуждены отложить тщетные надежды. «Доктор, - спросил герцог Баварский, обращаясь к Экку – можете ли вы опровергнуть этот документ по Библии?» «Нет, ответил он – но это легко сделать на основании св.отцов и соборов». «Понятно, - сказал герцог – понятно, лютеране находятся в Писании, а мы – вне его». Почтенный канцлер Ингольштадта был одного мнения с другим из его единоверцев, что с протестантами ничего нельзя сделать, пока они находятся в замке Библии; но если вывести их из этого бастиона на равнину традиций, то нет ничего легче, чем победить их.

Верный глаз Лютера видел, что грядет. Он понимал, что дело было не в д-ре Экке и его когорте помощников опровергавших Исповедание Меланхтона, но в том, что существовала одна альтернатива, а именно, что крепкий меч Карла придет усмирять то, что логика не смогла опровергнуть. «Вы ждете ответа врагов, – писал он друзьям в Аугсбург – он уже написан, вот, он – св. отцы, св.отцы, св.отцы; церковь, церковь, церковь; обряд, традиция, но ничего из Писания. Затем император при поддержке свидетельств этих арбитров вынесет решение не в вашу пользу, затем вы услышите хвастовство со всех сторон восходящее до небес и угрозы, нисходящие даже до ада».

Тот же самый вывод формировался сейчас у двух других людей – Меланхтона и императора Карла. Все трое – Лютер, Меланхтон и Карл пришли к этому заключению, но разными путями. Лютер в Кобурге, подобно астроному в обсерватории с глазами, поднятыми от земли и устремленными в небо, делавшего выводы о будущих событиях по известным законам Божественного правления и известным фактам протестантской и папской систем. Меланхтон пришел к этому выводу путем здравого смысла. В Аугсбурге он близко столкнулся с группами, нападавшими на него; он ежедневно слышал их угрозы; знал об интригах вокруг себя и понимал, что их целью было насилие. Император предчувствовал исход дела. Император осторожно выспросил Лютера, собирается ли он оставаться верным решению этого вопроса. Реформатор ответил через курфюрста Иоганна: «Если император хочет, то пусть он будет судьей. Но пусть ничего не решает, что противоречит Слову Божьему. Ваше Высочество не может ставить императора выше Самого Бога». Так Лютер сказал о том, что в духовном мире государство не владеет правосудием. Это лишило императора надежды на то, что дело будет отдано ему на суд. Он поминал, что такого не может быть. С другой стороны, группа ярых католиков составляла большинство в Аугсбурге. Они заправляли на сейме; они также заправляли в Риме; они не отдадут в руки Карла окончательное решение вопроса, как бы сделали протестанты. Императору ничего не оставалось, кроме почетной задачи исполнения решения, на которое были настроены его фанатичные советники-паписты, чтобы уничтожить противников, а именно применение силы.

Предсказание исхода повлияло на всех троих совершенно по-разному. Меланхтона оно повергло в отчаяние, у Карла оно вызвало мрачную и угрюмую решительность отомстить за себя делу, которое вмешалось в его великие проекты, чтобы помешать и досадить ему. Лютера, с другой стороны, оно исполнило мужеством, можно сказать, пренебрежением, если можно так охарактеризовать насмешливое и одновременно святое пренебрежение, которое испытывал Лютер ко всем, кто боролся с протестантизмом, от Карла до д-ра Экка и Кохлауса. Что касается Лютера и Меланхтона, разница между ними заключалась в следующем: Меланхтон думал, что шпага императора убьет дело; Лютер знал, что она убьет только его последователей, и через их смерть даст делу жизнь. Дело было Божие;

по поводу этого у него были самые глубокие убеждения. Победа была несомненной. Если же нет, то получалось так, что Небесный Царь мог делать лишь то, что позволял король Испании; и что Христос должен был идти вперед или возвращаться, поддерживать это дело или оставить его по желанию императора – другими словами, Карл, а не Бог правил этим миром.

Мы вынуждены спросить, было ли это лучшей расстановкой, когда отважный человек сидел в Кобурге, а застенчивый и робкий был послан на поле сражения? Был ли нужный человек в нужном месте? Мы бы сделали совершенно другую расстановку. Мы бы послали сильного мужчину на поле сражения, а слабого и робкого в уединение Кобурга, чтобы давать советы и молиться. Но на этом и на других примерах мы узнаем, что Божие пути не наши пути, и его мысли не наши мысли. Такая расстановка была самой лучшей. Сильному человеку нужно было молиться, а слабому принимать ответ и действовать по нему. Победить могла только молитва веры; только сильной вере даются большие благословения. Поэтому Меланхтона не было в Кобурге, но его слабость на поле сражения иллюстрировала силу его Господа, и показывала Того, Кто совершал работу. Кроме того, он хотел установить контакт с папистами, он пошел дальше Лютера, чтобы более явно свалить вину на римскую церковь, и обвинить ее в окончательном разрыве.

Лютер каждый день с поднятыми руками привлекал силу с небес, как громоотвод привлекает электрический заряд из туч, чтобы передать Божественное действие, посылаемое свыше, тем, кто нуждался в нем в Аугсбурге. Вера порождает веру, и Лютер стал подобно Богу для Меланхтона и окружавших его людей. Давайте отправимся в Кобург. До нашего слуха доносится голос человека, находящегося в страшных мучениях. Он стенает, кричит, он кричит еще сильнее. Чей это голос? Прислушайтесь. Голос Лютера. Нам не надо заходить в его комнату; нам отчетливо слышно каждое слово, когда стоим в коридоре перед дверью его кабинета. «Я однажды слышал, как он молится, - писал Вайт Дитрих, его друг, который иногда навещал Лютера в замке – беседуя с Богом, как с Отцом и Другом, напоминая о Его обещаниях в псалмах, которые, по его глубокому убеждению, исполнятся. «Я знаю, о, Боже, Ты наш дорогой Бог и Отец, поэтому я уверен, что Ты уничтожишь гонителей Твоей церкви. Если Ты не уничтожишь их, Ты вместе с нами подвергаешься опасности. Это – Твое дело. Враги креста Христова нападают на нас. Это дело принадлежит Тебе, ради Своего имени защити Своих исповедников в Аугсбурге. Ты обещал, Ты сделаешь это, так как Ты сделал это от начала. Пусть Твоя слава просияет в этот трудный час».

Молитва поднялась, постучалась во врата вечного храма, открыла источники Божьей силы, теперь Божественная атмосфера наполняет комнату в Кобурге, и Божественная сила наполняет душу ее обитателя. То, что Лютер получил даром, он даром и отдавал другим. Он пишет в Аугсбург следующее: «Что значит –

обращается он к Меланхтону – бояться, трепетать, суетиться и тосковать? Разве не будет с нами в любых мелочах Тот, Кто отдал за нас Своего Сына? В собственных проблемах я – слаб, а ты – силен, если можно назвать собственной проблемой войну с сатаной, но в государственных испытаниях я – силен, как ты в личных. Это дело – справедливо и верно, это – дело Христа. Я – всего бедный праведник! Что касается меня, я могу побледнеть и затрепетать, но не испугаюсь, когда речь идет о нашем деле». «Я молюсь, молился и буду молиться за тебя, Филипп, - писал он в другом письме – и я чувствую в моем сердце Аминь». «Наш Господь Иисус Христос – писал он Йоне – Царь царей и Господь господствующих. Если Он отказывается от этого звания в Аугсбурге, тогда Он должен отказаться от него на небе и на земле. Аминь».

Итак, борьба продолжалась вестись двумя сторонами. Хитрости, хмурые взгляды, угрозы, и меч, как последнее средство, наблюдались с одной стороны; молитвы, слезы и вера – с другой стороны. Император Карл, легат Кампеджио и папские богословы видели в Аугсбурге только Меланхтона. Они видели его подавленным, согнутым под тяжестью забот, приходившим к ним каждый день с новой уступкой или объяснением, если это помогало закончить борьбу. Противника, с которым они все время вели борьбу, они не видели, он был вне их досягаемости, муж молитвы, находившийся в Кобурге, а скорее муж Божий одесную Высшей Власти на небесах, Ветхого Днями.

Мы видим, как император отправил две комиссии с указанием рассмотреть дело, указанное в них, и вернуться с ответом. И вот, они здесь, перед императором с отчетом. Сначала подходят выборные от четырнадцати городов, которые отказались поддержать Шпейерский эдикт 1529 года. Из этих городов некоторые придерживались учения Цвингли о Евхаристии, в то время как другие были согласны с Аугсбургским Исповеданием. Эта разница во взглядах вбила между ними клин, и дала императору надежду. Тем не менее, перед общим врагом они объединились и стояли твердо. Они ответили Карлу, «что они не менее своих предков хотят засвидетельствовать свою лояльность и послушание его императорскому величеству, но они не могут принять Рецессию Шпейера, не желая ослушаться Бога и подвергнуть опасности спасение души». Итак, исчезла надежда, которую император лелеял, желая отделения городов от князей, что ослабило бы протестантский фронт.

Следующей группой, пришедшей к подножью императорского трона с отчетом о своих трудах, были двадцать богословов, которым было поручено важное дело по написанию ответа на протестантское Исповедание. Они энергично взялись за работу, встречаясь дважды в день; мы должны отдать должное их рвению, если вспомним, что это происходило накануне мертвого сезона. Экк и его компания показали себя специалистами по написанию того, что, как они понимали, от них требовалось, скорее осуждения, а не опровержения. Экк

заранее заявил, что опровержение не пойдет, если разрешат слушание Писания. Это значительно упрощало и облегчало задачу, и за две недели Экк и его помощники написали документ объемом не менее 280 страниц. С точки зрения объема эта работа могла опровергнуть не одно, а десяток Исповеданий, подобных Аугсбургскому. Карл с тревогой изучил увесистое опровержение. Он, вероятно, предвидел, что оно лишь укрепит то, что намеревалось опровергнуть, и опровергнет, что намеревалось укрепить. Оно не становилось лучше при более близком рассмотрении. Оно было так же банально, как и громоздко. Оно было бессмысленно, как Опровержение, и сильно было только ругательствами. Его призыв к «крови» был очевиден. Карл понимал, что оно никогда не предоставит миру возможность сопоставить неуклюжую «цветистую» речь и жесткую логику Экка с лаконичным и ясным стилем и высокими чувствами Меланхтона. Самый яростный враг римской церкви не мог сделать ничего хуже, а Виттенбергу оказать большую услугу, чем опубликовать такой документ. Должно быть подготовлено другое Опровержение; но это подавало небольшую надежду, так как кому император мог поручить эту задачу, кроме знатоков? Литература, увы, перешла на сторону Виттенберга; и вскоре у Рима ничего не останется, кроме одного – меча.

Реформация не могла пока вынести гонения, и в это время друзья Евангелия помещались один за другим вокруг императора, чтобы удержать его руку, когда он положит ее на эфес шпаги с намерением обнажить ее и направить против Евангелия. Он похоронил в Инсбруке Гаттинара, друга толерантности. Это оставило Кампеджио без соперника в императорском совете. Но спустя три дня после чтения Исповедания в Аугсбург приехали две знатные дамы, чье незаметное, но значительное влияние восстановило баланс, нарушенный смертью Гаттинара. Одна была Марией, сестрой императора и вдовой Людвига, Венгерского короля; другая была ее золовкой, королевой Богемии и женой Фердинанда Австрийского. Изучение Писания открыло обеим путь к спокойствию. Их сердца были завоеваны ради Евангелия, и когда Кампеджио приближался к императору, чтобы излить ему в уши злой совет, эти две дамы могли с помощью уместно сказанного слова нейтрализовать действие, оказанное на разум их брата, и вернуть его с пути насилия, на который он готов был встать по наущению легата.

В те дни правду иногда можно было говорить правителям в риторической форме, когда ее не смели говорить простым языком. Однажды во время пребывания в Аугсбурге, когда Карл сидел за обедом с вельможами, ему сообщили, что некие комедианты хотят развлечь его и его гостей. Последовало немедленное согласие, так как просьба соответствовала нравам того времени, и не вызвала подозрения. Сначала старик в мантии богослова проковылял по залу, неся вязанку хвороста, один хворост был длинный, другой короткий. Бросив хворост в растерянности в камин, он повернулся, чтобы уйти. На спине у него,

повернутой теперь к придворным, было написано – Иоганн Рейхлин. Потом вошла вторая маска, также в одежде богослова. Она подошла к камину и начала умело раскладывать хворост. Она старательно трудилась какое-то время, но, несмотря на усердие, не могла рассортировать длинные и короткие, кривые и прямые хворостины; и бросив задачу, с саркастической улыбкой на лице отправилась к выходу. Когда она выходила, Карл и лорды прочитали на спине у маски – Эразм Ротердамский. Комедия становилась интересной. Вошел третий, на этот раз это был монах в августинской сутане с капюшоном. Проницательно смотря, он твердым шагом пересек зал, неся жаровню с горящими углями. Он сложил хворост, не сортируя его, положил уголь под кучу хвороста, раздул огонь, и вскоре пламя бушевало в камине. Когда он уходил, на его спине было написано – Мартин Лютер. Сюжет закручивался.

Появился четвертый, достопочтенный персонаж, облаченный в имперские знаки отличия. Он недовольно смотрит на огонь, вынимает шпагу и вонзает ее в горящий хворост; чем больше он ворошит хворост, тем сильнее тот горит. Он ударяет еще и еще, а пламя поднимается все выше, и горящие искры рассыпаются вокруг. Понятно, что он разжигает, а не гасит пламя. Маска поворачивается и бежит через зал в великом гневе. У него нет имени, но этого и не надо; все догадываются, но никто не произносит.

И еще одна – пятая! Она идет с торжественным и величавым видом. На ней великолепные священнические ризы. На голове тройная корона, на поясе висят ключи св.Петра. При виде огня этот персонаж охватывают страдания, и он заламывает руки. Он смотрит вокруг, чтобы найти что-нибудь и погасить огонь. Он издали видит в дальнем конце зала два сосуда, один с водой, другой с маслом. Он бросается туда, чтобы схватить сосуд с водой, но в спешке хватает сосуд, наполненный маслом, и выливает содержимое в огонь. Огонь разгорается с такой силой, что опаляет священническую ризу и вынуждает неудачливого обладателя отбежать в безопасное место.

Авторы пьесы не вернулись, чтобы услышать похвалу своему мастерству или за материальным вознаграждением, обычным в таких случаях. Они, несомненно, считали, что наградой для них будет польза, принесенная императору от их наставления. «Дары твои пусть останутся у тебя», сказал пророк, когда прочитал письмена на стене царского дворца. Также сказали и люди, которые показали судьбу империи и папства во дворце пфальцграфа.

Глава 26 - Окончание Аугсбургского сейма.

Дипломатия – Протестантские князья – Иоганн Постоянный – Подкуп и угрозы – Второе опровержение Исповедания – Подчинение, требуемое от протестантов – Они отказываются. – Вера Лютера – Католики возобновляют переговоры. – Уступки Меланхтона – Падение Меланхтона – Все надежды на примирение отвергнуты. – Рецесс сейма – Унижение и поражение императора

Карл V смеялся над комедией, но не задумался над мудростью ее наставления. Он продолжал ворошить горящий хворост, сначала дипломатией, потом шпагой, но с тем же результатом, о котором безымянные авторы пьесы разыгранной во дворце пфальцграфа, предупредили его, показав, что разжигание огня в огромном камине Европы не только просто опалит края ризы Папы и мантии императора, но и сожжет всю систему как империи, так и папства.

Император попытался вбить острый клин, который, он надеялся, расколет протестантские свободные города; эта попытка, однако, ни к чему не привела. Затем должны быть испытаны князья-лютеране.

Их призывали одного за другим в надежде, что поодиночке они будут менее стойкими, чем вместе. Им обещали многое – высокие звания, большие территории и почет, если они вернуться в церковь. Когда подкуп не подействовал, прибегли к угрозам. Им дали понять, что лишившись титула и земель, они будут скитаться по миру нищими, как самые жалкие из их подданных. Им напомнили, что их вероисповедание было новым; что их принадлежность к нему объявляла их предков еретиками; что они были в меньшинстве в империи; что было безумием игнорировать власть и провоцировать гнев императора. Никакие угрозы не могли их склонить к подчинению. Они приехали на сейм 1526 года со словами, написанными на щитах: Verbum Domini manet et eternum – Слово Господне пребывает вовек – и, верная девизу, вера научила их не бояться гнева могущественного Карла. Не жалели никаких средств, чтобы сломить курфюрста Иоганна. Если сдастся он, будет сломлено единство, поэтому думали, что император не будет долго разбираться с богословами. Император понимал, что последние не будут столь упорны, если за ними не будет стоять мощный щит курфюрста. Карл послал за Иоганном, и попытался пошатнуть его с помощью обещаний. Когда выяснилось, что они не могут отколоть его от протестантского исповедания, император начал угрожать ему, что он отберет у него курфюршество, изгонит его из владений, спустит против него всю мощь империи и раскрошит его, как глиняный черепок. Иоганн видел себя на краю пропасти. Он должен был выбрать между короной и Спасителем. Меланхтон и все богословы молили курфюрста не думать о них. Они были готовы в любой момент принять любую смерть, которую император выберет для них, если это успокоит его гнев. Курфюрст отказался принять такое благородное самопожертвование. Он ответил богословам с такой же благородностью, что «он тоже должен исповедовать

Господа». Он вернулся к императору и спокойно объявил о своем решении, сказав, что « должен просить Его Величество разрешить ему и его подданным представлять отчет Богу в делах, касающихся спасения души». Иоганн рисковал всем; но в конце получил все, и вполне оправдал свой титул, с данным ему эпитетом, - «Иоганн Постоянный».

Спустя шесть недель трио – Фабер, Экк и Сохлаус – выдало с огромным трудом и умственным напряжением другое опровержение Исповедания, или скорее измененное и укороченное прежнее опровержение. Карл оказал работе этих богословов не меньшую честь, чем Исповеданию Меланхтона. Он сел на троне 3 сентября и, призвав князей, потребовал зачитать Опровержение в их присутствии. В доктринах общих для обоих вероисповеданий, таких как учение о Троице и божественности Христа, опровержение выражало согласие с Исповеданием. Оно также признавало, вероятно, одно из самых важных положений, что причастие должно приниматься с верой. Но оно продолжало утверждать, что человек рожден со способностью совершать добрые дела, и что эти дела вместе с верой содействуют оправданию грешника; таким образом, опираясь на старую систему спасения. По другим важным вопросам Опровержение и Исповедание находились в абсолютном противоречии. Экк и его коллеги поддерживали божественный авторитет церковной иерархии, и, конечно, соответствующее обязательное ей подчинение; протестанты не признавали никакого непогрешимого закона на земле, кроме Писания. Две церкви после долгих усилий с обеих сторон подошли друг к другу, как можно ближе, но ни от кого не было скрыто, что между ними была пропасть, так как никто не мог перейти ее, не оставив свои прежние убеждения. Если бы папство перешло, ему бы пришлось оставить то, что было на протяжении десяти веков; если бы Виттенберг перешел на другой берег, ему надо было бы отбросить лояльность к соборам и традициям и подчиниться другой власти. Если бы протестантизм перешел, ему пришлось бы оставить Библию, надеть на себя старое ярмо Семи Холмов, и признать, что движение Виттенберга было бунтом.

Когда чтение было закончено, император обратился к курфюрсту и другим протестантским князьям с тем, чтобы они, видя опровержение их исповедания, считали бы своим долгом восстановление мира в церкви и единства империи, вернувшись в лоно римской церкви. Короче, он требовал признать все прочитанные артикулы под страхом изгнания из империи.

Протестантские князья нисколько не были удивлены безаппеляционностью императора. Им сказали, что их опровергли, но если они не последуют слову императора, у них не будет никакого доказательства или оправдания. Их собственный разум не говорил им так поступать. Прочитанный документ совпадал по некоторым артикулам с их Исповеданием, но расходился по многим другим. Он не мог опровергнуть, по их мнению, не одного из них; они знали, что

император не обладает властью изменить мышление, превратить глупость в мудрость; протестантские князья (им отказали в экземпляре Опровержения) поставили Карла в известность, что они продолжают стоять в своем Исповедании.

План, по которому сейм был созван, провалился. Каждый день протестанты проявляли мужество, и каждый день их дело укреплялось. В той же пропорции увеличивалась досада, гнев и растерянность католиков. Каждое новое движение повергало их во все большие трудности. Для императора обрушивание угроз, игнорируемых теми, против которых они были направлены, и которые произносились человеком, не смевшим их исполнить, было, несомненно, проявлением императорского достоинства. Бедный Карл был поставлен в тупик; он не знал, как скрыть свою досаду и разочарование; в довершении к запутанной ситуации, прибыл эдикт, изданный консисторией кардиналов, заседавших 6 июля 1530 года в Риме, запретивший ультиматум протестантов, «как противоречивший вере и наносивший вред порядку и управлению Церкви».

До этого случилось событие, которое помогло ускорить дело. В ночь на субботу, 6 августа, Филипп Гессенский скрылся из Аугсбурга. Среди хитростей и угроз сейма он стоял твердо, как скала среди волн, но он не видел причин задерживаться далее на сейме. Рассерженный постоянными задержками, возмущенный хитростью папистов; искушаемый сегодня заманчивыми предложениями императора, а назавтра атакуемый ужасными угрозами; кроме того, испытывая косые взгляды князей-лютеран, так как были известны его сходные с Цвингли взгляды на Евхаристию, ужасно устав от всего этого, он решил покинуть город. Он попросил у императора разрешение на это, но ему было отказано. Переодевшись, он проскользнул сквозь городские ворота в сумерках, и в сопровождении нескольких верховых, ускакал прочь. Желая предотвратить его побег, император распорядился поставить к воротам ночную стражу, но прежде чем стража заняла свои места, ландграф ушел, и был теперь на расстоянии нескольких лье от Аугсбурга.

При дворе императора все пришли в оцепенение, когда на следующее утро стало известно о побеге ландграфа. Католики видели его возвращавшимся во главе армии. Они представляли себе, что другие протестантские князья готовят побег и звонят в набат, призывающий к войне. В лагере папистов царила тревога, ужас и ярость. Император не был пока готов к военным действиям, он избегал крайних мер, на которые толкали его обстоятельства, и с того дня его поведение стало менее надменным, а речь менее грозная по отношению к протестантам.

Лютер в замке Кобург был исполнен отваги и радости. Его информировали о ходе дел в Аугсбурге и перемежавшихся страхе и надежде, сотрясавших его друзей. Как путешественник в Альпах, который видит облака у своих ног и слышит раскаты грома далеко под собою, в то время как вокруг него непреходящее солнце, так и реформатор, стоя на горе Божьей силы, смотрел вниз

на тучи, висевшие над его друзьями в Аугсбурге, и слышал далеко внизу раскаты императорского гнева. Но нельзя было ни затмить солнце его мира, ни поколебать его уверенность в престоле, к которому в вере и молитве он постоянно поднимал свой взор. Его письма того времени показывают исключительную высоту веры и соответственную уверенность в победе. Например, пишет он друзьям: «Я вижу плотные тучи, висящие над нами, как огромное море, я не мог различить ни основания, на котором они покоились, ни веревки, на которых они держались, но, однако, они не упали на нас, а быстро поприветствовали нас и прошли мимо». Императоры и армии, и все земные власти, что они представляют? Серый туман, насыщенный бурями и разрушением, но как только они готовы разразиться, они отступают перед дыханием Всемогущего, как облака отступают перед ветром. Но чтобы полностью понять это, нам нужно подняться до высоты Лютера. Мы должны встать там, где облака будут под нами, а не над нами.

Между тем, на сейме обещания были применены и потерпели неудачу, угрозы были применены и потерпели неудачу, переговоры были возобновлены и были близки к поражению. Лютер жил над облаками, а бедный Меланхтон, кому приходилось исполнять главную роль на переговорах, жил под ними, не увидев веревок их поддерживавших, и думая, что они упадут, был готов сдаться Риму. Во время медленного инкубационного периода Опровержения с каждой стороны было выбрано семь человек (13 августа) для встречи на конференции и созданию работы по примирению. Они успешно двигались до определенного места, но когда затронули суть обоих вероисповеданий, окончательно остановились. Попробовали сократить число до трех с каждой стороны в надежде, что с меньшим количеством участников будет меньше расхождений. Главным с протестантской стороны был Меланхтон, о котором Палавичино говорит, «что по характеру он был не упрямым, хоть и отступник, и стремился к миру так же, как Лютер к спорам. Меланхтон заслужил похвалу от католического историка. Ради мира он был готов пожертвовать собой, коллегами, работой, на которую потратил несколько лет труда и молитв. Его уступки католикам во время работы комиссии были действительно значительными. Он был готов согласиться с ними в вопросах таинств, обрядов и праздников. По другим более важным вопросам, таким как месса, оправдание по вере пришли к обоюдному заключению о возможности двойного толкования. Паписты понимали, что им нужно только выждать время, чтобы они смогли возвести свою конструкцию на этих артикулах, когда все будет хорошо. Относительно брака священников, причастия под обоими видами и подобных вещей католики согласились разрешить их до созыва следующего вселенского собора. Касаясь церковного правления, Меланхтон и его коллеги по комиссии изъявили желание подчиниться восстановленной юрисдикции епископов и признать Папу главой церкви согласно правам человека. Немного осталось, чтобы сдаться; согласие на этой основе было бы похоронами реформации. Фактически, Меланхтон неосознанно строил для нее гробницу. В

Аугсбурге миряне чувствовали, что они являются свидетелями ее погребения. Ужас и горе охватили швейцарских протестантов. «Они готовы вернуться в римскую церковь», сказал Цвингли. Лютер сильно удивился и пришел в замешательство. Он прочитал о предложенных уступках, взял перо и написал в Аугсбург следующее:

«Я узнал, что вы начали удивительную работу, а именно, по примирению Папы и Лютера; но Папа не будет примиряться, а Лютер просить прощения. Но, если, несмотря на них, вам удастся это дело, то следуя вашему примеру, я примирю Христа и Велиара». Это, можно подумать, могло сорвать повязку с глаз Меланхтона и показать ему пропасть, к которой он шел. Ему не мог дать совет даже Лютер. Терпение кончалось, нрав становился угрюмым, он начал запугивать коллег и был готов довести до конца работу по примирению, как он ее называл, но на самом деле поражения, когда спасение приходит из другого места.

В свою очередь католики, пораженные безумием, отступили, находясь почти на вершине победы. Споры между двумя партиями сводились к трем вопросам номинально, а фактически к одному: спасается ли человек добрыми делами? Протестанты отрицали, паписты утверждали. Первое является основой протестантского богословия, второе – краеугольным камнем католической веры. Если ни одна из сторон не уступит, конференция закончится. Таким образом, римская церковь упустила победу, которая была бы за ней, если бы она заключила мир на основе уступок Меланхтона. Ее гордость спасла немецкую реформацию.

Теперь императору только оставалось составить Рецессию сейма. Эдикт был обнародован 22 сентября, и имел следующее действие: протестантским князьям предоставляется возможность примириться с Папой и остальным христианским миром, а пока они не должны разрешать в своих владениях никаких религиозных новшеств, распространения протестантских книг, попыток прозелитизма, и должны помогать императору избавляться от анабаптистов и цвинглиан. Этот эдикт Карла навязал бы сразу шпагу, но дух, проявленный протестантскими князьями, позиция, занятая турками, и отношения императора с другими суверенами Европы делали войну невозможной. Вследствие этого монарх, который три месяца назад въехал в Аугсбург с большой помпой, в надежде, что он заставит всех и вся исполнять его волю, возвращался в полной подавленности и смущении, разочаровавшись во всех своих планах, и был вынужден скрывать крушение надежд под видом сдержанности и снисходительности.

Глава 27 - Взгляд назад – 1517 – 1530 – движение вперед.

Взгляд назад – Путь продолжается. – Достижения тринадцати лет – Евангелизированные провинции и города Германии – День приходит в другие страны. – Немецкая Библия – Немецкая церковь – Саксонский рай – Политические движения – Их подчинение протестантизму – Виттенберг – центр драмы. – Карл V и его кампании – Попытки исполнения Вормского эдикта – Их результаты – Все эти попытки дали противоположный результат. – Продвижение протестантизма – Курс на понижение любой противоборствующей силы – Отличие протестантизма от раннего христианства – Две Библии

Прежде чем поднимется занавес перед новым действием этой великой драмы, давайте остановимся и окинем взором путь, который прошли. Несколько мгновений обращения назад могут открыть нам намного больше, чем мы видели, когда рассказывали о них, о последующих и восходящих этапах движения. Нас, возможно, удивит, когда мы подумаем, насколько коротким было наше путешествие, измеряемое временем его свершения, и насколько длинным, измеряемое полученными результатами. Только вчера молоток монаха отдавался эхом на улицах Виттенберга, а сейчас кажется, что прошли столетия с того дня, и принесли с собой новый мир, в котором мы живем. Обычно много лет, а может быть веков, должно пройти, пока новая идея не овладеет умами людей. Едва Лютер произнес свою великую идею, как она, подобно свету, засверкала по правую и по левую руку, с одного конца неба по другой.

Примечательно, что наше путешествие все время продолжается!

Не было отступления назад. Точка, достигнутая сегодня, всегда была впереди той, к которой пришли за день до этого. Как чудесно думать, что никто не был записан на пути церкви от дома рабства до обетованной земли! И еще чудеснее, когда мы вспоминаем, что тех, кто первым прошел этот путь, часто подводила мудрость. То и дело их подводила смелость, вера колебалась, и путь был виден всего на несколько шагов. Все остальное скрывала ночь с нависшими тучами, готовыми разразиться грозой. Но когда небольшой отряд Виттенберга шел вперед, туча отходила и стояла в стороне. Невидимый и Всемогущий Бог проходил перед ними. А когда тучи возвращались, и гроза была готова обрушиться, они слышали славный Голос, говоривший к ним из тьмы: «Будешь ли переходить через воды, Я с тобою, через реки ли, они не потопят тебя; пойдешь ли через огонь, не обожжешься, и пламя не опалит тебя».

Из этих тринадцати плодотворных лет между 31 октябрем 1517 года, когда Лютер прибил свои тезисы, и 25 июня 1530 года, когда Аугсбургское Исповедание было прочитано в присутствии императора, какие удивительные победы были достигнуты! Курфюршество Саксонии – реформаторское, и ее монарх марширует в авангарде князей-реформаторов. В Гессе проповедано

Евангелие, и его благородный ландграф встал рядом с курфюрстом, как соратник в великой борьбе за протестантизм.

Свет распространяется во Франконии, Силезии, Восточном Фрисланде, Пруссии, Брунсвике, Люнебурге и Ангальте. Евангелие радостно встречают в свободных городах: Нюрнберге, Ульме, Аугсбурге, Страсбурге, Любеке, Бремене, Гамбурге и многих других, неся вместе с ним второй рассвет ремеслам, торговле и правам этих влиятельных сообществ. Каждый день князья, графы и свободные города торопились записаться в протестантское войско и служить под знаменами протестантизма; и во многих случаях, когда правитель оставался на стороне римской церкви, немалая часть его подданных оставляла старую веру, и принимала реформацию.

Свет распространяется еще дальше. Он сияет во все стороны. Небо над Богемией, Моравией и Венгрией вновь освещается, в этих странах было уже заложено основание для протестантской церкви, предопределенное, увы, потонуть вскоре под напором бурь гонений. В Дании и Швеции реформация двигается к своему установлению. Протестантское знамя водружено на берегах Цюриха, и все кантоны собираются вокруг него. Альпы проясняются день ото дня, и их сияние отражается на равнинах Северной Италии. Во Франции при дворе Франциска I и в Сорбонне, ревниво оберегавшей традиционную веру, были люди, которые не стыдились исповедовать, что они преклоняются перед авторитетом Евангелия, и посвящают свою жизнь его служению. В Англии движение лоллардов, которое, казалось, заснуло с пеплом мучеников, пробуждается от сна и собирается с силами для второго более славного, чем первый, этапа. В Шотландии свет нового дня радует глаз, а его дыхание воодушевляет людей. Трактаты Лютера и Новый Завет Тиндейла попали в страну. В 1528 году жребий был брошен, Шотландии обеспечена реформация, так как Патрик Гамильтон сожжен на костре у собора св.Андрея, и его мученический костер стал похоронным факелом папства в этой стране. Такова была область, которую тринадцать коротких лет наполнили светом протестантизма.

Нельзя не отметить, что посреди немецкого народа, подобно столпу света, стоит немецкая Библия. Глаз, который видит этот Свет, радуется о нем; ухо, которое слышит этот Голос, благословляет его. В присутствии этого Божественного учителя, человеческий авторитет, который так долго держал разум в цепях, сброшен, и немецкий народ, выйдя из самого тяжелого рабства, вступают во владение самой первой и самой высокой из всех свобод, свободой сознания.

Далее, церковь организуется в Саксонии и Гессе. Земля, очищенная от монастырей, ящиков с индульгенциями и других пагубных продуктов средневековья, начинает покрываться общинами и насаждаться школами. Пасторы, обеспеченные содержанием, проповедуют Евангелие; церковное

правление следит за порядком в церкви, и осуществляет общее руководство священнослужителей. Протестантизм, который больше не является системой абстрактных доктрин, нашел средство для облагораживания людей и реформирования законов общества. Германия из пустыни, которой она была несколько лет назад, превращается в сад. Лютер наслаждается пышной зеленью, в которую облекается Саксония. Его перо оставило нам удивительное описание этого, и его слова полны мягкого колорита божественной идиллии, у которой было позаимствованы им художественные приемы: «Я спустился в сад, чтобы взглянуть на плоды долины, и посмотреть, расцвела ли виноградная лоза и гранатовое дерево». «Мне доставляет огромное, исключительное удовольствие – пишет реформатор курфюрсту 22 мая 1530 года – видеть, как мальчики и девочки могут лучше понимать и говорить о Боге и Христе, чем раньше это делалось в колледжах, монастырях и школах папства, и как они делают до сих пор. В ваших владениях теперь расцветает чудесный рай, с которым ничто не может сравниться в этом мире. Как будто Бог говорит: «Мой возлюбленный князь Иоганн, Я даю этих детей тебе, как самую большую драгоценность; они – Мой небесный рай добрых растений. Будь им отцом. Я ставлю их под твою защиту и власть, и оказываю тебе честь, делая тебя руководителем и хранителем этого небесного сада».

Нельзя не отметить всецелого и полного, в течение всего этого периода, подчинения политических событий протестантскому движению. Если мы займем позицию в Виттенберге и окинем взором огромную область вокруг, внимательно наблюдая за движениями, сценариями, комбинациями и битвами, развернувшимися в этой великой драме, то, чем дольше мы будем смотреть, тем тверже будут наши убеждения в том, что мы стоим в центре действий. С другой позиции будет сплошная неразбериха, и только с этой одной позиции все будет в полном порядке. Далекие и близкие позиции, на Босфоре и Тахо, в мусульманских землях и испанских владениях, сходятся здесь в одной точке. Императоры и короли, герцоги и князья, Папы и епископы, все вращаются вокруг Лютера, и все даны ему в руки, чтобы он использовал их в нужный момент. Мы видим Карла, ведущего большие кампании и сражающегося в великих битвах; он думает, что оказывает католикам огромную услугу, но приходит протестантизм и забирает трофеи. По правде, император также содействовал движению, как и сам реформатор, так как никогда не клал руку на эфес шпаги, чтобы ударить ею, но чтобы она положила границы. Это прикосновение, вместо того чтобы парализовать его, давало ему новую жизнь. Надо отметить, что все действовало в обратном порядке, укрепляло то, что император пытался свергнуть. Вормский эдикт был ярким примером этому. Он был обнародован в надежде, что будет способствовать уничтожению протестантизма; наоборот, он стал одним из средств его укрепления. Каждая последующая попытка дать ему законную силу, только поднимала протестантизм на более высокий уровень. Спустя несколько

месяцев немецкую Библию можно было видеть на каминных полках в немецких домах.

Следующая попытка дать эдикту законную силу на Нюрнбергском сейме в 1522 году вылилась в «Сто жалоб» немецкого народа. Это было второе большое продвижение, поскольку оно отождествляло протестантское движение с делом независимости Германии. Третья попытка на Нюрнбергском сейме 1524 года ввести в силу эдикт привела к толерантному отношению к протестантизму. Все, что могли пообещать князья императору, было то, что они исполнят указ против Лютера, если будет возможно, но они уже ранее объявили, что это невозможно. Таким образом, при попечительстве протестантизма общественное мнение формировалось так мощно, что привело авторитет императора в тупик.

Четвертая попытка исполнить эдикт, сделанная на сейме в Шпейере в 1526 году, привела к еще одной самой важной уступке реформаторам. Толерантность к протестантизму, определенная на предыдущем сейме на словах, стала узаконенной толерантностью, принятой князьями большинством голосов, до созыва вселенского собора княжества будут решать вопросы религии по своему усмотрению. Однако еще одна попытка, пятая по счету, была предпринята на сейме в Шпейере в 1529 году. Она больше всего способствовала движению, так как побудила князей-лютеран выступить со знаменитым Протестом. Протестантизм стал открыто исповедоваться князьями, княжествами и половиной церквей Германии. Не было смысла продолжать говорить о Вормском эдикте; с этого времени протестантизм можно было подавить только ценой гражданской войны.

Тем не менее, император предпринял еще одну, шестую попытку привести в исполнение устрашающий эдикт, который вызывал опасения теперь только у него. Карл только что одержал победу над «Святой лигой», и скрепил печатью новый союз с Папой обещанием полностью повернуть свою политику, и если этого недостаточно, то и всю силу оружия на истребление протестантизма. Для того чтобы исполнить свое обещание он собирает сейм в Аугсбурге в 1530 году, и едет туда лично, чтобы его проект не потерпел неудачу. Именно сейчас он кладет верхний камень сооружения, которое он надеялся возвести. Аугсбургское Исповедание, подготовленное в надежде на это собрание, и зачитанное перед императором и сеймом, стало кульминацией немецкой реформации. Протестантизм Германии был в своем зените; он сиял светом, которого никогда не было до этого и после этого. Поэтому каждая новая попытка привести запрет в исполнение, чтобы сокрушить Лютера и искоренить протестантизм, ударяла рикошетом о трон самого Карла. Шпага, обнаженная в Вормсе в 1521 году, вместо того чтобы нанести смертельный удар по великому движению, по которому человек, державший ее, твердо верил в то, что она ударит, становится оружием,

открывшим путь для реформации через многие преграды, и приведшим ее шаг за шагом в конечной цели и славе.

Поэтому протестантизм не является мелким делом, прокравшимся на подмостки мира в этот великий час, который пробрался случайно и без приглашения в великие дела королей и императоров, и был неспособен по своей ничтожности повлиять на решаемые тогда великие дела. Это – единственная позиция, которую некоторые известные историки могли найти для него. Карл – человек выдающегося ума своего времени; его битвы являются знаменательными событиями истории; его кабинет является источником действий, изменяющих мир и формирующих судьбы народов. Но как поверхностен этот взгляд. История приподняла завесу и поставила нас в присутствие более мощной Силы. Протестантизм – господин, а Карл – его слуга. По воле протестантизма он вынимает шпагу или вкладывает ее в ножны, заключает мир или ведет войну; и то, что в интересах протестантизма, император возвышает или низвергает, его оружие либо сверкает победой, либо мрачнеет от катастрофы и поражения. Все и вся существуют ради реформации. Именно эта Сила дает начало, управляет и организует всех вокруг себя. Все, у кого есть глаза, чтобы видеть, и сердце, чтобы понимать, должны признать, что протестантизм стоит в самом центре действия, по-королевски возвышаясь над другими актерами, невозмутимо смотря вниз на войско врагов. Он не препоясывается оружием войны, он не ведет вперед вооруженные войска, он не размахивает топором войны в свою защиту, и, однако, он в безопасности. Сверкают молнии, а их удары проходят мимо. Собираются грозовые тучи, но проходят стороной и проливаются в другом месте. Силы, сражающиеся вокруг него, поражаются одна за другой, испытывая сначала упадок, а потом полное поражение; но грандиозное дело твердо марширует вперед к победе. Франция унижена, голова ее монарха склонилась на поле при Павии, чтобы не подняться снова с рыцарским достоинством, украшавшим ее в былые времена. Неожиданный удар молнии повергает славу Рима в грязь, испорченной царственной красоте более не суждено расцвести с прежней силой. Мощная империя Карла сотрясается от сильных ударов, и прежде чем император сойдет в могилу, ему суждено увидеть ослабление испанской власти, продолжавшееся, пока Испания не превратилась в ужасные обломки, которые мы видим сегодня. Но, что касается реформации, ее успех похож на монарха, шествующего на коронацию. Каждый шаг выводит ее на более широкую арену, и каждый год поднимает ее на более высокий уровень, пока, наконец, 25 июня 1530 года царственный венец не возлагается на ее чело в присутствии собравшихся вельмож империи, духовный и светских, с императором во главе, собравшихся на ее похороны, но ставшие нечаянными свидетелями ее триумфа.

Реформация отличалась от христианства первых веков способностью порождать социальные действия. Она давала народам действие такой силы, что ничто подобного не было в первые века. Евангелие ранних дней шествовало

среди народов, оно призывало людей то там, то здесь быть его последователями. Те, кого оно собрало из народов, были сплетены в святое братство, евангельскую церковь. Все же, несмотря на великое множество понимающих людей всякого рода и языка, эти ученики оставались в среде своего народа, они не выступали перед миром, как четкое социальное и политическое сообщество. Они были лишь духовным царством. Когда гражданские власти разрешили им открыто исповедовать свою веру, они с благодарностью приняли эту привилегию; когда они были лишены ее, они были согласны умереть за Евангелие, они никогда не думали, что можно выдвинуть требование на право исповедовать открыто свою веру.

Но реформация, возбуждая и усиливая социальный инстинкт человека, принесла с ним и новый порядок. Она дала рождение не только возрожденным людям, как первые христиане, но и возрожденным сообществам. Несомненно, Евангелие шестнадцатого века началось оттуда, откуда началось и Евангелие первого века, с возрождения человека, но оно на этом не остановилось. Оно призвало к сотрудничеству, оно возвестило им идею социальных прав и предложило организацию для обретения и применения этих прав. Таким образом, реформация возвела платформу, на которой можно было развивать более высокую цивилизацию, обретать более совершенную свободу по сравнению с той, которую знало человечество ранее. Даже если не принимать во внимание христианские добродетели, которые, конечно, составляли основу такой цивилизации, гражданские достоинства приобретают вес, освещаясь светом, превосходящим все, чему были свидетелями за их короткий героический век Греция и Рим. Куда бы ни приходила реформация, мир, казалось, населялся людьми новой расы. Воспламеняемые любовью к свободе и еще более святой любовью к истине, люди совершали дела, освещавшие славой страны, в которых они совершались. Те страны, куда приходила реформация, облагораживались ее мужеством, обогащались ее усердием, освящались ее добродетелями. Болота Голландии, горы Швейцарии и горные долины Шотландии стали ее пребыванием, и сразу до этого грубые и варварские районы освещались славой более яркой, чем слава, принесенная искусством и оружием Италии и Франции. Она превращала горожан и ремесленников, ткачей и земледельцев в героев и мучеников. Такова была новая жизнь, данная реформацией, и таковы были удивительные и доселе неизвестные преобразования, которые она принесла в мир.

При реформации общество приобрело зрелость. Христиане достигали зрелости в первые века, но зрелость общества пришла только с реформацией. До этого времени общество находилось под властью наставников и правителей. До этой эпохи расцветал деспотизм, являясь единственной формой правления сочетавшейся с мирным и правильным устройством княжеств. Пока реформация не распространила среди народов Евангелие, у них не было никакой основы для

освобождения. Две существенные составляющие государства – свобода и порядок. Евангелие является единственной силой, известной человеку, способной дать эти два важных дара. Атеизм, освободивший разум от суеверного рабства, может дать свободу, но дав свободу, нарушает порядок. Деспотизм и суеверие могут дать порядок, но поддерживая порядок, они лишают свободы. Христианство дает и то, и другое. Как только оно освобождает разум, оно дает свободу, как только оно руководит разумом, оно устанавливает порядок. Таким образом, реформация, сделав действие Библии важным для всего общества, первой дала народам основу для свободы, а со свободой и порядком она подари возможность земного бессмертия. Люди древности после короткого пути богатства и преступлений следовали один за другим в могилу. Если атеизм не ввергал их в анархию, и не вынуждал их погибать в собственном насилии, суеверие держало их в оковах, пока они не утопали в нечестии и не исчезали с земли. В этом случае было потеряно равновесие между ограничениями, которые накладывает разум, и свободой, которую дают знания; за этой потерей следовало наказание смертью. Но Евангелие может восстановит это равновесие народам земли, а в отношение отдельных людей и небесное бессмертие.

История – это вторая Библия с тем отличием, что она написана не как первая буквами, а фактами. Буквы и факты имеют, однако, одно и то же значение. В первой Библии, написанной буквами, Создатель сделал известными черты Своего характера, и основные принципы, на которых Он строит управление творениями; Он предупредил народы, что если они стремятся к величию и счастью, они должны основывать власть на принципах истины и праведности, по которым и Он правит миром. Если они правят согласно с ними, то их правление будет стабильным и процветающим. Но если они становятся в оппозицию к Его правлению, принимая за основные и руководящие правила принципы, которые Он осудил, они, несомненно, рано или поздно придут в столкновение с Его всемогущим и праведным законом, будут разбиты вдребезги и стерты в порошок. Об этой великой истине мы читаем в одной Библии понятными и безошибочными словами; читаем об этом в другой Библии по маякам предупреждения и примерам для подражания, которые мы видим вокруг нас – в свергнутом народе, покрытым тьмой руин; в основаниях истины и высшем свете свободы и нравственности, сияющем вокруг них.

Пять строк или пять слов могут заключать великий принцип; но пять или десять столетий могут пройти, прежде чем народ узнает истинность или лживость принципа. Народ выбирает его в качестве краеугольного камня; он формирует закон и политику по нему; национальный дух и действие являются результатом развития этого принципа; он действует, решает проблемы в течение нескольких столетий; наконец, приходит конец; народ поднимается, полагаем, к благополучию, свободе, славе; становится очевидным, что принцип был верным, и народу досталась «лучшая участь!» Или он приносит беды, несчастья и

поражение; это тоже показывает, что принцип был неверным, и что при выборе народу досталась «худшая участь».

Давайте на примере рассмотрим каждую сторону этого принципа. Испания упала с высоты власти, ее горные цепи без лесов и цветов, ее равнины превратились в пустыни, ее города приходят в упадок, ее люди погрязли в невежестве, нищете и варварстве, она провозглашает великую глупость, в которой она виновна, выбрав как основу для величия разум, опиравшийся на инквизицию.

Британия, седалище закона, святилище правосудия, источник знаний, центр торговли, оплот порядка и свободы, провозглашает не менее ярко мудрость своего выбора, сделав первой необходимостью разум, эмансипированный и руководствующийся Библией.

Божественное провидение посылает наставников в мир, как и первые проповедники христианства, посылались в него по двое. Здесь мы имеем Испанию и Британию, двух великих наставников миру. Они отличаются в том, что представляют два разных принципа, но сходны в том, что оба учат, один негативно, другой позитивно, тождественный урок для человечества. Они являются древом познания добра и зла для народов, подобно дереву, бывшему посреди древнего сада. Как явно, что обильная роса сошла на одного, и безмолвное проклятие поразило второго! Гора Гевал христианства, с которой провозглашаются проклятия, стоит напротив горы Геразим, с вершины которой благословения, подобно звезде, сияют перед народами.

Когда страницы истории открыты перед нами, нам не надо, чтобы кто-то доказывал нам существование Бога, и что Библия является откровением Его характера и воли. Библия постоянно подтверждается деяниями праведности и проявлениями страха, так как чем являются мировые анналы и хроники человечества, как не фактическим толкованием законов и принципов Священного Писания? Бог вне времени и пространства, Он не требует свидетелей. Исторические факты свидетельствуют о Нем и о Его Слове. Они – непрекращающееся эхо грозного Голоса, который с самого рассвета человеческой истории провозглашает качества Божественного характера и принципы Божественного правления с вершины горы Синай. Этот Голос продолжает говорить в истории. 18+

Ольга Крубер-Федорова

Джеймс Уайли История протестантизма

Книга десятая. Возникновение и установление протестантизма в Швеции и Дании.

Глава 1 - Цвингли, его учение о Вечере Господней

Взгляд на юг – Швейцария – Реформация свыше – Ульрих Цвингли – Его подготовка – Краткое изложение его пути – Служение заграницей – Евангелие исцеляет болезни страны. – Цвингли в Цюрихе – Его разностороннее дарование – Преобразование в Швейцарии – Катастрофа близко – Вечеря Господня – Пресуществление – Взгляды Лютера – Взгляды Кальвина

Следуя за светом, мы дошли до самых северных пределов. Теперь вернемся к югу, к тем странам, где возникла реформация, где она участвовала в великих сражениях. Каждый ее шаг сопровождался эшафотами и кострами, но чем более трагичным был ее путь, тем больше влияния она оказывала, и последующие перемены были более продолжительными. Во Франции тысячи исповедников и мучеников готовы были выйти на сцену и сыграть свою роль в великой драме; но сначала мы должны обратиться к Швейцарии, и возобновив повествование с того места, где мы остановились, продолжим его до смерти Цвингли.

На предыдущих страницах мы рассказали о рассвете протестантизма на горах Гельвеции. Ни из Германии, так как об имени Лютера еще не слышали, ни из Франции, ни из другой соседней страны, а свыше, можно с уверенностью сказать, свет впервые излился на швейцарцев. Из дома пастуха в долине Троггенбург пришел их реформатор, Ульрих Цвингли. Будучи ребенком, он сидел у вечернего очага и с большим вниманием слушал рассказы из Библии, которые пересказывала ему набожная бабушка. С годами он сам нашел доступ к этой книге, она стала предметом его ежедневного изучения. Свет озарил его душу. Он светил ярче с каждым днем, когда Цвингли читал эту книгу. Наконец, через несколько лет его глаза окончательно открылись, он увидел славу Евангелия и окончательно распрощался с Римом.

Только личное знакомство со злом может дать ощущение его пагубности и вызвать отвращение к нему, что побудит всю жизнь бороться за его свержение. Мы можем проследить этот принцип в судьбе Цвингли. Ему было предназначено провести свои дни в постоянной борьбе с двумя ужасными пороками, позорившими его страну и лишавшие ее сил. Воспитанный в безыскусном и простом, как и его пастухи, Тоггенбурге, он не был еще готов к предназначенной ему работе, ему надо было учиться в школе. Мы говорим о других школах, не школах Базеля и Вены, где он учился языкам и античной философии. Первая находилась в Гларусе, где он столкнулся с ужасами службы наемников. Каждый день перед его глазами были вдовы и сироты людей, которые соблазнившись на французское и итальянское золото, перешли через Альпы и были убиты. Там же он увидел не менее впечатляющее зрелище искалеченных и изнуренных людей, избежавших шпаги, но принесших на родину худшее зло, чем раны, а именно пороки развращенных и богатых стран. В Эйзедельне, куда он потом перебрался, он получил второй урок. Там у него была возможность увидеть разрушительное действие паломничества и идолопоклонства на сознание и моральное состояние людей. У него было время подумать об этих двух грехах. Он решил не щадить своих сил, чтобы искоренить их. Но в этой работе он возлагал всю надежду на Евангелие. Только оно могло рассеять тьму, в которой пребывали паломники со всей своей мерзостью, и только оно одно могло уничтожить любовь к золоту, которая иссушала кровь и достоинство

соотечественников. Другие второстепенные средства в свое время придут на помощь в этой борьбе, но Евангелие должно придти первым. Он научит каждого швейцарца склоняться перед святым алтарем и сидеть у чистого огня; и это в свое время вольет поток свежей крови в артерии государства. Тогда возродится честь прежних дней, и по прославленным долинам опять будут ходить люди, способные на новые героические дела, как и их предки. Но сначала в истощенную землю должны быть посеяны семена Божественной истины, для того чтобы они принесли плоды. Такие взгляды привели к необычному сочетанию пастора и патриота, каким мы представляем Цвингли. Целью его более широкой по масштабу реформы, чем в Германии, было охватить как церковь, так и государство, причем последнее через первую. И не потому что он меньше доверял Евангелию, но потому что он доверял ему больше всего, видел его единственным плодотворным источником всех земных достояний и благословений, потому что он более вольно толковал свое служение в качестве реформатора, как член республики полнее отождествлял себя с отечеством и чувствовал большую ответственность за ее неудачи, чем обычный подданный империи. Он предначертал себе такой путь и твердо следовал по нему. Он пытался возвести личное благочестие на уровень народного, и во всем он опирался на один источник – Евангелие.

Получив и поразмыслив над двумя уроками, данными ему, Цвингли был готов к предназначенной работе. Освободилось место в кафедральном соборе Цюриха. В городе начало возрождаться образование, и городские власти искали человека с большими достоинствами, чем просто настоятеля для исполнения своих обязанностей. Их выбор пал на капеллана Эйзедельна. Цвингли приехал в Цюрих, просвещенный Божественной истиной, даром, который уединение обогатило рвением и духовной высотой; сердце его горело от негодования на тех, кто был причиной упадка страны. Он твердо решил употребить свое яркое красноречие, чтобы возбудить у соотечественников понимание своего падения. Он стоял в центре республики, и его голос гремел по всей Швейцарии. Он двигался шаг за шагом, стараясь, чтобы его реформы не опередили степень просвещения, которого достигли соотечественники. Он был в равной степени пастором, писателем и полемистом. Он чувствовал себя как дома и в зале для приемов, и в рейхстаге, и в здании гильдии. Его деятельность была неутомимой. Его проницательный и широкий ум делал тяжелое легким и позволял ему делать работу за десятерых. Когда свет распространялся вокруг него, поднимались другие реформаты. Это похоже на утро в той же Швейцарии. Не только Монблан освещен, но десятки и десятки пиков вокруг него начинают загораться, и вскоре нет ни одной дальней или ближней вершины, которой бы не коснулась слава, и ни одной даже самой глубокой долины, в которую бы день не излил своего сияния. Так небо Швейцарии стало освещаться со всех сторон протестантским утром. Города и деревни покинули тьму, долгую и глубокую тьму монашества, и вышли на свет. Такие крупные центры, как Берн (1528 г.), Базель (1529 г.), Шлауффхаузен (1529 г.), Санкт- Гален (1528 г.) отделились от Рима и приняли Евангелие. У подножья Юрских гор, на берегах озер, на востоке и западе северной Швейцарии, от ворот Женевы до берегов Констанцы распространялся свет. Престолы, на которых совершалась месса, были разрушены; изображения жгли как дрова; сутаны, рясы, четки и индульгенции выбрасывали как мусор; люди гасили горящие свечи и обращались к живому светильнику Божьего Слова. Его свет вел их к кресту, на котором раз и навсегда была принесена жертва Вечного Первосвященника.

Мы остановились в нашем повествовании на том, что можно назвать зенитом реформации Цвингли.

Мы видели, что протестантизм полностью установился в Цюрихе и частично в выше упомянутых кантонах, но человек, которому выпала честь начать эту работу, не имел чести ее закончить; его блестящий путь вскоре завершился. Уже появлялись признаки приближавшейся бури на горах Гельвеции; вскоре буря разразится и затмит, но не разрушит, великую работу, которую начал реформатор из Цюриха. Катастрофа, о которой мы вскоре расскажем, является вторым этапом в реформации Швейцарии.

Последний раз мы видели Цвингли в Марбурге в 1529 году, когда он отстаивал перед Лютером духовное значение Вечери Господней. Прежде чем мы возобновим описание событий, необходимо объяснить позицию Цвингли в отношении таинства Евхаристии, и это требует от нас рассмотреть взгляды Лютера и Кальвина по этому вопросу. Можно яснее понять учение о Евхаристии этих трех великих людей только, если сравнить их мнения.

Вечерю Господню стали искажать еще в ранней церкви. Простое воспоминание заменили тайной. С веками эта тайна становилась все ужаснее и необъяснимее. Ее стали выделять среди других установлений и служений церкви, не только уделяя ей особое почтение, но считая ее особым установлением по своей природе и по действию. Ей приписывалось тайное действие, которое независимо от принимающего тайно влияет на его душу. Это больше не являлось установлением, а заклинанием. Дух древнего язычества проник сюда и, вытеснив Святой Дух, который действует по вере причащающихся, наполнил Евхаристию магическим действием. Вечеря Господня была установлением перед самым крестом, и прежний дух заблуждения был, несомненно, вызван намерением исказить установление, чтобы быстро и надежно закрыть или отравить источник спасения всего мира. Искажение продолжалось, и в 1215 году появилось учение о пресуществлении. Хлеб и вино, которые были на столе Евхаристии в первом веке, становились по указу Иннокентия III телом и кровью на алтарях тринадцатого века.

Несмотря на то, что учение о пресуществлении противоречит Писанию, здравому смыслу и шокирует все наши чувства, мы должны согласиться, что некоторая необычная сила порабощает наше сознание. Лютер, который разрушил до основания все части римской системы, эту оставил нетронутой. У него не хватило мужества разрушить ее; он продолжал до конца своей жизни верить в единосущность, то есть в присутствие плоти и крови Христа с, в и под хлебом и вином. Он, несомненно, пытался очистить свое верование от явного материализма римской мессы. Он отрицал, что Вечеря Господня была жертвой, и нужно поклоняться телу Христа, присутствующему в св. дарах. Но он утверждал, что тело присутствует и принимается причастником. Он считал, что сочетание Божественного и человеческого в Христе, дало Его прославленному телу новые, совершенно неземные качества. Оно сделалось независимым от пространства, стало вездесущим. И когда Цвингли в споре ответил, что это противоречит всем законам природы, по которым тело может быть только в одном месте, Лютер отверг это возражение, как чисто математическое. Реформатор Виттенберга, казалось, не понимал роковых последствий, вытекавших из доказательства изменения тела Христа, как он

утверждал, вследствие сочетания божественного и человеческого, так как эта теория представляла опасность существованию двух фактов, являющимися основой христианской системы, смерти и воскресения нашего Господа.

Не один Лютер придерживался этой догмы. Более сильный разум, а именно Кальвин, не мог освободиться от ее влияния. Правда, он не верил ни в пресуществление, ни в единосущность, но колебался принять чистую духовность Вечери Господней. Он учит, что причастник принимает Христа, Который присутствует духовно, но только по вере причастника. Он выражается смутно, кроме того, как будто он представляет эманацию или действие, исходящее от прославленной человеческой природы, находящееся по правую руку от Создателя, входящее в душу верующего и вселяющее в него зародыш прославленной человеческой природы, как у воскресшего Господа. В этом недостаточно понятном размышлении можно найти влияние мистицизма прошлых веков. Здесь мы можем проследить желание Кальвина приблизиться насколько возможно к точке зрения Лютера и тем самым закрыть брешь, разделявшую и ослаблявшую два больших отряда протестантов, собрать в одно войско все силы реформации перед лицом все еще мощного папства.

Цвингли успешнее Лютера и Кальвина отделял духовное от мистического в таинстве Евхаристии. Его взгляды отличались от мистицизма и абсурдности, которые с первого века окружали это таинство и которые достигли апогея в папской доктрине мессы.

Некоторые утверждали, что отличие зашло слишком далеко, что Цвингли впал в заблуждение чрезмерной простоты и свел Евхаристию к простому воспоминанию или поминовению. Эти возражения могут относиться к его ранним заявлениям (1525 год) о доктринах Таинства, особенно Евхаристии, но не к поздним учениям (1530 год), как мы полагаем. Он вернулся к золотой середине, избежав крайностей; с одной стороны, не предавая Евхаристии мистического или магического значения, а с другой стороны, не делая ее простым символом события в прошлом.

Чтобы понять его взгляды и увидеть их соответствие Писанию, мы должны обратить внимание на природу и замысел Вечери Господней, очевидных при ее установлении. Главной целью и значением Вечери Господней является воспоминание: «Сие делайте в Мое воспоминание». Но мы вспоминаем такое событие и наше отношение к нему носит такой характер, что воспоминание о нем, конечно, перестает быть простым воспоминанием. Мы вспоминаем о «смерти» вместо нас и в искупление наших грехов, поэтому мы можем воспоминать о ней только по вере. Это является основанием нашей вечной жизни; таким образом, мы принимаем Его «плоть и кровь», а именно духовное благословение, данное Его смертью. Более того, этим действием мы ставим себя в ряды Его последователей. Мы обещаем или клянемся Ему в верности. Так много совершается со стороны человека.

Теперь мы обращаемся к Божественной стороне. Происходящее должно быть определено, исходя из природы взаимодействия. Хлеб и вино Евхаристии, представляя тело и кровь Христа, являются символами вечного искупления. Помещая эти символы перед нами, и приглашая вкусить их, Бог ставит перед нами и предлагает искупление. Мы принимает его по вере, а Он дает его нам и приводит в действие в нас с помощью Святого Духа. Таким образом, Вечеря становится знаком и печатью. Как «кровь» на

косяках евреев она является «знаком» между Богом и нами, так как из еврейской Пасхи исторически вышла Вечеря Господня, поэтому смысл и сила первой, бесконечно возвышенные, живут и в последней. Это исчерпывает, по нашему мнению, все, как с Божественной, так и с человеческой стороны, что гарантируют нам законы Слова Божьего относительно Евхаристии. И если мы попытаемся прибавить к нему еще что-то, то это что-то при тщательном рассмотрении окажется не духовным, а магическим.

Главным принципом Цвингли как реформатора был, прежде всего, авторитет Священного Писания. Лютер не отвергал ничего в поклонение Богу, если это не осуждалось в Библии; Цвингли не принимал ничего, что не было заповедано. Следуя этому принципу, Цвингли отвергал все человеческие толкования, папские эдикты и мистицизм разных школ и шел прямо к Новому Завету, не сводя взгляда с его страниц и по нему делая заключение о действительном значении Вечери Господней. Он понял, что с человеческой стороны она была «воспоминанием» и «залогом», а со стороны Бога – «знаком» и «печатью». Далее, средством, с помощью которого человек получает благословение, является вера, а фактором со стороны Бога, через который передается благословение, является Святой Дух.

Такой нашел Цвингли Вечерю Господню в ее первоначальном установлении. Он очистил ее от всех следов мистицизма и материализма, но не затронул ее духовной силы и совершенства.

Глава 2 - Диспут в Бадене и его результаты

Тревога католиков – Решают нанести тяжелый удар. – Они предлагают открытый диспут. – Экк выбран представлять католиков. – Цвингли отказали в поездке в Баден. – Мученики – Прибытие участников – Великолепная одежда католических полемистов – Протестантские участники – Внешность Экка и Эколампадия – Обсуждаемые вопросы – Экк объявляет о победе. – Протестанты пожинают плоды. – Цвингли держат в курсе хода дебатов. – Умный прием – Комедия – Планы сорвались. – Экк и Карл V помогают реформации.

Победы, о которых мы рассказывали в предыдущей книге (книга восьмая), вызвали величайшую тревогу среди сторонников папства. Движение, вначале презираемое ими, потом наполовину принимаемое в надежде на некоторое приятное возбуждение, теперь выросло до такой степени, что угрожало втоптать в грязь величественную систему их владений и власти. Они должны поступить мудро и нанести такой удар, который бы смел Цвингли и его движение с земли Гельвеции. Будучи заранее уверенными в победе, они говорили, что это благоприятно отразиться на Германии. Стоит один раз остановить поток и воды ереси вернутся в бездну, из которой они вышли. «Вечные горы» старой веры, которые поток грозил затопить, опять поднимут свои вершины, как всегда прочные и величественные.

Событие, произошедшее в политическом мире, помогло еще больше убедить католиков в необходимости скорейшего и решительного шага. Ужасная битва при Павии бросила мрачную тень на Швейцарию, и излила свет популярности на Цвингли и непосредственно на реформацию. Многие швейцарские наемники сражались на этом кровавом поле. Число убитых составляло от пяти до шести тысяч, пять тысяч были взяты живыми и отправлены в плен. Их потом отпустили и отправили домой, но в каком состоянии! Без рук, лица в шрамах, многие от голода и болезней умерли в пути, остальные вернулись в лохмотьях. Кроме этого ужасного зрелища, из каждого города и деревни доносился вопль вдов и сирот. То, что поэт сказал об Альбионе, применимо и к Гельвеции:

На острове лишь слезы могут напитать,

Лишь женщины остались по умершим рыдать.

В этот день бедствия люди вспомнили, как часто Цвингли разражался с кафедры громом против иностранной службы. Они теперь видели, что он был их лучшим другом, самым преданным патриотом. Папские кантоны завидовали Цюриху, который в основном под влиянием Цвингли почти полностью избежал или немного пострадал от удара, который обрушился на них с такой ошеломляющей силой.

Католики видели, какое благоприятное впечатление произвело это на людей, и думали о том, какие противодействия им предпринять. Более мудрые из них рассуждали, что, с одной стороны, они достигли небольшого прогресса в подавление лютеранства, обезглавливая и сжигая его последователей, но, с другой стороны, Цвингли добился бо;льшого успеха, приняв участие в религиозном диспуте в Цюрихе. «Они размышляли – пишет Буллингер – день и ночь», и, наконец, пришли к выводу, что правильным будет

проведение открытого диспута и достижение победы над реформацией ее же оружием, не приняв в расчет ее истину. Будучи уверенными в своей победе, они заранее выбрали подходящее место для диспута и подходящих людей, которые будут выбирать между полемистами. В их плане было еще одно преимущество, но они позаботились, чтобы никто не знал о нем, кроме самых доверенных людей. Конечно, Цвингли приедет на конференцию. Он будет в их власти. Они осудят его и сожгут; смерть борца будет смертью движения.

Соответственно на сейме в Люцерне 15 января 1526 года пять кантонов – Люцерн, Ури, Швиц, Аппельцелль и Фрибург – решили устроить диспут и провести его в Берне. Однако жители Берна отклонили такую честь. Затем подходящим местом был выбран Базель, так как там был университет, и жило много образованных людей. Но Базель, как и Берн, не особенно жаждал такой чести. После продолжительных переговоров было решено провести диспут в Бадене 16 мая 1526 года.

После согласия кантоны посмотрели вокруг в поисках сильных борцов для сражения за старую веру. Один прославленный борец, появлявшийся не без славы на первых полях реформации, был еще жив – д-р Экк, вице-канцлер Ингольштадта. Наши читатели не забыли того дня в Лейпциге, где Экк встретился с Лютером и разрушил его планы, как он сам хвалился. Но, обнаружив, что Лютер упорно не видит своего поражения, он поехал в Рим и вернулся с буллой Льва X, чтобы сжечь человека, который не имел права на жизнь после того, как был опровергнут Экком. Д-р Экк был, несомненно, человеком образованным и многоречивым – короче, лучшим фехтовальщиком на службе у Рима. Выбор папских кантонов единодушно пал на этого ветерана.

Экк должен был пожать на этом поединке не только славу, но и прекрасные лавры. Финансирование этого сражения осуществлялось Римом. Высшее духовенство Швабии и Швейцарии ввело налоги ради этой похвальной цели. Швабская Лига и австрийский эрцгерцог собирали деньги, чтобы нанять людей, желавших и бывших способными принять участие в этой кампании. У доктора из Ингольштадта не было причин тратить свое время и подвергаться опасности, если бы не было хорошего вознаграждения за столь трудно завоеванную победу, которая делала жизнь приятной. Экку, наверное, прилично заплатили, так как Буллингер пишет, цитируя очень старый прецедент: «он возлюбил мзду неправедную». Богослов из Ингольштадта принял вызов и с ним неизбежную победу, как он думал. В письме конфедератам Базеля он пишет: «Я полон уверенности, что легко отстою перед Цвингли нашу старую христианскую веру и традиции в соответствие со Священным Писанием». Затем с заслуживающим оправдания презрением, так как такая видная личность, как вице-канцлер университета Ингольштадта выходит на арену для встречи с сыном пастуха из Тоггенбурга, он продолжает: «Несомненно, Цвингли надоил большее количество коров, чем прочитал книг».

Но д-ру Экку не суждено было встретиться с Цвингли в Бадене. Совет Цюриха не отпустил пастора на конференцию. До Их Высочеств дошли слухи, что католики намеривались использовать кроме аргументов другое оружие. Место, где конференция должна проходить, было плохим предзнаменованием; так как в Бадене едва высохла кровь Виртов, и папские кантоны были сильными. Даже Экк, с которым должен был

полемизировать Цвингли, объявил о тщетности борьбы с такими еретиками как проповедник из Цюриха другим оружием, кроме как «огнем и мечом». До сих пор против Цвингли использовали огонь, потому что его книги сожгли в Фрибурге и его чучело в Люцерне. Он был готов встретиться в Цюрихе с войском противников от Голиафа и ниже, и городские власти были бы согласны на такую встречу, но посылать его в Баден совет не хотел, так как это значило посылать его не на диспут, а на смерть.

Придя к такому заключению, правители Цюриха не нарушили закона милосердия, и хотя их заключение было твердым, они не нанесли вреда католикам Швейцарии. На какие бы соседние кантоны и провинции они не посмотрели в тот час, что они видели? Костры и жертвы. Люди, которые очень бы хотели принять участие в диспуте, не проявили интереса к процессу, который мог бы закончиться мешком и веревкой. В Люцерне Генриха Мессберга бросили в озеро за то, что он выступал против монахинь; Ганса Нагеля сожгли за распространение «доктрин Цвингли». В Швице Эбергарта Полта из Лахена и священника того же места предали смерти через сожжение за выступление против обрядов. В то же время протестантского служителя Петера Шпенглера утопили в Фрибурге по приказанию епископа Констанца. Человек, который получил столько лавров в дебатах, не посчитал ниже своего достоинства прибавить к ним славу палача. Незадолго до конференции в Бадене Экк председательствовал на церковном суде, собравшемся на рынке в Мерсбурге, и приговорил к сожжению еретика Ганса Гугеля, пастора из Линдау. Мученик пошел на костер с гимном Te Deum, и было слышно, как он на костре молился: «Отец, прости им».

Когда наступил назначенный день, стали съезжаться участники. Двенадцать кантонов конфедерации прислали по одному представителю. Цюрих не получил приглашения и не послал своего представителя. На конференции были также представлены епископы Констанца, Кура, Лозанны и Базеля. Экк приехал в сопровождение Фабера, товарища Цвингли по колледжу, и Томаса Мюрнера, монаха из ордена кармелитов. Список протестантских полемистов был скромным, и включал только имена Эколампадия из Базеля и Галлера из Берна. Ни в одном из этих двух городов не была установлена реформации (1526 г.), но только что открывшейся конференции было предназначено возбудить протестантизм в них обоих. В Берне и Базеле он немного задержался, но с этого дня реформация должна была возобновить своей марш в этих городах и не останавливаться пока не дойдет до цели. Если бы католики могли предвидеть такой результат, они были бы менее ревностными в организации конференции. Если бы аргументы папских участников были убедительными настолько, насколько их одеяния великолепными, то не было бы ни одного вопроса, в котором они бы не одержали победы. Экк и сопровождавшие его прелаты, государственные советники и богословы вошли одетые в платья из дамаска и шелка. Вокруг шеи были золотые цепи, на груди благочестиво покоились кресты, на пальцах сверкали драгоценные камни. Размеренный шаг и горделивая манера соответствовали их одеянию. Если бы тогда существовали пьесы нашего великого драматурга, и если бы люди, собравшиеся тогда в Бадене, были труппой артистов, нанятые их сыграть, ничего не было бы лучше. Но великолепные ризы вряд ли подходили для дискуссии, целью которой было определение и принятие законов для построения будущих церквей и государств. В глазах толпы реформаторы были просто

нищими по сравнению с людьми в дамаске. Одежда этих двоих людей не отличалась от повседневной. Экк с друзьями остановились в доме священника Бадена, где было прекрасное вино, поставляемое аббатом Ветингена. Оно поставлялось неограниченно и также потреблялось. Эколампадий остановился в гостинице Пайк. Он быстро справлялся с едой, и хозяин, заинтересовавшись, чем он занят все время, подсмотрел и увидел, что он читал или молился. «Несомненно, еретик, - сказал он – но, тем не менее, благочестивый».

Экк был все еще таким же, каким мы видели его в Лейпциге: широкоплечий, с громоподобным голосом и страстный. Если при аргументации отказывала логика, то он помогал ей, топая ногой, и как передает поэт из Берна того времени, отдельными ругательствами. Ярким контрастом его фигуре грузчика была высокая, худощавая, интеллигентная фигура его оппонента Эколампадия. Некоторые из римских католиков очень хотели, чтобы «болезненный человек», такой спокойный, но вместе с тем твердый и державшийся с достоинством, был бы на «их стороне».

Нет необходимости передавать содержание этого диспута. Возражения уже рассматривались много раз. Дискутируемые вопросы касались реального присутствия, жертвы мессы, поклонения Марии и святым, поклонения изображениям, чистилища и несколько мелких вопросов. Диспут продолжался восемнадцать дней. «Каждый день духовенство Бадена – пишет Рухат – проходило торжественной процессией с пением ектеньи ради успешного проведения диспута». Экк получил удовольствие от сражения, и когда оно закончилось, объявил победу и позаботился, чтобы эта хорошая новость распространилась по конфедерации, пробуждая в папских кантонах горячую надежду на восстановление старой веры в прежней славе. Но возникает вопрос, кто собрал трофеи? Нам не трудно ответить на этот вопрос, когда мы думаем об оживление жизни в Берне и Базеле, об огромных шагах, которыми с этих пор эти и другие города продвигались в установлении реформации.

Экк почувствовал тяжесть руки Цвингли, хотя реформатор лично не присутствовал. Папская партия, назначив четырех секретарей для ведения достоверных записей конференции, запретила всем другим делать какие-нибудь заметки о диспуте под угрозой, ни много ни мало, смертной казни. Однако, несмотря на суровый запрет, каждый вечер Цвингли сообщали, как проходила борьба, и каждое утро он мог посылать советы друзьям, как вести борьбу днем. Было умно придумано. Студент из Вале, Иероним Вальш, который притворился, что ездит принимать ванны в Баден, каждый вечер записывал по памяти ход диспута, проходившего днем. Двое студентов по очереди были курьерами. Приехав в Цюрих поздно вечером, они передавали Цвингли записи Вальша и письма Эколампадия, а следующим утром возвращались в Баден с ответом реформатора. Чтобы усыпить подозрения вооруженных часовых у ворот, которым было приказано строго охранять их, они несли на головах корзины с домашней птицей. Они говорили, что даже богословам надо есть. Если д-р Экк и его уважаемые богословы останутся без обеда, то они не отвечают за то, что может случиться с благим делом католицизма и с теми, кто препятствовал доставке продовольствия. Итак, они входили и выходили, не подозреваемые в выполняемом ими поручении.

После серьезных дебатов конференции случилась небольшая комедия. В свите богослова из Ингольштадта был монах и лектор из Люцерны, Томас Мюрнер. Представители кантонов только что присудили Экку победу на диспуте и разгромили цвинглианскую ересь. Но Мюрнер, стремясь добиться почести за лишение жизни убитых, поднялся в присутствие всего собрания и зачитал сорок обвинений, выдвинутых против Цвингли. Никто не подумал, что на это надо было отвечать. После этого монах продолжал: «Я думал, что трус приедет, но он не появился. Я заявляю сорок раз, что по всем человеческим и божественным законам тиран Цюриха и его последователи являются мошенниками, лгунами, лжесвидетелями, ворами, кощунниками, рецидивистами и такими людьми, с которыми ни один честный человек не будет иметь дело». Сказав все это, он сел, и сейм завершил работу.

Таким образом, мы видим, что на двух далеко отстоящих друг от друга аренах принимаются меры для подавления протестантизма, которые в результате помогают ему установиться. В небольшом Бадене мы видим, как представители кантонов и епископов собрались, чтобы доказать несостоятельность цвинглиан и проголосовать за искоренение реформаторского движения в Швейцарии. Далеко за Пиренеями мы видим (март 1526 года), как император Карл в мавританском Альказаре Севильи сочиняет письмо своему брату эрцгерцогу Фердинанду, приказывая ему собрать сейм в Шпейере для исполнения Вормского эдикта. Диспут в Бадене привел, как мы увидим, к установлению протестантизма в двух важных кантонах Берна и Базеля. Сейм в Шпейере (1526 г.) принял вместо эдикта об изгнании, как мы уже видели, эдикт о толерантности в пользу реформации. Канцлер университета Ингольштадта и глава Священной Римской империи, не сговариваясь и, конечно, не планируя этого, объединили усилия, помогая процессу освобождения всего мира. Есть Тот, Кто руководил ими, и использовал их для того, чтобы сбросить то, что они хотели удержать, и защитить то, что они пытались уничтожить.

Глава 3 - Восстание анабаптистов в Швейцарии и его подавление.

Появление анабаптизма в Швейцарии – Томас Мюнцер – Его первые ученики, Гребель и Манц – Краткое изложение их взглядов – Их поведение и нравы – Цвингли приказал провести с ними диспут. – Принудительные меры – Анабаптизм распространяется в других кантонах. – Ганс Шукер и его семья – Ужасная трагедия – Манц – Его бунтарская деятельность – Приговорен к утоплению в Цюрихском озере. – Исполнение приговора – Такая жестокость не одобрена Цвингли. – Фанатизм уничтожается Евангелием. – Очищение швейцарской церкви – Взгляды Цвингли на баптизм становятся более зрелыми.

Река реформации несла свои воды вперед, бесплодные земли покрывались зеленью, когда неожиданно грязный и ядовитый ручеек попытался влиться в нее. Если бы последний загрязнил великий поток тем, что он нес с собой, то смерть, а не жизнь были бы провозглашены народам христианского мира. Цвингли предвидел зло, и его следующим делом было предотвращение ужасной катастрофы, надвигавшейся на мир. Его действия в этом важном деле заслуживают нашего внимания прежде, чем мы перейдем к рассмотрению влияния диспута в Бадене на два сильных кантона Берна и Базеля.

Как мы видели, Цвингли был занят борьбой с папским врагом на передовой, когда анабаптистский враг появился и напал с тыла. Мы уже подробно описали печальную трагедию, к которой привела эта секта фанатов в Германии. Они были готовы установить те же нечестивые нормы морали и омерзительные нарушения на швейцарской земле, которые принесли много горя в другом месте. Эта секта скорее пришла извне, чем выросла в Гельвеции. Пресловутый Томас Мюнцер, закинутый на швейцарскую границу бурями крестьянской войны, принес с собой это странное учение, чтобы посеять его среди последователей Цвингли. Он нашел несколько неустойчивых умов готовых принять его учение, в частности Конрада Гребеля из старинного швейцарского рода и Феликса Манца, сына пребенда. Эти двое были первыми учениками Мюнцера, а впоследствии руководителями секты. Они получили прекрасное образование и были людьми свободных принципов и распущенных нравов. Постепенно к ним пристали и другие.

Эти люди пришли к Цвингли и сказали: «Давайте создадим церковь, в которой не будет грехов». У Гребеля и Манца был странный способ создания безупречного общества. Их способ, не такой уж необычный, как кажется, заключался в том, чтобы превратить все пороки в добродетели; таким образом, терпимое к порокам отношение не делало их виновными и не оставляло никакого пятна. Таков был способ достижения безгрешности, который Цвингли не мог принять, так как не мог согласовать его с Евангельской заповедью, говорящей: «…отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке». «В каком бы преступление или грехе их не застали, - говорил Цвингли - их оправдание всегда одно и то же: я не согрешил; я более не в плоти, а в духе; я – мертв для плоти, а плоть – мертва для меня». Мудрость ответа Цвингли на предложение Гребеля была так же велика, как и малословна. «Мы не можем – сказал он – устраивать небо на земле».

Повторное крещение было скорее символом, чем вероисповеданием секты. Под предлогом духовного освобождения от плоти они отрицали служение, авторитет пасторов церкви и гражданской власти. Под тем же предлогом духовности они требовали освобождения от всех нравственных законов и социальных обязательств. Они также поступили и с Библией. Они имели внутренний свет, который вел их и делал их независимыми от Слова извне. Некоторые из них бросали Библию в огонь, говоря: «Буква мертвит». «Крещение младенцев – говорили они – является мерзостью, вопиющим нечестием, изобретенным злым духом и Папой Римским Николаем».

Чудачества и эксцессы, которые они начали проявлять, были необычными, и напоминали чудачества людей с умственными нарушениями. Они становились в круг на улице, танцевали, пели песни и толкали друг друга в грязь. В другой раз, одев мешковину и посыпав голову пеплом, они бегали по улицам с зажженными факелами и громко кричали: «Горе! Горе! Еще сорок дней и Цюрих будет разрушен!» Некоторые говорили, что получили откровения от Святого Духа. Некоторые прерывали служение и, встав посреди собрания, громко провозглашали: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется». Время от времени они устраивали ночные пирушки, на которых попеременно пели псалмы и веселые баллады, и называли это «собирать стол Господень». Четырнадцать из них были арестованы городскими властями, несмотря на совет Цвингли, посажены в Башню Еретиков на хлеб и воду. На четырнадцатый день «ангел открыл темницу и вывел их». В отличие от случая с Петром, с которым они сравнивали свое освобождение, ангел посчитал необходимым, убрать несколько досок прежде, чем освободить их.

Городские власти, обеспокоенными общественным порядком, приказали Цвингли провести с ними диспут. Конференция состоялась 17 января 1525 года. Цвингли добился полной победы, вслед за этим городской совет выпустил эдикт, предписывавший крестить всех младенцев в течение восьми дней. Фанаты не подчинились приказанию городских властей и не приняли аргументы Цвингли. Они не принесли детей креститься и не отреклись от своих убеждений. Советом было предписано провести второй диспут. Он состоялся в марте того же года, но с такими же результатами. Победа или поражение были одинаковы для людей, которые решили держаться своих убеждений, независимо от аргументов, приведенных для их опровержения.

Против них были приняты суровые меры. Одних посадили в тюрьму, других изгнали из кантона. Цвингли не одобрял такие суровые меры, и последующие события подтвердили его мудрость. Гонения лишь разожгли их ревность, а их расселение распространило огонь на другие кантоны. В Санкт-Галене их насчитывалось 800 человек, в кантоне Аппельцелль 1200 человек. Они дошли до Шлаффхаузена и Гризонса, где устроили беспорядки. Двое сектантов пошли и проповедовали в папском кантоне Швиц; несчастных схватили и сожгли. Умирая, они призывали имя Спасителя.

В некоторых случаях фанатизм переходил в сумасшествие, а оно порождало чудовищные поступки, которые более способствовали прозрению людей и запрещению этой секты на швейцарской земле, чем все наказания, с помощью которых гражданские власти преследовали ее. Один печальный и наиболее отвратительный случай дошел до нас. В кантоне Санкт-Гален в уединенном доме жил престарелый фермер Ганс Шукер,

который вместе с семьей и слугами принял «новое крещение». Двое из его сыновей особенно отличались ревностью. Во вторник на масленой неделе отец заколол теленка и пригласил друзей анабаптистов на праздник. Кампания, вино, пылкие речи и воображаемые откровения, в которых они провели всю ночь, кажется, помрачили ум одного из сыновей. Он осунулся, глаза дико вращались, и, говоря глухим голосом, он подошел к брату Леонардо с желчным пузырем теленка в руке и сказал: «Как желчь будет горька смерть, которой ты умрешь». Затем он приказал ему встать на колени. Леонард повиновался. Предчувствие беды охватило компанию. Они просили несчастного человека остеречься от действий. «Ничего не произойдет, - ответил он - лишь совершится воля Отца». Повернувшись к брату, который все еще стоял перед ним на коленях, он быстро выхватил шпагу и одним ударом отсек ему голову. Окружающие застыли от ужаса. Тело без головы и окровавленный маньяк представляли собой ужасное зрелище. Они были свидетелями преступлению подобному преступлению Каина. Они провели ночь в молитвах, смешанных со стенаниями и плачем. Новость об ужасном злодеянии быстро облетела всю страну. Несчастный братоубийца убежал из дома полунагой со шпагой в руке, быстро проходя по деревням в направление к Санкт-Галену, отчаянно жестикулируя и крича безумным голосом: «день Господень», являя собой ужасный пример пагубных последствий, к которым привел энтузиазм анабаптистов. Он предстал перед людьми с печатью Каина на лбу. Несчастного схватили и обезглавили.

За этим ужасным случаем последовала не менее ужасная трагедия. Выше мы упоминали имя Манца, одного из руководителей фанатов. Городские власти Цюриха приговорили утопить этого человека в озере. Приговарив его к такой участи, они принимали во внимание не его взгляды на баптизм или строго религиозные убеждения, но его отношение к гражданскому правительству. Он не только не признавал авторитет гражданских властей, но сопровождал практикой свои принципы, уча своих последователей воздерживаться от уплаты налогов и подстрекал их к актам насилия. Его несколько раз сажали в тюрьму, но он после освобождения всегда возвращался к прежнему. Народное возмущение по отношению к секте, возросшее после события, о котором мы рассказали, и опасность, в которой оказалась Швейцария, став ареной таких же кровавых событий, как и в Германии годом раньше, не позволили более совету закрывать глаза на предательское поведение Манца. Его опять арестовали, но на сей раз заключение окончилось приговором. Он был приведен в исполнение с должной формальностью. До озера его сопровождали брат, мать, уже старая женщина, и незаконная жена пребенда. Они пошли с ним, чтобы поддержать его, но он не показывал никаких признаков страха. Они видели, как палач посадил его в лодку, отплыл на глубокое место, как его бросили в воду, и вода сомкнулась над ним. Брат разрыдался, а мать стояла и смотрела на все, не проронив ни слезинки.

Цвингли не принимал участия в этих событиях. Эти фанатичные выходки вызывали у него глубокую печаль. Он знал, что будут говорить: «Смотрите, какие горькие плоды растут на дереве реформации». Он считал упрек несправедливым и смотрел на Евангелие как на единственное средство, способное справиться с фанатизмом. Он просил городские власти воздержаться от наказания на том основание, что для уничтожения зла требовалось лишь оружие света. И над ним он усердно работал. Борьба

против анабаптизма стоила ему «больше пота», выражаясь его языком, чем борьба против папизма. Но пот был не напрасен. В основном благодаря его трудам поток анабаптистского фанатизма был остановлен. И то, что вначале угрожало фатальной катастрофой, обернулось благословением как для Цвингли, как и для протестантской церкви Швейцарии. Последняя вышла из бури очищенной и укрепленной. Вместо обвинения анабаптистский бунт явился оправданием реформации. Взгляды самого Цвингли стали более глубокими и освободились от противоречий. Он был вынужден изучать отношение, в котором находились Ветхий и Новый Завет, и пришел к пониманию, что под двумя названиями была одна книга, под двумя формами одно откровение. Как при пересадке деревьев из питомника в открытый грунт не меняется ни их природа, ни назначение, так и при пересадке установлений Божественного откровения Ветхого Завета, первого места посадки, в Новый Завет, где они должны расцвести, нисколько не изменили своей природы и структуры, но остались тождественны тем же установлениям. Они воплощают те же принципы и имеют те же цели. Он доказывал, что крещение является обрезанием, а обрезание было крещением под другой видимой формой.

Этот принцип, суть которого он излагал в дискуссиях с анабаптистами, и во всем, что он обнародовал в прессе и с кафедры, заключался в том, что, поскольку в Ветхом Завете обрезание делали младенцам, было понятно, что они считались от рождения членами церкви и имели право на печать завета. Таким же образом дети верующих родителей в Новом Завете являются от рождения членами церкви и имеют право на таинство крещения. Вода при крещении подобно крови при обрезании обозначает удаление внутренней нечистоты и омытие Духом для спасения. Как обрезание указывало на соблюдение Божьих установлений, так и крещение указывает на соблюдение святой жизни.

Глава 4 - Установление протестантизма в Берне.

Берн готов довести до конца диспут Бадена. – Решает организовать конференцию. – Назначена на январь 1528 года. – Подготовка и приглашения. – Протест папских кантонов против проведения конференции – Карл V пишет письмо о запрете. – Ответ бернских представителей – Поездка швейцарских представителей – Всего 350 представителей – Церковь монахов-францисканцев – Десять тезисов – Обращение к вере в алтаре – Праздник св.Винсента – Утрени и вечерни не поются. – Песнь «Величит душа моя» заменена на траурный гимн. – Духовенство принимает предложения реформаторов. – Месса и многое другое отменено. – Реформатские законы – Акт гражданского милосердия – Вечеря Господня.

Мы уже писали, как закончился диспут в Бадене. Борцы, принимавшие в нем участие, вернулись домой. Экк, как ему было свойственно, вернулся, вознося себе дифирамбы и громко хвалясь одержанной победой. Эколампадий вернулся в Базель, а Галлер в Берн, совсем не расстроенные исходом дела, хотя говорили немного. Пока католические участники хвастали по всей Швейцарии, протестанты тихо готовились собрать плоды.

Пасторы, съехавшиеся на диспут со всех сторон Швейцарии, вернулись домой более смелыми. Более того, вернувшись к своей деятельности, они обнаружили, что к их делу пробудился новый интерес. Диспут оживил движение, которое намеревался погубить. Они должны были довести успех до конца, пока ревность людей не охладела. Такое направление особенно одобрялось Берном, самым величественным и сильным членом швейцарской конфедерации.

Некоторое время Берн колебался между двумя мнениями. Как только он делал несколько шагов по пути реформации, он останавливался, оборачивался назад и бросал долгие, печальные взгляды в сторону Рима. Теперь он решился сделать окончательный выбор между Папой и Лютером, между мессой и протестантской проповедью. В ноябре 1527 года он созвал сейм для обсуждения этого вопроса. «Несчастная Гельвеция, - говорили некоторые – терзаемая религиозными разногласиями. Горек тот час, когда Цвингли принес новое учение». Было ли положение Швейцарии настолько плачевно, что она завидовала положению других стран? Когда швейцарец смотрел со своих гор, он видел небо над Европой затянутым тучами войн. Ужасная буря только что низвергла славу Рима в грязь. Франциск I и Генрих Английский вместе с Миланом, Венецией и Флоренцией объединились против императора. Карл вынул шпагу едва успевшую остыть после недавних боев, чтобы вновь пролить кровь. Глубокие шрамы междоусобных конфликтов и ненависти были еще свежи на земле Германии. Фердинанд Австрийский претендовал на короны Богемии и Венгрии и боролся за освобождение провинций и жителей восточной Европы от кровавого ятагана турок. Таково было положение в Европе, когда правители и горожане Берна собрались на Большой Совет в воскресенье после дня св.Мартина в 1527 году и решили в начале следующего года созвать конференцию по вопросам религии по образцу Цюрихской конференции. Цель конференции заключалась в том, «что истину не должно скрывать, но необходимо открыть основание Божественной истины, интеллектуальные способности христиан,

сохранить их здоровье; что поклонение должно осуществляться в соответствие со Священным Писанием».

Масштаб подготовки соответствовал положению города и важности события. Приглашения послали четырем епископам Лозанны, Базеля, Констанцы и Сиона, которых попросили присутствовать лично или через представителя под угрозой потери всех прав и доходов, на которые они претендовали в кантоне Берн в звании епископов.

Бернцы разослали приглашения во все кантоны и вольные города конфедерации Гельвеции, желавшие прислать богословов и ученых мужей обеих партий на конференцию для того, чтобы свободно и без всякого нажима конфедерация могла сделать публичное заявление об общем вероисповедании. Далее они потребовали, чтобы все пасторы и кюре кантона отправились в Берн в первое воскресение января и оказали помощь в проведении конференции под угрозой лишения бенефиций. Обращаясь к ученым мужам страны, правители Берна сказали: «Придите, мы гарантируем вам безопасность и свободу высказывания своего мнения».

Одному человеку послали особое приглашение, а именно Томасу Мюрнеру, который, как помнит читатель, комично завершил конференцию в Бадене. Его шутки могли иметь серьезные последствия в Швейцарии. Он каждый день распространял злобную клевету против цвинглиан, облекая ее бранью, готовую разжечь только яростные страсти и вовлечь конфедерацию в войну. Их Высочества хорошо сделали, что дали монаху-францисканцу возможность доказать обвинения в присутствии собрания. Мюрнер сам не приехал, но позаботился послать яростный филиппик против бернцев.

Приверженцы старой веры единодушно подали протест против проведения конференции. Они заявили, что одержали победу в Бадене, и, казалось, что они не хотели больше таких побед. Четыре епископа первыми выступили с решительным протестом. Семь папских кантонов присоединились к прошению, умоляя бернцев отказаться от очень опасной затеи и пребывать в церкви, в которой их отцы готовы были жить и умереть. Даже император Карл написал им, убеждая оставить затею и подождать созыва Вселенского Собора. «Решение религиозного вопроса – добавил он – не принадлежит какому-то городу или стране, но всем христианам», то есть практически ему и Папе. Не было более веских доказательств важности конференции, которые придавали католики ей и ее возможному влиянию на всю Швейцарию. Ответ бернцев был спокойным и достойным. «Мы ничего не меняем в двенадцати догматах христианского вероисповедания; мы не отделяемся от церкви, глава которой Христос; то, что основано на Слове Божьем, будет пребывать вечно; мы не отступим от Слова Божьего».

Все взоры были обращены на Цвингли. Духовенство и ученые мужи соберутся сюда отовсюду, но Цвингли должен был взять на себя руководство армией, он должен быть Ахиллом в этой битве. До сих пор моложавый Галлер и седовласый Коль одни сражались в Берне, но предстоящее событие требовало более верного глаза и твердой руки. Галлер написал настойчивыми выражениями этому «возлюбленному брату и борцу за дело Христа», что его приезда ждут. «Ты знаешь, - писал он – как много здесь поставлено на карту, сколько позора, насмешек и унижения падет на Евангелие и на нас, если мы не справимся с этой задачей. Мой брат, не подведи».

На эту большую конференцию съехались участники не только со всей Швейцарии, но и из многих соседних стран. В канун нового 1528 года более ста священников и ученых собрались в Цюрихе из всей Швабии, причем приглашения были отправлены в города южной Германии. Богословы Санкт-Галена, Шаффхаузена, Гларуса, Констанцы, Ульма, Линдау, Аугсбурга и других городов также приехали на встречу в Цюрих. На следующие утро они все выехали в Берн, и с ними поехали представители Цюриха: Цвингли, бургомистр Ройст, Конрад Пеликан, Себастьян Гольмайстер, Гаспард Гроссманн, большое число сельских священников, Конрад Шмидт, мэр коммуны Кюснахта, Пьер Симмлер, настоятель каппелы, и Генрих Буллингер, регент колледжа того же места.

Во главе кавалькады ехал бургомистр Цюриха Ройст. Рядом с ним верхом ехали Цвингли и несколько советников. Остальные участники конференции ехали следом. Немного впереди группы ехал глашатай, но без трубы, так как они хотели проехать без шума. Территория, по которой лежал их путь до Берна, принадлежала папским кантонам. Участники конференции попросили охранную грамоту, но им было отказано. Папскую Швейцарию облетела новость: «Кругом будет много прекрасной дичи, пойдем поохотимся». Если они серьезно имели в виду то, что говорили, их охота была бы испорчена вооруженной охраной путешественников. Триста человек с аркебузами за плечами шли от них справа и слева. Так они дошли до Берна, чтобы пленить для Христа гордый город, который ни один враг не мог покорить. Они вошли через его ворота 4 января и нашли там уже многих участников, а среди них Эколампадия из Базеля, Буцера и Капито из Страсбурга.

Бернцы заботились, чтобы всё, вызывавшее вопросы между двумя церквями, было тщательно рассмотрено. С этой целью они пригласили самых способных борцов с обеих сторон, гарантировав им свободу слова. Мы слышали о достойном монахе из Грансона по имени де Мари Полю, ученом муже, но слишком бедном, чтобы уехать домой. Правители Берна отправили курьера с письмом к этому достойному монаху, настоятельно прося его приехать на конференцию, приказав курьеру оберегать этого человека и оплачивать его расходы на дорогу. Если Экк и другие великие борцы Рима отсутствовали, то это из-за того, что они не захотели приехать. Богослов из Ингольштадта не будет сидеть в собрании еретиков, где других доказательств кроме тех, которые основаны на Слове Божьем, не принимают, и других объяснений также не принимают, если они не исходят из того же источника. Кто слышал что-нибудь более неразумное? – спрашивал Экк. Имеет ли Библия язык, чтобы опровергать, противящихся ей? Проверка присутствующих показала, что многие, кроме Экка не явились. Имена епископа Базеля, Сиона, Констанцы и Лозанны выкрикивались так громко, что было слышно по всей церкви, но единственным ответом было эхо голоса секретаря. Собрание насчитывало 350 человек, священников, пасторов, ученых и советников Швейцарии и Германии.

Местом проведения конференции была выбрана церковь францисканцев. Была сооружена большая сцена, на нее поставили два стола. За одним столом сидели папские участники, вокруг второго собрались протестантские полемисты. Между двумя столами сидели четыре секретаря, с которых взяли торжественное обещание, равносильное

клятве, что они будут добросовестно записывать все слова и события. Для руководства дебатами были выбраны четыре председателя.

Диспут продолжался двадцать дней подряд с перерывом в один день на праздник св.Винсента, покровителя Берна. Диспут начался 6 января и закончился 27 января. Конференция собиралась в воскресные дни также как и в другие. Каждый день проводилось два заседания, одно утром, другое после обеда; каждое заседание начиналось с молитвы.

На обсуждение были выдвинуты десять положений. Они представляли собой декларацию протестантского учения, составленную таким образом, чтобы охватить все противоречия между двумя церквями. Дискуссия мессы заняла целых два дня, и в конце ознаменовалась драматическим событием, которое явно показало, на чьей стороне была победа. Из церкви францисканцев Цвингли перешел в кафедральный собор, чтобы провозгласить с его кафедры перед верующими отстаиваемые им успешно на диспуте доказательства. В одном из боковых алтарей стоял священник, одетый в ризу и прочие священнические облачения необходимые для служения мессы. Он был готов начать службу, когда голос Цвингли донесся до его слуха. Он прислушался. «Вознесся на небеса – говорил реформатор спокойным, торжественным голосом, читая символ веры – и сидит одесную Всемогущего Бога Отца», и после паузы – «оттуда Он придет судить живых и мертвых». «Эти три догмата – говорил Цвингли – не имеют ничего общего с мессой». Эти слова мгновенно нашли признание в уме священника. Решение было принято на месте. Сняв священническое облачение и кинув его на престол, он обернулся в сторону Цвингли и сказал во всеуслышание: «Если месса не имеет никакого лучшего основания, то я не буду ее служить ни сейчас, ни потом. Победа у самого подножья престола явилась знамением полного триумфа.

Спустя три дня был праздник св.Винсента. Каноники колледжа ждали, когда Их Высочества выскажут пожелания по поводу проведения этого праздника. Они хотели бы торжественно отметить этот день в Берне. «Те из вас, - сказали правители каноникам – кто может принять «десять положений реформации», тот не должен соблюдать этот праздник, а тот, кто не принял, может. Уже начало чувствоваться мягкое дыхание толерантности. Накануне праздника св.Винсента все колокола звонили, сообщая горожанам о том, что завтра будет праздник святого покровителя их города. Настал тусклый рассвет январского утра. Ризничие спешили открыть двери собора, зажечь свечи, приготовить ладан и привести в порядок алтарную мебель; но, увы, на службу не пришли, ни священники, ни верующие. Под крышей собора в то утро не было слышно заутренней.

Настал час вечерни. Случилось то же, что и утром. Ни один гимн вечерни не нарушил тишину. Органист сидел за инструментом, но напрасно ждал прихода каноника для исполнения канта как обычно под сопровождение органа. Его сердце исполнилось печалью, когда он посмотрел вокруг наполовину испуганный контрастом безлюдности в тот момент и множеством облаченных священников и коленопреклоненных верующих, которые обычно по этому случаю наполняли хоры и приделы собора и вместе пели величественную мелодию Magnificat; слава ушла. Он начал исполнять на органе утренний гимн «О, несчастный Иуда, как ты мог предать своего Господа?»,

музыка гремела под крышей и в нефах пустого собора. Она звучала заупокойной мессой по католическому служению. «Это было последним произведением, - пишет Рухат – исполненном на этом органе, так как после этого его разбили на части».

Конференция закончилась. Реформаты одержали нелегкую победу. Правда, Цвингли не переставал жаловаться, что Экк и другие опытные полемисты с римской стороны не присутствовали на конференции для того, чтобы способствовать дальнейшему укреплению протестантской аргументации. Конрад Трегер из Фрибурга, архиепископ августинцев, в отсутствие богослова из Ингольштадта сделал все возможное, чтобы поддержать увядающую славу и гибнущий авторитет Рима. И неудивительно, что он проиграл там, где не мог победить сам Экк. Полемисты были ограничены Писанием, а этим оружием Цвингли владел лучше всех людей того времени.

Богословы выполнили свою задачу, теперь была очередь за Их Высочествами. Собрав каноников и церковников города и кантона, члены городского магистрата спросили их, хотят ли они принимать реформатские тезисы. Ответ был дружным. Все каноники приняли догматы, а также настоятель, помощник настоятеля и шесть братьев монастыря доминиканцев, пятьдесят два кюре и другие священники с бенефициями города и сельской местности.

С честью распустив участников конференции, оплатив расходы особо приглашенных участников, и назначив охрану из 200 вооруженных людей для сопровождения цюрихских представителей по территории пяти кантонов, члены городского совета постановили совершать богослужение в соответствии с реформатским вероисповеданием, которое духовенство должно было единодушно принять. Правители совета издали декрет о прекращении мессы в Берне и в тех приходах, где кюре приняли реформатскую веру. Жертва была отменена, в престолах больше не нуждались. Их разрушили. Материальный объект поклонение стоит или падает, пока есть материальная жертва; поэтому изображения постигла та же участь. Их фрагменты, разбросанные на папертях и в церквях, попирались ногами тех, кто недавно на коленях молился перед ними. Были такие люди, кто с ужасом наблюдал за всем этим, и в чьих глазах церковь не имела ни красоты, ни святости без изображений. «Когда праведники из Оберланда придут на рынок, - говорили они – они будут рады поставить свой скот в соборе».

То же сооружение было 2 февраля 1528 года свидетелем благородного дела – все престолы были опрокинуты, а идолы убраны. В тот же день все члены магистрата и жители Берна, слуги и господа, собрались в соборе по призыву городских властей и, подняв руки, поклялись поддерживать совет во всех мерах по реформации религии. Поддержанные с этой стороны, члены магистрата 7 февраля издали эдикт из тринадцати статей, из которых главными являются следующие:

1.Одобрили и подтвердили «десять положений», предписав гражданам принять и следовать им; призвав Бога в свидетели, они верели, что эти положения основаны на Писании.

2.Освободили подданных от подчинения епископам Базеля, Констанцы, Сиона и Лозанны.

3. Освободили настоятелей соборов и капитул от клятвы послушания, священников от обета безбрачия, людей от законов поста и соблюдения праздников.

4.Разделили церковное имущество на содержание монахов и монахинь, на создание школ и больниц и помощь бедным. Ни одного пенни они не взяли себе.

5. Запретили азартные игры; приказали закрывать таверны в 9 часов; публичные дома закрыли, выдворив из города злополучных жителей.

Следуя Цюриху они издали закон о запрете иностранного наемничества. Какие глубокие раны нанесло оно Швейцарии! С ним пришли сироты и вдовы, обезображенные тела, трусость и тайные пороки! С этих пор ни один бернец не имел права продать свою шпагу, или пролить свою или чужую кровь в чужой драке. Короче, «они написали золотыми буквами – пишет Слейдан – на колонне день и год, когда папство пало, чтобы она была памятником процветанию».

Иностранные участники не уехали из Берна пока не увидели, как бернские Высочества почтили их посещение актами гражданского милосердия. Они открыли двери темниц для двух людей, которые были осуждены за подстрекательство к мятежу. Далее, они вернули всех ссыльных. «Если бы король или император – говорили они – посетил наш город, мы бы отпустили преступников, предложив им измениться. А когда Царь царей и Владыка, перед которым мы преклоняемся в наших сердцах, Божий Сын и наш Брат, посетил наш город и открыл для нас двери вечной тюрьмы, разве мы не почтем Его, проявив подобную милость к тем, кто обидел нас?»

Еще одно событие подтвердило победу Евангелия в городе и кантоне Берна. В Пасхальное воскресенье Вечеря Господня совершалась в том виде, по их понятиям, как и в первые века. «Это воскресение было великим днем». Веками Берн был гробницей темных предрассудков. Но он снова восстает, с радостью он отмечает выход из могилы. Вокруг кафедрального собора лежит тихий город; в южной части неба поднимаются снежные вершины Оберланда, наполняя воздух блеском. Неожиданно тишина нарушается глухими звуками большого колокола, зовя горожан в собор. Люди разных сословий направляют сюда свои шаги; одетые по традиции просто, степенные и серьезные как их отцы, когда они направлялись на поле битвы, они идут и собираются под крышей старинного собора: советник, член магистрата, ремесленник, слуга со своим хозяином, и рядом с седовласым старейшиной фигуры молодых людей и молодые сверкающие глаза. В соборе нет престола, на стенах нет изображений, в проходах нет процессий с хоругвями, пары от ладана не поднимаются к потолку. Но никогда еще этот почтенный храм, дом молитвы их отцов, не был таким почитаемым и святым в глазах бернцев, как в тот день.

Над этим огромным собранием возвышается кафедра, на ней лежит Библия, из которой Бертольд Галлер должен им читать живое слово. От одного конца здания до другого тянется стол для причастия, покрытый льняной скатертью белее снега в Альпах. На столе только хлеб и вино. Как просты и величественны эти символы. Как полны они милосердия, удивительного и благословенного значения, являющие собой по вере причащающегося Великого Страдальца, Его совершенную смерть, победившую вечную смерть! Всемогущий, стоявший перед Пилатом, и сидящий одесную Отца, сейчас

находится посреди них, видимый в воспоминаниях Его страданий и ощущаемый через работу Святого Духа.

Проповедь окончилась, Галлер сходит с кафедры и занимает свое место рядом со старейшинами у стола причастия. С поднятыми кверху глазами и руками он возносит благодарность за это воспоминание и печать искупления. Затем в церкви звучит гимн. Как торжественно и волнующе звучит мелодия, когда ее поют тысячи голосов, выражая радость тысячи сердец! Песнь прекращается, и тишина опять царит в нефах огромного сооружения. Галлер берет хлеб и, преломив его перед всеми, раздает его причастникам, говоря: «…примите, ядите: сие есть тело Мое». Он берет чашу и говорит: «…пейте из нее все, сия чаша есть Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается». Под этим «символом» заключено по их вере «предвещенное» от вечности Богом. Причастники получают с хлебом и вином полное прощение, вечную жизнь, короче, Христа и привилегии искупления. Вера открывает глубокие источники их душ; любовь, печаль, радость находят выход в потоке слез. Едва они пролились, как золотистый свет после ливня, раздаются радостные восклицания, победная песнь: «И поют новую песнь, говоря: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение, ибо Ты был заклан и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле». Такое поклонение сменило обряды и театральное богослужение римской церкви.

Глава 6 - Завершилась реформация в Базеле

Вся Швейцария пришла в движение. – Оберланд – Удивление и гнев пастухов – Базель – Его значение – Эколампадий – Противники петиции Базеля об отмене мессы – Волнения в народе – Политика затягивания со стороны совета – Горожане берутся за оружие. – Новые отсрочки совета – Ночь на 8 февраля – Город в баррикадах – Две тысячи вооруженных человек – Половинчатые уступки сената – Идолы разбиты. – Идолы Малого Базеля – Эдикт сената, установивший реформу – Пепельная среда – Клятва народа – Священники уезжают. – Отъезд Эразма.

Победа Евангелия в Берне чувствовалась везде. Она дала новую жизнь протестантскому движению во всей стране. На западе она открыла дверь франкоговорящей Швейцарии для протестантской веры. Фарель был уже там и начал тот труд, о котором у нас будет возможность поговорить, и которому было предназначено иметь большие последствия. На востоке, в восточной Гельвеции, движение, оживленное событиями в Берне, нашло свое завершение в городах и деревнях, где оно прогрессировало. От Гризонса на итальянской границе до границ Шварцвальда, где Базель омывается водами Рейна, чувствовалось его влияние, и движение усиливалось.

Только огромные горы в центре страны, где ледники находят себе прибежище, а великие реки колыбель, не были затронуты. Нельзя сказать, что не совсем затронуты, так как победа в Берне вызвала удивление и ужас в Оберланде. Запертые со своими стадами в туманных ущельях своих гор, отрезанные от мира, живя без книг, не наученные рассуждать, даже не принимая любую новую идею, эти отважные и независимые, но невежественные и суеверные горцы преследовали лишь одну цель, а именно быть оплотом традиций их отцом и поддержкой Риму. Оставление Швейцарией веры, которой она придерживалась с незапамятных времен, считалось ими нечто позорным и ужасным. Они с презрением слушали о революции, происходившей на равнине. Богослужение без мессы и церковь без изображений были для них не лучше атеизма. То, что не пелись заутрени и вечерни с молитвами Деве Марии, было просто богохульством. Они опасались жить в стране, где начинались совершаться такие чудовищные преступления. Они изрекали зловещие угрозы, звучавшие подобно раскатам грома, прежде чем разразиться буря и начнет метать молнии и град на равнины внизу. Такая буря вскоре разразилась над Швейцарией, но сначала реформация продвинулась в своей работе.

Вслед на Цюрихом и Берном в Швейцарской конфедерации по важности был Базель. Его многочисленные и богатые организации, его университет, основанный, как мы уже говорили Энеем Сильвием, почти столетие назад, его ученые мужи и знаменитые печатные станки давали ему возможность оказывать заметное влияние. Он был первым местом во всей Гельвеции, куда было брошено первое семя протестантизма. Еще в 1505 году мы видели, как Томас Виттенбах вошел через его ворота и принес знание священных языков и Божественной мудрости, чьим посредником были эти языки. Несколько лет спустя мы видим Цвингли и Лео Юда, сидящего у его ног и слушающего его пока не совсем понятные ожидания обновления века и восстановления веры. Семя, посеянное рукой Виттенбаха, укрепилось сочинениями Лютера, которые известный

печатник Фробений распространял в большом количестве по этой земле. После этого второго посева пришел проповедник Капито, а после него красноречивый Гедио, которые оба поливали семя ясными и верными толкованиями Евангелия. В 1522 года еще более выдающийся евангелист поселился в Базеле, а именно Эколампадий, при котором после нескольких лет ожидания и споров реформации суждено было совершиться. Образованный, скромный и благочестивый Эколампадий был для быстрого и смелого Цвингли тем, кем был Меланхтон для Лютера.

При всех его сильных сторонах Эколампадию не хватало решительности и смелости. Мы видим его сражающимся в Бадене в 1526 году и в Берне в 1528 году рядом с Цвингли, но, тем не менее, в своем городе он не предпринимал решительных шагов. Не то, чтобы он сомневался в учение; опасность не допускала его привлечь Базель на сторону протестантизма. Но он вернулся из Берна более сильным. Нерешительный евангелист вернулся решительным реформатом; и образованный Базель должен теперь последовать примеру воинственного Берна.

В это время (1528г.) в Базеле большинство людей были лютеране. Их было 2500 человек против 600 католиков. Из-за религиозных разногласий часто возникали волнения. Безоружные реформаты в количестве 300 человек собрались 23 декабря и подали магистрату петицию о прекращении проведения мессы, сказав, что это – «мерзость перед Богом», и спросив, почему «в угоду священникам они должны навлекать на себя и своих детей Божий гнев?». Далее они потребовали от магистрата запрета папских священников, пока те « не докажут своего учения по Слову Божьему»; и предложили приостановить мессу на некоторое время, пока «католики не подтвердят из Писания, что это хорошо», что звучало как обещание вернуть ее 1 апреля. Католики Малого Базеля, который лежит на другом берегу Рейна и населен в основном католиками, вооружились и попытались помешать подателям петиции пройти к ратуше. Сенат в мягких выражениях отправил обе партии по домам «спать», так как было уже поздно. Совет сделал вид, что он нейтрален, так как дух Эразма пропитал высшие слои Базеля. Спустя два дня, на Рождество, обе партии встретились. На этот раз реформаты пришли вооруженными, как и католики. Католики первыми стали создавать волнения, из дома в дом распространялись слухи о том, что они вооружаются, в ответ на это собралось около 800 лютеран. Слухи продолжали переходить от двери к двери, и число достигло 3 000человек. Обе партии находились в боевой готовности всю ночь. После четырех дней дискуссий, во время которых на улицах царили волнения, а все ворота кроме двух были заперты, сенат нашел вариант, который, как они думали, поможет восстановить мир между двумя партиями. Они постановили проповедовать Евангелие во всех церквях, а что касается мессы, то каждый человек волен был поступать согласно своей совести. Никому не возбранялось посещать ее, и никого не заставляли этого делать.

Такое постановление перевесило чашу весов в сторону реформатов. Это было шагом по направлению к свободе проповеди и богослужения. Реформаты, однако, отказывались принимать его, как основание для установления мира. Волнения продолжались. Базель был похож на военный лагерь, который мог в любой момент превратиться в поле сражения от неожиданного удара или неосторожного слова с любой стороны.

Слухи о том, что происходит в Базеле, разнеслись по всей конфедерации. Как из реформатских, так и папских кантонов приехали представители с предложением посредничества. Католики перешептывались о том, что лютеране собирают своих конфедератов для борьбы с ними. Эти слухи взвинтили их еще больше. Гражданская война казалась неминуемой.

Сенат предпринял еще одну попытку установления мира. Они издали указ о проведении диспута о мессе во второе воскресенье после Пятидесятницы, а пока только три церкви должны служить только одну мессу в день, и только торжественную. Итак, думали члены магистрата, мы нашли средство успокоить взволновавшиеся воды. Базель вновь обретет спокойствие.

Эти надежды были обречены на провал. Опубликование указа подняло еще большую бурю. После его прочтения поднялись более громкие и неистовые голоса с обеих сторон. «Ни одной мессы, ни одной мессой, совсем ни одной, мы скорее умрем». Контр-возражения поднимались со стороны католиков. «Мы готовы умереть за мессу – кричали они, угрожающе размахивая оружием и все больше повышая голос – если запретят мессу, возьмемся за оружие!»

Члены магистрата были в крайнем недоумении. Их нерешительность не утихомирила, а только подхлестнула бурю с новой силой. Они нашли другой способ, который только показал, что их приемы почти исчерпаны. Они запретили пение псалмов на немецком языке в тех церквях, где это не было традицией. Вряд ли можно было ожидать, что такая пустяковая уступка успокоит католиков.

Римская партия испугавшись, что этот день окончится для них неудачно, прибегла к более жестким мерам. Они отказались выполнять указ о проведение диспута после Пятидесятницы. Им было ясно одно, независимо от того, основана ли месса на Слове Божьем или нет, она привлекала в Базель огромные деньги из папских районов. И если она будет отменена, то не будет поступать ни пенни. Понимая, что доказательства мессы были весьма сомнительными, но доход от нее крайне очевидным, они решили отстаивать ее, и проповедовали о ней более ревностно, чем прежде. С кафедр стали обличать еретиков. Себастьян Мюллер, проповедник собора св.Петра 24 января 1529 года взошел на кафедру, и сломя голову, не всегда спокойно, в приступе ревности разразился страстной речью и вылил поток бранных эпитетов на еретиков и саркастических насмешек на реформатов. Его проповедь разожгла гнев среди многих из его слушателей, и те лютеране, которые присутствовали там, рисковали быть растерзанными.

Новый всплеск возбудил ревность с другой стороны, но не жестокости, а активности. Реформаты понимали, что вопрос должен быть решен, либо за мессу, либо против нее. А до этого они не могут жить в Базеле в безопасности. Поэтому они поручили комитету представить Сенату свою жалобу, и потребовать, чтобы церкви были обеспечены «хорошими проповедниками», которые «возвещали бы им чистое Слово Божие». Их Высочества приняли их благосклонно и обещали дать положительный ответ. Члены магистрата шли пока двумя путями.

Прошло пятнадцать дней, но от сената не было ответа. Тем временем постоянный огонь оскорблений, брани и ужасных угроз изливался на реформатов со стороны католиков, который реформаты сносили с исключительным терпением, понимая, что они были в большинстве, а те, кто нападал на них с насмешками и угрозами, были в основном из нижних слоев пригорода Малого Базеля. Реформаты начали подозревать сенат в предательстве, и не видя другого окончания дела, кроме кровавого столкновения, в котором погибла бы одна из партий, они созвали ассамблею последователей реформации. В церкви францисканцев 8 февраля встретились 800 человек и после молитвы к Богу о том, чтобы Он направлял их к действиям, способствующим Его славе, они перешли к обсуждению. При наличии «отцов и родственников священников» в сенате он вел, как они объясняли, нерешительную политику, которая привела Базель на край пропасти, и поэтому они решили, в качестве единственного эффективного средства, просить сенат очистить самого себя. Более того они договорились, что выборы сенаторов с этих пор будут проводиться на демократической основе, открыто и честно перед всем народом.

«Завтра – ответил немного опешивший сенат – мы дадим вам ответ».

«Ответ – возразили горожане – должен быть дан сегодня вечером».

В Базеле в ту ночь никто не сомкнул глаз. Сенат заседал весь день. Пришло время дать ответ, но его не последовало. Он был отложен назавтра. Что это означало? Возможно, надвигавшаяся ночь породит темный замысел, который сенат вынашивал против государственной безопасности? Собралось 1 200 хорошо вооруженных человек. Они послали сказать сенату: «Вы должны дать ответ сегодня вечером, а не завтра». Было девять часов вечера. Сенат ответил, что в такой поздний час они не могут решать такие важные вопросы, но завтра они, несомненно, дадут ответ, а пока они просят граждан разойтись по домам в мире.

Горожане решили не расходиться. Напротив, они послали потребовать от сената еще раз и в последний дать ответ вечером. Их Высочества не рискнули более шутить с вооруженными жителями. Еще немного и 1 200 воинов ворвутся в дом сената. Чтобы оградить себя от вторжения, около полуночи они послали сказать, что все члены сенаты, которые являлись родственниками священникам, будут выведены из него; относительно других требований они сказали, что все вопросы относительно религии и политики будут решены по желанию народа.

Ответ был пока удовлетворительным; но горожане не рассматривали его как полную уступку их требованиям. Враги могли еще кинуть в них гранату. Пока они не получать нечто большее, чем просто обещание, они не ослабят бдительности и не разойдутся по домам. Разделившись на три группы, они заняли три городских квартала. Они установили шесть пушек перед отелем де Виль, перекрыли улицы, протянув через них цепи, захватили арсенал, поставили часовых у ворот и на башнях городской стены и, сделав огромные факелы из елей, поставили их на возвышенных местах, чтобы их лучи освещали тьму, нависшую над городом. Так прошла ночь 8 февраля 1529 года в Базеле.

Предводители католиков начали пасовать перед решительными действиями горожан. Бургомистр Генрих Мельтингер со своим зятем и несколькими советниками

под покровом ночи пробрались к Рейну и, сев в одну из лодок, стоявших на якоре у его берега, убежали, подхваченные быстрым течением. Их бегство, о котором стало известно мгновенно, подняло тревогу и подозрительность в народе. «Они убежали, чтобы привести австрийцев», говорили люди. «Давайте подготовимся к их возвращению». Когда настал день, 2 000 человек были под ружьем.

В восемь часов утра сенат послал сказать гражданскому комитету, что они назначили двенадцать сенаторов, которые должны отсутствовать при рассмотрении религиозных вопросов, но им дано право не подчиняться безоговорочно. Сенат послал их дело на слушание в другие кантоны. Народ хотел с ними встретиться, но при условии, что апеллянты оплатят свои расходы, понимая, что они преследуют частную цель, тогда как граждане, защищая дело всеобщего благосостояния и процветания, имели право на оплату расходов из государственной казны. Сенат рассматривал этот вопрос до полудня, не придя ни к какому решению. Опять раздались крики о предательстве. Терпение горожан истощилось. Они послали отряд из сорока человек для охраны всех постов города на всякий случай. Большой отряд отправился к собору св. Петра. Один из них поднял алебарду и со всей силой ударил в боковую дверь. Там как раз была кладовая, где хранились статуи. Дверь затряслась, одна из статуй упала и разбилась вдребезги о каменный пол. Начало было положено, статуи одна за другой скатывались, и вскоре гора осколков – голов, туловищ и конечностей – покрывала пол. Эразм удивлялся, что «они не сотворили чудес, чтобы спасти себя, так как, если эти рассказы достоверны, чудеса совершались и в более простых случаях».

Священники подняли шум и попытались оказать сопротивление, но это только ускорило конец, о котором они сокрушались. Народ ворвался в собор. Священники бежали впереди урагана, обрушившегося на храм, заперлись в ризнице, слушая с ужасом и содроганием, как падали и разбивались статуи одна за другой. Престолы были опрокинуты, картины разорваны, осколки вынесены и сложены в груду; на площади разложили костер, который горел до вечера, а горожане стояли вокруг и грели замерзшие руки. Сенат, думая внушить страх восставшему, разгоряченному народу, послал спросить их о происшедшем. «Мы сделаем за час то, - отвечали они – что вы не смогли сделать за три года».

Иконоборцы обошли весь город, заходя во все церкви и уничтожая все изображения вилами и топорами. Католики Малого Базеля, узнав о буре, бушевавшей на другом берегу Рейна, и испугавшись, что она по мосту перейдет на окрестности города, богатые святыми раками, предложили очистить церкви своими руками. Со статуями Малого Базеля более бережно обращались, чем со статуями собора св.Петра и других церквей. Их поклонники бережно перенесли их в верхние комнаты и мансарды и спрятали там в надежде, что вернуться лучшие времена, когда они смогут вынуть их из темного места и поставить на прежние места. Таким образом статуи окрестностей города избежали кремации, которая постигла их менее удачных братьев из церквей св.Ульрика и св.Альбана.

Городские власти Базеля, посчитав, что лучше идти в авангарде реформации, чем тащиться в хвосте революции, выполнили все требования горожан. Они постановили: во-первых, что все граждане примут участие в выборах членов двух советов; во-вторых,

что будут убраны все изображения и отменена месса во всех церквях города и кантона, и все церкви будут обеспечены хорошими проповедниками Слова Божьего; и, в-третьих, что по всем вопросам относительно религии и благосостояния в сенат будут допущены 260 представителей разных гильдий. Народ одержал победу. Они добились установления протестантского богослужения и поставили государство на конституционную и народную основу. Такова была победа этих двух полных событиями дней. Упорство народа преодолело нейтральность сената, власть иерархии, антипатию образованных людей, и добилось двух привилегий, не пролив ни одной капли крови. «Начало реформации в Базеле – пишет Рухат – не было спокойным, но исход был благополучным, и все проблемы, возникавшие вокруг религии, разрешились без всякого ущерба для жизни или имущества граждан».

На третий день, 10 февраля, была Пепельная среда. Народ Базеля решил, что девизом этого дня должен стать: «Пепел к пеплу». Изображения, которым удалось избежать кремации, были собраны в девять куч и сожжены на Соборной площади 8 февраля. Эколампадий сообщает нам, что католики «отворачивали глаза, дрожа от ужаса». Другие отмечали, что «идолы празднуют Пепельную среду». В то время когда у идолов была заупокойная месса, их товарищей по несчастью, остатки разрушенных престолов, сжигали на том же костре.

В пятницу 12 февраля все гильдии города встретились и утвердили указ сената в качестве «окончательного указа». На следующий день гильдия за гильдией принесли присягу на верность новому порядку. В следующее воскресение во всех церквях пели псалмы на немецком языке в ознаменование радости.

Революция сопровождалось отъездом многих священников, богословов и монахов. Стремительный Рейн предоставлял средства транспорта. Люди бежали не от наказания, так как всеобщая амнистия, простившая все оскорбления, рассеивала все опасения. Протестантской вере было противно вынуждать беженцев покидать свои жилища. Епископ, сохранив свой сан, но не юрисдикцию, обосновался в Прунтруте. Монахи мирно уехали «со своими гаремами» во Фрибург. Освободилось несколько кафедр университета, но пришли новые исповедники, даже более выдающиеся; среди них были: Освальд Миконий, Себастьян Мюнстер и Симон Гриней. Самым великим и последним из уехавших был Эразм. Базель был для него городом, проникнутым романтикой; его соборы, молочная река, возвышающиеся горы, ели, все было дорого ему. Кроме того он получал удовольствие от общения с обществом достойных духовных лиц, вежливых богословов и выдающихся иностранцев, собиравшихся вокруг него. Из Базеля этот самодержец философских школ правил ученым миром. Но пришел протестантизм, и он больше не мог дышать этим воздухом. Каждый день он должен был терпеть унижение на улицах, где ранее он мог вдыхать фимиам; чем терпеть это, ему лучше было покинуть сцену славы и провести несколько оставшихся ему лет где-нибудь еще. Садясь на корабль, плывший по Рейну, в присутствии городских властей и многих горожан, собравшихся почтить его, он произнес последнее прощальное слово любимому Базелю, когда корабль отходил от берега: “Jam, Basilea, vale!” (Базель, прощай, прощай!), и поплыл во Фрисбург кантона Брайсгау.

Глава 6 - Союз пяти кантонов с Австрией – Швейцария разделилась.

Свет распространяется. – Оберланд во тьме. – Евангелие завоевывает горы. – Союз пяти кантонов с Австрией. – Начались гонения. – Мученическая смерть пастора Кейзера – Христианский союз горожан – Пропасть между швейцарскими кантонами увеличивается. – Настоятель собора Буллингер – Люди Гастера – Идолы, которые не умеют ходить – Жестокость папских кантонов – Усилия Цюриха по предотвращению войны – Неудавшаяся попытка – Война объявлена. – Участие Цвингли в этом деле – Было ли оно оправдано?

Большим преступлением является введение истины насильно с помощью меча и принуждение нежелающих склонить перед ним свои шеи. Не меньшим преступлением является преграждение ей пути с помощью силы, когда она пытается войти законными и мирными способами. Такую ошибку допустили пять отсталых кантонов Швейцарии. Их закаленные жители, смотря из-под нависших ледников и снежных вершин своих великих гор, видели новую веру, распространявшуюся на равнинах у подножий их гор. Она установилась в Цюрихе; ее радушно встретили высокомерные правители Берна; Шлаффхаузен и Санкт-Гален открыли перед ней свои врата; и даже Базель, прибежище схоластов, отвернулся от Платона и Аристотеля и сел у ног апостолов. Свет шел вдоль гряды Юрских гор, по берегам Женевского озера, к самым воротам города, находившегося во тьме, но предназначенного стать самым ярким светилом в блистательном созвездии. Но горы Оберланда, первыми встречавшими день и вспыхивавшие первыми огоньками в Швейцарии, были последними, которых коснулся рассвет реформации, поднявшийся над христианским миром. Они оставались во тьме при свете, блиставшем вокруг.

Пастухи этих кантонов наблюдали с печалью и тревогой за преобразованиями, проходившими в стране. Слава отходила от нее. Они исполнялись лишь ужасом, когда посыльный за посыльным приходил к ним в горы и рассказывал о том, что происходит на равнинах внизу, как опрокидываются престолы, за которыми молились их отцы; как бросаются в огонь изображения, перед которыми они преклонялись; как изгоняются священники и монахи; как гасятся зажженные свечи и замолкают святые песнопения, чьи мелодии встречали утро и провожали день. Короче, что все традиции и обычаи, украшавшие и освящавшие их землю, уничтожаются, а скверная и дерзкая ересь занимает их место.

Жители Лесных кантонов с еще большим презрением и беспокойством узнали, что эта смертоносная вера дошла до них и стучится у ворот. Мало того, она уже входит в их долины. Этого больше нельзя было терпеть. Они должны спешить, иначе их собственные престолы будут ниспровергнуты, распятия втоптаны в грязь, а свечи погашены. Они решили закрыть вход реформации, как будто это была чума, но они могли противостать с помощью единственного известного им средства – костра и меча.

Их тревога еще больше усилилась, когда они узнали, что протестантизм, обойдя сбоку, атаковал их с тыла. Он перешел через Альпы и обосновался в Италии. В то время (1530г.) небольшая группа кармелитских монахов жила в Локарно на плодородных и

красивых берегах озера Маджора. Они пришли к пониманию спасения даром и под покровительством Цюриха, чья власть сюзерена распространялась на эту часть Италии, трудились над установлением реформации у себя на родине. Жители пяти кантонов поняли, что они находятся в изоляции, закрытые в горах, отрезанные даже от Италии, колыбели их веры. Они не могли больше сидеть, сложа руки.

Но к кому им обратиться? Сами они не могли воевать с реформатскими кантонами. Эти кантоны превосходили их по численности населения и богатству, они не могли и надеяться, чтобы справиться с ними. Им надо было искать союзников. Поступив таким образом, они нарушили братский союз с другими кантонами, так как отказались от права учреждения новых союзов без согласия других членов федерации, но надеялись провести тайные переговоры. Они обернули свой взор к Австрии. Меньше всего швейцарский кантон мог ждать помощи оттуда. Разве они забыли то тяжелое иго, которое Австрия вынуждала их нести в прошлом? Разве они забыли, какой кровью их отцы заплатили, чтобы сбросить это иго? Должны ли они отбросить то, за что боролись на кровавых полях Моргатена и Земпаха? Они были готовы сделать это. Религиозная неприязнь превзошла национальную ненависть; ужас перед протестантизмом был выше страха перед традиционным врагом. Даже Австрия была удивлена и сомневалась в искренности пяти кантонов. Однако их намерения были серьезны, и они в результате заключили союз и присягнули с обеих сторон 23 апреля 1529 года в Вальдсхуте. Жители Унтервальда и Ури прикрепляли павлиньи перья, символ Австрии, и по-дружески пожимали руки людей, с которыми их отцы сражались насмерть. Основная деятельность союза заключалась в том, чтобы пресекать все попытки создания новых сект на территории пяти кантонов вплоть до смертной казни. Австрия должна оказать им помощь в случае необходимости, послав пяти кантонам 600 пеших и 400 верховых солдат с соответствующей артиллерией. Далее следовала договоренность, что в случае военной необходимости, реформатские кантоны будут блокированы и отрезаны от продовольствия.

Имея за спиной Австрию, для защиты традиционной религии своих долин население пяти кантонов прибегли к очень жестким мерам. Они начали штрафовать, сажать в тюрьму, пытать и казнить исповедников реформаторской веры. В 1529 году 22 мая пастора Кейзера схватили, когда он шел в местность, расположенную между озерами Цюриха и Валенштадта, где он собирался служить на следующий день, и был отправлен в Швиц. Его осудили; и, хотя города Цюрих и Гарус ходатайствовали за него, его возвели на костер и сожгли. Он зарыдал, когда услышал приговор; но вскоре был укреплен свыше и пошел на костер с радостью, вознося славу Господу Иисусу среди пламени за то, что был удостоен умереть за Евангелие.

Так люди гор бросили вызов жителям равнин. Последние сжигали мертвых идолов, а первые сжигали живых людей. Таковы были первые плоды союза с Австрией. Вы должны прекратить идти по своему пути, говорил Унтервальд Цюриху, вы должны либо восстановить низвергнутые престолы, вернуть изгнанных священников, зажечь потушенные свечи, либо понести наказание. Лесные кантоны решили поступать так не только с протестантами, схваченными на их территории, но и с ересью на равнинах. Они пойдут с мечом очищения на сам Цюрих. Они подавят это движение, конец которого окажется в пепле его свержения. Их фанатизм разгорался день ото дня. Священники

Рима и наемные солдаты Франции и Италии возбуждали гнев пастухов. Бряцание оружия слышалось в горах. Готовился новый крестовый поход. Скоро армия фанатов спустится с гор для кровопролитной, но праведной работы по очищению Цюриха, Берна и других кантонов от ереси, в которой они погрязли.

Цвингли задолго предвидел возникший сейчас кризис. Он знал, что успех религиозной реформы на родине, в конце концов, разделит Швейцарию на два лагеря. Он предчувствовал, что предпочтение Лесных кантонов будет за старой верой, с которой их жители прочно сочетались через обряды, традиции и невежество; и они, вероятнее всего, будут защищать ее мечом. Предвидя такое критическое положение, он считал, что ради них самих и их дела реформатские кантоны должны создать оборонительный союз. Он предложил (1527г.) Христианское бюргерство, при котором все исповедники реформатской веры должны объединиться в новую реформатскую федерацию. Большая часть соотечественников поддержала его предложение. Констанца была первым городом, объявившим о своей приверженности новому государству; Берн, Санкт-Гален, Мюльхаузен, Базель, Шлаффхаузен и Страсбург последовали за ним в том порядке, в котором идут здесь. К концу 1529 года была создана новая федерация.

С каждым днем увеличивалось недовольство между реформатскими и папскими кантонами. Волна реформатского влияния Берна еще не истощилась, и новые города и деревни время от времени объявляли о своей приверженности к реформатской вере. Каждое новое обращение в веру возбуждало тревогу и вражду пяти кантонов до крайней степени насилия. В Бремгартене седовласый настоятель собора Буллингер так обратился с кафедры к своей пастве в феврале 1529 года: «Я, ваш пастор, тридцать три года учил вас, ходя во тьме, тому, чему научился от слепых наставников. Да простит мне Бог мой грех, сделанный в неведение, и просветит меня своей милостью, чтобы с этих пор я мог водить паству, доверенную мне, на пастбища Его Слова». Городской совет, обещавший год назад пяти кантонам хранить старую веру, сместил настоятеля с его должности. Тем не менее, Бремгартен вскоре перешел на сторону протестантизма, и на место отца был призван его сын Генрих Буллингер, который проявил себя талантливым проповедником и мужественным борцом за протестантскую веру.

Жители Гастера, района, находившего под совместной юрисдикцией папского Швица и протестантского Гларуса, осуществляя реформу, добавили немного юмора к иконоборческим действиям, которые, вероятно, вызвали мрачную улыбку на лицах пастухов и воинов Оберланда, когда они рассказывали об этом. Убрав всех идолов из церквей в присутствии представителей Швица, присланных убедить их оставаться в старой вере, они отнесли всех идолов на перекресток четырех дорог. Поставив их на дороге, они сказали, обратившись к идолам: «Вот, эта дорога ведет в Швиц, эта в Гларус, эта в Цюрих, а четвертая в Кур. Идите по той, которая вам нравится. Мы дадим вам охранную грамоту до любого места. Но если вы не пойдете, мы предупреждаем, что сожжем вас». Идолы, несмотря на такое ясное предупреждение, отказались тронуться с места, и их бывшие поклонники, а теперь враги, схватив их, бросили в огонь.

Представители Швица, бывшие этому свидетелями, вернулись и рассказали о своем унижении. Швиц высокомерно приказал Гастеру оставить ересь и восстановить мессу. В ответ жители Гастера потребовали доказать их заблуждение по Священному Писанию.

Единственным ответом на это была угроза войной. Это заставило протестантов Гастера обратиться за помощью к Цюриху. И так как помощь было обещана, отношения между Цюрихом и пятью кантонами обострились.

Оскорбления со стороны реформатских кантонов будут неизбежны, если не подавить реформатского движения. Акты же возмездия папских кантонов не имели оправдания и были особенно смертельно опасными. Томас Мюрнер, непристойный монах, которого мы уже встречали в Берне, рьяно и слишком успешно трудился для расширения пропасти и развязывания войны, в которой могло пролиться много крови. Каждый день он публиковал в «Черном календаре» пасквили, сатирические памфлеты и карикатуры на протестантов. Мастер того, что сейчас известно как «площадная брань», он не жалел бранных эпитетов, чтобы очернить людей и оклеветать дело. На обложке его «Календаря» был изображен Цвингли на виселице; внизу были слова: «Календарь лютеранско-евангелической церкви разбойников и еретиков». Последователи реформации кратко характеризовались в тех же изысканных публикациях, как «импотентные беспринципные негодяи, воры, лизоблюды, трусы и жулики». Он предлагал низвергнуть их подобным же образом, вплоть до сожжения и предания сатане в дыму костра». Вместо осуждения такие оскорбления и сквернословия нашли отклик в пяти кантонах и распространялись. Поступая так, они разбрасывали «горящие головни, стрелы и смерть».

Цюрих и реформатские кантоны видели войну с близкого расстояния, тем не менее, они решили сделать еще одну попытку, чтобы предотвратить войну. На сейме, проводимом в Цюрихе (21 апреля 1529 года) без участия пяти кантонов было решено призвать эти кантоны расторгнуть союз с Австрией, перестать убивать протестантских пасторов и прекратить позорную брань Мюрнера. Они отправили представителей в эти кантоны, чтобы просить их не нарушать федерального договора. Когда посланники проходили по пяти кантонам с оливковой веткой, над ними только посмеивались. «Не проповедуйте!» - кричали жители Цуга. «Мы хотим похоронить новую веру», - говорили жители Ури. «Ваши священники-бунтари – говорили жители Люцерны – расшатывают веру, как некогда в раю змей извивался вокруг Адама и Евы. Мы оградим своих детей и внуков от этого яда». «Мы – говорили они в Унтервальдене – и другие города Вальда являемся истинными старыми конфедератами и настоящими швейцарцами». Когда один из посланников уходил из этого кантона, он увидел на доме муниципального служащего нарисованную виселицу, на которой висели гербы Цюриха, Берна, Базеля и Страсбурга. Только в Швице посланникам была дана аудиенция. Так, предложенное братское примирение было грубо и надменно отвергнуто пятью кантонами. Повсюду реформатских посланников оскорбляли и прогоняли.

Было очевидно, что папские кантоны склонялись к ссоре. Но мы ошибемся, если будем думать, что ими руководила благородная и возвышенная приверженность к вере отцов. Жадность по отношению к иностранным пособиям, а также преданность «святому отцу» толкнула их на этот путь. Ухудшение нравов вследствие иностранной службы было очевидно в любой части Швейцарии, как в Цюрихе, так и в Унтервальдене, но в пяти кантонах разврат был наиболее очевиден, потому что эти кантоны были наиболее ярыми приверженцами позорных военных действий. Проповедь Евангелия раскрывала зло и беззаконие такой практики и грозила положить ей конец и, конечно,

текшему от нее золоту. Вот откуда яростная враждебность жителей Оберланда по отношению к реформации. На карту были поставлены не только их идолы и престолы, но и их кошельки.

Терпение реформатских кантонов почти истощилось. Не было конца оскорблениям, провокациям и пасквилям. Преследования и убийства их братьев по вере, возвращение опозоренных посланников, костер Кейзера, всего этого было достаточно, чтобы чаша наполнилась до краев. Цвингли считал, что независимо от религиозного вопроса, общественный порядок требовал прекращения таких выступлений. Кроме того, ему сообщили, что горцы вооружаются, союзные австрийские войска собираются на границе, папская сторона готовится к войне, и что было бы разумно в интересах мира нанести удар первыми. Давайте, сказал Цвингли, нападем на пять кантонов с нескольких сторон одновременно. Давайте убедим их, что сопротивление бесполезно. Наш сегодняшний мир – лишь война, с той разницей, что кровь проливается только на одной стороне. Наша война будет миром. Таким образом, Цвингли надеялся, что кампания будет бескровной. Совет Цюриха 3 июня решил начать войну, и в первую очередь против Швица.

Поведение реформатора в этом вопросе сильно критиковали. Некоторые известные историки обвиняли его, другие не менее горячо защищали его. Давайте немного посмотрим, чем он занимался и на причины, оправдывавшие и даже вынуждавшие принятую им линию поведения. Возглавив государственные дела в этот критический момент, он продолжал, как всегда, неутомимо трудиться, проповедуя и издавая труды. Поступая так, он просто искал средства, как это делали люди всех веков и всех слоев общества, руководимые светом разума и законами, данными Творцом человечеству, чтобы защитить свои жизни и права. Члены конфедерации были христианами, но они были и гражданами. Христианство не отменяло, и даже не ограничивало привилегии и права граждан. Если будучи католиками, они имеют право защищать свои жизни, дома и имущество от врагов, как извне, так и в Швейцарии, и если они имеют право защищать сограждан, которые были схвачены, будучи невиновными, и находились под угрозой смерти вопреки межкантональному закону, они имеют те же права, что и исповедники протестантской веры. Но можно сказать, и было сказано, что церковная федерация, а не государственная должны была просить о помощи. Но в то время церковь и государство сложно сплелись в Швейцарии; в тот момент их раздельные действия были невозможны, и если даже это было возможно, чисто церковные действия не имели бы результата. Это было бы эквивалентно бездействию. Лесные кантоны, побуждаемые фанатизмом и поддерживаемые Австрией, направили меч против исповедников Евангелия в Гельвеции и уничтожили их.

Кроме того, разве Евангелие своей Божественной силой не воздвигнет вокруг себя, рано или поздно, огромное число мощных и ценных сил? Оно питает искусство, насаждает мужество и зажигает огонь свободы. Для чего? Чтобы кроме всего прочего создать ограду вокруг себя по Божьему провидению. Когда христиане полностью лишены человеческой поддержки, они призваны проявить свою веру, полагаясь исключительно на Бога, который знает, как освободить их, если это входит в Его планы. Тогда в их вере присутствует здравый смысл, а также и возвышенность. Но если средства даны им в руки, но ими запрещают пользоваться под предлогом, что они чтут

Бога, показывая свою веру в Него, то тогда они не веруют в Бога, а искушают Его, и вместо проявления веры, показывают фанатизм.

Как уже говорили, Цвингли был пастором, и призыв объединяться и встать на защиту прав, адресованный реформатским кантонов, вероятно, исходил не от него. Но Цвингли был не только пастором, но гражданином и патриотом. Его острый, всесторонний и проницательный ум сделал его первым политиком страны; он мог понимать политику врагов лучше других; он предугадывал их цели; он видел опасность, собиравшуюся вокруг реформатских кантонов; его проницательность и опыт подсказывали ему принять меры. Никто другой в Швейцарии не разбирался в этом деле даже наполовину. Должен ли он стоять в стороне и воздерживаться от советов, предложений и призывов к действию, и позволить, чтобы погубили родину под предлогом, что он несет церковное служение и не должен вмешиваться? У Цвингли была другой взгляд на свой долг, и мы думаем правильный. Когда настал переломный момент, не прерывая своего служения, он посещал заседания совета, давал советы, составлял планы, гремел с кафедры, даже использовал военный опыт, приобретенный в Италии, для служения соотечественникам. Сочетая в себе политика, патриота и пастора, он пытался зажечь такой же страстный огонь патриотизма в сердцах соотечественников, какой горел в его сердце, и остановить нашествие, которое угрожало разрушить все ценное в швейцарской конфедерации. Надо признать, что сочетание было необычным, но времена и события были также необычными. Мы не готовы утверждать, что Цвингли всегда держался золотой середины, когда роли, которые он должен был играть, были столь различны, а обстоятельства сложны. Но мы не понимаем, почему его политика должна ставиться под сомнение, если не основываться на принципе, что можно прибегать к оружию только, когда гражданская свобода поставлена на карту, и ничего не делать, стоять безоружными и пассивными перед врагами, когда высшие интересы веры и религиозной свободы путают с распрей.

Глава 7 - Оружие – переговоры – мир

Цюрих надевает меч. – Сборы в папских кантонах – 4 00 воинов покидают Цюрих. – Стоят лагерем в Каппеле – Привал – Переговоры – Перемирие – Цвингли не одобряет это. – Труды Цвингли – Его ежедневная жизнь – Его одежда и пр. – Распределение времени – Занятия – Развлечения – Сочинения.

Сначала до швейцарских реформатов дошли странные известия о том, что пять кантонов заключили союз с Австрией. Затем пришло сообщение о мученической смерти Кейзера. За этим последовали военные приготовления. Цюрих понял, что нельзя терять ни минуты. Собрался совет кантона. Было решено отстаивать религиозные права и прекратить обезглавливание и сжигание на кострах, начатые папскими кантонами. Но чтобы провести в жизнь эту резолюцию, они должны были надеть меч. Цюрих объявил войну.

На другой стороне из Цуга последовал призыв к оружию. Много воинов собралось из всех окрестных долин и гор. С богатых лугов Ури, ставшими историческими благодаря следам Телля; с красивого берега, где поднимаются крепостные валы Люцерны, отражаясь в величественном озере и затеняемые огромным покрытым облаками Пилатом; с долин Унтервальдена, где эхо пробуждается лавинами Монблана; с травянистых равнин Швица на востоке собирались вооруженные люди, готовые бороться за веру отцов и утопить в крови новую религию, которую ввел Цвингли и Цюрих, и которая распространялась как зараза по всей стране. Местом встречи была глубокая долина, где воды Цуга, защищенные со всех сторон мощными горами и покрытые их тенью, спокойно и неторопливо текли в своем русле.

Четыре тысячи отборных воинов, полностью вооруженных и хорошо оснащенных артиллерией и провиантом под командованием капитана Георга Вергуэра и Конрада Шмидта, пастора Куснахта в качестве капеллана 9 июня вышли из ворот Цюриха навстречу врагу. На городских стенах и башнях стояли старики и женщины, чтобы проводить воинов. Среди них ехал Цвингли с алебардой за плечами, как говорят, той же алебардой, с которой он сражался при Мариньяно. Его жена Анна с крепостной стены смотрела, как он медленно удалялся. Перейдя через Альбисские Альпы, армия Цвингли сделала привал в Каппеле на границе с кантоном Цуг.

Было девять часов вечера, когда воины из Цюриха остановились в Каппеле. Утром следующего дня, 10 июня, они послали глашатая с объявлением войны в армию пяти кантонов, собравшуюся в Цуге. Сообщение вызвало испуг в небольшом городке. Неожиданный поход армии Цюриха застал их врасплох, неподготовленными; их вооруженные союзники пока не прибыли; женщины кричали; мужчины бегали туда и сюда в поисках оружия, в спешке отправляя посыльных за помощью к своим конфедератам.

В лагере цюрихцев велись приготовления к отправлению глашатая с извещением Цуга о военных действиях. Если бы они выступили, врагу пришлось бы принять условия без ответного удара. Авангард цюрихцев под командованием Вильгельма Тёнинга был готов перейти границу. В этот момент можно было видеть всадника, опрометью мчавшегося на вершину холма. Это был Ландамман Эбли из Гларуса. «Остановитесь! –

закричал он – Я – от наших конфедератов. Они вооружены, но хотят вести переговоры. Я прошу несколько часов отсрочки, чтобы достигнуть почетного перемирия. Уважаемые господа Цюриха, ради Бога предотвратите кровопролитие и гибель конфедерации». Наступление воинов Цюриха было приостановлено.

Ландамман Эбли был другом Цвингли. Он был известен как уважаемый человек, склонный к Евангелию, и как враг иностранному наемничеству. Все приветствовали его миссию как предвестницу мира. Только Цвингли заподозрил змею в траве. Он понимал, что кампания готова была завершиться без человеческих потерь; но эта приостановка вызвала у него удрученное чувство и предвестие беды. Когда Эбли разворачивался, чтобы вернуться в Цуг, Цвингли подошел к нему и прошептал на ухо следующие слова: «Крестник Амман, ты ответишь перед Богом за свое посредничество. Враг – в нашей власти, он не вооружен, поэтому говорит нам такие приятные слова. Потом, когда вооружиться, он нападет на нас, и никто не будет посредником». «Дорогой крестный отец, - ответил Эбли – давайте сделаем все возможное, и доверимся Богу, что все будет хорошо». Сказав так, он ускакал.

При новом положении дел, посыльные были отправлены в Цюрих за инструкциями, или скорее за советом, так как политическим правилом кантона было: «Цюрих там, где развивается его знамя». Тем временем палатки его солдат раскинулись по всему склону горы в нескольких шагах от часовых пяти кантонов. Каждый день перед армией читались проповеди и молитвы за трапезой. Беспутные женщины, которые в то время в большом количестве шли за армиями, отсылались прочь при первом появлении. Брани не было слышно. На досуге не нужны были ни карты, ни кости. Время солдат двух армий было заполнено пением псалмов, народных гимнов и физическими упражнениями. Взаимная вражда пресекалась. Подходя к пограничной линии, они болтали, ели вместе и, позабыв о ссоре, помнили только, что они – швейцарцы. Цвингли сидел в одиночестве в палатке, подавленный предчувствием беды. Не то, чтобы он хотел кровопролития; его желанием было избежать жестокой необходимости, что вынуждало его жалеть о днях, потраченных впустую. Все шло так, как он предвидел до этой роковой остановки. Австрия в тот момент была серьезно озабочена турками, чтобы помогать папским кантонам; если бы ответ, привезенный Ландамманом Эбли, был бы безоговорочным принятием условий Цюриха или намерением сражаться, то, несомненно, пять кантонов предпочли бы первое. Такой возможности больше не было; в будущем за бездействие этого часа была взыскана огромная цена.

После двухнедельных переговоров между Цюрихом и пяти кантонами было достигнуто перемирие. Пришли к соглашению, что пять кантонов расторгнут союз с Австрией, гарантируют свободу вероисповедания, позволив приходам самим решать большинством голосов, какую религию они будут исповедовать, и оплатят военные издержки. Солдаты обеих сторон свернули лагеря, вернулись домой, цюрихцы воодушевленными, католики мрачными и сердитыми. Перемирие было в пользу протестантизма. Но надолго ли? Такой вопрос ставил перед собой Цвингли. Когда армия входила в Цюрих под приветственные восклицания с обеих сторон, было замечено, что Цвингли выглядел подавленным и грустным. Он чувствовал, что была упущена блестящая возможность усмирить фанатизм и уничтожить власть папских кантонов, а

перемирие только убаюкивало их, давая их противникам время подготовиться, после чего они нападут и потопят реформацию в крови. Эти предчувствия сбылись.

Перемирие было заключено благодаря усилиям и патриотизму цюрихцев. Берн не принимал в нем участия, его солдаты, которые часто сражались из-за менее благородных разногласий, не покидали своих стен, когда цюрихцы стояли лагерем на склонах Альп перед врагом. Недостаток прочного союза, как мы понимаем, стал причиной провала плана Цвингли. Если бы четыре реформатских кантона – Базель, Цюрих, Берн и Санкт-Гален – стояли плечом к плечу и вышли единым фронтом, католики с гор вряд ли посмели напасть на них. Разделение навлекло удар, от которого реформатская Швейцария немного осела.

Реформатор Цюриха достиг среднего возраста, по нашему исчислению «три десятка и десять», но для него жизнь стала клониться к закату. Вокруг него стали собираться тени ужасной смерти, завершившей его путь. Давайте немного остановимся и посмотрим на этого человека в жизни, в кругу семьи и у себя в кабинете. Как мы и ожидали, он одет по-швейцарски просто. На нем длинная мантия каноника, на голове шапочка священника «баретта». Сердечная доброта и душевное мужество освещают его лицо жизнерадостным блеском. Многочисленные посетители разного общественного положения, с разными поручениями стучатся в его дверь и проводятся к нему. Вот, книготорговец, который пришел надоедать ему, чтобы он написал что-нибудь для приближавшейся книжной ярмарки; вот, священник, с которым плохо обходится епископ, и который пришел просить его совета; вот, брат пастор, который пришел просить помощи и сочувствия; вот, горожанин или советник, друг из провинции, который хочет посоветоваться с ним о государственных делах или о личном деле. Он всех принимает с искренней приветливостью, терпеливо выслушивает и дает в ответ несколько мудрых слов. Правда, иногда он хмурит брови, молнии сверкают из его глаз, когда обнаруживается подлость или лицемерие. Однако буря скоро проходит, и свет внутреннего спокойствия и праведности снова изливается и освещает его лицо. К невежеству, исполненному благих намерений, он сострадателен и мягок.

Что касается еды, то его пища – проста. Любимые блюда его юности являются любимыми блюдами его зрелости. Живя в городе, имея излишества и сидя за столом с богатыми бюргерами, он предпочитает молоко и сыр, составлявшие его основное питание, когда он жил среди пастухов Тоггенбурга. Что касается его увлечений, то они не имели никакой остроты, а были естественны и просты. Свое свободное время, не очень продолжительное, он проводил в обществе образованной и высоко-духовной жены, занимаясь воспитанием детей, беседуя с друзьями и занимаясь музыкой. Как мы уже видели, во время учебы в колледже он очень часто со своим другом Лео Юдом пробуждал эхо в долинах близ романтического Базеля с помощью голоса и инструмента! На более унылых берегах Цюрихского озера он продолжал развивать свой талант, когда позволяло время, со всей страстью музыканта.

Он – очень методичен в своих привычках. Он мудро распределяет свое время, ни один час не тратится впустую. Он исключительно здоров телом и разумом. У Лютера был даже более жизнерадостный характер, чем у Цвингли, но не было такой силы и почти неизменного хорошего здоровья. Богослов из Виттенберга жаловался, что «сатана

стучит внутри его головы», и иногда, даже несколько недель подряд, он не мог ни работать, ни писать. Кальвин был еще более болезненным. «Десять недугов» забирали у него силу. Но они имели власть только над телом, но к духу не могли приблизиться, чтобы поколебать или ослабить его. Мы удивляемся величию трудов, совершенным таким хрупким и обветшалым телом. Но не так было с реформатором из Цюриха; он не терял время и силы на недуги. И это при умелом распределении времени позволяло ему совершать большую работу, возложенную на него.

Он вставал рано. Утренние часы он проводил в молитве и изучении Писания. В восемь часов он был готов к проповеди или «поучению» в соборе, или читал экзегезу на Ветхий или Новый Завет в профессорском зале. В одиннадцать часов он обедал. После обеда, делая перерыв в работе, он проводил время в общении с семьей, или принимал посетителей, или гулял на свежем воздухе. В два часа он возобновлял работу, часто посвящая дневное время изучению великих писателей и ораторов Греции и Рима. Только после ужина он позволял себе отдых от трудов, общаясь с семьей или друзьями. «Иногда – пишет Кристоффель – он ужинает в средневековых светских домах или домах гильдий (они и сейчас есть во многих швейцарских городах) в обществе своих коллег, членов совета и других уважаемых и просвещенных друзей евангельской истины. Поздно вечером, даже ночью он пишет много писем». Если дело требует, он может обойтись без ночного отдыха. Как мы видели, во время диспута в Бадене он получал письма от Эколампадия каждую ночь. Всю ночь он писал ему ответ, который должен быть отвезен наутро; и так продолжалось на протяжении всей конференции. Как пишет сам Цвингли, он не ложился спать все это время, то есть шесть недель. Но как пишет Буллингер, он мог достаточно высыпаться в других случаях. Таким образом, при правильном распределении и экономии времени в сочетании с богатырским здоровьем и ясным, мощным интеллектом он мог справляться с грандиозной работой, возложенной на него реформацией.

Он жаловался, что требования времени не оставляли ему возможности дорабатывать и полировать свои произведения. Бури и критические ситуации его дней вынуждали его писать, но не оставляли времени на корректуру. Поэтому он распылялся по совсем необычной причине; не из-за стиля, который был лаконичным, как у древних; не из-за манеры мышления, которая была четкой и глубокой, а из-за наплыва большого количества идей. Он скромно называл то, что выходило из-под его пера набросками, а не книгами. Он толковал Писание Писанием, поэтому вдобавок к природному проницательному уму он особенно получал наставления от Духа, Который дается через Слово. В общении с друзьями Цвингли старался исправить свое сердце, чтением великих трудов античности укрепить свой разум и улучшить вкус, изучением Библии развить праведность и расширить познания Божественной истины. Но большего он достиг в общении с Богом. «Он настоятельно рекомендовал молиться, - пишет Буллингер – сам он молился подолгу каждый день». В этом он напоминал Лютера, Кальвина и всех великих реформаторов. Их отличало от других товарищей, даже больше чем огромные таланты, бесспорное душевное спокойствие, бесспорная возвышенность и сила веры, и этим они были обязаны молитве.

Глава 8 - Предложение создать христианскую республику для защиты

гражданских прав

В Оберланде назревает еще одна буря. – Протестантизм распространяется далее по Швейцарии. – Второй кризис – Цвингли предлагает Европейскую христианскую республику. – Ведет переговоры с немецкими городами, французским королем и Венецианской республикой. – Во главе должен быть поставлен Филипп Гессенский. – Переписка между Филиппом и Цвингли – Лиги только для защиты гражданских прав – Труды Цвингли по самоуправлению церкви Гельвеции.

Перемирие, принесенное Цюриху переговорами, как предполагал Цвингли, должно быть непродолжительным, но ценным, и он удвоил старания, чтобы извлечь из него пользу. Он старался принести духовный меч на горы, откуда жители спустились с мечом войны, так как он надеялся на объединение и независимость страны только через Евангелие. За этот короткий промежуток времени его труд увенчался многими победами веры. В Шлаффхаузене пал «великий бог», а именно месса. Реформация совершилась в Гларусе, Аппенцелле и появилась в тех частях Швейцарии, которые до этого находились под игом римской церкви. Перемирие в Каппеле гарантировало свободу совести. Каждый день, когда жители лесных кантонов смотрели со своих покрытых снегом вершин, они видели исчезновение символов католической веры с равнин внизу них. Они видели монастыри оставленными, мессу отмененной, и все деревни обсуждающими и голосующими за принятия протестантской веры. Пока они могли удерживать чистоту своих гор благодаря темноте и иностранному золоту, но они начинали оскверняться у ног протестантов, и не могли сказать, когда их оплот будет взят, и знамя Евангелия будет развиваться вместо католического знамени. Папский историк того времени, описывая деятельность Цвингли и его товарищей, пишет: «Банда наглых возмутителей спокойствия ворвалась в пять кантонов и умертвила души, распространив свои песни, трактаты и небольшие Новые Заветы, сказав людям, что они сами могут узнать из них об истине, и что больше не надо верить словам священников». Пока они закрывали ворота спереди, как мы уже писали, протестанты неожиданно напали на них сзади. С итальянских долин донесся крик о том, что Евангелие пришло к ним в страну, и что Рим падает. Это принесло новый кризис.

Мы приближаемся к катастрофе. Цвингли, размышляя день и ночь о том, как можно продвинуть реформацию и сбросить чудовищную власть, державшую так долго народы в рабстве, начал приводить в движение грандиозные планы. Его взор охватывал весь христианский мир, он проникал повсюду. Его всестороннее и систематизированное мышление, углубленное критической ситуацией, через которую проходил в тот момент христианский мир, было способно выполнить задачу по формированию и управлению грандиозными проектами. Он уже учредил в Швейцарии христианское бюргерство для контроля за папскими кантонами. Эту идею он пытался осуществить в большем масштабе, распространив ее на весь реформатский христианский мир. Почему бы, говорил он, всем протестантским княжествам и странам Европы не объединиться в священную конфедерацию, чтобы помешать планам, изобретаемым Папой и Карлом V для жестокого подавления реформации? Именно в это время он ездил в Марбург, где

встречался с Филиппом Гессенским, с которым у него было полное совпадение взглядов по этому вопросу. Они оба понимали, что долгом протестантских княжеств было сплочение политических и военных сил для противостояния силе врага. Они планировали создание великой христианской республики, включавшей реформатские кантоны Швейцарии, вольные города южной Германии и протестантские саксонские княжества центральной и северной Германии. Цвингли даже обратил свой взор к Венеции, где недавно появилось многообещающее протестантское движение. Он отправил посла в эту республику, который вернулся с тайным заверением о помощи в случае необходимости. Реформатор также не терял надежды включить Францию в этот союз. Прелюдией к этому, фактически, послужило то, что Франциск I, кажется, был не против оставить выбранный им путь насилия и взять реформацию страны под свое крыло. Предполагалось, что протестантский союз будет простираться от Адриатического до Северного моря, создав протестантскую державу в центральной Европе, способную защитить свободу совести и свободу проповеди Евангелия. Такая расстановка сил, как полагал Цвингли, сможет контролировать императора и Папу, быть защитой для проповедников и исповедников протестантской веры и предотвратить цепь несчастий, надвигавшихся, как он понимал, на христианский мир. Проект был колоссальным.

Главой протестантской республики Цвингли предлагал поставить Филиппа Великодушного. Он вряд ли мог выбрать лучшего среди князей того времени. Вероятно, Цвингли сообщил ему о своем проекте в его собственном замке в Марбурге, когда приезжал на конференцию осенью того года (октябрь 1529 г.) по вопросу о Вечере Господней. Горячий ум Филиппа, наверное, воспылал от этого предложения. В действительности он пытался создать подобный оборонительный союз из реформатских княжеств и городов Германии. Его раздражали ограничения, наложенные на него Лютером; так как, едва его рука ложилась на эфес шпаги, чтобы вынуть ее для защиты друзей Евангелия, слышался строгий голос реформатора, приказывавшего остановиться. Он был глубоко оскорблен отказом лютеран объединиться с цвинглианами, так как это оставляло их разрозненными перед огромным скоплением сил, наступавших на них со всех сторон. Сейчас то же самое представлялось в другом виде, так как новый оборонительный союз обещал достить все поставленные им ранее политические цели. Швейцария и южная Германия объединятся; и он надеялся, даже уверял, что княжества северной Германии также вступят в этот союз. И таким образом, когда император со своей армией перейдет через Альпы (а он уже двигался на север, договорившись с Папой об уничтожении лютеранства), то встретит такой прием, который заставит его опять перейти через горы.

Поездка Цвингли в Марбург была чрезвычайно важна для него в этом отношении. Он правильно предсказал секретную политику императора, но в Страсбурге он получил информацию, которая дала ему более ясное и глубокое понимание планов. Его информантом был шериф города Яков Штурм, дальновидный государственный деятель, преданный делу реформации и пользовавшийся дружбой многих влиятельных людей Германии и Франции. Через них Штурм стал обладателем нескольких важных документов, раскрывавших планы императора против реформатов. Цвингли переправил

копии этих документов в секретный отдел Цюриха с пометкой: «Они – из хорошей мастерской».

Суть этих документов, вероятно, содержалась в заявлениях, сделанных Цвингли государственным деятелям, которым он доверял. «Император – сказал он – настраивает одного друга против другого, одного врага против другого, чтобы стать между ними посредником, а затем выносить решения с предвзятостью к интересам папства и собственной власти. Чтобы разжечь войну в Германии, он настраивает смотрителя замка Муссо против Гризонса, епископов Констанцы и Страсбурга против городских властей Констанцы и Страсбурга, герцога Георга Саксонского против Иоганна, курфюрста Саксонского, епископов Рейна против ландграфа Гессенского, герцога Савойского против Берна и пять кантонов против Цюриха. Везде он производит разделение и разлад. Когда неразбериха достигнет апогея и окончательно созреет, он придет со своими испанцами и, одурачив одну часть красивыми словами, и напав на другую с мечом, он будет продолжать бить, пока всех не поставить под свое ярмо. Увы, какое поражение ждет Германию и всех нас под предлогом укрепления империи и восстановления веры».

После возвращения из Марбурга Цвингли вел переписку с ландграфом по поводу этого грандиозного проекта. «Милостивый князь, – писал он 2 ноября 1529 года – если я пишу Вашей Милости как дитя пишет отцу, то из-за уверенности, которую дает мне Бог, что вы избраны для великих дел, о которых я не смею даже говорить. Мы должны рискнуть, в конце концов». На что ландграф отвечал: «Я надеюсь, что по Божьему провидению перо упадет с Фараона, и он столкнется с тем, что он меньше всего ожидает; так как все идет к улучшению. Бог – чуден. Пусть это дело относительно Фараона останется тайной между нами до времени».

Как грозовое облако наполняется зарядом, так император приближался к Германии, чтобы провести давно объявленный сейм в Аугсбурге. Смелость реформатора возрастала по мере приближения опасности. Сын Тоггенбургского пастуха, пастор небольшого городка посмел выйти вперед и вступить в битву с Голиафом, владыкой многих королевств. «Только низкие трусы и предатели – писал он канцлеру Конраду Цвику из Констанцы – могут наблюдать и зевать, когда мы напрягаем каждый нерв, собирая людей и вооружение из всех областей, чтобы дать понять императору, что он напрасно пытается установить римское превосходство, уничтожить права вольных городов и удержать нас в Гельвеции. Проснись, Линдау! Восстаньте, соседние города, и поступайте достойно мужам ради своих очагов и алтарей! Глупец, кто верит дружбе тиранов! Даже Демосфен учил нас, что ничего нет более ненавистного для них, чем вольные города. Император одной рукой протягивает нам хлеб, а в другой руке прячет камень.

Если бы проект Цвингли ставил целью заставить католиков отказаться от своей веры или обрядов, то он бы был совсем неприемлемым; но реформатор ни минуту не мечтал об этом. Он никогда не упускал из вида тот факт, что только проповедь Евангелия может просветить и обратить людей. Но он не мог понять, почему княжества, которым Бог в некоторой степени дал власть не оказывали сопротивления предательским и кровавым замыслам, вынашиваемым ради уничтожения их веры и свобод. Лютер полностью не одобрял такую политику. Он говорил, что христиане не должны выступать против

императора, и когда он потребует умереть за него, они должны отдать свои жизни. Он не переставал напоминать людям, что Евангелие должно победить не мечом, а кострами мучеников. Лютер, воспитанный в монастыре и наученный подчиняться властям был человеком прошлого по сравнению с Цвингли. Цвингли, с другой стороны, родившийся в республике с признаками и стремлениями к конституционной свободе в груди, был человеком настоящего. Такова была неоднозначная политика этих двух людей. Невозможно сказать до какой степени злодеяния, омрачившие последующие годы могли быть предотвращены, если бы план Цвингли был повсеместно осуществлен. Но время для него еще не наступило, Великий Владыка желал наделить реформацию духовной силой, которую она бы не могла иметь, если бы ее оружие было менее духовным, а победа менее праведной.

Во время переговоров по объединению протестантов в великую европейскую конфедерацию в защиту гражданских и религиозных прав, Цвингли ни на минуту не ослабевал свой пасторский труд. Укрепление Евангелия в Швейцарии должно стать основой всех его действий. В 1530 году он провел синоды в разных частях страны. На них были приняты меры по самоуправлению церкви: проверили служителей, неспособных и скандальных пасторов убрали, назначили суперинтендантов для соблюдения нравственной и административной дисциплины и последовали распоряжения о назначении соответствующей зарплаты всем служителям. В феврале 1531 года было достигнуто соглашение, что в случае возникновения затруднений относительно учения или дисциплины будет созываться собрание богословов и мирян, которое должно будет исследовать, что говорит Слово Божие пор данному вопросу и вынести соответствующее решение.

Глава 9 - Собирается вторая буря

Пять кантонов возобновили гонения. – Действия Цвингли – Обращение реформатских пасторов – Берн предлагает блокаду пяти кантонов. – Цвингли возражает. – Хлеба нет, пр. – Цвингли просит освободить его от должности. – Соглашается остаться. – Встреча в Бремгартене – Комета – Тревожные предзнаменования – Серьезные предупреждения Цвингли – Не приняты во внимание.

Каждый шаг приближения Евангелия к горам заставлял людей пяти кантонов идти на более решительные меры, чтобы разорвать договор, связавший их с братьями. Они уже нарушили его основное направление. Нескольких исповедников реформатской веры они либо изгнали из своих территорий, либо посадили в тюрьму, либо сожгли. В общих приходах – то есть общинах, которые управлялись то реформатскими, то папскими кантонами – они творили те же злодеяния, когда наступала их очередь. Они сажали в тюрьму проповедников и исповедников реформатской веры, конфисковали их имущество, отрезали языки, обезглавливали и сжигали их. Распространяемая клевета поднимала народный гнев против протестантов; затем следовали гневные речи; наконец, послышалось бряцание оружия и стало очевидно, что поднимается еще одна буря на горах Оберланда.

Всеобщий сейм швейцарской конфедерации был созван в Бадене 8 февраля 1531 года. Он не мог прийти ни к какому решению. В это время провокации, которые лесные кантоны организовывали ежедневно, стали невыносимыми, но как их обуздать? За этими кантонами стояли император и Фердинанд, и оба в тот час готовились к войне; если бы война началась, кто может сказать, чем бы она закончилась? Было чрезвычайно важно поддерживать в людях патриотизм. Цвингли сам ездил по кантонам конфедерата, организовывал комитеты, выступал на больших собраниях, апеллировал ко всему, что могло возбудить отвагу швейцарцев. Армия Рима медленно окружала их, испанцы были в Гризонсе, император в Германии, вскоре они отрежут их от братьев-протестантов других стран и закроют их в горах. Они должны ударить, пока у них есть силы. Будет слишком поздно, когда меч императора окажется у их ворот, и католики обрушаться на них подобно лавине со своих гор. Никогда их отцы не проливали кровь в таком святом деле.

Казалось, что все герои прошлого ожили в этом одном человеке. Где бы он ни проходил, он оставлял позади себя страну в огне.

Был проведен сейм реформатских кантонов в Арау 12 мая, чтобы вынести решение о необходимых мерах. Ситуация, как они говорили, была следующей: «Горные кантоны остаются римо-католическими; они разделяют Швейцарию на два лагеря и открывают дверь вооруженным ордам иностранных фанатов и тиранов». «Как можно восстановить целостность Швейцарии?» - спрашивали они. Они не пытались заставить пять кантонов отречься от папства, но считали справедливой просьбу о прекращение гонений на проповедников Евангелия в общих кантонах и разрешении реформатской веры в своих долинах. Таково было требование четырех реформатских кантонов.

Пасторы из Цюриха, Берна, Базеля и Страсбурга собрались в доме Цвингли 5 сентября 1530 года, и, выступая от имени реформатских кантонов, обратились к папским

конфедератам с такими словами: «Вы знаете, милостивые господа, что согласие увеличивает мощь государства, а вражда ниспровергает его. Вы сами являетесь подтверждением первого. Да убережет вас Бог от того, чтобы стать подтверждением второго. По этой причине мы просим вас разрешить проповедь у вас Слова Божьего. Когда жил такой народ, даже среди язычников, который бы не видел руку Божью, хранящую страну? Разве две капли ртути не мгновенно соединяются, когда убирается преграда? Уберите прочь то, что отделяет вас от городов, а именно отсутствие Слова Божьего, и Всевышний сразу же объединит нас, как некогда наших отцов. Живя в своих горах, как центре христианского мира, вы будете ему примером, защитой и прибежищем. И пройдя сквозь юдоль слез, являясь ужасом для грешников и утешением верных, вы, наконец, утвердитесь в вечной радости».

«Проповедь служителя, пожалуй, – длинна», - сказал, зевая, тот, кому было зачитано обращение. Увещевание не принесло результата.

Цвингли настоятельно советовал нанести решительный и быстрый удар, то есть вооруженную интервенцию. Он думал, что это было кратчайшим путем привести горные кантоны к разумным условиям договора. Баден, хотя и признавал, что пять кантонов нарушили национальную целостность, и что злодеяния, совершаемые ими в нарушение своих обещаний, оправдывали военные действия, тем не менее, все же считал, что должно быть испытано более мягкое средство.

Ури, Швиц, Унтервальден, Цуг и Люцерна ежедневно зависели от поставок с рынков и житниц равнин. Отрезанные от них, они не имели другого выбора: либо сдаться, либо умереть от голода. «Давайте возьмем в блокаду эти кантоны», говорил Берн. Цюрих и Цвингли решительно не одобряли эту меру. Они говорили, что невинные могут пострадать с виновными, в то время как война ударит лишь по последним. Однако остановились на блокаде и стали к ней готовится. Рынки были закрыты по всему району, дороги, ведущие к городам, забаррикадированы. Мгновенно пять кантонов были окружены огромной пустыней; хлеб, вино и соль сразу же исчезли из их домов, и в горах начал распространяться страх перед голодом. Бедствие было еще ужаснее оттого, что предыдущий год был годом смерти, «потовая лихорадка» посетила их долины, неся опустошения вдобавок к страданиям, вызванным отсутствием продовольствия.

Над горами вознесся вопль страдания и возмущения. Сейм конфедерации открылся в Бремгартане 14 июня в присутствии представителей нескольких иностранных держав. Пять кантонов потребовали, чтобы, во-первых, была снята блокада. Пока это не будет сделано, они не будут слушать никаких предложений. Берн и Цюрих ответили: «Мы не снимем блокаду, пока вы не прекратите преследования и не откроете долины для проповеди Евангелия». Примирение было невозможным; конференция прекратилась, и брешь осталась.

Положение было трудным. Цвингли понимал, что ничего, кроме единого и решительного действия не могло вывести из нее. Но вместо этого совет Цюриха каждый день проявлял все большую неустойчивость и слабость. Теплые и робкие оставляли реформацию, и старые враги снова поднимали свои головы. Не хватало мужества и патриотизма, чтобы ответить на гнев горцев, возбужденный предпринятыми полумерами. Крах быстро приближался. Государственное бремя легло на Цвингли. Он

чувствовал, что больше не может занимать положение, в котором он был ответственен за бедствия, вызванные в основном отказом следовать предложенным им мерам. Он появился на Большом Совете 26 июля 1531 года и голосом, прерывавшимся от нахлынувших чувств, сказал: «Одиннадцать лет я проповедую у вас Евангелие и предупреждаю вас об опасности, грозящей конфедерации в том случае, если пять кантонов, то есть та часть, которая живет за счет пенсий и наемничества, одержит победу. Все бесполезно. Даже сейчас вы выбираете в совет людей, которые жаждут этих кровавых денег. Я больше не буду брать на себя ответственность за бедствия, которые я не могу предотвратить; поэтому я прошу отставки». Он ушел со слезами на глазах.

Так капитан оставляет корабль в тот момент, когда буря готова обрушиться на него. Советников охватил ужас. Ожило их прежнее уважение и любовь к своему благородному и преданному руководителю. Они отправили к нему делегацию, чтобы уговорить забрать заявление об отставке. Цвингли думал три дня о том, какого курса ему держаться. Эти дни он привел в горячей молитве. Наконец, он появился на совете с потухшим взором и лицом, несшим следы борьбы. «Я остаюсь с вами, - сказал он – и буду трудиться на благо государства – до смерти».

Мгновенно сплоченность и мужество вернулись к Цюриху. Цвингли начал опять обретать надежду. Он думал, что как только возбудит к действию сильный кантон Берна, все будет хорошо; собиравшаяся в горах буря может повернуть назад; и железная рука придавливающая сознание и проповедь Евангелия, будет убрана. Он организовал ночное собрание с представителями Берна в Бремгартане и изложил перед ними суть дела так: «Что делать?» – спросил он. «Снять блокаду? Тогда кантоны станут более надменными и дерзкими, чем прежде. Усилить ее? Тогда они могут перейти в наступление, и. если их атака будет успешной, то вы увидите наши поля красными от протестантской крови, истинное учение отвергнутым, церковь Христа разоренной, все социальные отношения упраздненными, наших противников ожесточившимися против Евангелия и толпы монахов и священников, ходящими по нашим селам, городским улицам и храмам». Он остановился, затем торжественно добавил: «И это тоже кончится». Эти слова Цвингли глубоко потрясли граждан Берна. «Мы видим, - сказали они – что несчастья нависли над нашим делом, и сделаем все возможное, чтобы предотвратить их».

Цвингли уехал, когда было еще совсем темно. Его ученик, молодой Буллингер, который был там и передал нам его речь, проводил его немного. Расставание было грустным, так как оба были нежно привязаны друг к другу, и в сердцах обоих было предчувствие, что они никогда больше не встретятся на земле. Странный случай произошел у городских ворот. Когда Цвингли с друзьями подошли к часовым, неожиданно появился человек в белом балахоне, что повергло солдат в ужас. Так утверждала стража, но Цвингли с друзьями не видели привидения.

Совет Цюриха снова погрузился в прежнюю апатию. Цвингли понимал, что главным препятствием па пути спасения страны были наемники, иностранное золото. Оно развращало добродетели, принижало патриотизм горных кантонов и плодило предательство и трусость даже в реформатских советах.

С каждым часом призыв Цвингли становился более решительным. «Гибель – говорил он – при дверях». Но он чувствовал, что его слова обращены к мертвым; сердце его сокрушалось.

В августе того же года на небе появилась комета необычного размера. Ночь за ночью комета с удлинявшимся хвостом и усиливавшимся сиянием висела в западной части неба, привлекала взоры и наводила ужас на всех. Ночью 15 августа Цвингли со своим другом Георгом Мюллером, бывшим аббатом Веттингена, наблюдал за ней с погоста кафедрального собора. «Что эта звезда предвещает, дорогой Ульрих? – спросил Мюллер. «Она пришла, чтобы осветить мне путь к могиле – отвечал Цвингли – и многим честным людям вместе со мной». «По Божьей милости, нет» - сказал Мюллер. «Я довольно близорук, - возразил Цвингли – но я предвижу в будущем огромные бедствия, будет большая катастрофа, но Христос не покинет нас, и победа останется за нами».

Знамения шли за знамениями, слухи за слухами. Не было местности, которая не сообщала бы о чуде, предсказывавшем несчастья, дурные предзнаменования распространялись по всей стране. В Бругге, кантона Ааргау, говорили недавно забил источник не воды, а крови, и окрасил кровью всю землю вокруг. Небо над Цугом осветилось метеором в форме щита, а с горных долин доносился шум сражений. На Брёнингском перевале видели знамена, которые держала невидимая рука, и которые развивались каким-то неземным ветром; а на спокойной поверхности озера Люцерны видели корабли-приведения с призрачными воинами.

Не было нужды в таких призрачных знаках; для тех, кто понимал, были вполне очевидны простые симптомы, приближавшейся катастрофы. Цвингли видел их в разобщении и апатии реформатских кантонов, в растущей дерзости врага, в зловещих слухах, приносимых каждый день с гор. Он еще раз возвысил голос, но тщетно. Люди, которые дрожали перед знамениями, возникавшими в их воображении, оставались равнодушными к благоразумным словам человека, чья дальновидность предвидела, и чей патриотизм предотвратил бы грядущую катастрофу.

Глава 10 - Смерть Цвингли

Лесные кантоны решаются на войну. – Собирают армию. – Цюрих отправляет 600 человек. – Утомительные дебаты совета. – Ночь ужасов – Утро – Главное знамя не развевается. – Уныние – Вместо 4 000 человек отправлены только 700. – Цвингли садится на коня. – Расставание с женой и детьми – Знамения – Битва – Мужество цюрихцев – Превосходящее число противников – Кровавая расправа – Цвингли смертельно ранен – Мародерство людьми, приставшими к армии. – Известие о его смерти – Скорбь и смятение.

В начале октября подготовка пяти кантонов к войне была завершена. Их сейм собрался в Брюннене на берегу Люцернского озера; провели голосование и решили начать кампанию. Сразу же были захвачены перевалы, чтобы весть не дошла до Цюриха. С гор надвигалась лавина, а в Цюрихе и других реформатских кантонах царило спокойствие, так как слухи о войне неожиданно прекратились. Это было затишье перед бурей.

Воины-горцы собрались в часовнях 9 октября на мессу, и затем в количестве 8 000 человек начали продвигаться по направлению к протестантской границе. Они установили знамя в Баре, между кантонами Цуг и Цюрих. Жители Швица, Ури, Цуга, Унтервальдена и Люцерны спешили собраться вокруг него. Их ряды пополнили солдаты итальянских долин и дезертиры из Цюриха и Берна. Другое папское войско в количестве 12 000 человек разошлось по свободным приходам, наводя ужас войны там, куда они приходили. До Цюриха дошло известие, что стрела выпущена, война началась, враг в Баре по дороге в Цюрих.

Получив неожиданное известие 9 числа вечером, совет в спешке собрался, но вместо того, чтобы бить в набат или призывать народ к оружию, они послали двух советников на разведку, и потом пошли отдыхать.

На рассвете 10 числа в Цюрих прибыл второй посланник, подтвердивший сообщение предыдущего дня. Утром собрался Большой Совет, но все-таки выражал сомнение по поводу сложившейся ситуации. Посланник приходил за посланником; наконец, пришел посланник, рассказавший, что враг перешел границу и напал на Гицкильх. Услышав это, советники побледнели. Наконец, их охватила тревога. Было решено, правда, после продолжительных дебатов, отправить Гельдли с 600 солдатами и артиллерией. Это был авангард, основное войско должно было последовать за ним. Перейдя через Альбис, Гельдли с солдатами пришел в Каппель ночью. У него было указание не вступать в бой с силами врага, пока не подойдет подкрепление.

Лаватар, главнокомандующий вооруженными силами кантона, настоятельно рекомендовал массовый призыв рекрутов и немедленное отправление большого отряда к границе. Последовали еще одни продолжительные дебаты в совете, день уходил, и только вечером совет смог принять решение отправить армию для защиты оккупированной страны.

Солнце село за Альбис. Город, озеро и кантон погрузились в темноту; с темнотой пришел страх и трепет. Колокола начали звонить, призывая к оружию. Как только они

начали звонить, разразилась буря и яростно обрушилась на Цюрих и окрестности. Завывание ветра, плеск волн на озере, перезвон на колокольне и землетрясение, которое в девять часов сотрясло город и кантон, вызвало редко наблюдаемую ужасную картину. Мало кто в ту ночь уснул. В жилищах Цюриха были слезы, громкие причитании, торопливые и горькие прощания тех, которым казалось, что они видятся в последний раз.

Настало утро, буря прошла, горы, озеро и зеленые склоны Альбиса стали еще красивее, чем прежде. Но красота утра не могла развеять мрака в сердцах цюрихцев. Большое знамя поднималось над ратушей, но при штиле оно не развивалось. «Еще одна плохая примета», - говорили жители Цюриха, смотря на обвисшее знамя.

Под знаменем собралось 700 мужчин, хотя надо было собрать 4 000. Они были без обмундирования, плохо вооружены. Совет назначил Цвингли военным капелланом. Цвингли хорошо понимал опасность такого назначения, но не уклонился от него. Он прижал свою жену Анну к израненному, истекавшему кровью сердцу, оторвался от детей и с тусклым взором, но решительным видом направился к лошади, стоявшей у дверей. Он вспрыгнул в седло, но едва коснулся его, как животное встало на дыбы и начало пятиться назад. «Он уже не вернется», говорили те, кто видел это дурное предзнаменование.

Небольшая армия вышла за ворота в одиннадцать часов утра. Анна провожала глазами мужа, пока его можно было видеть. Было видно, как он отстал от отряда на несколько минут, и те, кто был недалеко от него, слышали, как он горячо молился, предавая себя и церковь Богу. Солдаты поднимались по Альбису. Они остановились, когда дошли до «бука» на его вершине, и некоторые предложили дождаться там подкрепления. «Разве вы не слышите грохот пушек под нами?» – спросил Цвингли. «В Каппеле идет сражение; давайте поспешим на помощь нашим братьям». Отряд прибавил шаг.

Сражение между двумя армиями началось в час дня, стрельба продолжалась в течение двух часов, когда цюрихцы под «главным знаменем Цюриха» вступили в бой вместе со своими товарищами. Сначала казалось, что их присоединение к авангарду повернет ход битвы в их пользу. Артиллерия Цюриха, превосходно обслуживаемая и удачно расположенная, метко обстреливала армию пяти кантонов, расположившуюся на болоте внизу. Но, к несчастью, лес на левом фланге цюрихской армии оказался незанятым, и горцы, увидев это, забрались на гору и под прикрытием деревьев открыли смертельный огонь по противнику. После обстрела они выскочили из леса с копьями в руках и яростно атаковали цюрихцев. Они встретили такое же решительное и мужественное сопротивление. Мужчины Цюриха дрались как львы, они оттеснили врага. Битва грохотала по всему лесу подобно грому. Ярость и героизм с обеих сторон, бегство и преследование вооруженных людей, бряцание алебард и грохот, крики воинов и стоны умиравших, смешавшиеся в едином чудовищном реве, повторявшимся эхом отдавались в Альпах, пока, как казалось, не поколебались горы, и не пошатнулась земля. Наступая, цюрихцы попали в трясину. Увы! Они попали в западню. Враги вернулись и окружили их. В этот момент отряд под командованием Гельдли, предателя в глубине души, скрылся. Оставшиеся сражались отчаянно, но так как они сражались один к

восьми с людьми пяти кантонов. Их отвага ничего не могла сделать со столь превосходящим противником. «Вскоре они посыпались, - пишет Кристоффель – как зрелая пшеница осенью, под ударами жестокого врага, и, в конце концов, были вынуждены покинуть поле битвы, оставив на нем более пятисот человек, уснувших смертным сном или терзаемых агонией от смертельных ран». На этом роковом поле лежал цветок Цюриха, самый мудрый из его советников, самый настоящий христианин из всех горожан и самый талантливый из пасторов.

Одна смерть потрясает нас более, чем все остальные. Хотя Цвингли был на поле битвы, он не обнажал шпаги, он ограничивался обязанностями капеллана. Когда смертельный удар был нанесен из леса, и многие вокруг него пали, он наклонился, чтобы сказать несколько слов на ухо умиравшему человеку. Когда он так стоял, его ударили камнем по голове, и он упал. Немного придя в себя, он поднялся, но получил еще два удара. Когда он лежал на земле, вражеская пика нанесла ему смертельный удар, из раны стала течь кровь. «Что за беда, - сказал он - ведь они могут умертвить лишь тело, но не душу». Таковы были его последние слова.

Стало темно, появились звезды, ночь было холодной. Цвингли упал у грушевого дерева и лежал, распластавшись на земле. Руки были сжаты, взор был обращен к небу, губы шептали молитву. Примкнувшие к армии люди рыскали в поисках добычи по полю битвы. Двое из них подошли к месту, где лежал реформатор. «Хочешь, чтобы священник исповедовал тебя?» - спросили они. Он отрицательно покачал головой. «По крайней мере, – сказали они – призови в сердце Матерь Божию». Он выразил свое несогласие, еще раз покачав головой. Из любопытства, желая узнать, кем был этот упрямый еретик, один из них приподнял ему голову и повернул к одному из костров, разложенных на поле. От неожиданности он уронил его голову, воскликнув: «Это – Цвингли!» Случилось так, что Бокингер, офицер из Унтервальдена, один из наемников, против которых выступал Цвингли, оказался поблизости. Имя, произнесенное солдатом, коснулось его слуха. «Цвингли! – воскликнул он – Злобный еретик и предатель Цвингли!» Едва он произнес эти слова, как вынул шпагу и перерезал горло Цвингли. В результате этого удара Цвингли скончался.

Реформатор встретил смерть на поле битвы. Он отдал свою жизнь за дело реформации церкви и возрождения страны. Он был таким же мучеником, как если бы умер на костре.

Когда ужасная весть о смерти Цвингли дошла до Цюриха, город был охвачен ужасом. Новость как молния распространилась по реформатским кантонам и принесла оцепенение и печаль. Пал великий патриот Швейцарии. Когда Эколампадий в Базеле узнал, что реформатора больше нет, его сердце окаменело, и он умер через несколько недель. Новость была встречена с глубокой скорбью во всех реформатских странах. Все понимали, что угас великий светильник, пал один из самых выдающихся борцов армии веры в тот момент, когда римское войско сплачивало свои ряды и надвигалось ужасное наступление на истину.

Цюрих заключил перемирие с пятью кантонами, ставя условием только толерантность. В общих приходах реформатская вера подавлялась, престолы были восстановлены, месса возобновлена, монахи поползли назад в свои пустые кельи. Когда

Лютеру сообщили о смерти Цвингли и Эколампадия, он вспомнил о днях, проведенных с ними в Марбурге и был охвачен такой глубокой скорбью, что, выражаясь его собственными словами, «почти умер сам». Победа при Каппеле вызвала у Фердинанда Австрийского совсем другие чувства. «Наконец, - подумал он – течение повернулось». В Каппеле он видел первую из серии побед, одержанных мечом Рима. Он написал своему брату Карлу V, призывая его придти на помощь пяти кантонам, и начиная с Альп, проехать весь христианский мир во главе своего войска, очищая от ереси и восстанавливая авторитет старой веры.

Цвингли пал, но в той же стране должен был восстать еще более сильный человек.